

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА

сборник материалов VI международной научно-практической конференции
молодых ученых

ТОМ II

Санкт-Петербург
2010

Редакционная коллегия:

А.Г. Маклаков, доктор психологических наук, профессор

С.В. Чермянин, доктор медицинских наук, профессор

Е.А. Бойко, кандидат психологических наук

Е.Н. Яхудина, кандидат психологических наук

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина в шестой раз проводит ежегодную конференцию «Психология XXI века».

В сборнике материалов конференции представлены статьи, посвященные актуальным проблемам из самых различных отраслей психологической науки. Статьи представлены по 8 разделам, которые отражают научные интересы молодых ученых.

Статьи, представленные в сборнике, изложены в авторской редакции. Организационный комитет конференции и редколлегия сборника материалов конференции не стали вносить изменения в авторские тексты, оставляя за авторами право, самостоятельно излагать и отстаивать свою научную позицию. Позиция авторов может не совпадать с мнением редколлегии, однако конференция позволяет каждому участнику высказать свое мнение.

Организационный комитет надеется, что участие в конференции поможет каждому из участников в решении интересующих его научных проблем.

ISBN

© Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина
(ЛГУ им. А.С. Пушкина), 2010

От организаторов конференции

ТОМ I

РАЗДЕЛ I
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Д.С. Абдулаева Детерминанты детской агрессии	12
Ш.М. Абдулаев Взаимосвязь отношения к жестокости с индивидуально-психологическими характеристиками	15
М.С. Антипина Любовь и прощение в психологии и религии	17
В.А. Базаров Экзистенциальный вакуум как основная проблема психологии в XXI веке	19
М.В. Валеева Влияние специфики малых групп на особенности пространственно-временной организации психических состояний	21
А.А. Золотарева Методика дифференциальной диагностики перфекционизма	23
Е.Б. Полянская Трансовые состояния как предмет новейших исследований психологии сознания.	27
Ю.В. Ковалева Представление о способностях и одаренности в философской и психологической мысли	32
В.С. Кошкарров Память как психический познавательный процесс	36
А.В. Кудрина Реконструкция семантических пространств цвета в русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной культурах (на примере синего цвета)	38
Т.А. Липская К проблеме применения метафоры в диагностике школьных страхов детей младшего школьного возраста	43
К.В. Михайлова Представления старших подростков о речи	47
О.А. Романко Проблема вины и стыда в отечественной психологии	50
Е.А. Павочка Исследование феномена зависти	55
Д.О. Смирнов, Н.Л. Роголёва Психологические особенности восприятия рекламного продукта (на экспериментальном материале предъявления упаковок фруктового сока)	59
Н.Х. Тухтиева Иррелевантная информация как фактор перехода к прямым стратегиям решения задач Лачинса	66

РАЗДЕЛ 2
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Г.Ю. Авдиенко, Г.С. Лосева Экспериментальная модель Мотивации студентов к обучению в вузе.....	69
А.Г. Авдиенко Формирование профессиональных представлений студентов-психологов, как будущих специалистов	73
О.А. Богатырь Особенности профессионального самоопределения школьников старших классов	77
М.А. Виниченко Психологические особенности адаптации старшеклассника в образовательной среде профильного обучения	80
Т.В. Волкова Психологическая структура чтения успешных и неуспешных учащихся	84
С.Н. Гоглев Личностные особенности подростков, участвующих в школьном самоуправлении	89
Н.В. Головешкина, А.М. Рыбель Взаимосвязь личностных характеристик и успешности обучения детей старшего школьного возраста	92
А.В. Жемчужникова Внеучебная активность как способ становления профессионала	100
Л.Е. Захарова Формирование понятийного мышления у детей старшего дошкольного возраста как показателя интеллектуальной готовности к обучению в школе	104
С.Г. Ивашко, Л.В. Марищук Достижение акме студентами физкультурного вуза возможно и в учебной деятельности	109
Д.А. Капитанец Ситуативная тревожность как психическое состояние, детерминирующее успешность учебно-профессиональной деятельности студентов	115
А.А. Королева Экспертный анализ психологических характеристик учащегося как детерминант противодействия обучению	119
И.А. Куницына, Д.С. Чумичёва, Н.В. Куницын Особенности восприятия психологической атмосферы в учебной группе студентами-психологами	124
Л.В. Марищук, О.К. Войтко Профессиональная речь психолога в представлении студентов второго курса ...	128
Н.В. Мацакова К вопросу о целях формирования учебно-профессиональной мотивации будущего психолога	131
А.С. Новиков Изменение степени адекватности «образа я» студентов в ходе изучения психологических дисциплин	135
Т.Н. Осинина Виды реконструкции учебного материала при воспроизведении его школьниками	143
Е.А. Петрова Развитие и диагностика мнемических способностей учащихся в процессе обучения	146
В.Р. Петросянец Жизнестойкость и личностный адаптационный потенциал старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде	150

А.А. Сидорова Особенности изменения адаптационного потенциала личности у студентов факультета психологии в зависимости от выраженности компетентности в сфере межличностных отношений	156
Н.С. Ткаченко Самоорганизация учебно-профессиональной деятельности, как базовый компонент профессионального становления специалиста	159
А.С. Харитонова Проблема целеполагания в контексте современного научного знания	162
Т.И. Юхновец Коммуникативная компетентность как необходимый предмет рефлексии в развитии профессионального самосознания студентов – психологов.....	165
Т.И. Юхновец, Е.И. Анискевич Роль стереотипов в формировании профессионального самосознания студентов – психологов	168

РАЗДЕЛ 3 ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Е.Н. Александрова Музыкальная деятельность и ее роль в развитии дошкольников	172
О.В. Березина Роль иностранного языка в развитии ребенка дошкольного возраста	178
Е.А. Бойко, Ю.Г. Мамченко Тип функциональной асимметрии и особенности развития психических познавательных процессов у студентов-психологов первого и второго курса	183
Я.С. Бойченко Психологическая культура как условия развития мотивации к здоровьесбережению юношества	187
А.М. Бондарчук Особенности психоэмоциональных состояний у подростков с разным уровнем самоактуализации	192
Ж.Р. Гарданова, М.Ю. Норина Исследование ценностной сферы жизни женщин в период беременности	195
М.А. Золотова, М.В. Сапоровская Автобиографические воспоминания и их связь с представлениями о будущем	199
И.Ю. Кадацких Особенности этнокультурного я в структуре самосознания личности студентов ...	202
Е.Г. Каменева Устойчивость эмоциональной сферы детей сирот и детей из полной семьи дошкольного возраста	205
Е.Ю. Киселева Развитие индивидуально-психологических особенностей личности в подростковом возрасте	209
О.В. Клопова Личностные и интеллектуальные особенности подростков, воспитывающихся в неполных семьях различного типа	212
Е.А. Кудрицкая Возрастные особенности и формирование полиязыковой личности	217
Н.Ю. Кузнецова, А.А. Королева Специфика нравственной сферы дошкольников, проживающих в детском доме	222

М.О. Орап	
Теоретические предпосылки конструирования модели речевого развития детей младшего школьного возраста	226
Е.И. Романова	
Доверие в структуре эмоциональных переживаний беременных женщин	230
А.Р. Смирнова	
Проявление чувства вины и ответственности у несовершеннолетних	232
И.А. Тимирова	
Личностные особенности юношей, воспитывающихся в семьях различной конфигурации (с отцом и без отца)	236
М.Р. Шакирова, М.В. Сапоровская	
Особенности совладающего поведения в ситуации страха в зрелом возрасте	239

РАЗДЕЛ 4 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

О.А. Володина	
Адаптационные способности безработных	242
Е.В. Соколова	
Роль ранних воспоминаний-переживаний в формировании адаптивности личности	244
Н.В. Старинская	
Особенности адаптационного потенциала личности	249
Информация об авторах	255
Приложение	262

ТОМ II

РАЗДЕЛ 5 ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.С. Виноградова, Е.И. Погодина	
Психологические особенности личности серийных убийц	12
В.В. Корнилова	
О готовности родителей к доверительному общению с детьми	15
Г.Н. Кудряшова	
Некоторые психологические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) в совершении экономического преступления	19
Д.А. Кузнецова	
Определение качеств подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, с помощью метода фокус-групп	25
В.С. Любова	
Влияние семейных отношений на формирование личности ребенка	29
Л.В. Логинова	
Основные направления социально-психологической и криминологической профилактики сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних	32

М.С. Мартынова	36
Анализ этнопсихологических и межэтнических проблем коммуникаций у представителей разных этнических общностей	
Т.И. Морозова	
Особенности свойств личности людей с разным уровнем религиозной активности в зависимости от пола	39
Н.Э. Солянин	
Формирование этнической толерантности - важнейший аспект успешного взаимодействия человека и современного общества	44
П.В.Тарасова	
Эмпирический анализ транзакций в паре «психолог-клиент»: первые результаты и перспективы исследования	51
А.Р. Филлипов	
Субъективные признаки насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними членами смешанных организованных преступных групп	54
А.Н. Хлебосолова, В.А. Швец	
Психологические причины отказа от материнства	58
Е.Ю. Шебанец	
Психологические особенности субъектной позиции матерей, имеющих ребенка-инвалида (с диагнозом ДЦП)	64
Шитова Н.В.	
Вариант типологизации женского одиночества по критерию его субъективного восприятия	68

РАЗДЕЛ 6 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Е.Ю. Акимова	
Профессиональное становление государственных служащих: постановка проблемы исследования	74
С.В. Алехина	
«Готовность к риску» и «рациональность» как личностные регуляторы принятия решений баскетболистками	78
Ю.Н. Алпатьев	
Эмоциональный интеллект врачей-клиницистов хирургического и терапевтического профиля	82
А.А. Благинин, А.И. Сиверцева, С.Н. Синельников	
Динамика эмоциональных реакций операторов при действии интенсивного авиационного шума	87
Е.И. Бережкова	
Представление руководителей об эффективных сотрудниках	90
А.С. Бысюк	
Психологическое обеспечение профессиональной деятельности инженеров - метрологов	94
М.А. Глаголева	
Профессиональная и нравственная деформация сотрудников пенитенциарных учреждений	99
В.А. Губин, С.А. Петрук	
К проблеме инвариантных психологических особенностей успешных и не успешных курсантов в учебно – профессиональной деятельности	102

В.А. Губин, А.А. Филатов	
Проблема психологической совместимости при подборе и комплектовании воинских подразделений	109
В.В. Добромильский	
Копинг — поведение и жизнестойкость безработных взрослых с различной степенью выраженности уровня одиночества	111
П.В. Ефимова	
Индивидуально-психологические особенности безработных, ориентированных на организацию собственного дела	115
Н.В. Иванов	
Методика саморегуляции психических состояний футбольного арбитра в период подготовки к матчу	121
Д.С. Каськова	
Межличностное взаимодействие в системе «спортсмен – тренер»	127
М.В. Кормильцева	
Факторы карьерных изменений работников	130
Е.А. Крюкова	
Индивидуально-психологические особенности и карьерные ориентации безработных мужчин и женщин	139
А.В. Лесик	
Ценностный конфликт как основа профессиональной идентичности	142
Р.В. Лукьянов	
Психологические аспекты деятельности военнослужащих - операторов постов контроля окружающей обстановки – в условиях выполнения задач боевого дежурства	148
И.А. Лутченко	
Социально-психологические особенности конфликтного взаимодействия в сфере управления персоналом	151
Т.В. Недуруева	
Исследование влияния экстремальных условий деятельности на мотивационно-смысловой и поведенческий компоненты профессиональной идентичности личности	154
А.А. Пангина	
Клиентоориентированность организации: подходы к определению понятия	158
С.А. Петрук	
Психодиагностика профессионально – важных качеств специалиста у курсантов гуманитарного факультета военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова	162
В.А. Прокофьева, О.Д. Шнурова	
К проблеме эмоционального выгорания учителей-предметников	168
Н.В. Реутова	
Межличностные отношения судебных приставов в контексте реализации копинг-стратегий	172
Е.Е. Роговая	
Совершенствование системы подбора менеджеров для работы в отделе дистанционных продаж в сфере it –технологий	175
Т.Г. Фомина	
Психологические особенности общительности у педагогов с различным уровнем развития осознанной саморегуляции	178
И.Б. Шадрина	
Развитие профессиональной идентичности педагога как фактора формирования сплоченности педагогического коллектива	185

Р.Ф. Шарафутдинова	
Мотивация достижений успеха у спортсменов	189
Е.Н. Яхудина, В.В. Лукина	
Исследование организационной культуры дошкольного учреждения	193

РАЗДЕЛ 7 СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.О. Ахмеджанова	
Изучение агрессивного поведения младших школьников с ЗПР	201
Н.В. Капитоненко	
Экспериментальное изучение эмоциональной сферы старших дошкольников с нарушениями развития	205
С.В. Мурафа	
Продуктивность развития мнемических способностей младших школьников 7-12 лет с ЗПР	208
Н.Н. Шешукова	
Психологическое сопровождение личностного развития младших подростков с задержкой психического развития	213
Я.Д. Шутова	
К вопросу об исследованиях раннего детского аутизма в специальной психологии.....	217

РАЗДЕЛ 8 СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

М.В. Абрамова	
Семейные отношения и социальная адаптация девушек, больных шизофренией .	219
У.Ш. Ашуралиева, М.А. Гунашева	
Изучение мобильной зависимости	225
А.А. Бакин, Г.Н. Кудряшова	
Психопатологические факторы в структуре криминальной агрессии несовершеннолетних	227
Ж.Р. Гарданова, А.А. Меньшикова, К.С. Шibaева	
Отношение к беременности и особенности эмоционально-личностной сферы у женщин с онкологическими заболеваниями	233
Ж.Р. Гарданова, К.С. Шibaева, А.А. Меньшикова	
Особенности психологической защиты у мужчин с нарушением фертильности .	236
М.А. Гунашева, С.М. Шахшаева	
Изучение взаимосвязи психологических характеристик женщин с особенностями их гинекологического анамнеза	239
П.В. Копылова	
Особенности компонентов саморегуляции в феноменологическом поле зависимости	242
О.В. Ляпустина	
Индивидуально-психологические особенности подростков как фактор риска развития аддиктивного поведения	246
Е.Л. Окулова	
Особенности эмпатии подростков с девиантным поведением	253

М.Ю. Старцев	257
Особенности ценностной сферы личности подростков с астено-невротическим типом акцентуации характера	
В.В. Ткачев, Д.В. Костин	
Структура психиатрической заболеваемости лиц призывного возраста, проходящих освидетельствование в условиях стационара	261
Е.А. Трошина	
Личностные особенности младших школьников с хроническими заболеваниями носа и околоносовых пазух	265
Е.А. Трошина	
Личностные особенности младших школьников с бронхолёгочными заболеваниями	269
С.А. Федотова	
Психологические особенности больных с дисплазией соединительной ткани	272
В.Н. Хмелевская	
Особенности смысложизненных ориентаций старших школьников, склонных к аддиктивному поведению	277
А.В. Чернышева	
Особенности социальной идентичности у женщин с алкогольной зависимостью с позиции субъектности	281
Я.П. Чернушевич	
Особенности свойств личности в связи с ощущением психологического благополучия у людей с гастроэнтерологическими заболеваниями	285
Информация об авторах	288
Приложение	295

ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Глубокоуважаемые коллеги! Оргкомитет конференции «Психология XXI века» глубоко признателен всем, кто принял участие в работе конференции.

В 2010 году в работе конференции приняло участие более 130 человек из 4 стран, являющихся представителями 46 вузов, и 3 НИЦ. Сборник материалов конференции включает более 120 статей, по восьми научным направлениям.

Конференция «Психология XXI века», прежде всего, ориентирована на молодых ученых, поэтому среди авторов опубликованных статей примерно 30% - это преподаватели вузов, 30% - аспиранты и 30% - студенты. Одна из задач, которую решает данная конференция, состоит в предоставлении возможности молодым ученым высказать свое мнение по интересующей их научной проблеме, а также в предоставлении возможности широкого научного общения с представителями других вузов и научных психологических школ.

Кроме этого организаторы конференции считают необходимым предоставить возможность молодым исследователям получить оценку своего труда, что очень важно для осуществления дальнейших исследований по выбранной проблеме. Поэтому, каждый выступивший на конференции имеет возможность услышать оценку своего труда, как со стороны известных специалистов, так и молодых коллег. В связи с этим, оргкомитет приглашает к участию в конференции специалистов, имеющих значительный опыт организации и осуществления научно-исследовательской работы.

К сожалению, статьи некоторых авторов не прошли экспертизу. Среди основных причин отказа в опубликовании материалов молодых авторов следует назвать следующие: несоответствие представленных статей заявленным направлениям конференции; крайне некорректное использование и толкование научных терминов, принятых в отечественной психологии; одновременное отсутствие в представленных статьях результатов собственных эмпирических исследований и теоретического анализа имеющейся научной литературы; публицистический (ненаучный) характер статьи. В остальных случаях, даже в том, когда у экспертов были существенные претензии к содержанию представленных материалов и их мнение не совпадало с мнением автора, статьи принимались к опубликованию.

Оргкомитет выражает благодарность всем принявшим участие в работе конференции и надеется, что конференция была полезна и информативна, а также выражает уверенность, что в 2011 году молодые ученые получат возможность встретиться в очередной раз в Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина на VII Международной конференции молодых ученых «Психология XXI века»

Оргкомитет

РАЗДЕЛ 5 ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.С. Виноградова, Е.И. Погодина ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

В данной статье раскрываются психологические особенности личности серийных убийц. Дается определение такого феномена, как «маска нормальности». Приводится усредненный психологический портрет серийного убийцы.

Ключевые слова: серийные убийцы, психологический портрет, личность преступника.

Психологами и криминалистами выявлено, что в основе поведения серийного убийцы лежит комплекс мотивов (своеобразие намерений, стремление испытать наслаждение при виде страданий и унижений жертв и др.). Кроме того, точнее было бы сказать не о единстве мотивов поведения различных типов серийных убийц, а о сходстве мотивов поведения одного и того же преступника при совершении им серии преступлений, что и служит одним из важных критериев распознавания на практике того, что ряд убийств совершен одним и тем же лицом. Это и является одной из основных психологических особенностей личности серийного убийцы.

Под психологическими особенностями личности понимают относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы поведения.

При исследовании феномена серийных убийц (т.е. лиц, совершивших три и более отдельных, разделенных между собой периодами эмоционального покоя, убийств с особой жестокостью людей, подпадающих под сложившийся в сознании преступника образ жертвы) объективно возникает необходимость в ранжировании факторов, определяющих специфику психологического статуса представителя данной категории преступников. Среди них есть и временной промежуток на протяжении, которого действовал серийный убийца.

Что же помогло Чикатило, Головкину, Онуприенко, Холмсу, Банди и другим действовать годами, проливая реки крови? Без сомнения некоторые элементы расследования данных преступлений обусловили затруднение следователей и оперативных работников, но прямой вины работников правоохранительных органов в этом нет. Действительно, как можно заподозрить в убийствах человека, если он абсолютно всеми окружающими воспринимается положительно [1, 138-143].

Данный феномен получил название «маска нормальности» [2, 153]. В работе Х. Клекли под «маской нормальности» понимает способность психопатов казаться абсолютно нормальным, психически полноценным человеком. Семантический анализ данного термина определяет его как притворное (искусствен-

ное) поведение, направленное на соответствие принятым в обществе нормативам. Основной акцент данного определения сводится к наличию элемента осознанного волевого контроля над поведением со стороны носителя «маски нормальности». Без сомнения большинство серийных убийц характеризуется повышенным интеллектуальным потенциалом, что детерминирует в определенной степени наличие артистических способностей, однако данные характеристики не объясняют, как можно вести двойную жизнь достаточно долгое время. Другими словами «маска нормальности» не может быть объяснена осознанными ухищрениями по созданию преступником себе положительного имиджа, так как подобные попытки рано или поздно станут понятными окружающим людям [3,25-31].

Серийные убийцы - это чаще всего импульсивные люди с высокой тревожностью и сильной эмоциональной возбудимостью, которые в первую очередь концентрируются на собственных переживаниях, а в поведении руководствуются только своими интересами. У них отсутствует представление о ценности жизни другого человека, малейшее сопереживание. Они неустойчивы в своих социальных связях и отношениях, склонны к конфликтам с окружающими. От других преступников серийных убийц отличает эмоциональная неустойчивость, высокая реактивность поведения, исключительная субъективность (предвзятость) восприятия и оценки происходящего. Они внутренне неорганизованы, их высокая тревожность порождает такие черты, как подозрительность, мнительность, мстительность, которые в большинстве случаев сочетаются с беспокойством, напряженностью, раздражительностью.

Среда - ощущается серийными убийцами как враждебная. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, и эта оценка легко меняется под влиянием аффекта. Повышенная восприимчивость к элементам межличностного взаимодействия приводит к тому, что индивид легко раздражается при любых социальных контактах, ощущаемых как угроза для него [4, 3-19].

Такие люди обладают ригидными представлениями, которые с трудом поддаются изменению. Все затруднения и неприятности, с которыми они сталкиваются в жизни, рассматриваются ими как результат чьих-то враждебных действий. В своих неудачах они обвиняют других, чем снимают с себя бремя ответственности.

Наиболее чувствительны серийные убийцы к сфере личной чести, у них болезненное самолюбие в сочетании с завышенной (неадекватной) самооценкой. Постоянное аффективное переживание, что менее достойные имеют значительно больше благ, чем они, вызывает желание защитить свои права, и они могут разыгрывать роль «борцов за справедливость». Поэтому «справедливое» убийство они могут совершить не только при разбоях, когда как бы перераспределяются ценности, но и из мести или ревности, когда якобы отстаивается личная честь, и даже при учинении хулиганских действий.

Серийным убийцам свойственны эмоциональные нарушения, психологическая и социальная отчужденность, трудности в установлении контактов, замкнутость и необщительность. Указанные лица испытывают также трудности в усвоении нравственно-правовых норм. Чаще всего они совершают преступле-

ния в отношении того или иного человека или ситуации в связи с накопившимся аффектом, не видя при этом (или не желая видеть) другого способа разрешения конфликта.

Серийным убийцам свойственно наделять других людей (по механизму проекции) чертами, побуждениями, свойственными им самим, а именно: агрессивностью, враждебностью, мстительностью. Это приводит к тому, что окружающих они начинают воспринимать как враждебных и агрессивных. В силу этого, совершая акт насилия, серийный убийца считает, что он, таким образом, защищает свою жизнь, свою честь, а также интересы других людей. Таким образом, этих лиц отличает не только высокая восприимчивость в межличностных отношениях, но и их искаженная оценка. Насильственные действия с их стороны обычно происходят по принципу «короткого замыкания», когда даже незначительный повод тут же вызывает разрушительные акты [5, 213].

Усредненный психологический портрет серийного убийцы выглядит следующим образом: возраст 35 - 37 лет, ранее один-два раза судимый, в том числе за насильственное преступление, склонность, к злоупотреблению алкоголем, к импульсивным проявлениям агрессивности и конфликтности, осужден за умышленное убийство, часто с особой жестокостью. По характеру замкнут, аутичен, пессимистичен, испытывает трудности в общении и адаптации, чувство вины завышено, чувствителен, раздражителен, склонен к аффективным реакциям, мнителен, тревожен, замкнут на чувственном восприятии реальности, с пониженным, часто подавленным фоном настроения. Общая агрессивность в целом снижена, но с врожденной склонностью к словесной агрессии, уровень эротизма завышен, уровень интеллекта ниже среднего, мыслительная деятельность снижена, логическое мышление часто блокируется аффективными переживаниями. Обнаруживается робость, неуверенность в себе, заниженная самооценка сочетается с переоценкой личных страданий с целью избежать или уменьшить ответственность за содеянное.

Склонен пренебрегать нравственно-правовыми нормами, ориентирован в первую очередь на получение личной выгоды. Внутренне недисциплинирован, поведение часто мотивируется случайными влечениями, индивидуалист, пренебрегает коллективными интересами. Уровень самоконтроля снижен, стремится приспособиться к условиям особо строгого лишения свободы. Необходимость постоянного сдерживания и самоконтроля часто вызывает тревожные, невротические реакции.

Психологическое исследование, проведенное штатным психологом колонии В.В. Поповым, показало, что почти для всех осужденных характерно наличие тяжелых психотравм, вызванных совершенным преступлением, арестом, вынесением смертного приговора, ожиданием того, будет расстрел приведен в исполнение или нет; длительным, в отдельных случаях даже до пяти лет, нахождением в камере смертников. Наиболее тяжелые переживания у серийных убийц, отбывающих пожизненное наказание, вызывают следующие обстоятельства:

- чувство вины перед потерпевшими и их родными - 32,8%;
- чувство вины перед собой и своими родными - 37,2%;

- отсутствие общения с родственниками, разрыв отношений с ними - 56,3%;
- утрата свободы - 46,9%;
- переживание личной несостоятельности, невозможности что-либо изменить в своем положении - 42,2%;
- ограничение общения с другими осужденными - 17,2%;
- отсутствие перспектив освобождения - 59,4%;
- изменение привычного образа жизни, однообразие жизни в колонии - 43,8% [6, 28-38].

По итогам контент-анализа можно сделать следующее заключение:

Серийные убийцы обладают определенными чертами личности, среди которых наиболее явно выделяются: отчуждение от социума, замкнутость, лабильность, эмоциональная депривация, плохая приспособленность к социуму, агрессивность, низкая способность к адаптации, ригидность мышления, некая заторможенность поведенческих реакций. Серийные преступники также гиперчувствительны к межличностным взаимодействиям.

Психологические особенности серийных преступников можно рассматривать как предрасположенность к совершению преступления, то есть как свойства личности, понижающие криминогенный порог.

Список литературы:

1. Бажин Е.Ф., Крылова Г.А. О терминологическом разнообразии обозначений эмоционально-окрашенной речи // Восприятие языкового значения: Межвуз. сб. / Отв. ред. А.П. Журавлев. – Калининград: КГУ, 1980
2. Шехтер Х., Эверит Д. Энциклопедия серийных убийц. М., 1998.
3. Баяхчева Г.П., Саблина Л.С. Автобиографический метод дифференциации умственно отсталых и педагогически запущенных несовершеннолетних осужденных // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.М. Антонян. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988.
4. Баяхчева Г.П., Саблина Л.С. Автобиографический метод дифференциации умственно отсталых и педагогически запущенных несовершеннолетних осужденных // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.М. Антонян. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988/
5. Кулаков С.А. На приеме у психолога - подросток: Пособие для практ. психол. - СПб., 2001.
6. Квашиш В.Е., Цагикян С.Ш. Личность взяточников и некоторые особенности их преступной деятельности (по материалам Армянской ССР) // Личность преступника и индивидуальное воздействие на них: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1989.

В.В. Корнилова

О ГОТОВНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ К ДОВЕРИТЕЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ С ДЕТЬМИ

В статье рассматриваются психологические особенности готовности родителей к доверительному общению с детьми. Акцент направлен, прежде всего, на атмосферу общения в семье. Анализируются взгляды отечественных и зарубежных ученых, касающиеся феномена

доверия. Раскрыта сущность доверительного общения, основные аспекты, характеристики, компоненты. Обосновывается важность задачи формирования и развития готовности родителей к доверительному общению с детьми. Автор обращает внимание на проблему депривации общения в широкой социальной среде.

Ключевые слова: ребенок, общение, семья, доверие, родители, психологическая близость, отношения, близкий взрослый, развитие, депривация.

Постановка проблемы. Известно, что ребенок как личность существует и развивается в общении с другими, в первую очередь близкими ему людьми. С этой позиции развитие личности предстает как развитие общения. Для маленького ребенка весь мир сконцентрирован в близком взрослом. Сквозь призму общения с ним он воспринимает все на свете. Чтобы мир предстал ему таким, каков он есть, общение должно быть полноценным, универсальным, качеством универсальности обладает только общение, которое ребенок имеет в семье. Именно по этому качеству общения можно судить о полноценности семьи, а вовсе не по количеству ее членов, как это обычно делается [1, с. 66].

Ранние формы общения во многом определяют дальнейшее их развитие и влияют на личность человека, на его отношения к окружающим людям, к себе, к миру. Если у ребенка недостаточно сформирована способность к общению в детстве, то в дальнейшем у него могут возникнуть межличностные и внутриличностные конфликты, которые у взрослого человека разрешить (произвести их коррекцию) очень сложно, а иногда и невозможно [2, с. 3].

Сейчас психологи все чаще говорят о депривации общения в широкой социальной среде. Депривация – неудовлетворение потребности ребенка в общении – может иметь место и при интенсивной коммуникации. Дело здесь не в количестве, а в качестве общения.

Общение – процесс, отражающий направленное участие одного человека в жизни другого, сопровождаемое потребностью в совместной деятельности и в уважении участников друг к другу. Это не противоречит связке данного понятия с эпитетом «доверительное». Мы рассматриваем доверительное общение через призму детско-родительских и внутрисемейных отношений.

С одной стороны, в каждом акте общения всегда присутствует определенная мера доверия, без которой нормальное общение вообще невозможно, ибо оно становится лишь транслированием содержания какого-либо текста, а с другой – доверие выступает как исходное условие нормальных межличностных взаимоотношений, без которого отношения становятся контрсуггестивными или конфронтационными, то есть связь между людьми оказывается возможной в условиях доверия [3, с. 23].

Основная цель нашего исследования – раскрытие особенностей готовности родителей к доверительному общению с детьми, описание динамики развития, признаков, компонентов, характеристик.

Анализ последних исследований и публикаций. Психологическая близость как сущностная основа доверительного общения выделена И.С. Коном, указывающим также и на «субъективную легкость общения» или «сходство установок» контактеров: сверстников, родителей. Но в значительно большей мере это

свидетельствует о биологической сущности доверительного общения, ибо отсутствие его может повлечь за собой нежелательные физиологические изменения у партнеров [5, с. 86].

Таким образом, можно говорить, что взаимное доверие субъектов друг к другу предполагает такое отношение, которое строится на взаимопроникновении взаимодействующих людей в смыслы друг друга и служит условием порождения новых смыслов – именно поэтому, выражаясь словами М.М. Бахтина, такое взаимопроникновение «творчески продуктивно» [3, с. 23].

Представители гуманистического направления (К. Роджерс, А. Маслоу) психологическое здоровье и зрелость индивида определяли способностью опираться на самого себя, что всецело характеризуется доверием к себе.

Однако доверие к себе обязательно сопряжено с доверием к миру. Э. Эриксон выделил доверие человека к миру как базовую установку личности, которая формируется на самом раннем этапе развития человека и окрашивает его дальнейшее становление. Этой стадии развития Э. Эриксон придавал большое значение, называл «краеугольным камнем жизнеспособности личности». Человек живет в мире, но никогда с ним не сливается. Он придает значимость окружающим объектам, наделяя их смыслом, то есть отдает часть себя миру, наделяя его объекты собой. Только такой мир, с которым он связан в единую систему, может вызывать доверие. Н. Бердяев, рассматривая взаимодействие человека с миром, писал, что человек воспринимает мир двумя способами: трансцендентно (когда объекты мира предстают трансцендентно далекими и враждебными) и имманентно (когда объекты мира имманентны человеку). Когда человек доверяет миру, он уверен в своей безопасности, то он не боится вступать с ним во взаимодействие. Таким образом, доверие соединяет человека и мир в единую систему, в единую онтологию.

Философ экзистенциалист С. Кьеркегор говорит, что, решившись на выбор, который помогает человеку стать самим собой, открывается и смысл его жизни. Переведем это в сферу социальных отношений. Делая выбор в пользу доверия, и тем самым лично сохранив себя, человек познает всю глубину человеческих взаимоотношений, через которые он также еще глубже познает самого себя. Тогда как, отказываясь от доверия, человек отказывается от многогранности социального взаимодействия [4, с. 253].

Основной материал и результаты исследования. Очень важно для развития будущей личности ребенка, чтобы в семье существовало уважение, взаимопонимание, сопереживание, взаимопомощь, поддержка и доверие.

Сущность доверительного общения заключается в наличии таких взаимосвязанных признаков (аспектов или характеристик), как:

- социальный, т.е. наличие в актах доверительного общения определенного расстояния между партнерами, выражаемого в социальных ролях или социальном статусе взрослого и ребенка;
- психологический – присутствие в доверительном общении особой эмоциональной или психологической близости партнеров, регулирующей образование между ними симпатии и комфорта;

– биологический, характеризующийся присутствием в доверительном общении непосредственной связи с физиологией человека, его здоровьем, благополучным или нормальным состоянием в момент и по завершении общения; предполагает перемену состояний человека к лучшему;

– культурологический, отражающий в актах доверительного общения существование исторически отработанных высоких духовных достижений;

– педагогический или представляющий доверительное общение в педагогических актах как показатель педагогического такта, гуманной установки педагога, конгруэнтного и эмпатического общения, безусловной любви к воспитаннику и веры в возможность его развития.

Готовность родителей к доверительному общению в семье – это динамично развивающееся качество, проявляющееся на субъективном уровне общения с детьми в виде системы, которая интегрирует в себе когнитивный, мотивационно-ценностный, содержательно-процессуальный и эмоционально-нравственный компоненты, обеспечивая адекватное отображение образа ребенка и способствуя выстраиванию бесконфликтных доверительных отношений во взаимодействии с ним [5, с. 87].

Доверительное общение как психологическая категория отражает, кроме того, педагогический аспект, так как:

– не создается стихийно, а целенаправленно формируется в рамках профессионального педагогического процесса;

– отражает своеобразие доверительного стиля педагогического общения и служит показателем педагогического такта;

– в процессе построения доверительного общения происходит развитие личностных и коммуникативных качеств человека.

Выводы. Проблема доверия является весьма актуальной для современного социума. Ведь именно оно создает почву для самораскрытия личности [4, с. 254].

Родителями создается определенная атмосфера общения в семье, где с первых дней жизни малыша происходит становление его личности. Контакты со взрослыми решающим образом определяют направление и темпы развития ребенка. Именно в процессе доверительного общения он получает разнообразную и необходимую информацию.

В детско-родительских отношениях потеря авторитета родителями связана с потерей доверительности в отношениях, что приводит к утрате внутренней связи во взаимоотношениях родителей со своими детьми [3, с. 28].

Создание и широкое использование различных форм педагогической работы для повышения психологической грамотности родителей требуют особого внимания к работе с семьей и прежде всего формирования готовности родителей к доверительному общению с детьми [5, с. 87].

Список литературы:

1. Кравцов Г. Личность формируется в семье // Дошкольное воспитание. – 1991. – № 2. – С. 66-70.
2. Панфилова М.А. Игротерапия общения: Тесты и коррекционные игры. Практиче-

ское пособие для психологов, педагогов и родителей. – М.: «Издательство ГНОМиД», 2005. – 160 с.

3. Скрипкина Т.П. Взаимодействие как основание межличностных взаимодействий // Вопросы психологии. – 1999. – № 5. – С. 21-30.

4. Уколова Ю.С. Доверие к себе и доверие к миру как факторы гармоничного развития личности // Смысловий простір та розвиток особистості: матеріали Всеукраїнської наукової конференції (15-16 травня 2009 р.). – Донецьк: ДПіП, 2009. – С. 252-254.

5. Чигинцева Е.Г. Доверительное общение в семье, имеющей ребенка с речевыми нарушениями // Логопед. – 2009. – № 6. – С. 85-90.

Г.Н. Кудряшова

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В СОВЕРШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Автор статьи анализирует актуальные вопросы, связанные с тактикой допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении экономических преступлений. Акцент делается на особенностях установления психологического контакта следователя и подозреваемого (обвиняемого), остаточно детально рассматриваются криминалистические правила техники допроса.

Ключевые слова: допрос, подозреваемый, обвиняемый, экономическое преступление, криминалистическая тактика, следственные действия.

Оперативная обстановка в Российской Федерации характеризуется ростом преступлений, связанных с экономической деятельностью. Качественное изменение экономической преступности, увеличение числа тяжких преступлений, совершенных с особым цинизмом и жестокостью, активизация дельцов «теневой экономики», лидеров уголовного мира и организованной преступности - все это существенно усложняет деятельность правоохранительных органов и обуславливает повышенные требования к ним.

«Преступления в сфере экономической деятельности» - самая большая глава в новом Уголовном кодексе. Это разные преступления, отличающиеся друг от друга признаками объективной стороны, характером общественной опасности и степенью тяжести. По сложившейся правовой традиции в российском уголовном праве признаком, объединяющим составы преступлений в соответствующей главе Особенной части УК, является общность родового (видового) объекта. Как полагают современные исследователи, родовым объектом являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых помещены в единый раздел Уголовного кодекса. Видовым объектом являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых располагаются в пределах одной главы.[1]

По мнению ведущих отечественных ученых, преступления в сфере экономической деятельности характеризуются высокой социальной опасностью, которая проявляется: 1) в их чрезвычайной распространенности; 2) вредоносно-

сти (ущерб практически не поддается исчислению); 3) латентности; 4) в их коррупционной направленности; 5) в тесном переплетении с рецидивной, профессиональной, организованной и международной преступностью.[2]

Реальное решение вопросов, связанных с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений зависит не только от оперативности и профессионализма действий, технического оснащения ОВД, следствия и суда, взаимодействия следствия и органов дознания, но и от компетентности конкретных должностных лиц в вопросах криминалистической тактики.

Н.П. Яблоков акцентирует внимание научно-практических работников на том, что основная часть криминалистической тактики состоит в наиболее эффективной организации криминалистической деятельности в соответствии с целями всего расследования и на основе наиболее рационального построения системы взаимоотношений участников процесса.[3]

Самым распространенным следственным действием является допрос, сущность которого заключается в получении конкретных показаний об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию по делу. «При всей своей кажущейся простоте - это трудоемкое, сложное, многоплановое следственное действие, требующее от следователя высокой профессиональной подготовки и мастерства. Для эффективного его проведения следователю необходимо хорошо разбираться в психологии допрашиваемых, уметь устанавливать с ними правильные взаимоотношения, варьировать с учетом конкретной ситуации, иметь практические навыки использования современных тактических приемов и методов психологического воздействия». [4]

Важнейшим условием успешности проведения допроса является его тщательная подготовка, которая предусматривает следующие направления:

- 1) тщательный анализ материалов уголовного дела, в том числе ознакомление с изъятymi документами и различными вещественными доказательствами;
- 2) ознакомление с результатами оперативно-розыскной деятельности;
- 3) ознакомление с законодательством и иными правовыми актами, регулирующими экономическую деятельность;
- 4) ознакомление с диспозицией соответствующих норм Особенной части УК РФ, признаки которых имеются в действиях обвиняемого, включая все конкурирующие нормы;
- 5) тщательное ознакомление с данными, характеризующими личность допрашиваемого, включая результаты допросов других граждан, свидетелей, близких и т.д., характеристики с места работы, учебы, справки о персональных данных, послужной список, материалы личных дел с мест работы.

Анализ конкретных уголовных дел позволяет заключить, что среди экономических преступников доминируют мужчины (более 80%), находящиеся в возрастной группе от 29 до 45 лет. Отличительное свойство граждан, отнесенных к данной категории, - высокий интеллектуальный и образовательный уровень. Около 85% лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение экономических преступлений, состояли в браке, имели детей, положительно характеризовались по месту работы.

И.А. Возгрин, рассматривая основы тактики проведения допроса, подчеркивает, что все методы, используемые следователем должны находиться в рамках закона, регулирующего его проведение и определяться в зависимости от процессуального положения допрашиваемого, свойств его личности, характера показаний и т.д. С учетом этих обстоятельств следователь применяет те или иные тактические приемы, которые различаются в зависимости от стадии допроса, от объема имеющихся доказательств по делу и характера ситуации, которую носит допрос. Вместе с тем имеется ряд рекомендаций, которые носят общий характер и должны соблюдаться при проведении любого допроса. К ним, считает ученый, относятся: активность, целеустремленность, объективность и полнота допроса. [5]

На формирование показаний виновных оказывает влияние их социальный статус, социальная роль, профессиональные, национально-культурные и возрастные факторы, жизненный опыт и общекультурный уровень. Несмотря на то, что исходной базой психического отражения является объективная действительность, перечисленные категории воздействуют также на процесс восприятия и обмена информации, на качество показаний, на отношение виновного к совершенному преступлению. [6]

Ситуации, возникающие при допросе, делятся на бесконфликтные и конфликтные. В зависимости от конкретных обстоятельств ситуации следователь продумывает и выбирает те тактические приемы, которые позволят в оптимально приемлемой обстановке получить новые доказательства виновности лица в совершенном преступлении. Кроме обычных положений на тактику получения полных и правдивых показаний обвиняемых и подозреваемых в совершении экономических преступлений оказывают влияние и дополнительные факторы (что обуславливает применение ряда особых тактических приемов). В отличие от свидетелей, подозреваемые и обвиняемые воспринимают и воспроизводят в показаниях в основном свои действия, которые часто умышленно (а иногда на уровне подсознания) искажаются, преподносятся в выгодном свете либо и вовсе отрицаются. Как правило, совершенное преступление виновным лицом мотивируется на следствии только с положительной стороны и с ожидаемым от следователя пониманием и даже сочувствием. Следует также помнить, что при воспроизведении своих действий обвиняемый нередко допрашивается по фактам и обстоятельствам, уличающим других подозреваемых или обвиняемых по делу. [7]

Допрос лица в качестве подозреваемого начинается с информирования его о факте возбуждения уголовного дела и с предоставления ему копии постановления об этом. После чего лицу объявляется, в чем оно подозревается (ст. 46 УПК РФ). Тактика допроса в данном случае в основном исходит от того, насколько подозреваемому известны обстоятельства расследуемого уголовного дела и отношение к нему органов предварительного следствия в лице следователя. Эти объективные моменты накладываются на субъективные качества характера личностного лица в виде трусости или безразличия, чести или полной безнравственности, алчности или равнодушия к материальным благам и т.д.

В целом ситуация первого допроса подозреваемого в любом случае вводит

человека в стрессовое состояние. Однако, кроме внутренних переживаний и чувства подавленности или агрессивности, подозреваемый как лицо из должностной среды, прослужившее определенное время в системе государственных или муниципальных органов и в своей служебной деятельности неоднократно попадавшее в сложные перипетии с умением находить из них выход, первым делом попытается найти выход и из создавшихся условий. [8]

А.Н. Халиков абсолютно правильно указывает, что конкретные обстоятельства сложившегося положения (следственной ситуации) влекут последующее ее развитие. При этом возможны следующие действия подозреваемого (обвиняемого) на допросе:

1) построение собственной версии обстоятельств дела (преступления), которыми могут быть полная ложь, искажение правды или искренние признания, но с собственной оправдывающей мотивировкой;

2) расширительное толкование или интерпретация законодательных и подзаконных норм, регламентирующих должностное положение подозреваемого, ведущего к оправданию или, в крайнем случае, к смягчению совершенных им криминальных проступков;

3) отказ от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ. [9]

В конфликтных ситуациях, которые нередко возникают при допросе подозреваемых и обвиняемых, целесообразны такие тактические приемы, как стимулирование положительных качеств допрашиваемого; предъявление доказательств в различной последовательности; формирование убеждения у допрашиваемого о наличии у следователя доказательств, изобличающих допрашиваемого во лжи; оставление его в неведении об объеме доказательств; подробный допрос с последующим анализом показаний с целью выявления в них противоречий и т.п.

При расследовании преступлений встречаются различные виды ложных показаний, среди которых слушатели должны назвать: а) ложь, целиком состоящая из вымысла; б) заперательство (утверждение типа «я ничего не знаю»); в) частичная ложь. Слушатель, освещающий этот вопрос, должен четко представить мотивы дачи ложных показаний допрашиваемыми.

Существует много приемов изобличения допрашиваемого во лжи. Условно их можно разделить на две группы: а) приемы эмоционального воздействия б) приемы логического воздействия. Тактические приемы допроса применяются обычно в сочетании друг с другом, поэтому можно говорить о применении тактических комбинаций при производстве данного следственного действия.

М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов, освещая психологические основы следственных действий, смогли убедительно доказать, что при этом крайне важно проявлять тактичность, ненавязчивость, синтонность, избегать возникновения отчужденности, замкнутости. Предлагая допрашиваемому эмоционально значимую для него тему, следователь анализирует его ценностную ориентацию, эмоциональную устойчивость или неустойчивость, распознает его мимическую «маску», приемы поведенческой адаптации. Не следует при этом поощрять ни чрезмерную свободу поведения, граничащую с развязностью, ни состояния робости, застенчивости, страха, забитости и т. д. Состояние психиче-

ской напряженности сковывает общение и может вызвать повышенную конформность, внушаемость. Для предварительной оценки личности допрашиваемого некоторое значение имеют его внешний вид, одежда, прическа, манера поведения, а также некоторые признаки принадлежности к преступному миру - блатной жаргон, наличие татуировок с преступной символикой. В отдельных случаях это может послужить поводом для начала разговора (но без критических оценок). При выяснении данных о судимости не следует чрезмерно акцентировать внимание на этих обстоятельствах, выяснять подробности. Это может отрицательно повлиять на контактное взаимодействие. Одной из задач следователя являются распознавание и преодоление психологических барьеров, препятствующих оптимизации допроса. [10]

Важный аспект проблемы касается расследования групповых преступлений, которые чрезвычайно распространены в экономической сфере. В ситуации, когда члены преступной группы задержаны, именно допросы подозреваемых приобретают важное значение для установления всех соучастников. Эффективность допроса зачастую бывает обусловлена тем, кто из задержанных допрашивается первым. Определяя последовательность допросов подозреваемых, надо учитывать:

1) личность подозреваемых, их психические свойства, наличие преступного опыта, судимости, практики общения с работниками правоохранительных органов (первым нужно допросить того подозреваемого, от которого скорее можно ожидать правдивых показаний);

2) наличие доказательств участия подозреваемого в совершении группового преступления: чем очевиднее доказательства вины допрашиваемого, тем больше оснований ожидать от него правдивых показаний;

3) роль подозреваемого в совершении преступного деяния (возможный организатор или второстепенный его участник), поскольку, как правило, быстрее дают правдивые показания второстепенные соучастники преступления;

4) данные о том, что один из подозреваемых занимает в преступной группе положение «оппозиционера» (эти лица обычно противопоставляют себя лидеру группы и другим ее активным членам, а потому более склонны давать правдивые показания о преступной деятельности группы). [11]

На заключительном этапе допроса применяются тактические приемы, состоящие в постановке контрольных и уточняющих вопросов; в предложении более точно сформулировать мысль, подлежащую занесению в протокол; предоставлении возможности самому допрашиваемому записать свои показания, лично прочитать протокол допроса, подписать каждую его страницу и т.д.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует отметить, что тактика допроса является чрезвычайно важным разделом в теории и практике расследования экономических преступлений, потому что именно в данной сфере отражается весь тактический потенциал криминалиста и его профессиональные достоинства. Допрос подозреваемых (обвиняемых) имеет подробную и проработанную многими годами практику, процессуальную регламентацию, которая предполагает тактические параметры: время, место, последовательность действий криминалиста, объем полномочий должностных лиц, производящих допрос;

права и обязанности свидетеля и потерпевшего в процессах производства допроса.

Успех применения тактических приемов при допросе трудно прогнозировать заранее, поскольку это зависит от многих факторов, в том числе и от особенностей личности допрашиваемого, его интеллектуального, эмоционального и культурного уровней, его жизненного опыта. Поэтому следователь должен постоянно совершенствовать свой тактический потенциал, изучать разрабатываемые наукой и передовой следственной практикой приемы проведения допроса. Допрос - это одна из вершин следственного мастерства. Закон ориентирует следователя на поиск истины, однако для этого ему необходимы, помимо узко профессиональных знаний, развитый интеллект, знание психологии, выдержка, воля, наблюдательность, а также высокая нравственность и человеколюбие.

Список литературы:

1. Волженкин Б.В. Экономические преступления. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 1999. - С. 52; Уголовный кодекс Российской Федерации. - М.: Проспект, 2010. - С. 73-92; Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций. - СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. - С. 206-214.
2. Преступность, криминология, криминологическая защита / Под ред. А.И. Долговой. - М.: Рос. криминолог. ассоц., 2007. - С. 336-346; Уголовное право России: Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. - М.: Эксмо, 2010. - С. 184-185.
3. Криминалистика: Учебник для вузов / От вред. Н.П. Яблоков. - М., 1996. - С. 362-363.
4. Там же. С. 445.
5. Возгрин И.А. Курс криминалистики (основы методики преподавания). - СПб., 1998. - С. 133.
6. Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология допроса. - М., 1994. - С. 7; Ратинов А.Р., Ефимова Н. И. Психология допроса обвиняемого. - М., 1988. - С. 99; Соловьев А.Б., Центров Е.Е. Допрос на предварительном следствии. - М., 1986. - С. 62-64; Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. - М., 2003. - С. 382-386.
7. Карнеева Л.М., Ордынский С.С., Розенбит С.Я. Тактика допроса на предварительном следствии. - М., 1958. - С. 100-102; Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: Учеб. пособие. - М., 1998. - С. 126-128.
8. Тельцов А.П. Криминалистическая диагностика. Методологические подходы. - СПб., 2000. - С. 120-130; Халиков А.Н. Следственные действия по делам о должностных преступлениях: система, характеристика, тактика. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. - С. 222-223.
9. Халиков А.Н. Указ. соч. С. 223.
10. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: Психология, тактика, технология: Учеб. пособие. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. - С. 102-104.
11. Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. - М.: Дело, 2001. - С. 792-800; Криминалистика: Учебник / Под ред. проф. А.Г. Филиппова и проф. А.Ф. Волынского. - М.: Изд-во «Спарк», 1998. - С. 516-518.

Д.А. Кузнецова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ФОКУС-ГРУПП

Выдвинуто предположение, что социально-психологические качества подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, отличаются от их сверстников. Статья содержит описание исследования социально-психологических качеств подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, с помощью метода фокус-групп.

Ключевые слова: адаптация, социально-психологические качества, подростки, трудная жизненная ситуация, метод фокус-групп

Изменения социально-экономической ситуации в России, произошедшие за последние десятилетия, привели к негативным последствиям в различных сферах жизни, которые отразились на адаптации в обществе детей и подростков. Негативной тенденцией в жизни общества является кризис института семьи, следствием чего является неуклонный рост количества социальных сирот, рост детской безнадзорности и беспризорности, преступности. Анализ данных, раскрывающих негативные последствия проблем семьи, экономики и социальной сферы свидетельствует, что кризисные явления в социальной сфере продолжают усугубляться.

В России сейчас функционирует большое количество специализированных учреждений для несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, постоянно растет число подростков, попадающих в государственные учреждения.

Нами было выдвинуто предположение, что подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, обладают специфическими качествами, определяющими их социально-психологическую адаптацию.

Для проверки данной гипотезы был проведен анализ психологической литературы и исследование качеств подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации с помощью метода фокус-групп.

При общей неразработанности проблемы качеств личности достаточно трудно обозначить круг ее социально-психологических качеств. Не случайно в литературе имеются разные суждения по этому вопросу.

При определении перечня качеств, часто предметом анализа являются все качества, изучаемые при помощи личностных тестов (прежде всего тестов Г. Айзенка и Р. Кеттелла). В других случаях к социально-психологическим качествам личности относятся все индивидуальные психологические особенности человека, фиксируется специфика протекания отдельных психических процессов (мышление, память, воля и т.п.). Во многих зарубежных исследованиях при описании методик для выявления качеств личности употребляется термин «прилагательные» (не наименование качеств, а «прилагательные», их описывающие), где в одном ряду перечисляются такие, характеристики, как «умный», «трудолюбивый», «добрый», «подозрительный» и т.п.

Хотя проблема находится на самых начальных этапах ее разработки, можно установить согласие в одном пункте: социально-психологические качества личности – это качества, которые формируются в совместной деятельности с другими людьми, а также в общении с ними [1; с. 301].

Ряд исследователей (М.К. Бардышевская, И.В. Дубровина, Э.А. Минакова) отмечают, что общее физическое и психическое развитие детей, оказавшихся без попечения родителей, отличается от сверстников, растущих в семьях. Темп психического развития замедлен, имеется ряд негативных особенностей: ниже уровень интеллектуального развития, беднее эмоциональная сфера, воображение, позднее формируются навыки саморегуляции и управления своим поведением, затруднено понимание требований взрослых, проявляются инфантильность, неумение строить отношения с другими, иллюзии простоты жизни, неуверенность в себе, неверие взрослым, обидчивость на весь мир и т.д. [6, с. 109].

Воздействие неблагоприятных, а часто нечеловеческих условий жизни детей в семьях достаточно длительное время вызывают негативные психические, физические и другие изменения в организме ребенка, приводящие к тяжелым последствиям.

У детей возникают значительные отклонения как в поведении, так и в личностном развитии. Им присуща одна характерная черта – нарушение социализации в широком смысле слова: отсутствие навыков гигиены, неумение вести себя за столом, неспособность адаптироваться к незнакомой среде, к новым обстоятельствам, гиперсексуальность, нарушения половой ориентации, воровство, лживость, утрата интереса к труду, лень, отсутствие ценностных ориентаций, отсутствие норм морали и нравственности, принятых в обществе, бездуховность, утрата интереса к знаниям, дурные привычки (употребление алкоголя, наркотиков, курение, токсикомания, нецензурная брань и т.д.) [5, с. 60].

У детей, испытавших жестокое обращение со стороны членов своей семьи, возникает устойчивое чувство подавленности, вызванное сознанием, что они нежеланны и недостойны любви. Последствия семейной жестокости многообразны, имеют психологический и поведенческий характер: агрессивность, тревожность, обеспокоенность, депрессия, низкое самоуважение, криминальное, сексуальное поведение [3, с. 131].

Среди детей-дезадаптантов в интернатных учреждениях преобладают учащиеся с отклонениями в поведении, трудностями в обучении, общении. Чаще всего школьная дезадаптация возникает вследствие длительного воздействия на ребенка травмирующих ситуаций, нарушении межличностных отношений со взрослыми и сверстниками, что формирует у него внутреннюю напряженность, тревожность, агрессивность, конфликтность, ощущение неполноценности, ненужности, отверженности.

Большое число детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, имеет сенсорное недоразвитие, задержку психического развития и интеллектуальную недостаточность, что усугубляет проблему школьной дезадаптации и выражается в целом ряде специфических факторов, наиболее выраженных в особенностях эмоционально-личностной сферы [2, с.56].

В исследованиях отечественных и западных психологов дается сравнительная характеристика детей, оставшихся без попечения родителей. И.В.Дубровина, Э.А.Минакова, М.К.Бардышевская и другие исследователи показали, что общее физическое, психическое развитие детей, воспитывающихся без попечения родителей, отличается от развития сверстников, растущих в семьях. У них отмечаются замедленный темп психического развития, ряд негативных особенностей: низкий уровень интеллектуального развития, бедная эмоциональная сфера и воображение, позднее формирование навыков саморегуляции и правильного поведения.

Дети, воспитывающиеся в учреждениях социальной и психолого-педагогической поддержки детства, характеризуются резко выраженной дезадаптацией, которая усиливается такими психотравмирующими факторами, как изъятие ребенка из семьи и помещение его в разного рода учреждения (больница, приемник-распределитель, приют временного пребывания, санаторий и т.д.).

Поведение этих детей характеризуется раздражительностью, вспышками гнева, агрессии, преувеличенным реагированием на события и взаимоотношения, обидчивостью, провоцированием конфликтов со сверстниками, неумением общаться с ними [5, с. 56].

С точки зрения психологии девиантного поведения виктимность – психологическое свойство личности, возникающее вследствие дефекта интерактивного культурогенеза и характеризующееся предрасположенностью личности стать жертвой фрустрации социогенных и персоногенных воздействий, ведущих к деформации развития личности. Ввиду своей социальной некомпетентности личность становится жертвой отклоняющегося поведения – наступает девиантная виктимизация. [4, с. 91]

Виктимная личность характеризуется следующими показателями:

- снижение уровня мотивации;
- заниженная самооценка;
- дефицит ценностных ориентаций;
- высокий конформизм и т.д.

Виктимная личность как психологический феномен имеет следующие основные индикаторы:

1. тревожность

2. эмоциональная ригидность (В.В.Бойко определяет эмоциональную ригидность как неподатливость, жесткость, негибкость, которая выражается в том, что личность слабо и в ограниченном диапазоне эмоционально реагирует на различные внешние и внутренние воздействия)

3. эмоциональная вязкость (реакции этого индикатора интерактивного развития личности сопровождаются фиксацией аффекта и внимания на каких-либо значимых объектах, событиях, объектах)

4. эмоциональная монотонность

5. эмоциональное огрубление

6. эмоциональная тупость

7. утрата эмоционального резонанса (полное или почти полное отсутствие эмоционального отклика на различные события)

8. алекситемия (сниженная способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний)

Представленные психологические индикаторы интерактивной деформации личности характеризуют нарушения в эмоционально-волевой сфере. К индикаторам, указывающим на нарушения эмоционально-когнитивной сферы, можно отнести когнитивные сдвиги, деформирующие основные социально-психологические установки личности и его «Я-концепцию» [4, с. 96].

Таким образом, подростки, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, по мнению ряда авторов, имеют специфические социально-психологические качества. Дети имеют общее отставание в развитии, коммуникативные трудности (агрессивность, конформность, конфликтность и т.п.), эмоциональные проблемы (тревожность, бедность эмоций, неуверенность в себе).

После теоретического анализа с помощью метода фокус-групп нами был уточнен список качеств, характерных для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Было проведено 4 фокус-группы, в которых приняли участие 35 человек, работающих с подростками. В выборку вошли воспитатели детских домов г. Вологды, сотрудники социально-реабилитационного Центра, психологи, социальный педагог организации Красный крест, инспектор по делам несовершеннолетних, учителя средней школы.

Участникам предлагалось составить список из 10 качеств, характерных для подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. После этого в ходе дискуссии группа должна была выработать единое мнение, общий список.

С помощью контент-анализа списков каждого участника, общего списка и стенограммы дискуссий, определялся удельный вес каждого обозначенного участниками качества.

Всего в ходе обсуждения были выделены 142 качества подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, большинство из которых носит негативную окраску, 9 качеств описывают положительные качества детей.

Обработка данных показала, что наиболее часто упоминающимися качествами подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, являются: демонстративность, замкнутость, агрессивность, лживость, склонность к употреблению ПАВ, эгоизм, потребительское отношение к жизни, безразличие, равнодушие, неадекватная самооценка.

Список качеств, определяемый специалистами по роду своей профессиональной деятельности связанных с подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, позволяет определить дальнейшие шаги по проверке выдвинутой гипотезы и разработке методов реабилитационной работы с данной группой детей.

Список литературы:

1. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: Наука, 2004. – 365 с.
2. Белановский, С.А. Метод фокус-групп / С.А. Белановский. – М.: Магистр, 1996. – 272 с.

3. Дети социального риска и их воспитание. Учебно-методическое пособие / Под науч. ред. Л.М. Шипицыной. – СПб.: Речь, 2003. – 144 с.
4. Дивицына, Н.Ф. Социальная работа с неблагополучными детьми и подростками. Конспект лекций / Н.Ф. Дивицына. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 288 с.
5. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов / Ю.А. Клейберг. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. – 160 с.
6. Олиференко, Л.Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений / Л.Я.Олиференко, Т.И.Шульга, И.Ф.Дементьева. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
7. Шульга, Т.И. Методика работы с детьми «группы риска» / Т.И. Шульга, В. Слот, Х. Спаниард. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 128 с.

В.С. Любова

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

В данной публикации представлены результаты исследования проблемы влияния семейных отношений на становление личности ребенка младшего школьного возраста. Также предложены практические рекомендации, адресованные родителям по предотвращению семейных конфликтов.

Ключевые слова: семья, семейные конфликты, стили воспитания, авторитарный стиль, авторитетный стиль, либеральный стиль, младший школьный возраст, диагностика.

Семья – это первичная ячейка общества, объединяющая супругов и их потомство, важнейший инструмент индивидуального становления личности: именно здесь ребенок впервые включается в общественную жизнь, усваивает ее ценности, нормы поведения, способы мышления, язык.

Семья участвует не только в количественном, но и в качественном воспроизводстве населения. Воспитание детей – сложное, но в тоже время благородное занятие. Для того чтобы не допустить причинения вреда в процессе воспитания детей, каждому родителю необходимо знать свою собственную стратегию семейного воспитания и как она влияет на формирование личности ребенка.

Проблему влияния семейных отношений на формирование личности ребенка изучали такие отечественные ученые, как: А.Я. Анцупов, Т. Гордон, И.В. Гребенников, Ю.А. Канатаев, А.В. Курпатов, А.Н. Олейник, В.А. Сысенко, А.И. Шилов. Среди зарубежных исследователей этой проблемой интересовались: Д. Баумринд, К.С. Бергер, Р. Вайнберг, Дж. Гансалес-Мена, С. Дайнвиди, Дж. Кларк, А. Коллинз, К. Лин, Р.Л. Саймонс, С. Скеар.

Исследователь Д. Баумринд, изучавшая в начале шестидесятых годов XX века различные стили воспитания, пришла к выводу, что они различаются по четырем параметрам: проявление родительской теплоты, стратегия создания и поддержания дисциплины, способ общения и ожидания, возлагаемые на ребенка. Она выделила три стиля воспитания: авторитарный, либеральный и автори-

тетный.

По мнению Д. Баумринд, авторитарному (диктаторскому) стилю воспитания недостает теплоты, для него характерна строгая дисциплина, общение в режиме «родитель-ребенок» превалирует над общением «ребенок-родитель», ожидания таких родителей в отношении их детей весьма велики.

Этот стиль воспитания приводит к ряду недостатков в развитии ребенка. Такие дети в подростковый период, когда влияние сверстников на их поведение наиболее велико, легче поддаются дурному воздействию с их стороны; они привыкают не обсуждать свои проблемы с родителями (зачем утруждаться, если все равно ты всегда не прав или на тебя не обращают никакого внимания?) и зачастую поддаются под сильное влияние сверстников. Будучи часто разочарованными в своих ожиданиях, они отдаляются от родителей и нередко протестуют против их ценностей и принципов.

Для либерального (свободного) стиля характерны теплые отношения между родителями и детьми, низкая дисциплина, общение «ребенок-родитель» превалирует над отношениями «родитель-ребенок», а также либеральные родители не возлагают на своих детей больших ожиданий.

Дети из таких семей становятся самыми несчастными. Они более подвержены таким психологическим проблемам, как депрессии и разного рода фобии, среди них высока склонность к совершению насилия. Они также легко вовлекаются в разного рода антиобщественные действия. Исследования К. Бергера показали, что существует связь между либеральным воспитанием и преступлениями среди малолетних, злоупотреблением наркотиками и алкоголем, а также ранней сексуальной активностью.

У таких детей меньше шансов развить чувство самоуважения. Недостаток дисциплины вызывает у них желание самим установить какой-либо надзор, поэтому они «прилагают много усилий для установления контроля над своими родителями и пытаются добиться от них контроля над собой». Неудовлетворенные психологические потребности приводят детей либеральных родителей к тому, что они становятся «уязвимыми и неспособными противостоять ежедневным проблемам, что мешает ребенку в полной мере участвовать в жизни общества». А это, в свою очередь, препятствует их социальному развитию, формированию чувства собственного достоинства и позитивной самооценки. Не имея высоких целей и надежд, «дети либеральных родителей обычно с трудом контролируют свои импульсы, они проявляют незрелость и не желают брать на себя ответственность».

Для авторитетного стиля воспитания характерны теплые отношения между родителями и детьми, умеренные дисциплинарные требования и надежды на будущее детей, а также частое общение.

Дети менее подвержены негативному влиянию со стороны сверстников и более успешно строят свои взаимоотношения с ними. Так как авторитетный стиль воспитания обеспечивает баланс между контролем и независимостью, то его результатом являются компетентные, ответственные, независимые и уверенные в себе дети. У таких детей вероятность развития высокой самооценки, веры в себя и самоуважения, существенно выше, они менее агрессивны и обыч-

но добиваются большего успеха в жизни.

Более того, в отличие от других детей они лучше приспособлены к жизни. По данным исследований, дети авторитетных родителей занимают первое место по уровню самоуважения, способности приспосабливаться к руководству и интересу к вере в Бога, исповедуемой родителями. Они уважают авторитеты, ответственны и контролируют свои желания.

Целью нашего исследования является изучение влияния семейных отношений на формирование личности младшего школьника. Исследование проводилось на базе средней школы №40 г. Белгорода. В нем приняли участие 17 школьников 2-го класса. Возраст испытуемых в среднем составил 8-10 лет. Конкретными методиками, использованными в работе, являются: тест «Стратегии семейного воспитания», методика «Кинетический рисунок семьи» (Р. Берн, С. Кауфман).

Тест «Стратегии семейного воспитания», предназначенный для родителей, позволил получить следующие результаты: 76,5% исследуемых семей применяют авторитетный стиль воспитания своих детей; авторитетно-авторитарный стиль семейного воспитания используют 17,6% родителей; 5,9% младших школьников воспитываются в авторитетно-либеральных семьях.

Для диагностики детей использовали методику «Кинетический рисунок семьи» (Р. Берн, С. Кауфман). Анализируя рисунки школьников 2-го класса и сопоставляя их с результатами тестирования родителей, мы выявила, что наибольшая конфликтность преобладает в семьях с выраженным авторитетно-либеральным стилем воспитания.

На основании проведенного исследования мы предлагаем следующие практические рекомендации, адресованные родителям по предотвращению семейных конфликтов:

- 1) принимать активное участие в жизни семьи;
- 2) всегда находить время, чтобы поговорить с ребенком;
- 3) интересоваться проблемами ребенка, вникать во все возникающие в его жизни сложности и помогать развивать свои умения и таланты;
- 4) не оказывать на ребенка никакого нажима, помогая ему тем самым самостоятельно принимать решения;
- 5) иметь представление о различных этапах в жизни ребенка;
- 6) уважать право ребенка на собственное мнение;
- 7) уметь сдерживать собственнические инстинкты и относиться к ребенку как к равноправному партнеру, который просто пока что обладает меньшим жизненным опытом;
- 8) с уважением относиться к стремлению всех остальных членов семьи делать карьеру и самосовершенствоваться.

Таким образом, на формирование личности ребенка оказывают существенное значение взаимоотношения в семье, в частности, конфликты, которые во многом зависят от выбранной родителями стратегии воспитания детей.

Л.В. Логинова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью совершенствования профилактики сексуальных преступлений, жертвами которых становятся малолетние и несовершеннолетние граждане. Исследуются организационные и тактические основы криминологической превенции, а также содержание и формы деятельности правоохранительных органов по выявлению и устранению основных детерминант криминальной педофилии.

Ключевые слова: сексуальные преступления, профилактика, виктимология, педофилия, несовершеннолетние.

Рассматривая различные аспекты предупредительной деятельности, отечественные криминологи акцентируют внимание на таких ее чертах, как комплексность в работе по выявлению и блокированию криминогенных факторов. Во всех современных исследованиях прослеживается тесная связь профилактических мероприятий с программами социально-экономического развития страны, регионов, которые дополняются продуманной организацией юридического просвещения и нравственного, правового воспитания.[1]

Предупреждение преступности реализуется в функционировании единой, всеохватывающей системы профилактики преступлений, имеющей различные объекты воздействия; разные уровни (на которых оно осуществляется); субъекты-реализаторы возможностей системы; а также соответствующие возможностям формы, методы, технологии профилактической работы, основанные на использовании как специально-криминологических, так и общесоциальных мер.[2]

Для эффективного функционирования субъектов профилактики необходимо, чтобы участникам профилактической деятельности четко определялись объекты воздействия и цели работы, их функции не дублировались, обеспечивалось их взаимодействие, круг полномочий имел правовую регламентацию. Ключевыми моментами при характеристике деятельности субъектов профилактики являются:

- наличие у них задач и функций в сфере разработки и (или) осуществления мер предупреждения преступности (преступлений);
- уполномоченность законом на эту деятельность;
- наличие соответствующих прав, обязанностей, ответственности при ее осуществлении.[3]

Индивидуальная профилактика преступлений, включающая систему мер выявления и позитивного воздействия на конкретных лиц, от которых можно, судя по их поведению, реально ожидать совершения преступления. К объектам индивидуальной профилактики относятся лица уже совершившие преступление (в этом случае используются возможности уголовно-правовой профилактики). Индивидуальная профилактика также осуществляется с использованием мер общесоциального и специально-криминологического харак-

тера.[4]

Относительно индивидуальной профилактики необходимо также подчеркнуть, что объектами ее являются не только личность, как таковая, но и негативные элементы среды, в которой личность формируется.

В свою очередь неотложная профилактика преступлений предполагает предотвращение и пресечение конкретных замышляемых и подготавливаемых преступлений. В отличие от индивидуальной профилактики, включающей «меры, удерживающие от совершения преступлений лиц, поведение и связи которых указывают на наличие такой возможности, и меры, обеспечивающие последующую коррекцию личности, оздоровления микросреды»[5], неотложная профилактика еще ближе стоит к преступлению и решает узко-профессиональную задачу: не допустить совершения определенным лицом конкретного преступления в условиях, когда реальность криминального развития событий не вызывает ни каких сомнений.

С учетом специфики профилактики преступлений против личности (в том числе сексуальных преступлений против несовершеннолетних) осуществляется также виктимологическая профилактика, к которой относятся определения общей, индивидуальной и неотложной профилактики.

Соответственно, общая виктимологическая профилактика - это система мер выявления и ликвидации связанных с личностью и поведением потерпевших причин преступлений и условий, способствующих их совершению, осуществляемых применительно к населению в целом и отдельным социальным группам, всей преступности и отдельным группам преступлений, в целях снижения и в конечном итоге ликвидации виктимности как массового социального явления.

По мнению А.В. Бокова, «Потерпевшие от убийств; причинения вреда здоровью разной тяжести; изнасилований, насильственных действий сексуального характера, от ряда других преступлений против личности в среднем в 60% случаев вели себя виктимно. При этом виктимологическая профилактика в отношении этих потерпевших не осуществлялась вовсе... Отношения «преступник-жертва», таким образом, часто остаются без внимания со стороны тех, кто ведет борьбу с преступностью». [6]

Д.В. Ривман, Н.Х Сафиуллин, Л.В. Франк рассматривают в рамках виктимологической профилактики три направления деятельности:

- 1) общая виктимологическая профилактика (причины и условия совершения преступлений в связи с личностью и поведением потерпевшего);
- 2) индивидуальная виктимологическая профилактика, состоящая из:
 - а) выявления по личностным и поведенческим особенностям лиц с высокой вероятностью стать жертвами;
 - б) мероприятия в отношении этих лиц по воспитанию, обучению, обеспечению личной безопасности;
- 3) неотложная виктимологическая профилактика в отношении замышляемых и подготавливаемых преступлений. [7]

Н.А. Исаев полемизирует с Д.В. Ривманом, который относит к негативному поведению несовершеннолетних жертв развращенность; нездоровое сексуальное любопытство; корыстную заинтересованность; излишнюю доверчи-

вость, не критичность, сокрытие факта развращения. Так, по мнению Н.А. Исаева, сексуальное любопытство или излишняя доверчивость являются психологическими особенностями лиц указанного возраста, и рассматривать их следует в аспекте виктимного поведения, то есть вопрос решается неоднозначно. Автор также приводит воззрения В.Е. Христенко, согласно которым, основными факторами, непосредственно влияющими на уровень сексуальной виктимности несовершеннолетних, являются:

- наличие отклонений в психосексуальном развитии у жертвы;
- наличие отклонений в психосексуальном развитии у преступника;
- структура общественных отношений, которые создают условия для совершения преступлений. [8]

Когда же речь идет о личности конкретного преступника-педофила, то криминологами, сексопатологами, психиатрами, социальными работниками рассматриваются программы индивидуальной коррекции девиантного сексуального поведения. В них отражается подробный портрет личности, характеристика основных фактов микросреды формирования ее негативных черт, предусматриваются дифференцированные меры профилактического воздействия и критерии эффективности их применения.

Основой для формирования педофилии служат нарушения психосексуального развития, нарушения коммуникации с лицами другого пола и нередко сексуальные расстройства, мешающие нормальной половой жизни. Явления педофилии чаще наблюдаются у подростков, у 30-летних и пожилых мужчин. Среди подростков основную часть составляют лица, которые в связи с нарушениями психосексуального и эмоционального развития не умеют налаживать контакт со сверстниками и адаптироваться к своему микросоциуму. В группе 30-летних преступников преобладают женатые, но не сумевшие устроить свои сексуальные и социальные отношения фрустрированные мужчины. Среди пожилых граждан чаще всего встречаются лица одинокие и страдающие половыми, психическими расстройствами. Раствлевающие действия педофилов обычно включают в себя рассказы об интимных отношениях, демонстрацию порнографических изображений, осмотр и показ половых органов и т.д.

Судебные сексологи различают два аспекта профилактики нарушений сексуального поведения - медицинский и социально-психологический.

Медицинский аспект включает в себя - предупреждение нарушений периода (профилактика стрессовых состояний у беременных, контроль за приемом лекарственных средств и т.п.), раннюю диагностику и своевременное лечение психических расстройств, способствующих нарушениям коммуникации и психосексуального развития, выявление и медико-педагогическую коррекцию искажений психосексуального развития на самых ранних этапах. [9]

Социально-психологический аспект профилактики предусматривает:

1. Правильное полоролевое воспитание, которое должно быть направлено на ознакомление детей с половыми различиями, а не на сексуальность (удерживание, запугивание, наказание при первых же намеках на «сексуальные» проявления). Как правило, в дошкольных учреждениях основные коллективные игры проводятся без учета пола детей. В школах иногда предпочи-

тают феминное (женоподобное) поведение у мальчиков и маскулинное (мужеподобное) у девочек.

2. Привитие навыков к общению со сверстниками (в том числе гетеросексуального характера). С каждым годом обучение должно усложняться, охватывать все новые аспекты взаимоотношений между людьми и прививать чувство любви и уважения к представителям противоположного пола.

При рассмотрении вопросов профилактики нарушений сексуального поведения у лиц с сексопатологическими особенностями особое внимание необходимо уделять микросоциальному окружению и, прежде всего, семье. Понятно, что нравственное неблагополучие семьи может обусловить в дальнейшем неправильное поведение как с развитием половых расстройств, формированием психопатического склада характера, так и без психопатологических нарушений. Адекватные социально-педагогические мероприятия, предусматривающие привитие высоких моральных качеств, являются важнейшей предпосылкой сексуально-приемлемого поведения, в том числе у лиц с сексуальной и психической патологией.

М.И. Могачев, анализируя деятельность ОВД по борьбе с сексуальными преступлениями, сформулировал следующий алгоритм действий превентивного характера:

- этап «предупреждающей» профилактики, применяемый к лицам, которые в силу совершения определенных противоправных действий и характеристик могут быть отнесены к потенциальным серийным насильникам;

- этап «рецидивной» профилактики, проводимый с целью недопущения возврата к преступной активности лиц, осужденных за совершение серийных изнасилований. Этот этап, в свою очередь, подразделяется на два подэтапа, в ходе первого из которых профилактические меры применяются в отношении осужденных преступников, как правило, находящихся в местах лишения свободы. Второй подэтап проводится после их освобождения из исправительных учреждений. [10]

В рамках специальной профилактики несомненный эффект дает использование возможностей конфидентов, которые должны быть постоянно нацелены на выявление лиц, склонных к совершению половых преступлений, а также другой информации, которая может быть использована для предупреждения и раскрытия преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Необходимо организационно и тактически обеспечить взаимное информирование органов внутренних дел и исправительных учреждений о лицах совершивших или намеривающихся совершить насильственные действия сексуального характера, освободившихся из мест лишения свободы или направляемых в исправительные учреждения в связи с осуждением.

Таким образом, предупреждение сексуальных преступлений против несовершеннолетних следует рассматривать как взаимодействие мер социального, организационно-правового, воспитательного, медицинского и психологического порядка.

Меры общесоциального характера предполагают создание надлежащих государственных механизмов защиты детей и подростков, повышение культурного, обра-

зовательного уровня населения, создание социально-реабилитационных центров для лиц, имеющих нарушения психосексуального развития.

Специфика и трудность предупреждения действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних, обуславливается также тем, что причины половых преступлений носят, как правило, сугубо интимный характер, большая часть из них не охватывается сознанием субъекта и плохо контролируется им. Они связаны с тончайшими переживаниями, порой имеющими бытийную значимость, с межличностными отношениями, внутреннее содержание и смысл которых далеко не всегда очевиден. Поэтому первостепенное значение приобретает максимальное внимание педагогов, родителей, ювенальных психологов к половому воспитанию и психосексуальному развитию граждан.

Список литературы:

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И. Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 8; Криминологическая характеристика и профилактика отдельных видов преступлений: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. П.П. Баранова. - М.: ЦОКР МВД России, 2006. - С. 52-54; Частная криминология / Отв. ред. Д.А. Шестаков. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2007. - С. 622-625.
2. Агапов П.В. Проблема противодействия организованной преступной деятельности. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. - С. 270-276; Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. - М.: Юрист, 1999. - С. 279-297.
3. Алексеев А.И., Герасимов С.И. Сухарев А.Я. Указ. соч. С. 8-14; Артамошкин М. Формирование государственной системы профилактики правонарушений // Профессионал. - 2008. - №4. - С. 2-5.
4. Антонян Ю.М. О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С. 25-34.
5. Филимонов О.В. Индивидуальная профилактика преступлений. Томск, 1985. С. 25.
6. Боков А.В. Организация борьбы с преступностью - М., 2003. - С. 75.
7. См.: Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. - М., 1975. - С. 113; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб., «Питер», 2002. - С. 241; Сафиуллин Н.Х. Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних. - Казань, 1996. - С. 20-24; Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. - М., 1980. - С. 80.
8. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2007. - С. 400-401.
9. Могачев М.И. Серийные изнасилования. - М., 2003. - С. 250.

М.С. Мартынова

**АНАЛИЗ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ КОММУНИКАЦИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ
ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ.**

В статье представлен анализ этнокультурных процессов происходящих в Пензенской области, на современном этапе ее развития. Очерчен круг проблем, связанных с межэтническими коммуникациями этнических общностей полиэтничного региона.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, межэтнические коммуникации, полиэтничный регион.

Динамика социальных условий современного Российского общества подчеркивает значимость проблем связанных с механизмами межэтнических коммуникаций между представителями разных этнических общностей.

Межэтнические коммуникации представляют собой обмен между двумя или более этнофорами или этническими общностями материальными и духовными продуктами культурной деятельности, осуществляемой в различной форме.

В связи с расширением социально-экономических связей, в условиях глобализации, вопросы изучения механизмов межэтнических коммуникаций представителей разных этносов приобретают особую актуальность.

Активно включаясь в систему межкультурных коммуникаций, этносубъекты все больше контактов устанавливают с приверженцами разных ценностей, убеждений и взглядов. В большей степени этому способствует полиэтничная среда Пензенской области. Но одновременно с этим на почве культурных различий возникают и межэтнические конфликты, связанные с психологическими особенностями этнофора, проявляющееся в специфике речевого общения, стереотипах поведения, интересах, взглядах, чертах характера, этнорелигиозных представлениях и настроениях.

В этой связи этнокультурные особенности являются системными детерминантами, определяющими идеалы, ценности и нормы, стереотипы поведения как отдельного этнофора, так и этноса в целом.

Раскрытие функционирования механизмов этнических стереотипов в значительной степени означает объяснение психологической природы этнического самосознания. Этническое самосознание в свою очередь, является исходной точкой в изучении этнопсихологических особенностей коммуникации того или иного этноса.

Рассматривая межэтнические коммуникации, как компонент этнопсихологических особенностей, этнических общностей Пензенской области в последние годы, необходимо отметить, что одной из самых распространенных форм межэтнических коммуникаций является межкультурная.

Анализ этнокультурных процессов, происходящих в полиэтничных регионах России, в том числе и в Пензенской области, позволяет говорить о двух взаимопротивоположных тенденциях межкультурной коммуникации.

С одной стороны ассимиляции, дифференциации, изоляции культур, связанной со стремлением сохранить свою культурно-языковую самобытность, политическими, экономическими разногласиями, которые дополняются процессами самоопределения и активного этнического разграничения как на уровне этносов в целом, так и на уровне этнического самоопределения отдельных этнофоров.

И с другой тенденция интеграции культур в условиях преобразований и сложных задач, принципиально значимых для сохранения многообразия этнокультурной среды, как условия прогрессивного развития всего региона.

На фоне многохарактерных противоречий современности, противоречия в межэтнических отношениях, этнонетерпимость становятся не только помехой для прогрессивного развития региона, сохранения темпов его развития, но и значительной опасностью в разворачивании отношений отдельных этнофоров и этнических общностей в целом.

Амбивалентные тенденции связаны в большей мере с полиэтничным составом большинства регионов России, и в частности Пензенской области, в которой проживают представители более ста различных национальностей и этнических групп, в них входящих. По данным переписи 2002 года 86,4 % - от всей численности населения, русские, 6 % - татары, 4,9 % - мордва.

Развитие этнопсихологических процессов в межкультурной коммуникации на современном этапе обуславливает необходимость разработки новых механизмов в системе отношений межэтнических сообществ, определение стратегий их развития с опорой на социальную интеграцию и формирование ценностей гуманистического и культурного плюрализма.

Проблеме развития межэтнических, межкультурных коммуникаций в Пензенской области уделяется достаточное внимание. Однако, как показывает анализ данных статистических справочников, монографий и диссертационных исследований, наибольшее внимание уделяется наиболее многочисленным этническим группам, проживающим в Пензенской области, и практически не исследованы коммуникации этнических меньшинств с этническим большинством.

Таким образом, в рамках поставленной проблемы, нами в ближайшее время будет проведено эмпирическое исследование, надеемся, что полученные теоретические и практические результаты будут востребованы в программах региональной политики проводимой в Пензенской области.

Список литературы:

1. Андреев Ю.П. Этнический фактор в судьбе России. [Текст] / Ю.П.Андреев Екатеринбург: Уральский гос. Ун-т, 1996. С.3-15.
2. Ванд Л. Э. Российская ментальность прошлое и настоящее. [Текст] / Л. Э. Ванд, А. С. Муратова // Мир психологии .— 2004 .— N 4.
3. Гильдеев Н.А. Татары Пензенского края. [Текст] / Гильдеев Н.А.- М.: Изд-во Пеликан, 2008.-200 с.
4. Культура Пензенского края: события, люди, история и современность [Текст] / М-во культуры Пенз. обл. — Пенза, 2007 .— 4 с.
5. Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа [Текст] / под.ред Макаркина Н.П., Саранск: Мордовское кн. Из-во, 2004. – 992.
6. Пензенская область Основные показатели развития с 1991 по 2007 г. Статистический ежегодник. Официальное издание. [Текст] - Пенза, 2008. - 380 с.
7. Пензенская энциклопедия – Пенза: Министерство культуры Пензенской области [Текст]. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.- 759 с.
8. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «История повседневности» [Текст] Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.
9. Сергеева, А. В. Русские стереотипы, традиции и ментальность. [Текст] / А. В. Сергеева // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. — 2008 .— № 5 .— С. 11-17.

10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. [Текст] / Т.Г. Стефаненко. - Аспект Пресс, 2007 г. 368 с.

11. Яркова Е.Н. Межкультурная коммуникация: опыт теоретической систематизации [Текст] / Яркова Е.Н. // Вестник Московского ун-та. Серия 12. Политические науки. – 1999. №1.

Т.И. Морозова

ОСОБЕННОСТИ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА

Исследовательский интерес к психологическим аспектам религиозности продиктован тем, что эмпирические исследования личностных особенностей верующих людей и людей, не связанных с религией, с учетом половых различий, представляют чрезвычайную редкость. Работа продолжает линию системного исследования индивидуальности человека, которая проводится в русле дальнейшего развития теории интегральной индивидуальности в Пермской школе психологии.

Ключевые слова: религиозность, личность, религиозная активность.

Возникнув на заре человечества и став частью культурного потенциала целых народов, религия в течение тысячелетий, оказывала колоссальное влияние на филогенез человечества и онтогенез отдельного индивида. На сегодняшний день вряд ли можно отрицать то влияние, которое оказывает религия на современное общество, несмотря на глобальные перемены, произошедшие в сознании людей за последнее время.

Как сложное многоуровневое образование религию можно рассматривать с исторического ракурса в связи с филогенетическим развитием религиозных культур на разных этапах истории. В социальном плане она представлена различными типами общественных образований – религиозные движения, институты, группы и т.п. На уровне культуры с одной стороны религия материализуется в культовых сооружениях, в предметах, имеющих религиозное значение; с другой стороны раскрывается через морально-этические принципы, заповеди, традиции и ценности. На индивидуальном уровне религия определяется как религиозность, внешне оформляясь в культовое поведение (обряд, ритуал и др.), а на внутреннем плане приобретая психологическое содержание в качестве религиозных потребностей, мотивов, переживаний, настроений, а также представлений о Боге [6, с. 6-7].

Таким образом, психология также находит свой предмет в изучении религии наравне с историей, социологией, культурологией и другими науками.

На сегодняшний день рассмотрение проблемы религиозности в литературе показало, что существует множество работ как зарубежных и отечественных классиков, так и современных психологов. Среди основоположников психологии религии выделяются В. Вундт, Т. Рибо, Т. Флурнуа, У. Джеймс, Е.Д. Старбек, Дж.А. Леуб. Также среди зарубежных авторов большое внимание уделяли

анализу психологических аспектов религии З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг, Э. Фромм, В. Э. Франкл, С. Холл и др.

В отечественной же психологии в русле теологического подхода известны работы таких философов и психологов-теологов XX века, как С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, А. Мень и др. В рамках диалектико-материалистического подхода, характерного для постреволюционной отечественной психологии, известны такие фамилии, как К.К. Платонов, М.Г. Писманик, Д.М. Угринович и др. Что касается современной отечественной психологии, то можно увидеть как минимум две тенденции в изучении религиозности. Первая наблюдается в некоторых современных теоретических исследованиях, имеющих высокий уровень абстракции, и приближающихся в своем предмете к теологическим понятиям. По этому поводу В.И. Слободчиков пишет, что «атеистическая, научная психология в качестве своего объекта изучения всегда полагала только психику и в разных психологических школах в разное время в изучении психического делался акцент либо на его качество, либо на функции, либо на структуру, либо на предметное содержание» [5, с. 381-382]. Сегодня же психология начинает интенсивно осваивать наследие религиозной философии, и проблема религиозности привлекает внимание многих крупных российских психологов (Б.С. Братусь, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, А.В. Романов, Д.Е. Фурман, С.А. Черняева, В.Д. Шадриков и др.).

В итоге исследования в русле первой тенденции являются мощной теоретической базой и вносят неоценимый вклад в понимание религиозности как психологического феномена. Вторая тенденция заключается именно в попытке эмпирического исследования отечественными психологами религиозности. Наиболее крупным эмпирическим изучением религиозности последних десятилетий в России являются исследования К. Каарияйнер, Д. Фурман [3]. Однако полученные данные позволяют лишь определить направления в изменении отношения к религии у людей постсоветского периода и носят больше характер социологического опроса. Особую же сферу интереса представляют исследования личности людей в связи с их религиозностью.

Вообще вопрос об изучении свойств личности в зависимости от различных факторов – генетических (пол, возраст, биохимические свойства и т.д.), социальных (культура, социальные роли и т.д.), а также в связи с активностью человека как инициативной характеристики в отношениях с миром [1] в психологии поставлен довольно широко. Но при этом объемлющие эмпирико-теоретические работы, касающиеся исследований личностных особенностей верующих людей различных конфессий, людей, не связанных с религией, представляют чрезвычайную редкость. Скорее всего, это связано со сложностями в понимании таких базовых категорий, как «личность», «активность», «религиозность», а также при создании адекватного психодиагностического инструментария. Говоря об изучении особенностей свойств личности религиозных людей и нерелигиозных, возникает вопрос, на основании каких параметров один человек был отнесен в категорию верующих, а другой – в категорию атеистов, и что в целом исследователь понимает под «религиозностью».

В данном исследовании под религиозностью будет подразумеваться ре-

лигиозная активность (РА) человека как сложное, многокомпонентное психологическое образование, которое характеризуется мерой осуществления субъектом с окружающей действительностью религиозных интенций, направленных на осуществление связи субъекта с Теосом и выраженных в вере в сверхъестественное, а также в специфических нуминозных переживаниях, культовых действиях, поступках и поведении в целом [6, с. 65]. Такое понимание позволяет провести не только теоретическое, но и эмпирическое исследование с помощью соответствующего диагностического инструментария.

Таким образом, *предмет* исследования – это особенности личности людей с разным уровнем религиозной активности с учетом пола.

Было выдвинуто две *гипотезы*: 1. существуют значимые различия в степени выраженности черт личности у людей одного пола в зависимости от уровня РА; 2. существуют значимые различия в степени выраженности черт личности у людей с одним уровнем РА в зависимости от пола.

В данном исследовании приняло участие 120 человек: 60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 35 до 55 лет. Все испытуемые русскоязычные и имеют высшее образование: юридическое, экономическое, техническое, гуманитарное, медицинское. При этом 30 женщин и 30 мужчин, определившие себя как верующие (на примере православия), характеризуются высоким уровнем РА, а 30 мужчин и 30 женщин с атеистическим самоопределением характеризуются низким уровнем РА. В результате, на основании 2-х факторов – уровень РА и ПОЛ, были сформированы четыре выборки.

Учитывая сложность и многокомпонентность исследования, был применен целый комплекс диагностических методик, включающий методику изучения религиозной активности (МИРА) [6]; 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16PF), форма А [2], методику исследования самоотношения (МИС) [4] и опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна [7].

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке посредством сравнительного анализа средних значений по Т-критерию Стьюдента (для независимых выборок) и 2-х факторного дисперсионного анализа ANOVA.

По результатам сравнения средних значений групп одного пола с разным уровнем РА по Т-критерию Стьюдента были обнаружены значимые различия. Так «верующие» мужчины и женщины «атеисты» значительно различаются по таким показателям, как доминантность/ подчиненность, беспечность/ озабоченность, мягкосердечность/ суровость (16PF); открытость, самооценочность и самопринятие (МИС). Женщины «верующие» и женщины «атеисты» значительно различаются по следующим показателям: профессиональная компетентность, стабильное место работы, служение (СКО).

В итоге «верующих» мужчин в сравнении с «атеистами» более характеризуют такие качества, как тактичность в общении, доброжелательность, мягкосердечность, при этом их отличает настороженность, стремление к уединению. Они менее склонны соглашаться со своими недостатками, что, скорее всего, для служителей Церкви проявляется в стремлении к постоянному самосовершенствованию. Мужчины «атеисты» в сравнении с «верующими» более доминантны, уверены в себе, склонны к большему общению, они в большей ме-

ре склонны принимать себя такими, какие они есть, пусть даже с некоторыми недостатками. Что касается женщин с низким уровнем РА, то в сравнении с «верующими» женщинами они в большей мере стремятся к стабильному месту работы. Для «верующих» же женщин в большей мере характерны альтруистические ценности (помощь людям, работа с людьми и др.), а также стремление быть компетентными, профессиональными в определенной области.

Также были выявлены значимые различия по показателям свойств личности в группах с одним уровнем РА в зависимости от пола. Так мужчины и женщины «атеисты» значительно различаются по таким показателям, как недобросовестность/ высокая совестливость, мягкосердечность/ суровость, расчетливость/ наивность, склонность к чувству вины/ самоуверенность, фрустрированность/ нефрустрированность, эмоциональность/ уравновешенность (16PF); вызов (СКО). «Верующие» мужчины и женщины значительно различаются по следующим показателям: доминантность/ подчиненность, мягкосердечность/ суровость, практичность/ мечтательность, ригидность/ гибкость, фрустрированность/ нефрустрированность (16PF); саморуководство и внутренняя конфликтность (МИС); интеграция стилей жизни (СКО).

В связи с этим женщин «атеистов» в сравнении с мужчинами «атеистами» отличает большая непринужденность в поведении, проницательность, дипломатичность в общении, при этом они более чувствительны к критике, склонны к самоанализу. Мужчины же «атеисты», напротив, более непосредственны и прямолинейны в общении, им свойственна ответственность, предприимчивость, решительность, стремление одерживать победу над другими, преодолевать препятствия. «Верующих» женщин в сравнении с мужчинами отличают такие качества, как тенденция к консерватизму, уважению традиций и принципов, склонность принимать все, как проверенное, несмотря на явные и неявные противоречия, а также склонность к большей внутренней конфликтности, к сомнениям по поводу себя, к чрезмерной рефлексии. «Верующие» мужчины по сравнению с «верующими» женщинами более либеральны в своих интересах и представлениях об окружающем мире, они склонны критически оценивать все, стараются вникнуть в сущность старых и новых идей.

При этом с целью уточнения данных сравнительного анализа средних значений был применен 2-х факторный анализ ANOVA. В результате, были выявлены те личностные особенности, которые проявляющиеся только при взаимодействии двух факторов – уровень РА и ПОЛ: доминантность/подчиненность ($F(1,116)= 4,695, p=,03$), мечтательность/практичность ($F(1,116)= 5.533, p=,02$), мягкосердечность/суровость ($F(1,116)= 5.533, p=,02$), расчетливость/наивность ($F(1,116)= 4.35, p=,04$), внутренняя конфликтность ($F(1,116)= 4,155, p=,04$).

Наиболее интересными представляются данные по таким показателям, как «доминантность/ подчиненность» (рис. 1, а) и «внутренняя конфликтность» (рис. 1, б). Так Post hoc сравнения (метод LSD Fisher) показали, что доминантность в меньшей степени характерна для «верующих» мужчин по сравнению с представителями других выборок (табл. 1).

Что касается внутренней конфликтности, то значимые различия по данному качеству проявляются для «верующих» людей разного пола: так внутрен-

няя конфликтность характерна в большей степени для женщин, чем для мужчин (табл. 2).

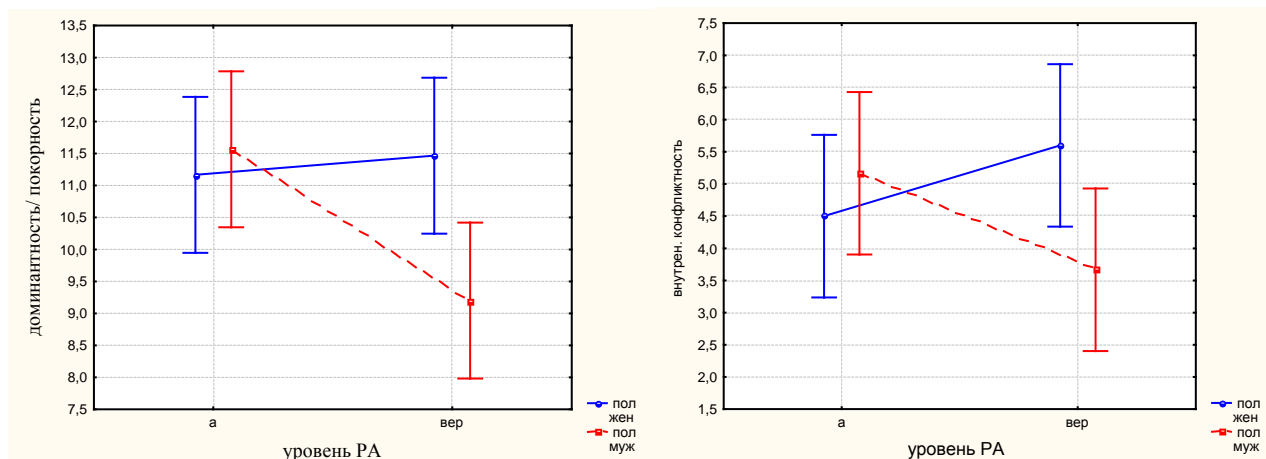

Рисунок. 1. - Взаимодействие уровня РА и пола в проявлении качеств «доминантность/подчиненность» (а) и «внутренняя конфликтность» (б).

Таблица 1. - Post hoc сравнение (метод LSD Fisher)

	пол	РА	жен ат	жен вер	муж ат	муж вер
1	жен	ат		0,730926	0,646641	0,025697
2	жен	вер	0,730926		0,908717	0,010402
3	муж	ат	0,646641	0,908717		0,007544
4	муж	вер	0,025697	0,010402	0,007544	

Таблица 2. - Post hoc сравнения (метод LSD Fisher)

	пол	РА	жен ат	жен вер	муж ат	муж вер
1	жен	ат		0,225101	0,461319	0,357447
2	жен	вер	0,225101		0,631821	0,034162
3	муж	ат	0,461319	0,631821		0,099002
4	муж	вер	0,357447	0,034162	0,099002	

Таким образом, существуют значимые различия в свойствах личности, проявляющиеся при одновременном сравнении 4-х исследуемых групп, а значит, существуют особенности взаимосвязи РА и личности людей разного пола. В связи с этим представляется возможным создание сравнительного портрета, отражающего личностные особенности людей с разным уровнем РА с учетом пола. Также хочется отметить, что данная проблема оставляет довольно широкое поле для построения новых эмпирических исследований. Например, изучение особенностей личности верующих людей различных конфессий, особенностей личности людей с разным уровнем РА с учетом возраста и т.д.

Список литературы:

1. Волочков, А.А. Активность субъекта и развитие учащегося: теория, диагностика и проблемы развивающих технологий/ А.А. Волочков. – Пермь: ПОИПКРО, 2003. – 100 с.
2. Елисеев, О.П. Практикум по психологии личности/ О.П. Елисеев. – СПб.: Питер, 2001. – 560 с.
3. Каарияйнер, К., Фурман, Д. Религиозность в России в 90-е гг./ Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России [Электронный ресурс]:

Глава 1. – Электрон. издание. – СПб; М.: Летний сад, 2000. – С. 7-48. – Режим доступа: www.religare.ru/article58.htm#in1_4

4. Пантилеев, С.Р. Методика исследования самооотношения/ С.Р. Пантилеев. – М.: Смысл, 1993. – 32 с.

5. Слободчиков, В.И. Реальность субъективного духа// Психология личности в трудах отечественных психологов/ Под ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2000. – С. 381-395.

6. Смирнов, Д.О. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: дис.... канд. психол. наук: 19.00.01: защищена 14.01.02/ Д.О. Смирнов – Пермь., 2001. – 186 с.

7. Чикер, В.А. Психологическая диагностика организации и персонала/ В.А. Чикер. – СПб.: Речь, 2006. – 176 с.

Н.Э. Солянин

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ - ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается проблема формирования этнической толерантности - важнейшего аспекта успешного взаимодействия человека и современного общества. Выделены основные подходы к понятию «этническая толерантность». Доказано, что этническая толерантность является интегральным свойством индивидуальности человека. Проведена эмпирическая проверка программы по формированию этнической толерантности доказана её эффективность.

Ключевые слова: толерантность, этническая толерантность, структура этнической толерантности, программа по формированию этнической толерантности

В условиях социальной, экономической и политической нестабильности современного общества проблема этнической толерантности приобретает особую остроту и вызывает интерес у представителей различных областей науки и практики.

Особенно актуально обращение к изучению этнической толерантности в Российской Федерации, что связано не только с многонациональностью нашего государства, но и с усилением процессов глобализации. В результате чего в современной России проживают по разным причинам (учёба, работа и т.д.) не только выходцы из бывших союзных республик СССР, но и представители иных национальностей и этнических групп. Поэтому проблеме формирования этнической толерантности в современных условиях, по нашему мнению, необходимо уделять важное место в деятельности психологов и работников сферы образования.

Междисциплинарный статус проблемы, многообразие и противоречивость позиций исследователей, многоаспектность и разноуровневость проявлений осложняют систематизацию имеющихся в данной области представлений и определений этнической толерантности.

Подчеркнём, что в ходе анализа имеющихся технологий формирования этнической толерантности нами не обнаружено теоретически обоснованных и

эмпирически достоверных способов. Поэтому возникает проблема разработки такового.

В литературе наряду с понятием «этническая толерантность» используют противоположное по своему содержанию понятие «этническая интолерантность».

В своем исследовании мы исходим из положения о том, что этническая толерантность является интегральным свойством индивидуальности человека, присущим всем людям, но при этом имеющим разную меру выраженности. С этой точки зрения имеет смысл говорить о разных уровнях этнической толерантности (высоком, среднем, низком), использование понятия «этническая интолерантность» представляется нецелесообразным.

Отметим, что существует два термина: «терпимость» и «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпение). Исторически первым является понятие «терпимость». В толковом словаре русского языка «терпимость» определяется как «свойство, умение терпимо относиться к чему-нибудь, терпеть что-нибудь» [19].

Как отмечает Н.В. Круглова, появление первых идей о толерантности связано с развитием самого человеческого общества, и, прежде всего, с возникновением скептических идей, которые являлись признаком эволюции культуры. Она считает, что широкому распространению скептицизма способствовал культурный, религиозный и философский плюрализм в обществе, а первыми скептиками называет софистов, и именно с них начинается становление идей о толерантности [10].

Большинство исследователей считает, что одним из первых философов, высказавших идеи терпимого отношения к окружающим, был Аристотель (IV в до н. э.). В своём сочинении «Никомахова этика» он описывал особый душевный склад, который позволяет человеку «...одинаково вести себя с незнакомыми и знакомыми, близкими и посторонними...» [3, с. 138].

Среди исследователей нет единства мнений относительно введения в научный оборот термина «толерантность». М. А. Семашко отмечает, что впервые понятие «толерантность» в научный оборот ввел в XVIII в. французский учёный Антуан Луи Клод Дестют де Траси [14]. Н. Г. Капустина утверждает, что термин «толерантность» введен в 1953 году английским иммунологом Питером Брайаном Медавара для обозначения «терпимости» иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям [9]. Затем термин стал активно использоваться в медицинских науках, где понимался более широко. В токсикологии и фармакологии термин обозначает снижение чувствительности к токсичным и фармацевтическим препаратам (например, к наркотикам) [5]. В иммунологии – полное или частичное отсутствие иммунологической реакции; потеря или снижение организмом способности вырабатывать антитела [13].

Позже понятие «толерантность» было перенесено на область социальных и межличностных явлений, и в настоящее время активно используется в психологии, социологии, политологии, этнологии, конфликтологии и т. д.

В современных исследованиях термин «толерантность» понимается как признание за другими права на уважение их личности и самоидентичности [4]; это готовность к принятию иных логик и взглядов, право отличия, непохожесть,

инаковость [2]; как терпимость по отношению к взглядам, обычаям, мнениям других (личностей, групп, обществ, государств и т. д.).

С.Л. Братченко [6] выделяет пять психологических подходов к рассмотрению толерантности: 1) гуманистический (толерантность – проявление сознательного, осмысленного и ответственного выбора человека, его собственной позиции); 2) диверсификационный (Толерантность рассматривается как сложный, многоаспектный и многокомпонентный феномен); 3) личностный (психологической основой толерантности являются ценности, смыслы и личностные установки); 4) диалогический (основа – межличностная толерантность: особый способ взаимоотношения и межличностного взаимодействия, межличностный диалог); 5) фасилитативный (толерантность не столько формируется, сколько развивается, поэтому необходимо создание условий для её развития).

Анализ современных исследований толерантности позволяет выделить четыре основных подхода к определению понятия «этническая толерантность».

Первый подход – *историко-эволюционный*. Этническая толерантность здесь рассматривается как сложное установочное образование личности, которое выражается в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, иным чувствам, мнениям и идеям. Проявляется в разнообразных ситуациях межличностного и внутриличностного выбора, когда известные способы решения проблем не срабатывают, а новые находятся в стадии становления [15].

В трактовке понятия «этническая толерантность» схожи позиции А. Г. Асмолова и Н. Л. Ивановой. Они считают, что на индивидуальном уровне толерантность является добродетелью, нормой поведения личности. Этот уровень существования толерантного сознания – необходимое условие стабильности общества. «Поэтому толерантность, критическое мышление, свобода, и ответственность личности в открытом обществе составляют фундамент демократии и создают условия развития, движения общества вперед [7; 11, с. 54–55].

Второй подход – *культурологический*. Он показывает «отграниченность этнотолерантности от природы как системы особых институтов, символов, норм и отношений, иллюстрирует явление как способ жизни людей, имеющий многофакторную детерминацию». Один из представителей этого подхода, В. И. Шпунтов, не соглашается с существующими определениями термина, отмечает их узость, т. к. считает неправомерно ограничивать действие этнической толерантности только рамками межэтнических отношений. По мнению автора, этническая толерантность – это «терпимое отношение этнической общности или отдельного ее представителя к любой инаковости: ценностям, нормам, образу жизни, поведению, традициям, чувствам, мнениям, идеям, убеждениям» [18].

Третий подход – *социально-психологический*. Сущность его заключается в понимании этнической толерантности как социально-психологической установки.

Ю.П. Ивкова, например, понимает этническую толерантность как социально-психологическую характеристику, проявляющаяся в степени принятия/непринятия представителей других этнических групп. Рассматривая этниче-

скую толерантность как комплекс установок, автор выделяет в ее структуре следующие компоненты:

- когнитивный (представления о других этнических группах, их культуре, межэтнических отношениях; знания о феномене толерантности, правах людей вне зависимости от этнической принадлежности);
- эмоциональный (отношение к другим этническим группам);
- поведенческий (конкретные акты толерантного/интолерантного реагирования, проявляющегося в стремлении общаться/дистанцироваться/демонстрировать агрессию в отношении представителей других этнических групп) [8].

Четвёртый подход – *этнопсихологический*. В рамках этого подхода (Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова) межэтнические отношения рассматриваются как наиболее сложная сфера общественных отношений. Этническая нетерпимость трактуется исследователями как «реально значимая форма проявлений кризисных трансформаций этнической идентичности» [15, с. 184]. Такой формой, по их мнению, является гиперболизированная этническая идентичность, или гиперидентичность. Считается необходимым сосуществование позитивного образа собственной этнической группы с позитивным отношением к другим группам, что представляет баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам. Поэтому позитивная этническая идентичность рассматривается авторами как условие самостоятельного развития и существования этнической группы с одной стороны, и как условие мирного межкультурного взаимодействия в поликультурном мире – с другой [15, с. 185].

Г.Т. Тавадов использует термин «национальная толерантность», под которым понимает «специфическую черту национального характера, духа народа, являющуюся неотъемлемым элементом структуры менталитета, ориентирующуюся на терпимость, отсутствие или ослабление реакции на какой либо неблагоприятный фактор в межнациональных отношениях» [16, с. 401].

В нашем исследовании реализован *индивидуально-психологический* подход. Этническую толерантность мы определяем как интегральное свойство целостной индивидуальности человека (в соответствии с концепцией индивидуальности Б.Г. Ананьева) в единстве личностных, субъектных и индивидуальных свойств. Считаем, что психологической основой толерантности человека является структура психических качеств, образующих устойчивые связи и отражающих все уровни индивидуальности: индивидуальный, субъектный, личностный.

На основе имеющихся подходов к определению толерантности и этнической толерантности и результатов пилотажного исследования были определены структурные компоненты этнической толерантности. Исходя из представлений о структуре индивидуальности Б.Г. Ананьева [1], компонентный состав психологической структуры этнической толерантности может быть представлен следующим образом. К индивидуальному уровню отнесены: нервно-психическая устойчивость (НПУ) и интеллект (И). К субъектно-деятельностному – эффективность поведения в конфликте (ЭП). К личностному – коммуникативная толерантность (КТ), агрессивность (АГ), враждебность (ВР), эмпатия (ЭМ), этниче-

ская идентичность (ГИ), самооценка (СО), социальная дистанция (СД), авто- и гетеростереотипы (АГС).

В исследовании принимали участие студенты ГОУ СПО «Ярославский химико-механический техникум» в количестве 140 человек различных специальностей (1-4 курс обучения). Такой подход к определению выборки испытуемых позволил выявить общие закономерности структуры этнической толерантности

Для обработки данных использовался пакет SPSS. Для проверки распределений изучаемых показателей использовался критерий Колмогорова – Смирнова с поправкой Лилефорса. Было установлено, что ряд распределений отклоняется от нормального на уровне значимости $p < 0,05$. В связи с этим в качестве показателя корреляционной взаимосвязи использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена. В результате статистической обработки установлены значимые взаимосвязи компонентов психологической структуры этнической толерантности (таблица 1). Все выделенные в процессе теоретического анализа этнической толерантности индивидуальные качества вошли в структуру этнической толерантности.

Таблица - Взаимосвязи компонентов психологической структуры этнической толерантности

	ЭМ	АГ	ВР	СО	АГС	ГИ	ЭП	КТ	СД	НПУ
ЭМ										
АГ	*									
ВР										
СО										
АГС		***	*							
ГИ		**								
ЭП	***	***			**					
КТ	**	***	*		**	***	***			
СД			*			*		*		
НПУ		***	***		**	*	**	***		
Корреляция значима на уровне 0. 05*										
Корреляция значима на уровне 0. 01**										
Корреляция значима на уровне 0. 001***										

Выделенные качества образуют взаимосвязи разных уровней значимости, обеспечивая структурную целостность этнической толерантности. В структуре этнической толерантности представлены все уровни индивидуальности человека – личностный, субъектный, индивидный.

Использование методического приёма расслоения структуры этнической толерантности в соответствии с уровнями индивидуальности показывает наличие межуровневых связей компонентов, что подтверждает предположение об интегральной природе этнической толерантности.

Определены базовые компоненты психологической структуры этнической толерантности, имеющие наибольший вес в структуре, это: коммуникативная толерантность (КТ), нервно-психическая устойчивость (НПУ), эффективность поведения в конфликте (ЭП), агрессивность (АГР).

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать

вывод о том, что этническая толерантность является интегральным свойством индивидуальности человека. Психологическую структуру этнической толерантности составляют индивидуально-психологические качества человека личностного, субъектного и индивидного уровней индивидуальности, образующие устойчивые взаимосвязи.

Кроме того, существует достаточное количество программ по формированию толерантности и этнической толерантности, каждая из них имеет как достоинства, так и недостатки. Однако авторы программ не рассматривают этническую толерантность как структуру, состоящую из взаимосвязанных компонентов, поэтому предложенные приёмы, по нашему мнению, формируют не этническую толерантность, а, в лучшем случае, её отдельные стороны.

Поэтому нам была разработана программа по формированию этнической толерантности. Тренинг рассчитан на 10 занятий продолжительностью 1 час 20 мин каждое.

Проверка эффективности программы по формированию этнической толерантности проходила в 3 этапа:

1. Октябрь 2008 года. Проведение диагностического комплекса с целью изучения уровня выраженности компонентов этнической толерантности.

2. Ноябрь 2008 года – январь 2009 года - проведение формирующей серии. Тренинговые занятия со студентами экспериментальной группы (Ю) проводились один раз в неделю.

3. Май 2009 года – повторное изучения уровня выраженности компонентов этнической толерантности у студентов экспериментальной (Ю) и контрольной (УП) группы.

Для проверки эффективности программы по формированию этнической толерантности нами использовался U-критерий Манна-Уитни для сравнения значимости различий между контрольной (УП) и экспериментальной (Ю) группой до тренинга и после него.

В результате было установлено, что контрольная и экспериментальная группы до тренинга различаются по трём показателям – это уровень эмпатии, величина автостереотипа и степень эффективности поведения в конфликте.

У студентов, составивших экспериментальную группы, увеличился уровень эмпатии, снизился уровень агрессивности и враждебности, увеличилось расхождение между Я-идеальным и Я-реальным, что говорит о повышении адекватности самооценки, возросла величина автостереотипа и уровень коммуникативной толерантности.

Кроме того, для подтверждения эффективности формирующего эксперимента нами было проведено сравнение результатов комплексной диагностики у контрольной группы до и после тренинга, и так же у группы экспериментальной - до и после тренинга

Установлено отсутствие значимых различий у контрольной группы до и после тренинга, что говорит о том, что никакие внешние условия не повлияли на формирование этнической толерантности.

Таким образом, как показывают результаты сравнений, тренинг наиболее эффективно повлиял на следующие компоненты психологической структуры

этнической толерантности. У участников тренинга понизился уровень агрессивности и враждебности, увеличился уровень эмпатии, увеличилось расхождение между я-реальным и я-идеальным, увеличился уровень гетеростереотипа, уменьшилась гиперидентичность, увеличилась коммуникативная толерантность, уменьшилась величина социальной дистанции.

Список литературы:

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] –Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – 339 с.
2. Анцупов А. Я. , Баклановский С. В. , Конфликтология в схемах и комментариях [Текст] – СПб. : Питер, 2005.
3. Аристотель Никомахова этика [Текст] // Сочинения в 4-х томах. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура – М. : Мысль, 1984. – 294 с.
4. Бетти Э. Риэрдон Толерантность – дорога к миру [Текст]. – М. : «Бонфи», 2001. – 304 с
5. Большая советская энциклопедия [Текст]: в 30 т. Т. 26 / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1977. – 624 с.
6. Братченко С. Л. Психологические основания исследования толерантности в образовании [Текст] // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. – Красноярск, 20003. – с. 104 – 117 с.
7. Иванова Н. Л. Идентичность и толерантность: соотношение этнических и профессиональных стереотипов [Текст] // Вопросы психологии. – 2004. – № 6. – с. 54 – 63.
8. Ивкова Ю. П. Формирование этнической толерантности старшеклассников в деятельности классного руководителя [Текст]. Автореф канд пед наук. – Петрозаводск, 2006.
9. Капустина Н. Г. Формирование толерантности в структуре этического мировоззрения [Текст] //Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 60. – с. 61-69.
10. Круглова Н. В. Виртуальность и реальность толерантности [Текст] // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11 – 13 апреля 2000 г. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – с. 18 – 21.
11. На пути к толерантному сознанию / под ред. А. Г. Асмолова. – М. : Смысл, 2000.
12. Нижегородцева Н. В. Системогенетический анализ готовности к обучению [Текст]: монография. – Ярославль: Аверс Пресс, 2004.
13. Популярная медицинская энциклопедия [Текст] / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : «Советская энциклопедия». – 1979. – 704 с.
14. Семашко М. А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках [Текст] // Электронный научно-педагогический журнал. – 2007. – октябрь.
15. Солдатова Г. У. , Шайгерова Л. А. , Шарова О. Д. Тренинг «Учимся толерантности» [Текст]// На пути к толерантному сознанию / под ред. А. Г. Асмолова. – М. : Смысл, 2000. – с. 177-239.
16. Тавадов Г. Т. Этнология [Текст]. – М. : Дашков и Ко, 2009. – 408 с
17. Толковый словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. Т. 4 / под ред. Д. Ушакова – М. : ТЕРРА, 1996. – 752 с.
18. Шпунтов В. И. Этническая толерантность как феномен культуры [Текст] // Мир на СК. Сер. № 4. Культурология, этнокультурология, культурная антропология. 2004г.

П.В.Тарасова
**ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНЗАКЦИЙ В ПАРЕ
«ПСИХОЛОГ-КЛИЕНТ»: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В данной работе представлены результаты эмпирического исследования, целью которого являлось подтвердить на практике теорию Э.Берна о транзактном анализе. Обработки данных с помощью цепей Маркова. В целом можно утверждать, что для нашей выборки утилитарная функция системы транзактного анализа оказалась низкой, т.е. положения теории Э.Берна для анализа закономерностей смены эго-состояний у психолога и клиента оказались избыточными.

Ключевые слова: Транзактный анализ, транзакционные последовательности, цепи Маркова

Транзактный анализ Э.Берна является широко применяемой на практике и часто цитируемой психотерапевтической системой. Преимущество подхода заключается в возможности анализировать живой процесс взаимодействия психолога и клиента, реальный разговор двух сторон. Это преимущество неоднократно подчеркивалось, например, в работах Дж.Прохазки и Дж.Норкрасса [2007]. Однако, эмпирическому тестированию положения теории транзактного анализа не подвергались. Впрочем, то же самое можно сказать практически о любом из распространенных сегодня подходов в личностной психотерапии и психологическом консультировании. Эта проблема напрямую относится к проблеме соотношения науки и практики в психологии. Описываемое в данной работе исследование является первой попыткой подойти к одной из психотерапевтических систем [на примере транзактного анализа] с позиций строгой эмпирики и статистически обоснованных выводов.

Одно из центральных положений Э.Берна [1999] заключается в возможности выделения в поведении клиента и психолога трех относительно независимых эго-состояний [родитель, взрослый, ребенок]. Сам транзактный анализ предполагает изучение эго-состояний и закономерностей перехода между ними. Одно из положений теории заключается в том, что процесс взаимодействия двух людей проходит до тех пор, пока их транзакции дополнительны. Как только транзакции пересекаются, есть два пути: либо транзакции становятся дополнительными [один из собеседников переходит в другое эго-состояние], либо диалог прекращается. Это положение предполагает, что в процессе взаимодействия двух людей каждый из них должен учитывать как минимум две вещи: 1) эго-состояние своего собеседника, 2) свое эго-состояние в предыдущий момент времени. Это означает, что для построения своего поведения в момент времени N+2 клиенту необходимо учитывать эго-состояния в моменты времени N и N+1, а также взаимодействие между ними. Эти положения подвергались нами проверке на основе эмпирического исследования и последующей обработки данных с помощью цепей Маркова. При этом нами была использована логика эмпирического исследования, предложенная L.R.Weingart и M.J.Prietula при процессуальном анализе процесса переговоров двух сторон [Weingart &

Prietula, 1999].

Гипотезы исследования:

1. Эго-состояние клиента определяет эго-состояние психолога.
2. Эго-состояние психолога определяет эго-состояние клиента. Это влияние, по крайней мере, в два раза превышает влияние клиента на психолога.
3. Клиент при выборе своего эго-состояния в момент времени N руководствуется эго-состоянием психолога в момент времени N-1 в ответ на эго-состояние психолога в момент времени N-2 [то есть в своем поведении клиент руководствуется анализом двух предшествующих шагов/реплик].
4. Психолог при выборе своего эго-состояния в момент времени N руководствуется эго-состоянием клиента в момент времени N-1 в ответ на эго-состояние психолога в момент времени N-2 [то есть в своем поведении психолог руководствуется анализом двух предшествующих шагов/реплик].
5. Для объяснения взаимодействия клиента и психолога необходимо анализировать как непосредственную реакцию, так и пересечение транзакций [т.е. утилитарная функция транзактного анализа велика].

Организация исследования:

В эмпирическом исследовании было использовано 20 пар студентов, обучающихся на факультете психологии ПГПУ. Парам была предложена игровая ситуация, в которой один из них [случайным образом] играл роль психолога, другой – клиента. Клиенту необходимо было озвучить заранее заготовленный нами запрос [смерть родственника и затянувшееся состояние депрессии], психологу необходимо было оказать психологическую поддержку. Процесс и содержание диалога внутри пары никак не регламентировалось. Ситуация взаимодействия снималась на видеокамеру. Среднее время взаимодействия каждой пары составило 5 минут. На втором этапе группа экспертов анализировала видеозаписи. Каждая запись была разбита на отдельные четко выраженные единицы – реплики. Каждой реплике каждый из экспертов приписывал один из трех кодов, в соответствии с тем, в каком эго-состоянии [по мнению эксперта] в этот момент пребывал собеседник [родитель, взрослый, ребенок]. В тех случаях, когда эксперты расходились в своих оценках, соответствующая реплика исключалась из анализа. В итоге было получено 20 последовательностей из цифр, соответствующих определенным эго-состояниям. Данные последовательности были преобразованы в матрицу сырых данных, где в строках располагались транзакционные последовательности, а в столбцах – номер и код реплики [все-го четыре кода: К1, П1, К2, П2 – первая реплика клиента, первая реплика психолога, вторая реплика клиента и т.д.]. В итоге было получено 343 транзакционных последовательности из четырех реплик. Эти последовательности подвергались анализу с использованием цепей Маркова, целью анализа было выявление закономерностей перехода между различными эго-состояниями психолога и клиента.

Результаты и выводы:

1. Первая гипотеза находит свое подтверждение. Средний коэффициент корреляции в таблицах сопряженности К1-П1 и К2-П2 составляет 0.47, что при возведении в квадрат дает 22 % объяснимой дисперсии: эго-

состояние психолога на 22 % зависит от предшествующего эго-состояния клиента.

2. Вторая гипотеза находит частичное подтверждение. Соответствующий фи-коэффициент для таблиц сопряженности П1-К1 и П2-К2 составляет 0.53, т.е. эго-состояние клиента на 28% зависит от предшествующего эго-состояния психолога.

3. Третья гипотеза подтверждения не находит. Для проверки этой гипотезы нами были построены несколько гипотетических цепей Маркова, затем проведено сравнение индексов пригодности цепи первого порядка [в которой состояние в момент времени N зависит только от состояния в момент времени N-1] и цепи второго порядка [в которой состояние в момент времени N зависит от двух предшествующих состояний, N-1 и N-2]. Сравнение показало, что улучшение в индексах пригодности при переходе от цепи первого порядка к цепи второго порядка незначительно: $\chi^2(16) = 15.8, p > 0.05$. Фактически это означает, что учет закономерностей взаимодействия между состояниями в моменты времени N-1 и N-2 в нашей выборке для объяснения поведения психолога и клиента избыточен. Модель первого порядка, учитывающая лишь непосредственные реакции психолога на клиента (и наоборот), обладает высокой степенью пригодности: $\chi^2(52) = 61.6, p = 0.17$.

4. Четвертая гипотеза [в аналогичном статистическом анализе] также не нашла своего подтверждения.

5. Исходя из данных, описанных выше, стало возможным утверждать, что для объяснения взаимодействия клиента и психолога в нашей выборке анализ пересекающихся транзакций является избыточным. Клиент ориентируется на свое предшествующее эго-состояние и на актуальное эго-состояние психолога. Однако сопоставления эго-состояния психолога со своим предшествующим эго-состоянием у клиента не происходит. Таким образом, и клиент, и психолог в нашей выборке ведут себя «непосредственно».

6. На основе полученных данных было проведено также качественное, описательное исследование закономерностей перехода между эго-состояниями психолога и клиента. В целом можно утверждать, что:

А. На эго-состояние ребенка у психолога клиент более склонен реагировать эго-состоянием родителя [49%] или взрослого [44%]. На эго-состояние взрослого у психолога клиент склонен реагировать эго-состоянием взрослого [49 %], ребенка [35%], родителя [16%]. На эго-состояние родителя у психолога клиент реагирует эго-состоянием ребенка [71%], взрослого [20%], родителя [9%].

Б. На эго-состояние ребенка у клиента психолог более склонен реагировать эго-состоянием родителя [46 %], взрослого [44 %], ребенка [10%]. На эго-состояние взрослого у клиента психолог склонен реагировать эго-состоянием взрослого [63%], ребенка [22%], родителя [15%]. На эго-состояние родителя у клиента психолог склонен реагировать эго-состоянием ребенка [50%], взрослого [42%], родителя [8%].

В целом можно утверждать, что для нашей выборки утилитарная функция системы транзактного анализа оказалась низкой, т.е. положения теории Э.Берна

для анализа закономерностей смены эго-состояний у психолога и клиента оказались избыточными.

Перспективы исследования связаны с увеличением выборки участников и приближением ситуации исследования к реальной ситуации психотерапевтического взаимодействия. Планируется исследовать несколько реальных психотерапевтических сессий, при этом сопоставить логику работы психотерапевтов разных направлений.

Список литературы:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Екатеринбург. ЛИТУР, 1999.
2. Прохазка Дж., Норкросс Дж. Системы психотерапии. Прайм Еврознак, 2007.

А.Р. Филлипов

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЧЛЕНАМИ СМЕШАННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП

В статье раскрыты теоретические аспекты субъективной стороны состава групповых насильственных преступлений несовершеннолетних. Автор убедительно доказывает, что субъективная сторона является важнейшим элементом состава группового преступления, служит основанием для уголовной ответственности несовершеннолетних, а также непосредственно влияет на квалификацию конкретного преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, насильственная преступность, организованные преступные группы подростков, вина, мотив и цель группового преступления.

Существенные изменения качественных показателей преступности (организованной, насильственной, профессиональной, корыстной, подростковой и т.д.), произошедшие в последнее десятилетие, требуют немедленного разрешения вопроса о своевременной и адекватной оценке криминального насилия. Приходится констатировать, что уголовное законодательство нуждается в совершенствовании.[1]

Э.Ф. Побегайло констатирует, что ситуация в сфере борьбы с насильственными преступлениями крайне неблагоприятная, поскольку ненависть, экстремизм, криминальная агрессия, жестокость пронизывают все сферы общества. В криминальную сферу вовлечены представители самых разнообразных слоев населения, а эскалация насилия уже давно приобрела крайне brutальные, гипертрофированные формы.[2] «Среди насильственных преступлений наиболее устойчивую и значительную часть составляют убийства, умышленное причинение вреда здоровью, истязания, похищения людей, изнасилования, разбои, насильственные грабежи, вымогательство и сопряженное с насилием хулиганство. Их состояние и динамика преимущественно характеризуют насильственную преступность в целом».[3]

Подростковое насилие имеет, условно говоря, четыре аспекта: социально-

психологический, уголовно-правовой, криминологический, клинко-психопатологический. Влияние указанных факторов в значительной степени связано с общественными процессами, которые имеют место во внешней, по отношению к несовершеннолетнему, среде. В тоже время социальные деформации личности, психические аномалии, девиации, характерные для пубертатного периода, являются той суммой факторов, связанных с внешней средой, которая в значительной степени составляет феномен криминального подросткового насилия.[4]

С нашей точки зрения, организованное криминальное насилие несовершеннолетних - это индивидуальное или коллективное противоправное поведение, направленное на нанесение физического и (или) психического вреда другому человеку или группе лиц, осуществляемое под единым руководством преступного сообщества (преступной организации). В основе криминального насилия лежат различные проявления агрессивного поведения (особая роль принадлежит такой устойчивой черте личности как «агрессивность») а также корыстная и корыстно-насильственная мотивация.

Под организованной смешанной преступной группой несовершеннолетних следует понимать сообщество преступников различной возрастной и половой дифференциации (с доминированием в численном отношении подростков мужского пола), которая отличается общностью способов проявления криминальной активности, преступных интересов, жесткими и устойчивыми внутригрупповыми связями, четким распределением ролевых функций, строгой соподчиненностью. Характерна высокая самоидентификация каждого члена с группой. Члены группы обладают уголовно-профессиональными навыками и четко придерживаются установок криминальной субкультуры. Обычно такие группы входят в состав структурно и организационно более сложных преступных сообществ.

По мнению ведущих отечественных ученых, квалификация преступного насилия по субъекту в большинстве случаев не отличается выраженной спецификой, поскольку особого внимания заслуживают объективные признаки криминального насилия и анализ его субъективной стороны. Субъективная сторона криминального насилия объединяет всю совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих весь спектр поведенческой активности, эмоциональную и волевою сферу подростка во время совершения им преступления.[5]

В соответствии со ст. 60 Конституции РФ гражданин России может осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет, с этого же возраста наступает гражданская дееспособность. Однако возраст, с которого наступает уголовная ответственность, не равен возрасту гражданской дееспособности. Возрастные ограничения на привлечение к уголовной ответственности устанавливаются с учетом данных об этапах развития личности, о том, с какого возраста человек способен оценивать свое поведение и возможные последствия своих поступков. В России общий возраст уголовной ответственности установлен с 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Возраст уголовной ответственности за некоторые преступления, однако, снижен до 14 лет. Это те преступления, общественная опасность которых очевидна и понятна подросткам уже по достижении ими 14-летнего воз-

раста.

К 14 годам современный подросток уже обладает надлежащим уровнем культуры и правовым сознанием. Он в состоянии осознавать опасность своих действий (в приведенном выше перечне преступлений, за которые ответственность наступает с 14 лет, нет ни одного состава, в котором объективная сторона могла бы выражаться в форме преступного бездействия) и руководить ими. Ч. 2 ст. 20 УК РФ перечисляет действия, общественная опасность которых очевидна даже несовершеннолетним.

Те же деяния, осознание общественной опасности которых требует дополнительного развития, может быть, дополнительных знаний или опыта, влекут уголовную ответственность с более старшего возраста, с 16 лет и выше, это относится и ко всем составам преступлений, объективная сторона которых может выражаться в форме бездействия, так как осознать причиняющую способность бездействия сложнее, чем мысленно проследить причинно-следственную связь между действием и вредными последствиями. Субъективная сторона преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, характеризуется умышленной формой вины, так как для сформировавшейся личности затруднительно предвидеть общественно опасные последствия неосторожного поведения, и общество не может требовать этого от несовершеннолетних.[6]

С субъективной стороны насильственные преступления несовершеннолетних предполагают наличие прямого или косвенного умысла на причинение вреда жизни и здоровью, на незаконное получение имущественной выгоды, на несение вреда общественной безопасности и общественному порядку либо государственной власти Российской Федерации. Так, например, грабеж, разбой, вымогательство и т.д. характеризуются прямым умыслом, содержание которого входит, в частности, осознание того, что указанные деяния совершаются противозаконно с применением насилия и направлены на завладение чужим имуществом.

Согласно отечественному законодательству, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.[7]

Этимология термина «умысел» с точки зрения С.В. Складорова подразумевает заранее обдуманное намерение, подготовку преступления с осознанием его последствий. При этом намерение представляет собой предположение сделать что-нибудь конкретное, реализовать желание, замысел (намеренный - сделанный сознательно). Учитывая этимологическое значение употребляемых законодателем терминов, С.В. Складоров делает следующий вывод: если лицо, совершая какие-либо действия, полностью осознает их цель, характер, предполагаемый результат и его возможные последствия, то оно действует умышленно. «Таким образом, облекая данный вывод в соответствующую формулу, можно заключить, что лицо действует умышленно в том случае, если сознает характер своих действий (бездействия) и предвидит их возможные последствия».[8]

При убийстве умысел может быть как прямым, так и косвенным. Установление различия между прямым и косвенным умыслом имеет большое значение для ограничения покушения на убийство от других преступлений.[9] Как под-

черкнул Пленум Верховного Суда РФ, покушение на убийство возможно только с прямым умыслом, т. е. тогда, когда виновный предвидел наступление смерти, желал ее наступления, но этого произошло по не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и т.д.). Решая вопрос о виде умысла виновного, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализации телесных повреждений (например, ранение жизненно важных органов), причины прекращения несовершеннолетним преступных действий, а также предшествовавшее преступлению и последующее поведение виновного, его взаимоотношения с потерпевшим.[10] Однако опыт практической деятельности свидетельствует, что суды не всегда учитывают эти обстоятельства и порой покушение на убийство квалифицируют как причинение тяжкого вреда здоровью.

Как справедливо отмечает Г.Н. Борзенков, насильственные преступления совершаются с прямым умыслом не только тогда, когда причинение смерти является конечной целью действий виновного; так, цель может лежать и за пределами состава убийства. В частности, убийство случайного свидетеля преступления (цель - избежать разоблачения) или убийство кассира, отказавшегося передать преступнику деньги (цель - завладение деньгами).[11] Далее автор выражает твердое убеждение, что желание как волевой элемент умысла при ряде насильственных преступлений (например, убийстве) не всегда выражает эмоциональное отношение виновного к наступлению определенных последствий для жертвы (смерти, вреда здоровью и т.д.).[12]

Прямой умысел подразумевает под собой интеллектуальные и волевые аспекты. Не вызывает сомнений, что по восприятию осознания степени общественной опасности насильственных посягательств, прямой и косвенный умыслы схожи, однако дифференциацию между ними следует проводить по признаку предвидения (то есть с учетом интеллектуального аспекта) и по волевому критерию. Необходимо особо подчеркнуть, что предвидение в прямом умисле четко рисует перед несовершеннолетним картину возможных общественно опасных последствий, являющихся результатом совершения конкретного преступления. Если же волевой критерий прямого умысла подразумевает четкое стремление к наступлению общественно опасных последствий, то волевой критерий косвенного умысла характеризуется нежеланием наступления таковых последствий.

Рассуждая о проблемах законодательной регламентации умышленной формы вины, А.Г. Бабичев абсолютно правильно указывает, что интеллектуальную составляющую прямого умысла характеризуют осознание и предвидение. «Лицо, совершающее преступление с прямым умыслом, сознает общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидит неизбежность либо реальную возможность наступления общественно опасных последствий. Сознание общественной опасности деяния означает понимание его фактической сути и общественной значимости.»[13]

Определение вины и умысла в уголовном праве должно соответствовать психологическому пониманию волевого поведения.[14]

Следует отметить, что психологическая концепция определения вины доминирует в отечественном законодательстве. Мы полностью разделяем точку зрения исследователей, которые считают, что психологический подход позволяет вычленивать ту часть субъективного, которая имеет непосредственное значение для квалификации насильственного преступления и индивидуализации уголовной ответственности подростка, его совершившего.[15]

Как мы уже указывали, субъективная сторона насильственного преступления, совершенного подростком, свидетельствует о психическом отношении субъекта к своим агрессивным действиям и включает в себя вину, мотив, цель. Данное психическое отношение (особенно интеллектуальный элемент умысла, мотивационная сфера и т.д.) в значительной степени формируются под влиянием возрастных особенностей.

Субъективными факторами агрессивного и жестокого поведения подростков, членов организованных преступных групп могут являться психические аномалии, не исключающие вменяемости. Так, например, в основе агрессивно-насильственного поведения могут лежать различного рода эндогенные (генетически обусловленные) психические хронические заболевания. В частности, при эпилепсии не редко возникают эпилептические эквиваленты, характеризующиеся внезапным изменением настроения в сторону гневно-злобного, нередко с агрессией и яростью в отношении окружающих.[16]

В тоже время значительное число научно-практических работников разделяют точку зрения Н.А. Барановского и В.Н. Кудрявцева, которые объясняют насилие, агрессию и жестокость наличием у субъекта особых социальных потребностей к совершению подобных действий. Основой мотивации криминального насилия, как правило, выступают человеческие потребности, к которым относятся элементарные биологические и социально-обусловленные потребности, в том числе и сформированные криминальной группой.[17]

Девиантный подросток с повышенной готовностью принимает групповые правила поведения и существующую в ней «уголовную» субкультуру. Следует отметить, что приход подростка в ту или иную группу не является каким-то случайным актом: эти группы «подбираются» в соответствие с социальным статусом и образовательным уровнем семьи, с теми базовыми личностными ценностями, которые уже сформировались до пубертата.

А.Е. Личко выделяет два типа подростковых групп: жестко регламентированные и свободные. В первом случае речь идет о четко структурированных образованиях, в которых каждому подростку отводится строго фиксированная роль, а во главе всей иерархической структуры находится признанный лидер. Другой тип подростковой группы представляет собой достаточно аморфное и менее стабильное сообщество, в котором отсутствует четкое распределение ролей, и ее функционирование не подчиняется строгой регламентации. Совершение агрессивных действий, связанных с реакцией группирования, происходит большей частью в жестко регламентированных подростковых сообществах.[18]

Согласно другому делению (распространенному в зарубежной литературе), подростковые группы формируются в форме команды или банды. И те, и другие представляют собой постоянные, строго регламентированные, иерархические со-

общества. Разница между ними состоит в том, что банды отличаются относительно большей крепостью структуры и наличием криминальных целей своего функционирования. Жестокость в группах проявляется в совершении направленных против отдельной личности и социума в целом «инструментальной» агрессии с корыстным, с корыстно-насильственным мотивом, а также в виде групповых грабежей и разбойных нападений. По групповому механизму совершаются и прямые насильственные агрессивные действия - нанесения тяжких телесных повреждений, убийства.[19]

Определение формы вины несовершеннолетнего насильственного преступника, не может быть основано лишь на анализе содержания его доминирующего целевого мотива. Для решения вопроса о форме вины необходимо учитывать представление лица о возможных результатах его поведения. Лишь тщательный анализ изучения всех обстоятельств совершения преступления может открыть истинную картину о форме вины несовершеннолетнего. В свою очередь установление содержания целевого мотива и его соотношения с наступившими последствиями будет лишь еще одним подтверждением правильности принятия решения о форме вины лица и квалификации его действий.

Таким образом, анализируя субъективную сторону насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними членами смешанных организованных преступных групп, следует отметить, что она состоит из следующих элементов: вины, мотива и цели преступления.

Субъективная сторона криминального насилия несовершеннолетних представляет собой внутреннюю характеристику психических процессов и девиантных форм поведенческой активности подростков, отличающихся высоким уровнем агрессивности и недостаточной оформленностью мотивационной сферы. Субъективная сторона криминального насилия, как правило, характеризуется прямым умыслом.

Учитывая, что интеллектуально-волевая деятельность несовершеннолетнего участника организованной смешанной преступной группы непосредственно связана с ее целевой установкой и осознанными потребностями (целевыми мотивами, выступающими в качестве первоисточника поведения), следует заключить, что субъективная сторона преступления и вина (рассматриваемая в качестве ее обязательного свойства) являются тождественными понятиями.

Список литературы:

1. См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. - М., 2006. - С. 16-24; Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. - СПб., 2009. - С. 4-9; Побегайло Э.Ф. Избранные труды. - СПб., 2008. - С. 10-15.
2. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. - СПб., 2008. - С. 338-342.
3. Частная криминология / Отв. ред. Д.А. Шестаков. - СПб., 2007. - С. 205.
4. См.: Агрессия и психическое здоровье / Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича. - СПб., 2002. - С. 111-113; Барденштейн Л.М., Можгинский Ю.Б. Патологическая агрессия подростков. - М., 2005. - С. 40-42; Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнов С.Д. Подростки групп риска. - СПб., 2005. - С. 17, С. 20-21.

5. См.: Никитин Е.В. Корыстно-насильственные преступления против собственности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2002. - С. 9-13; Рарог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. - М., 1991. - С. 9.
6. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. - СПб., 2009. - С. 296.
7. См.: Иванов Н. Умысел в уголовном праве России // Российская юстиция. - 1995. - №12. - С. 16-18; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. - СПб., 2009. - С. 248-258.
8. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. - С. 24-25.
9. См.: Рарог А.И. Квалификаций преступлений по субъективным признакам. - СПб., 2003. - С. 85; Уголовное право России: Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. - М., 2010. - С. 24-27.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. №3. - С. 3-6.
10. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. - М., 2008. - С. 32.
11. Там же. С. 32-33.
12. Бабищев А.Г. Убийство: проблемы, теория, практика. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. - С. 68-69.
13. См.: Лунев В.В. Субъективное вменение. - М., 2000. - С. 10-12; Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. - СПб., 2002. - С. 10-12; Трухин А.М. Интеллектуальные критерии разграничения вины в советском уголовном праве // Вестник Моск. унта. Серия «Право». - 1976. - №1. - С. 78.
14. См.: Ожиганова М.В. Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008; Чугаев А.П., Веселов Е.Г. Назначение наказания. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008.
15. Андреева Л.А., Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. - С. 15-17.
16. См.: Барановский Н.А. Потребности и мотивы агрессивного преступного поведения // Проблемы правосудия и уголовного права. - М., 1978. - С. 170-171; Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. - М., 1998. - С. 42-54; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. - М., 1976. - С. 195.
17. См.: Личко А.Е. Подростковая психиатрия. - Л., 1985.
18. Барденштейн Л.М., Можгинский Ю.Б. Указ. соч. - С. 49.
19. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. - С. 140-141.

А.Н. Хлебосолова, В.А. Швец

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОТКАЗА ОТ МАТЕРИНСТВА

Статья посвящена проблеме девиантного материнства и анализу психологических причин «отказничества».

Ключевые слова: материнство, модель материнства, отказ от материнства, материнская депривация, паттерн отказа, борьба мотивов.

Материнство - сложный феномен, имеющий свои физиологические механизмы, эволюционную историю, культурные и индивидуальные особенности. В любом обществе постоянно происходят изменения в общественных отношениях, что в свою очередь приводит к изменениям и в сознании женщины – модель материнства становится иной, изменяется отношение женщины к своей роли матери.

По мнению Е.А. Ходыревой и Т.С. Миковой [6] в наши дни материнство занимает незначительное место в жизни женщины. Действительно, заметно возросло стремление к высокому профессиональному статусу и карьере, отмечается повышенная тяга к благосостоянию и высокому уровню потребления, что приводит к смещению роли материнства в системе ценностей современной женщины.

С каждым годом число детей, оставшихся без попечения родителей, возрастает. По данным статистики, Россия сегодня переживает третью волну социального сиротства (первые две - после Гражданской и Великой Отечественной войн). Даже после Великой Отечественной войны сирот во всем Советском Союзе было меньше (600 тысяч), чем сейчас в России (более 800 тысяч). Большинство детей, оставшихся без попечения родителей, не являются сиротами в обычном понимании этого слова. Сам термин «социальное сиротство» означает, что у ребенка, живущего в интернатном учреждении, есть живые родственники, а часто - жив один из родителей. Сегодня таких детей по статистике более 83%.

Отказ от материнства - нежелание женщины принять на себя социальную роль матери - тяжелейшее проявление экономического и духовного состояния общества.

Поводы и причины отказа от новорожденных чрезвычайно разнообразны. Возникновение отказов от материнства обусловлено сложным взаимодействием социально-экономических, семейных, нравственных, психобиологических и патологических факторов.

Анализ литературы по данному вопросу показал, что наиболее высока распространенность отказа от новорожденных среди:

- незамужних женщин;
- женщин из семей с низким материальным достатком;
- не имеющих постоянного жилья;
- несовершеннолетних и учащихся;
- лиц с криминальным прошлым;
- выпускниц сиротских учреждений.

Из анализа данных исследований по интересующей нас проблематике, мы выяснили, что большинство матерей, отказывающихся от своих детей, воспитывались в нестабильных семьях и с раннего детства имели негативный опыт межличностных взаимоотношений. Личность многих женщин, не готовых к материнству, формировалась в своеобразной субкультуре агрессии, часть из них в детстве страдали от холодного отношения со стороны своих родителей. Особенно важное влияние оказывает депривация со стороны матери. Жестокое об-

ращение с девочкой закладывает у нее искаженный образ материнского поведения. Материнская депривация делает усложняет процесс идентификации с матерью как на уровне психологического пола, так и на уровне формирования материнской роли, нарушает готовность женщины к эффективному материнству. Многие женщины, бросающие своих детей, повторяют приобретенный в детстве дефектный стереотип поведения матери.

Также одной из причин отказа от материнства является то, что некоторые женщины испытывали в детстве чрезмерную зависимость от отца и матери. Ведущая потребность женщины с девиантным материнским поведением - получить любовь и признание своей родной матери. Это делает их чрезмерно конформными, обнаруживает у них обостренную потребность в привязанности, принятии, в позитивном отношении к себе. Кроме того, такая потребность во многом блокирует личностный рост женщины, не позволяя ей самой в будущем стать матерью. Видимо, поэтому выявляется следующий парадокс: оставляя своего ребенка, большинство «отказниц» демонстрируют, тем не менее, общепринятые нормы и установки.

По мнению зарубежных исследователей (Chamberlen R. W. 1988, Wasserman S. 1967) главной причиной, предшествующей отказу от ребенка, является нестабильность собственной семьи «отказницы». Как отмечает А.Я. Варга [1] «отказница» происходит из семьи с давно нарушенными связями и отношениями. Разводы и физическое насилие регистрируются уже в поколении бабушки «отказницы». В предыдущих поколениях прослеживаются паттерны отказа от детей - детей отдавали в детские дома, на воспитание в семьи соседей или дальних родственников.

Как указывают В.И. Брутман, М.Г. Панкратова и С.Н. Ениколопов [4] еще в 30-е гг. при изучении психологического состояния женщин, отвергающих своих детей у них были обнаружены эмоциональная и психологическая незрелость, неготовность к браку в силу эмоциональной неустойчивости и эгоцентризма. У некоторых отмечается явное и, возможно, неосознанное стремление ко всё новым эмоциональным переживаниям, что часто ведет к многочисленным сексуальным связям, которые, из-за незрелости личности они не способны продолжать и в которых не находят эмоционального удовлетворения. В собственных исследованиях авторы выяснили, что такие женщины ощущают чувство пустоты вокруг себя, бывают сосредоточены лишь на своих проблемах, для них характерно наличие чувства пережитой несправедливости и недостатка любви. Их отличает неспособность контролировать свои влечения, импульсы. Показано, что среди «отказниц» очень часто встречаются эмоционально незрелые личности, которых отличают аффективная несдержанность, низкая толерантность к стрессам, эгоцентризм и независимость.

Было установлено [4], что принятие решения отказаться от новорожденного у этих женщин возникает, как правило, задолго до рождения ребенка. В это время женщины обычно переживают тяжелый психологический кризис, имеющий в разных случаях свое содержание. Общим для всех является борьба мотивов - когда инстинктивному стремлению женщины к материнству и давлению общественной морали противостоит недоверие к своим силам и возможно-

стям.

В.И. Брутман, М.Г. Панкратова и С.Н. Ениколопов в своём исследовании [4] выделяют две группы мотивов отказа от ребенка. Одна из них - это трудная житейская ситуация (отсутствие денег, жилья, неприятие родителей, категорический отказ мужа от ребенка). Другая более комплексная и сложная, которая включает помимо социальных значительные психологические и психопатологические проблемы. Решающим является убежденность, что рождение ребенка может стать угрозой для реализации собственных социальных устремлений или, напротив, ощущение, что мать сама (а через неё и всё окружение) являются угрозой для благополучия и даже жизни собственного ребенка.

По данным исследований А.Я Варга [1] ребенок для «отказницы» - источник психологических проблем, страха и тревоги. Ей кажется, что ребенок недоступен для контакта, что он нечто незначительное, далекое от нее самой. Она сама и ее мать считаются гораздо более значительными и существенными фигурами внутренней картины мира «отказницы».

Таким образом, можно предположить, что личностная незрелость, неготовность воспринимать новую социальную роль и являются важнейшими психологическими факторами, формирующими аномальную материнскую мотивацию. Социально-психологическая ситуация во время беременности женщин из такой группы риска может способствовать тяжелому психологическому травмированию женщины, что является угрозой не только для ее психического здоровья, но и для здоровья будущего ребенка. Поэтому, существует необходимость как можно более раннего выявления среди беременных женщин с риском отказа от материнства и оказания им адекватной пренатальной поддержки, включающей комплекс социальных, психологических и медицинских мер.

Проблема отказа от материнства остается открытой. Необходимы новые исследования, которые были бы посвящены более подробному изучению механизмов формирования процесса отказа от ребёнка, комплексу социальных, психологических и патологических факторов, подталкивающих женщин к отказу от своих новорожденных детей.

Список литературы:

1. Варга А. Я. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Журнал практической психологии и психоанализа, № 3, 2002.
2. Брутман В.И., Варга А.Я., Радионова М.С. Особенности семейного воспитания и личностные характеристики женщин, бросающих своих детей // Ежегодник Российского психологического общества: Психология сегодня. М., 1996. Т. 2.
3. Брутман В.И., Ениколопов С.Н., Радионова М.С. Некоторые психологические особенности женщин, отказывающихся от новорожденных // Сироты России: проблемы, надежды, будущее. М., 1994.
4. Брутман В. И., Панкратова М. Г., Ениколопов С. Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии, № 5, 1994.
5. Деларю В. В. Психология отклоняющегося поведения, Волгоград, 2004.
6. Ходырева Е. А., Микова Е. С., Социально-психологический феномен девиантного материнства, ч.3, М., 2005.

Е.Ю. Шебанец

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ МАТЕРЕЙ, ИМЕЮЩИХ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА (С ДИАГНОЗОМ ДЦП)

В данной статье рассматриваются психологические проблемы и особенности субъектной позиции матерей, имеющих ребенка-инвалида (с диагнозом ДЦП) и приводятся результаты исследования.

Ключевые слова: субъектная позиция, благополучие субъектной позиции, ребенок-инвалид,

Рождение ребенка с детским церебральным параличом, нарушает весь ход жизни семьи. Наибольшие трудности в данной ситуации приходится на долю матери. Кризисная ситуация затрагивает значимую для матери субъектную (внутреннюю) позицию, основанную на системе отношений личности к миру, другим людям, самому себе, позволяющая ей сознательно, ответственно и свободно строить свою жизнь, совершать поступки и жизненные выборы. Так, у матерей, проявляются острые эмоциональные расстройства, суицидальные намерения и попытки, аффективно-шоковые и истерические расстройства.

По мнению, К.А. Абульхановой, субъектная позиция человека характеризует совокупность системы целей и ценностей, осознанно и ответственно реализуемой им в различных ситуациях деятельности и взаимоотношений с другими, а также способов её реализации [1]. В результате у матерей, находящихся в такой ситуации нарушается субъектная позиция личности. Причины деформации связаны с психологическими особенностями состояния больного ребенка, а также с огромной психологической нагрузкой, которую несут члены семьи аномального ребенка в связи с длительно действующим психотравмирующим стрессом. Многие матери в сложившейся ситуации оказываются беспомощными.

О благополучии субъектной позиции личности свидетельствуют такие показатели, как стратегия поведенческой активности в стрессовых условиях, уровень субъективного контроля, тип выхода из трудных жизненных ситуаций и уровень субъективного благополучия. Для исследования указанных характеристик личности использовались следующие методы и тесты: анкетирование, «Шкала субъективного благополучия» (автор-разработчик: Perrudet-Badoux, Mendelsohn, Chiche, автор адаптации: Соколова М.В.), «Выход из трудной жизненной ситуации», «Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях» (Л.И. Вассерман, Н.В. Гулинюк) [2].

Контингент испытуемых составили матери, воспитывающие детей-инвалидов. Цель нашего исследования обусловила необходимость выделения среди их биографических показателей, условий семейной жизни, работы и т.д. – факторов, в наибольшей степени влияющих на уровень благополучия субъектной позиции личности. Для получения биографических сведений была разработана анкета, включающая вопросы открытого и закрытого типа.

Анализ результатов анкетирования позволяет следующим образом охарактеризовать группу респондентов. Средний возраст женщин составляет 35 лет; большинство опрошенных относятся к возрастному интервалу 31 – 40 лет

(34%), наименьшее количество женщин соответствует возрастному интервалу 18 – 24 года (16%). Подавляющее большинство опрошенных (84%) имеют профессиональное образование, причем 44% – высшее, а 40% – среднее специальное или неоконченное высшее. Доля работающих среди опрошенных составляет 72%; 38% от общего количества женщин работают по специальности, 34% – не по специальности.

В группе респондентов примерно равное количество женщин, имеющих полную (42%) и не полную (58%) семьи.

82% респондентов отметили, что ребенок в их семье желанный, у 60% есть еще дети; в 68% ребенок–инвалид какое–то время находился в специальном учреждении, здоровье детей является самой насущной проблемой для всех респондентов без исключения.

Наиболее распространенными ответами на вопрос о том, от чего женщинам пришлось отказаться ради ребенка, являются следующие: «от личной жизни» (40%) и «от обычного круга общения» (36%); 2% отметили, что временно отказались от работы, а 23% – что им ни от чего не пришлось отказываться.

Круг общения ребенка–инвалида составляют, преимущественно, друзья и родственники (96%), только 4% опрошенных указали на отсутствие у ребенка определенного круга общения.

Половина респондентов (50%) характеризуются чувством безнадежности относительно будущего ребенка инвалида, на улучшение состояния ребенка рассчитывают 14%, а полноценной жизнь ребенка в будущем видится 36% женщин.

Дети подавляющего большинства опрошенных женщин (72%) посещают образовательные учреждения, остальные либо прекратили образование (4%), либо находятся на домашнем обучении (24%).

Примерно равное количество респондентов отметили, что взаимоотношения с отцом ребенка можно охарактеризовать как нормальные (32%), плохие (30%) либо отсутствующие (28%).

Равное количество респондентов отметили значительное участие и большую помощь отца в воспитании ребенка–инвалида и полное самоустранение отца от воспитания ребенка, отсутствие помощи с его стороны (по 38%). 24% женщин указали на наличие ситуативной помощи отца.

Большая доля ответов респондентов отметили, что они никогда не проводят время всей семьей (36%), меньшая доля – на тех, для кого семейное времяпровождение является нормой (20%).

Таким образом, для группы респондентов наиболее характерным является: – наличие профессионального образования (прежде всего, высшего), – трудовая занятость (преимущественно, по специальности), – примерно равное количество представительниц полных и не полных семей, – желанность ребенка, временное нахождение его в специальном учреждении и наличие в семье других детей, – отношение к здоровью ребенка–инвалида как к самой насущной проблеме, – отказ ради ребенка от личной жизни или привычного круга общения; – превалирование среди круга общения ребенка–инвалида близкий друзей и родственников; – равное количество респондентов с безнадежным и более–

менее позитивным взглядом на будущее ребенка–инвалида; – отношения с отцом ребенка характеризуются как нормальные; – отцы в большей или меньшей степени принимают участие в воспитании ребенка–инвалида; – семейное времяпровождение не является нормой.

По методике «Шкала субъектного благополучия» мы получили следующие результаты связанные с эмоциональным состоянием, социальным положением и некоторыми физическими симптомами:

- испытывают напряженность и чувствительность в эмоциональной сфере 20 респондентов (40,0%);
- возникают признаки, сопровождающиеся основными психоэмоциональными расстройствами у 11 респондентов (22,0%);
- частые изменения настроения присуще 18 респондентов (36,0% испытуемых);
- в значимости социального окружения (нуждаются в поддержке близких) 26 респондентов (52,0% опрошенных);
- удовлетворены повседневной деятельностью 19 респондентов (38,0% опрошенных).

По результатам, методики «Выход из трудной жизненной ситуации», матери разделились на три группы:

- первую группу составили 8 респондентов (16,0% опрошенных). Они смирились с неприятностями, правильно оценивают случившееся и сохраняют душевное равновесие;
- вторую группу составили 22 респондента (44,0% опрошенных). Они не всегда с достоинством выдерживают удары судьбы, часто срываются, винят себя в случившемся, расстраиваются при возникновении проблем и расстраивают других;
- третью группу составили 20 респондентов (40,0% опрошенных). Не могут нормально переживать неприятности и обычно реагируют на кризисные ситуации неадекватно.

По результатам методики «Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях», у респондентов была выражена тенденция к следующим типам поведенческой активности:

- тенденция к поведенческой активности типа А составили 17 респондентов (34,0% опрошенных). Для них характерно преувеличение потребности в деятельности; постоянным напряжением душевных и физических сил в борьбе за успех, высокой мотивации достижения при неудовлетворенности достигнутым; импульсивность, эмоциональная несдержанность в спорах, неумение до конца выслушать собеседника; амбициозность, агрессивность по отношению к субъектам, противодействующим осуществлению планов; легкая фрустрируемость внешними обстоятельствами и жизненными трудностями.
- тенденция к поведенческой активности типа А1 составили 11 респондентов (22,0% опрошенных). Их поведению характерно эмоционально насыщенная жизнь, честолюбие, стремление к успеху и лидерству, неполная удовлетворенность достигнутым, постоянное желание улучшить результаты проде-

ланной работы; неустойчивость настроения и поведения в стрессонасыщенных ситуациях; при обстоятельствах, препятствующих выполнению намеченных планов, легко возникает тревога, снижается уровень контроля личности, но преодолевается волевым усилием.

- тенденция к промежуточный (переходный) тип поведенческой активности (АБ) составили 7 респондентов (14,0% опрошенных). Для них характерна активная и целенаправленная деловитость, разносторонность интересов; не показывают явной склонности к доминированию, но в определенных ситуациях и обстоятельствах уверенно берут на себя роль лидера; для них характерна эмоциональная стабильность и предсказуемость в поведении, относительная устойчивость к действию стрессогенных факторов, хорошая приспособляемость к различным видам деятельности.

Дифференцируем обобщенную характеристику группы респондентов:

- к характерным особенностям матерей относятся следующие: наличие высшего или среднего специального профессионального образования, трудовая занятость, желанность ребенка и отношение к его здоровью как к самой насущной проблеме, отказ ради ребенка от личной жизни или привычного круга общения, не вполне позитивный взгляд на будущее ребенка–инвалида;

- подавляющее большинство отцов принимают более или менее серьезное участие в воспитании ребенка–инвалида;

- семья составляет основной круг общения ребенка–инвалида, для семей характерны нормальные взаимоотношения между отцом и матерью ребенка–инвалида, однако семейное времяпровождение не является нормой.

Подводя итог проведенного исследования можно сделать вывод о том, что действительно в связи с состоянием ребенка-инвалида искажается субъектная позиция взрослых, особенно матерей, в семье возникают проблемы, нарушается взаимодействие с социальным окружением, круг общения составляют только самые близкие. При этом матери замыкаются, испытывают трудности в общении с окружающими, напряженность в отношениях, возникает агрессивность к окружающим, снижается поведенческая активность и т.д.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности/ К.А. Абульханова. – М., 1973.
2. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М., Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 490 с.

Н.В. Шитова

ВАРИАНТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО ОДИНОЧЕСТВА ПО КРИТЕРИЮ ЕГО СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ

В статье представлен вариант типологизации женского одиночества. Критериями типологии послужили особенности субъективного восприятия одинокими женщинами своего состояния. Выделены четыре типа субъективного восприятия женского одиночества: «негативно-пассивный», «негативно-активный», «позитивно-пассивный», «позитивно-активный».

Ключевые слова: женское одиночество, восприятие женского одиночества, типология женского одиночества.

Одиночество – одна из сложных психологических проблем современного человека. Период социально-экономических изменений в российском обществе сопровождается процессами взаимного отчуждения и влечет за собой увеличение количества одиноких людей. На возникновение одиночества влияют не только внешние социально-экономические факторы, но и личностные, исследование которых позволяет расширить целостное представление об изучаемом феномене. Вместе с тем многоаспектное изучение женского одиночества позволяет разрабатывать оптимальные стратегии его преодоления, адекватные для современной социальной ситуации. Помимо того, актуальность исследования проблемы женского одиночества обусловлена широкой распространенностью данного явления. Одиночество женщин является частой причиной обращения за помощью к практическому психологу.

Теоретическое осмысление проблемы одиночества имеет давние традиции. На протяжении многих столетий в рамках философии, социологии, психологии изучали феномен одиночества в разнообразных его аспектах. Определенные трудности исследования одиночества связаны с многообразием и противоречивостью трактовок этого понятия. Проблемой одиночества занимались и продолжают изучать зарубежные и отечественные ученые.

Зарубежные исследователи феномена одиночества обращаются к изучению черт характера, личностных качеств одиноких людей, возрастных особенностей; к выделению составляющих феномена (когнитивной, эмоциональной и поведенческой), сопутствующих состоянию одиночества; к определению степени его тяжести, а также к составлению различных типологий и шкал одиночества. Так, например, экзистенциалисты А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс видят истоки одиночества в самой природе человека. Представители гуманистической психологии Г. Олпорт и К. Роджерс феномен одиночества понимают как конфликт между «истинным» и «социально желательным» «Я». В. Франкл полагал, что человек погружается в состояние одиночества, утратив определенные ценности и смысл жизни. По мнению сторонников социологического подхода: К. Боумана, Д. Рисмена, П. Слейтера, переживание одиночества обусловлено действием социальных факторов и является нормативным показателем. Представители неотрейдизма: Г. Зилбург, Г. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман, Э. Фромм абсолютизируют влияние внутриличностных факторов (черт характера, внутренних конфликтов и др.) на возникновение и проявление

одинокости.

Оригинальная модель одиночества предложена У. Садлером. В ней изучаемый феномен определяется через внутренний мир личности, или мир «Я», как динамический процесс, обусловленный переживаниями индивида в контексте жизненных отношений и связей человека: утрата основополагающих связей, личностно значимых для человека, ведет к переживанию чувства одиночества.

В отечественной психологии в сравнении с западной, одиночество как самостоятельная проблема затрагивалась редко. Немногочисленные публикации появились лишь в последние десятилетия. В настоящее время этой проблеме посвящаются новые работы, исследующие сущность одиночества, причины его возникновения, характерные проявления и влияние на людей в разные периоды жизни. Исследования отечественных ученых (О.С. Алейниковой, С.Л. Вербицкой, М.А. Давыдовой, И.А. Долгиновой, И.С. Кона, С.Г. Корчагиной, Л.В. Кузнецовой, В.И. Лебедева, Е.В. Неумоевой, Е.Н. Панова, Е.Е. Роговой, Н.В. Самоукиной, И.М. Слободчикова, Н.В. Хамитова) имеют общий позитивный настрой, направленный на решение проблемы одиночества или изменение отношения к самому феномену. Современными учеными выделены типы одиночества (хроническое, ситуативное, преходящее), его виды (отчуждающее одиночество, самоотчуждающее одиночество, уединенность), анализируются гендерные различия в переживании состояния одиночества.

Однако до сих пор не существует единого мнения о том, является ли одиночество нормой или патологией. Можно сказать, что одиночество как объективная психологическая проблема современности не утрачивает своей актуальности. Без глубоких знаний об особенностях женского одиночества невозможно вплотную подойти к разрешению проблем, связанных с негативным переживанием этого состояния. В то же время теоретические рекомендации, которые обычно предлагаются в научно – популярной литературе, доступной широкому кругу читателей, на практике не имеют желаемого результата. В своем исследовании мы предприняли попытку изучить феномен женского одиночества, выявить его влияние на личность женщины и разработать типологию восприятия состояния одиночества одинокими женщинами.

Типологизация является методом научного познания, в основе которого лежит обладающее определенными свойствами разделение изучаемой совокупности объектов на группы. Она имеет большое значение в стратегии научного исследования, так как обеспечивает возможность более дифференцированного и вследствие этого более адекватного описания объектов[5].

Разработка типологии направлена на поиск сущностных характеристик объектов и нахождение у них общих черт. Информационной основой нашей типологии послужила программа психологической диагностики особенностей личности одиноких женщин, которая была реализована с помощью методик:

- 1) методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона использовалась в пилотажном исследовании;
- 2) интегративный тест тревожности (ИТТ), разработанный А.П. Бизюком, Л.И. Вассерманом и Б.В. Иовлевым;
- 3) методика определения уровня самооценки С.А. Будасси;

- 4) методика определения акцентуаций характера К. Леонгарда;
- 5) опросник Т. Лири с целью диагностики типов межличностного взаимодействия;
- 6) тест - опросник Смекала - Кучеры для выявления направленности личности (личностной, коммуникативной, деловой);
- 7) методика определения социально-коммуникативной компетентности в адаптации И.Ф. Дмитриевой;
- 8) авторская диагностическая разработка – опросник «Субъективное восприятие одиночества».

Результаты психодиагностики, анализ проведенных индивидуальных психологических консультаций, многочисленные интервью одиноких женщин, а также анализ научных и литературных публикаций позволяет выделить основные четыре типа субъективного отношения к состоянию одиночества, которые отражают и позицию женщин, выбирающих либо активность, либо пассивность.

Каждый выделенный нами тип получил свое условное название: «негативно-пассивный», «негативно-активный», «позитивно-пассивный», «позитивно-активный» типы восприятия. Предложенная типология поможет глубже исследовать отношения женщин к одиночеству и представит возможность изучить попытки преодолеть это состояние

1. НЕГАТИВНО-ПАССИВНЫЙ тип предполагает критическую, негативную оценку своего состояния одинокой женщиной. При этом она тяжело переживает по поводу сложившейся ситуации, но не предпринимает активных действий по преодолению своего состояния, либо не зная, что можно предпринять, либо пребывая в неуверенности успеха своих действий.

Среди таких женщин можно встретить замужних и разведенных, никогда не вступавших в брачные отношения и имеющих опыт нескольких браков. Длительное пребывание в бездействии может привести к хроническому состоянию одиночества и даже к патологическим его формам.

Кроме того женщины могут выбрать деструктивный способ ухода от осознаваемой проблемы – употребление алкоголя. Сначала они выпивают, чтобы поднять себе настроение, потом, чтобы заглушить боль от разочарования в людях, а потом и потому, что без алкоголя уже не могут существовать.

Часто женщины с «негативно-пассивным» типом восприятия своего состояния чувствуют обособленность от других и говорят примерно такие слова: *«Я не такая, как все!»*, *«Мне нужен особенный мужчина!»*, *«Все живут не правильно, а я достойна лучшего!»*. Такое восприятие окружающего мира провоцирует окружающих избегать контактов с представительницами этого типа, да и сами женщины не спешат взаимодействовать.

В поведении отмечается медлительность, заторможенность, долгое обдумывание ответов на вопрос, часто демонстрируют безразличие к окружающим, при этом высказывают нелестные замечания, относительно поведения других. Отмечают чувство подавленности и сниженного настроения. У «негативно – пассивных» женщин остро осознается чувство бессилия перед сложившейся ситуацией, ощущается неполноценность жизни.

Важно отметить, что иногда женщины «негативно-пассивного» типа делают такие выводы: *«Это я во всем виновата...»*, *«У меня ничего не получается...»*, *«Лучше я буду одна, чем трудиться ради кого-то...»*, *«Все равно ничего хорошего меня в жизни не ждет...»*. Такая самокритика выступает в качестве оправдания, что еще больше погружает в ощущение правильности выбора пассивного поведения.

2. НЕГАТИВНО-АКТИВНЫЙ тип отношения к состоянию одиночества. Женщина чувствует тяжесть и нежелательность своего состояния, и занимает активную позицию, ищет выход из сложившейся ситуации. К числу наиболее распространенных активных действий относятся поиски тесных контактов: разговор с подругой о своих чувствах и переживаниях, поход куда-нибудь, где можно найти общение; посещение кинотеатра, спортивного комплекса, поиск новой работы и т.д.

Женщины этого типа отчаянно пытаются доказать, что они могут быть как мужчины. Они доказывают, что могут водить машину, быть директором и даже заниматься боксом. Но что касается взаимоотношений, то здесь возникает вопрос: *«Как себя вести в отношениях с противоположным полом?»* Отношения «на равных» не устраивают мужчин, отношения «подчинение женщины» не удовлетворяют представительниц «негативно-активного» типа женщин.

На вид женщины «негативно-активного» типа производят впечатление успешных, умных, красивых, жизнерадостных людей. Но все меньше в них замечается эмоциональность, чуткость, мягкость и многие другие составляющие женственности. Женщины проявляют напористость, упрямство в отношениях с окружающими, категоричны в споре и часто настроены агрессивно по отношению к собеседнику. В поведении демонстрируют истероидные черты характера.

3. ПОЗИТИВНО-ПАССИВНЫЙ тип отношения к одиночеству отличается удовлетворительным состоянием, ощущением покоя и удовольствия от возможности использовать свободное время для отдыха.

Женщины этого типа ценят возможность побыть в одиночестве, расслабиться, побыть «самой собой» и отдохнуть. Любят, когда дома царит тишина и спокойствие, хорошо успокаиваются и отдыхают, когда их никто не беспокоит. Отмечают, что часто испытывают психологическую усталость от общения с людьми.

Приведем пример рассказа о себе женщины – респондента, представительницы «позитивно-пассивного» типа:

«За свою жизнь я сделала, что хотела. Я получила образование по настоянию своих родителей, имею хорошую высокооплачиваемую работу. Живу в своем доме, люблю тишину и спокойствие. Когда приходится долго находиться в большой компании – очень устаю от общения. Поэтому очень рада, когда остаюсь одна и могу просто «ничего не делать», что и доставляет удовольствие. Одинокой себя не чувствую».

Позитивные типы восприятия одиночества правильнее будет отнести к понятию «уединенности», с одним лишь отличием, что появляющееся время одни женщины проводят пассивно – «ничего не делая», а другие ведут активную деятельность. «Позитивные» женщины отмечают положительные моменты

одинокости, такие как: общение с собой, осмысление своего «Я».

«Позитивно-пассивные» женщины обладают определенными чертами характера: педантичностью, чувствительностью, уступчивостью, бесконфликтностью, мечтательностью.

4. ПОЗИТИВНО-АКТИВНЫЙ тип субъективного отношения к состоянию одиночества характерен для женщин, выбирающих для себя «свободное существование» и активное использование этого времени. Обычно эти женщины успешны в карьере, занимаются творчеством, уделяют внимание самосовершенствованию и самоактуализации, получают дополнительное образование и др. Среди таких женщин чаще всего встречаются люди, работающие в системе профессий «Человек - человек».

Женщины этого типа утверждают, что имеют ряд бесспорных преимуществ. В частности, они могут строить свою жизнь, ориентируясь лишь на собственные цели и интересы, могут полностью расслабиться дома и делать то, что им хочется; могут испытывать удовольствие от новых романов, пусть часто неустойчивых и непродолжительных, но зато без рутины и скучной привычки. Используют стратегии построения своей жизни так, как хочется, без обязательного учета интересов и желаний партнера. Отмечают ценность возможности жить культурной жизнью: ходить на выставки, в театры, музеи, путешествовать. Испытывают радость от свободного общения с подругами и друзьями (по телефону или реально). Имеют свои увлечения и хобби, не связанные с интенсивным общением с людьми (например, коллекционирование бабочек или блуждание по компьютерной сети). Многие занимаются творчеством: рисованием, вышивкой, лозоплетением, любят петь, танцевать, шить оригинальную одежду.

Женщины «позитивно-активного» типа в своей активной жизни стараются избегать отрицательных переживаний из-за разочарования в своем партнере и необходимости «разрываться» между работой и семьей.

«Позитивно-активные» женщины оценивают пройденный отрезок своей жизни продуктивным и осмысленным, в будущем планируют свободно принимать решение и реализовывать задуманное. Но отмечают все большее воздействие социальных стереотипов и появляется ощущение «неполноты» своей жизни. Чем больше переживают по поводу мнения окружающих, тем больше у них развивается неуверенность в жизни.

Среди акцентуаций характера часто встречаются: педантичность, гипертимность, эмотивность. В поведении демонстрируют легкость, активность, внимательность, не терпят стеснения своей свободы, критику в свой адрес переносят легко, действуют автономно, к лидерству не стремятся.

Итак, подводя итоги типологизации, различая негативное и позитивное отношение к одиночеству можно отметить:

- женщины «негативных» типов переживают чувство одиночества как ощущение пустоты, непонимание со стороны окружающих людей. «Негативно - пассивные» переживают одиночество как ожидание, чего-то от себя, от окружающих людей, от будущей своей жизни.

- негативное отношение чаще приводит к деструктивным последствиям в отношениях с партнерами и усугубляет глубину переживаемого чувства отчужденности;

- позитивное восприятие, наоборот позволяет женщине использовать резерв свободного времени на развитие и самосовершенствование, дает возможность выстраивать жизнь по своим желаниям и планам, вызывает ощущение гармонии с самой собой.

Сравнивая пассивность и активность занимаемых женщинами позиций, необходимо отметить:

- одиночество стремятся преодолеть женщины, занимающие активную позицию, подвижные и общительные, любящие разнообразные контакты и интенсивное общение, а так же те, кто с легкостью проводит время уединенно.

- одинокие женщины пассивными бывают чаще, чем активными. Вероятно, существуют определенные качества личности, располагающие к тому, что женщина выбирает либо одинокую жизнь, либо ту жизнь, в которой будет минимальное количество людей, и в которой общение будет занимать немного времени.

Дальнейшие научные исследования этой проблемы могут быть направлены на изучение видов самораскрытия одиноких женщин, степени тяжести состояний, видов объектной направленности переживания одиночества, источников развития личностных качеств, обуславливающих одиночество, что позволит углубить феноменологические представления о женском одиночестве.

Практическое изучение проблемы должно быть направлено на профилактику возникновения и негативного влияния одиночества на личность, на оказание специализированной психологической помощи страдающим от одиночества, на поиск эффективных путей его преодоления.

Список литературы:

1. Корчагина, С. Г. Генезис, виды и проявления одиночества / С.Г.Корчагина. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
2. Кошелева, Ю. П. Самопредъявление одиноких людей в тексте газетных объявлений / Ю. П. Кошелева // <http://www.voppsy.ru>
4. Перлман, Д. Теоретические подходы к одиночеству / Д.Перлман, Л.Пепло // Лабиринты одиночества. - М.: Прогресс, 1989.
5. Покровский, Н. Е. Одиночество и аномия / Н.Е. Покровский // Дисс. докт. соц. наук. - М., 1996.
6. Романова, Н.П. Социальный статус одиноких женщин в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ: Автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра соц. наук / Н.П. Романова. – Улан-Удэ – 2006.
7. Шитова, Н.В. Социально-психологические особенности одиноких женщин / Н.В. Шитова // Дисс. канд. психол. наук. - Курск, 2009.

РАЗДЕЛ 6

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Е.Ю. Акимова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье определяется проблема профессионального становления государственных служащих, обосновывается актуальность ее исследования, проводится обзор связанных с ней вопросов, не имеющих решения в науке, обосновываются теоретико-методологические основы эмпирического исследования.

Ключевые слова: государственный служащий, профессиональное становление, системогенез профессиональной деятельности.

Несмотря на реформирование системы государственной службы в России, наблюдается дефицит профессиональных кадров. На службу приходят специалисты, не имеющие достаточной теоретической подготовки в области управления и практических навыков в руководстве коллективами. Эмпирические исследования свидетельствуют, что требования к компетентности управленцев существенно превышают компетентность действующих руководителей. Поэтому остро обозначена проблема качества подготовки специалистов властных структур.

Несмотря на то, что интересы общества, государства и государственных служащих в обеспечении благоприятных условий для профессионального развития и становления последних совпадают, на практике наблюдаются правовые, организационные препятствия, существенно сдерживающие профессиональное развитие служащих, снижающие заинтересованность работников в достижении максимальных результатов своего труда. Потребности социума, возрастающие требования к системе государственного управления определяют практическую актуальность задачи повышения профессионализма государственных служащих.

Государственная служба в последнее время является объектом пристального внимания исследователей самых разных областей знания.

В изучении указанных вопросов можно опираться на опыт зарубежных специалистов, однако, специфика государственной службы, которая складывается в той или иной стране, зависит от общественно-политических, историко-культурных, экономических и прочих особенностей самого государства. Следовательно, своей спецификой обладает и государственная служба Российской Федерации, что указывает на необходимость приоритетного изучения отечественного опыта ее анализа.

Профессиональное становление человека вызывает стабильный интерес исследователей. Можно выделить два, наиболее устойчивых подхода к его рассмотрению. Согласно одному, – профессиональное становление (развитие) предстает как процесс построения карьеры или сам карьерный рост. Согласно другому, –

профессиональное становление рассматривают сквозь призму личностных изменений субъекта профессиональной деятельности в процессе ее выполнения.

Большинство исследований профессионального развития государственных служащих выполнены в русле первого из указанных подходов.

Анализ литературы убеждает, что процесс профессионального становления – это процесс поэтапного развития и реализации субъекта профессионального пути, который осуществляется на основе целенаправленной активности личности, комплексного учета внешних и внутренних, социальных и индивидуальных факторов профессионализации (Ю.П. Поваренков, 2006).

Критерии профессионального становления – это объективные и субъективные показатели уровня развития профессионала, уровня профессионализации субъекта труда. Известны различные подходы к определению критериев профессионализации: производительность, качество, точность и пр. В соответствии с системогенетической концепцией профессионального становления человека, выделяют три ведущих критерия профессионализации: профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность, профессиональная зрелость.

Для исследования процесса профессионального становления государственных служащих мы предполагаем использовать те же подходы, что применяются при изучении профессиональной деятельности в традициях системогенетической концепции.

Необходимость обращения к данной проблеме обуславливается и отсутствием в психологии исследований закономерностей становления профессионализма государственных служащих, противоречивостью имеющихся фрагментарных подходов к данной проблеме.

Следует признать, что недостаточное внимание уделено целостному, системному анализу данной проблемы, при этом важность и необходимость именно такого анализа подчеркивается многими исследователями вопроса. В научной литературе до сих пор не нашли соответствующего отражения системные исследования связи содержания, функций, сущности, структуры, места и роли профессионального развития государственных служащих и генезиса самой государственной службы как социального института в структуре общественных отношений и развития власти и общества в целом.

Исследований вопросов профессионального пути, профессионального развития государственных служащих, выполненных в традициях системного подхода до настоящего времени практически не проводилось ни зарубежными, ни отечественными авторами.

Практически отсутствуют работы, в которых исследуется профессионально-важные качества государственных служащих, динамика их формирования; специфика психологической структуры государственной службы как профессиональной деятельности на различных этапах профессионального пути субъектов. При этом и критерии эффективности деятельности государственных служащих неоднозначны и неявно определены. Хотя эта особенность, как и наблюдаемая на практике слабая и зачастую непрямая взаимосвязь итогов работы и вознаграждения за труд, обуславливает высокую зависимость результатов профессио-

нальной деятельности государственных служащих от их личностных качеств и их взаимодействия между собой.

Несмотря на наличие большого объема исследований по проблемам личностного и профессионального становления и развития субъекта труда, недостаточно изученным остается вопрос о самореализации и саморазвитии личности в процессе профессиональной, конкретно – управленческой деятельности.

Исследование моделей и форм профессионального развития государственных служащих представляют особый интерес. Он обусловлен спецификой содержания и условий их профессиональной деятельности, являющейся уникальной и неоднозначной в плане самореализации личности.

Государственные служащие включены в объективно существующую систему, которая создана для получения заранее определённых результатов путём выполнения заранее определённых функций. Причем, и результаты, и функции определены не самими субъектами труда. Очевидно противоречие между категориями общественного и индивидуального в системе личности государственных служащих.

Противоречие, возникающее между содержанием и формой труда, заключается в постоянном конфликте между обязанностью соблюдать формально установленные нормы должностного регламента, служебного контракта и необходимостью и потребностью принимать самостоятельные, иногда рискованные, решения в области государственного управления.

Эмпирические обобщения свидетельствуют, что нередко карьерный рост (профессиональный путь) того или иного государственного служащего связаны не с личными успехами, а с другими факторами (конкретной политической ситуацией, вхождением в «команду», которая занимает высокие позиции в иерархии власти, явлением фаворитизма, особенностями кадровой политики). Следовательно, можно предположить, что в обеспечении профессиональной карьеры государственных служащих первичны не внутренние психологические, а внешние, профессиональные факторы, нормативные ожидания и требования. Возможно, утверждение Ю.П. Поваренкова о том, что «самооценка является ведущим фактором профессионализации личности» получит уточнение. Вместе с тем, указанные гипотезы требуют проверки.

Остается открытым вопрос о разработке типологии, классификации государственных служащих. Имеющиеся подходы к классификации основаны на критериях, не позволяющих выявить четкие, логически завершенные и несмежные группы (классы, типы, виды).

На сегодняшний день известны различные попытки периодизации профессионализации и профессионального пути человека (Д. Сьюпер, Е.А. Климов, Т.В. Кудрявцев, А.К. Маркова и др.), в основе каждой выбрано различное основание. Однако они не могут быть признаны исчерпывающими по различным основаниям:

- в качестве критерия периодизации рассматривается возраст человека, его жизненный путь. Но прямая связь возраста человека и его профессионализма не очевидна, поэтому вехи онтогенеза не рассматриваются нами в качестве единственного существенного критерия периодизации профессионального становления;
- качественное различие выделяемых этапов связывается с развитием профессионального самоопределения, компетентности. На наш взгляд не менее

значимо и показательно обращать внимание на развитие способностей субъектов труда, преобразование их мотивации, формирование психологической системы профессиональной деятельности в целом, изменение социальной ситуации профессионального развития;

- при объяснении логики профессионального становления акцент делается на возрастные закономерности развития человека, при этом объективно существующим закономерностям становления профессионала не уделяется должное внимание.

Сравнительный обзор единичных научных подходов к разработке психологической классификации государственных служащих убеждает в том, что данный вопрос остается открытым. Используемые их авторами (Н.С. Слепцов, В.А. Мальцев, М.Ю. Бояркин, О.В. Фаллер) критерии ориентированы на разрозненные личностные особенности субъектов труда (мотивация и ценности, стиль мыслительной деятельности, потенциал) или на результат и успешность их в труде (особенности карьеры, трудовой биографии).

На наш взгляд, более существенным основанием для создания содержательной классификации должно стать глубинное системное рассмотрение как содержания, условий, специфики профессиональной деятельности, осуществляемой государственными служащими, так и процесса их профессионального становления, индивидуальных особенностей моделей и форм

Цель нашего исследования: разработка и экспериментально-теоретическое обоснование особенностей профессионального становления личности и деятельности государственных служащих.

Объект исследования: процесс формирования личности и деятельности государственных служащих на различных этапах профессионального становления.

Предмет исследования: психологические механизмы, факторы, детерминанты профессионального становления государственных служащих; его содержание, результаты и специфика; этапы, конструктивные и деструктивные особенности.

Мы полагаем, что сама государственная служба предстает в виде сложной самоорганизующейся системы, устанавливающей двустороннее взаимовлияние как на социальную среду своего существования, так и на каждый собственный элемент. Усиление роли государственных служащих в управлении обществом прямо пропорционально развитию и усложнению социальных связей в указанной системе. Значительную роль в осуществлении государственными служащими своих функциональных обязанностей с максимальной эффективностью играет разрешение ключевых вопросов их профессионального становления.

Итогом нашего исследования должна стать концепция профессионального становления государственных служащих.

В связи с чем представляется необходимым комплексное решение следующих задач:

1. Исследование труда государственных служащих предполагает выявление его целей, специфики, описания содержания, характера и форм его организации, критериев его качества и эффективности, которые в совокупности и позволят идентифицировать (описать) его в целях дальнейшего углубленного исследования профессионального становления и развития его субъектов.

2. Анализ документации и научной литературы обнаруживает необходимость уточнения и составления профессиограммы государственных служащих, что позволит определить единые точно сформулированные требования, ожидания, представления о нормативно одобряемом способе выполнения ими своей профессиональной деятельности, критериях ее эффективности.

3. Рассмотрение зарубежных и отечественных подходов к профессиональному отбору, подбору, аттестации государственных служащих; изучение особенностей профессиональной подготовки и аттестации государственных служащих; формулировки методических рекомендаций по профессиональному подбору, отбору и аттестации кадров государственной службы.

4. Разработка методики психологического изучения процесса профессионального становления государственных служащих, учитывающей целостность и непрерывность этого процесса и его специфические особенности.

5. Анализ профессионального становления государственных служащих как формы их социализации, выявление механизмов детерминации и социальной регуляции указанного процесса.

6. Рассмотрение профессионального становления государственных служащих в качестве формы развития их как субъектов труда, в связи с чем – исследование: социальной ситуации развития; объективных и субъективных факторов, обеспечивающих и детерминирующих этот процесс; выявление критериев профессионализации и профессионализма государственных служащих; исследование динамики профессионального становления, описание основных этапов (стадий, периодов) профессионального становления государственных служащих с учетом качественных, количественных, структурных преобразования личностных и деятельностных особенностей в ходе профессионализации; разработка периодизации профессионального становления государственных служащих.

7. Рассмотрение профессионального становления государственных служащих в контексте их жизненного пути; разработка типологии государственных служащих на основе показателей личностного отношения к своему профессиональному становлению, особенностей принятия и субъективной удовлетворенности его процессом и результатами, ценностно-мотивационных особенностей, индивидуального стиля их профессионализации.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

- общие традиции системного подхода, заложенные в трудах Б.Г. Ананьева, И.В. Блауберга, Л.С. Выготского, Б.М. Кедрова, Б.Ф. Ломова, Г.А. Смирнова, Б.Г. Юдина;

- концепция системогенеза профессиональной деятельности В.Д. Шадрикова;

- системогенетическая концепция профессионального становления человека Ю.П. Поваренкова.

Они задают направления анализа становления профессионала, характеризуют общие механизмы и закономерности этого процесса. Вместе с тем, в связи со специфичностью и объективной противоречивостью субъекта нашего исследования, в качестве которого определены государственные служащие, ряд идей

может получить дальнейшее развитие.

Теоретическая новизна работы определяется:

- исследованием государственной службы, государственных служащих, их труда и профессионального становления в русле концепции системогенеза профессиональной деятельности и системогенетической концепции профессионального становления человека;

- анализом содержания психологической структуры государственной службы как профессиональной деятельности, разработкой (уточнением и конкретизацией) профессиограммы государственного служащего;

- рассмотрением профессионального становления государственных служащих как формы их социализации, развития их как субъектов труда в контексте их жизненного пути;

- выявлением критериев профессионализации и профессионализма государственных служащих;

- исследованием динамики (периодизации) их профессионального становления;

- разработкой типологии государственных служащих.

Практическая значимость:

- разработка методики психологического изучения процесса профессионального становления государственных служащих, учитывающей целостность и непрерывность этого процесса и его специфические особенности;

- разработка методических рекомендаций по профессиональному подбору, отбору и аттестации кадров государственной службы;

- разработка рекомендаций по развитию и саморазвитию государственных служащих в профессиональной деятельности.

Результаты исследования могут быть использованы для научного обеспечения и совершенствования профессиональной подготовки и переподготовки государственных служащих в вузе; усовершенствования процедур кадрового обеспечения государственной службы, аттестации и психологического сопровождения государственных служащих на основе данных о специфике конструктивного и деструктивного профессионального и личностного развития, периодизации профессионального становления и типологии служащих.

Их исследование позволит внести значительный вклад в теорию и практику психологии труда, психологии личности и методику профессиональной подготовки и переподготовки специалистов для государственной службы в высшей школе.

Профессиональная деятельность государственных служащих, их профессиональный путь представляет собой систему внутри более широкой системы – системы государственной службы. Эмпирический анализ связей между этими явлениями позволит решить ряд насущных вопросов о методах и возможностях повышения профессионализма государственных служащих, о психологических механизмах и специфике функционирования системы государственной службы и ее относительно самостоятельном функционировании и развитии. Совместное рассмотрение генезиса системы профессиональной деятельности и личности государственных служащих и государственной службы в целом позволяет раскрыть объ-

активно новые свойства, закономерности, особенности указанных явлений.

Особое внимание при этом следует уделить изменениям в системе ценностных ориентаций человека и общества. Профессиональное становление связано с приобщением к системе ценностей новой среды, но при этом наблюдается и транслирование собственных ценностей, усиление или коррекция уже существующих. С другой стороны, сама система ценностей оказывает влияние на процессы профессионализации, участвуя в формировании их трудовой мотивации и мотивации профессионального развития.

Следовательно, можно предполагать, что исследование и раскрытие закономерностей и особенностей профессионального становления личности на государственной службе дополнит теорию профессионального становления и развития профессионала, позволит служащему находить свое место в системе государственной службы, максимально полно и всесторонне раскрывать собственный профессиональный, деловой и личностный потенциал, удовлетворяя собственные потребности и потребности службы (общества) в целом.

В заключение отметим, что проблемы государственной службы, профессиональной деятельности государственных служащих представляют интерес для ученых различных специальностей, но, несмотря на свою актуальность и значимость, остаются открытыми и малоизученными.

С.В. АЛЕХИНА
«ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ» И «РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»
КАК ЛИЧНОСТНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ
БАСКЕТБОЛИСТКАМИ

В статье раскрывается процесс принятия решений баскетболистками по дихотомии рациональность-иррациональность, учитывая уровень успешности и роль игрока в команде.

Ключевые слова: готовность к риску, рациональность, принятие решений, рациональность - иррациональность принятия решений, личностные регуляторы принятия решений

Успешность спортивной деятельности определяется качеством принятия решения. Процесс принятия решений в отечественной психологии относится к классу интегральных процессов регуляции деятельности. [3]

О.К. Тихомиров понимает процесс принятия решений, как интеллектуально и личностно опосредованные выборы субъекта в условиях неопределенности. Неопределенность – это одно из наиболее важных условий, в которых принимаются решения [7].

Т.В. Корнилова предлагает рассматривать личностные факторы принятия решения [4]:

- 1) готовность к риску – готовность действовать без полного выявления ориентиров, активно искать маловероятные шансы на успех;
- 2) рациональность как готовность к обдумыванию своих решений и дей-

ствия на основе расчета.

Качество принятия решения определяется:

-активностью вида спорта (преимущественно интеллектуальный/моторно-двигательный);

-личность, принимающая решение (групповое/индивидуальное);

-разновидностью принятия решения (рациональное, интуитивное).

Общие особенности процесса принятия решения в командных видах спорта:

1) взаимообусловленность процесса принятия решения (решение одного игрока в команде влияет и определяет решение другого);

2) ролевая обусловленность спортсменов;

3) принятие быстрых и эффективных решений при остром дефиците времени.

Специфические особенности принятия решений в баскетбольной команде:

1) численность игроков (на игровой площадке в момент игры находится 5 человек);

2) преобладание моторно - двигательного вида принятия решений;

Объект исследования: принятие решений баскетболистками

Предмет исследования: личностные регуляторы принятия решений

Цель исследования: изучение рациональности - иррациональности принятия решений баскетболисток.

Исследование, которое проводилось с сентября по октябрь 2010 г. на базе спортивного комплекса КГМУ г. Курска приняли участие 38 баскетболисток. Возраст испытуемых составил 10 – 16 лет.

Основываясь на поставленной цели исследования, нами были использованы следующие методы: «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР–25) Т.В.Корниловой. Статистические методы, группу которых составили методы общей и сравнительной статистики: U – критерий Манна-Уитни. Статистическая обработка осуществлялась с помощью пакета статистических прикладных программ STATISTICA 6.0 Stat Soft со статистической значимостью ($p < 0,01$).

Таблица 1 - Характеристика выборки исследования по уровню успешности и роли игрока в команде

по уровню успешности				роль игрока в команде			
основной резерв		запасной резерв		нападающие		защитники	
Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
20	52,6	18	47,4	21	55,2	17	44,8

Исследуя особенности принятия решений баскетболисток – нападающих и защитников по критерию «рациональность» выявлены значимые различия ($U_{эмп}=3$; $p = 0,047$), следовательно, показатели баскетболисток – защитников достоверно выше таковых у баскетболисток – нападающих. Значимые различия не выявлены ($U_{эмп}=2,5$; $p = 0,48$) при исследовании особенностей принятия решений баскетболисток основного и запасного резерва, по критерию «рацио-

нальность». При изучении особенностей принятия решений баскетболистками – нападающими и защитниками по критерию «готовность к риску/иррациональность», были выявлены значимые различия ($U_{эмп}=8,5$;

$\rho = 0,045$), следовательно, показатели баскетболисток – нападающих достоверно выше таковых у баскетболисток – защитников. Исследуя особенности принятия решений баскетболистками основного и запасного резерва по критерию «готовность к риску/иррациональность», значимых различий не выявлено ($U_{эмп}=10$; $\rho = 0,14$).

Таким образом, баскетболистки основного и запасного резерва одинаково готовы идти на риск и принимать рациональные решения во время игры; баскетболистки – нападающие характеризуются тенденцией к преобладанию иррационального вида принятия решения, защитники – рационального вида принятия решения.

Список литературы:

1. Андреев, А.Н. Экспериментальное исследование мотивации в спорте. – СПб.: Питер, 2000. – 330 с.
2. Ильин, Е.П. Психология спорта. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с.
3. Карпов, А.В. Психология менеджмента. – М.: Гардарики, 1999.
4. Корнилова Т.В. Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Изд-во ИП РАН, 1997
5. Петровский, А.В., Ярошевский М.Г. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
6. Родионов, А.В. Практическая психология физической культуры и спорта. – Махачкала, 2002.
7. Тихомиров, О. К. Принятие решений как психологическая проблема // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976.

Ю.Н. Алпатьева **ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ВРАЧЕЙ-КЛИНИЦИСТОВ ХИРУРГИЧЕСКОГО И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ**

В статье рассматривается проблема эмоционального интеллекта врачей-клиницистов разного профиля. Описываются основные подходы к определению этого понятия. Приведены эмпирические исследования особенностей развития эмоционального интеллекта врача в зависимости от профиля деятельности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, медицинская деятельность

Деятельность врачей-клиницистов представляет один из наиболее сложных видов деятельности субъект-субъектного типа. Характерные для менее сложных видов деятельности закономерности и процессы представлены в ней с наибольшей полнотой, развернутостью. В связи с этим возрастает роль врача как субъекта общения. Врач является представителем одной из важнейших со-

циально значимых профессий и его подготовка как субъекта общения базируется не только на умениях, относящихся к ролевому репертуару личности, но и на умении налаживать контакты с широким кругом лиц, основываясь на понимании личностных и социально-психологических особенностей окружающих людей: больных и их родственников, коллег и вышестоящих лиц.

Главным инструментом общения выступает личность врача и одновременно в общении происходит становление и проявление его социально-психологических и психологических свойств. Эмоциональный (ЭИ) интеллект является важнейшим социально-психологическим свойством личности врача, детерминирующими качество общения медработника.

Однако в многочисленных работах отмечается недостаточная подготовленность медиков к профессиональным нагрузкам в сфере общения и недостаточные навыки саморегуляции, выявлен дефицит доверия пациентов к врачу, обусловленный отсутствием у врачей развитых коммуникативных навыков. В данном контексте повышается теоретическое и практическое значение изучения такого интегрального личностного феномена, как ЭИ врача в профессиональной деятельности.

Одной из причин активизации внимания исследователей к сфере эмоционального интеллекта личности стало открытие того факта, что закономерности развития познавательной сферы личности не совпадают с особенностями ее формирования как субъекта общения и социальной практики взаимодействия.

Концепция эмоционального интеллекта П. Сэловея и Д. Мэйера отражает идею единства аффективных и интеллектуальных процессов. В широком смысле к ЭИ относят способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими; причем имеются в виду, как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей [1].

Согласно Д. Гоулмену, эмоциональный интеллект - это способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих людей с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей [2].

Д. Гоулмен, трактует эмоциональный интеллект как сочетание когнитивных способностей и личностных характеристик, но при этом автор настаивает на том, что эмоциональный интеллект следует рассматривать именно как интеллектуальную способность [2].

Конкретная структура эмоционального интеллекта, по Д. Гоумену, включает набор разнокачественных и даже разноплановых параметров, таких как:

1. понимание собственных эмоций (узнавание собственных эмоций, понимание источников чувств, осознание различий между чувствами и действиями);

2. контроль собственных эмоций (терпимость к фрустрирующим событиям, управление гневом, избегание оскорблений и унижений, выражение гнева без эмоциональных вспышек, избегание внутренней и внешней агрессии; наличие позитивных чувств по отношению к себе, школе, семье; управление стрессом, преодоление одиночества и социальной тревожности),

3. самомотивация (ответственность, фокусирование на задаче, неимпуль-

сивное поведение и т.д.),

4. понимание эмоций других (эмпатия, понимание перспектив других, умение слушать),

5. социальные умения (понимание других и взаимоотношений с ними, компетентное разрешение конфликтов, решение межличностных проблем, компетентная коммуникация, способность быть популярным, открытым, дружелюбным, вовлечённым и т.д.) [2].

В отечественной психологии наиболее известна концепция эмоционального интеллекта, разработанная и предложенная Д. В. Люсиным. Первоначально автор описал эмоциональный интеллект как способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. В дальнейшем автор уточнил, что имеется в виду под способностью к пониманию и управлению эмоциями. Способность к пониманию эмоций означает, что человек может распознать эмоцию, т. е. установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека; может идентифицировать эмоцию, т. е. установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, и найти для нее словесное выражение; понимает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведет.

Способность к управлению эмоциями означает, что человек может контролировать интенсивность эмоций, прежде всего приглушать чрезмерно сильные эмоции; может контролировать внешнее выражение эмоций; может при необходимости произвольно вызвать ту или иную эмоцию.

Д.В. Люсин указывает, что и способность к пониманию, и способность к управлению эмоциями может быть направлена и на собственные эмоции, и на эмоции других людей.

Автор вводит два новых понятия: внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, что отчасти пересекается с теорией Д. Гоулмена о личностных навыках (способностях, определяющих, как управлять собой) и социальных навыках (способностях, определяющих, как управлять отношениями с людьми) [1]. При этом, если Д. Гоулмен строит свою теорию как смешанную и включающую: когнитивные, личностные и мотивационные черты личности, то Д.В. Люсин отмечает, что способность к пониманию эмоций и управлению ими очень тесно связана с общей направленностью личности на эмоциональную сферу, т. е. с интересом к внутреннему миру людей (в том числе и к своему собственному), склонностью к психологическому анализу поведения, с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям. Поэтому эмоциональный интеллект можно представить как конструкт, имеющий двойственную природу и связанный, с одной стороны, с когнитивными способностями, а с другой стороны – с личностными характеристиками. [1].

Одной из важнейших компетенций врача является умение понимать пациента, но сохраняя при этом собственное самообладание. В рамках врачебной деятельности эмпатия рассматривается как интегральное устойчивое личностное свойство, являющееся одним из ведущих профессиональных качеств, оказывающих решающее влияние на социально-перцептивную и коммуникативную сферы в системе «врач-больной». По сути, выраженность этого качества

может маркировать присутствие социальной компетенции. Другая, не менее важная, но уже личностная компетенция может быть оценена через способность врача к саморегуляции. В отсутствие данных компетенций у врача может развиваться синдром эмоционального выгорания.

Мы провели экспериментальное исследование вышеназванных компетенций.

В исследовании принимали участие 392 субъекта врачебной деятельности из них: 332 врача-клинициста, представляющих 15 направлений медицинской деятельности, в возрасте от 23 до 58 лет (средний возраст испытуемых 34 года) и 60 участковых врачей общей практики в возрасте от 24 до 55 лет (средний возраст испытуемых 32 года).

Экспериментально-психологическое исследование проводилось в естественных условиях на базе лечебных и диагностических учреждений города Челябинска:

Программа исследования включала в себя следующие психодиагностические методики: опросник ЭМИн Д.В. Люсина, методика диагностики эмоционального интеллекта Н. Холла, методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В.Бойко; методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В.Бойко; анализ психологического благополучия проводился с использованием методики «Шкалы психологического благополучия» Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко, шкалы оценки качества жизни Элиота и опросника MOS 36-Item Short-Form Health Survey (SF-36).

При анализе достоверности различий в группах применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок и H-критерий Крускала-Уоллеса для нескольких независимых выборок.

Для определения статистических связей между показателями применялся коэффициент ранговой корреляции Пирсона. Количественный анализ результатов осуществлялся с использованием пакета статистических программ SPSS 17.0.

Проведенный анализ интегративного уровня ЭИ показал, что для выборки в целом характерен средний интегральный показатель эмоционального интеллекта (69,4 %), высокие значения (более 70 баллов) присутствуют только в 8,15 % случаев, что свидетельствует о том, что для всех испытуемых характерно довольно слабое развитие некогнитивных способностей, знаний и компетентности, которые дают человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями.

В исследовании эмпатии у врачей-клиницистов, мы выявили, что преобладающими оказались интуитивный и рациональный каналы эмпатии. Рациональный канал свидетельствует о непредвзятости выявления сущности пациента, его состояния, проблем и поведения. Интуитивный канал эмпатии подтверждает способность врача действовать в условиях дефицита исходной информации о пациентах, опираясь лишь на опыт, хранящийся в подсознании. Благоприятной стороной использования данного канала является тот факт, что в подобном случае мнение о собеседнике в меньшей степени зависит от оценочных стереотипов, нежели при осмысленном восприятии. В то же время не выражен-

ность эмоционального канала эмпатии подтверждает тенденцию врачей к когнитивной, действенной эмпатии, когда в условиях лечебно-диагностического процесса необходимо не эмоциональное «погружение», а оказание реальной помощи пациенту.

Значимость различий в сформированности компонентов эмоционального интеллекта между выборками представлена в таблице 1.

Таблица 1. - Показатели эмоционального интеллекта с учетом специфики врачебной деятельности

Компоненты эмоционального интеллекта	Участковые врачи		Врачи-терапевты		Врачи-хирурги		Значение h-критерия	p
	M	σ	M	σ	M	σ		
понимание чужих эмоций	21,94	3,45	23,51	3,85	24,12	3,90	2,903	0,01
управление чужими эмоциями	19,07	3,37	19,11	3,34	19,45	3,56	-	
понимание своих эмоций	17,94	4,56	18,37	4,09	19,95	3,54	3,056	0,01
управление своими эмоциями	13,48	3,39	13,54	3,74	16,27	3,73	2,908	0,01
контроль экспрессии	10,13	2,81	9,28	2,93	13,80	2,28	3,287	0,01
межличностный эмоциональный интеллект	42,95	7,06	42,62	6,59	42,43	7,21	-	-
внутриличностный эмоциональный интеллект	40,86	8,15	40,06	8,35	43,48	6,91	3,106	0,01
понимание эмоций	41,92	7,09	41,64	6,41	42,34	6,54	2,706	0,01
управление эмоциями.	42,55	6,34	43,05	7,1	46,05	6,65	3,102	0,01

При анализе данных при помощи H-критерия Крускала-Уоллеса в группах дифференцированных по профилю профессиональной деятельности (терапевтический, хирургический, участковые врачи) нами были получены статистически значимые различия между группами по следующим параметрам:

1. врачи-клиницисты хирургического профиля превосходят врачей-клиницистов терапевтического профиля по следующим шкалам: «понимание чужих эмоций» ($p < 0,01$), «понимание своих эмоций» ($p < 0,01$), «управление эмоциями» ($p < 0,01$), «контроль экспрессии» ($p < 0,01$), «внутриличностный эмоциональный интеллект» ($p < 0,01$).

2. интегративный уровень эмоционального интеллекта статистически выше в группе врачей-клиницистов хирургического профиля ($p < 0,01$), причем более высокий интегративный уровень эмоционального интеллекта в группе хирургов-мужчин.

Изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и выгорания свидетельствует, что способность вчувствования и сопереживания выступает в каче-

стве некоторого буфера, препятствующего выгоранию. В частности, при исследовании врачей-хирургов нами были получены отрицательные корреляции между уровнем эмпатийных способностей, уровнем межличностного эмоционального интеллекта и показателями выгорания. Наиболее сильная связь была обнаружена между эмпатией и редукцией персональных достижений: чем выше первый показатель, тем меньше склонность занижать значимость результатов своей деятельности, больше уверенность в самоэффективности.

Обнаруженный нами факт меньшей предрасположенности к выгоранию лиц с высоким эмоциональным интеллектом объясняется, очевидно, тем, что тонкое понимание переживаний других людей противостоит дегуманизации межличностных отношений, а эмоциональное сопереживание — это определенная эмоциональная «подпитка» или некоторый дополнительный ресурс для «горения без затухания».

Формирование эмоционального интеллекта врача предполагает развитие навыков эмпатийного подхода, акцептации и аутентичности как профессионально важных качеств специалиста клинической деятельности.

Завершая обобщение результатов проведенного исследования, необходимо отметить перспективы изучения проблемы ЭИ, как в теоретическом, так и в практическом направлении.

Полученные данные о структуре, закономерностях функционирования эмоционального интеллекта следует использовать для консультационной и корректировочной работы психологов в системе здравоохранения. Целенаправленная работа по развитию эмоционального интеллекта способствует профилактике и коррекции эмоциональных и психосоматических расстройств, тем самым способствуя повышению качества жизни.

Список литературы:

1. Люсин, Д. В. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ / Д.В. Люсин, О.О. Марютина, А.С. Степанова. // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. - М.: ИПРАН», 2004. С. 29-36.
2. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2004. – Т.1, №4. – С.3-26.

А.А. Благинин, А.И. Сиверцева, С.Н. Синельников **ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ ОПЕРАТОРОВ ПРИ** **ДЕЙСТВИИ ИНТЕНСИВНОГО АВИАЦИОННОГО ШУМА**

В статье представлены экспериментальные исследования некоторых авторов, посвященные изучению воздействия шума на психическую деятельность человека, а также исследование динамики эмоциональных реакций при выполнении операторской деятельности в условиях шума.

Ключевые слова: авиационный шум, эмоциональные реакции, эмоциональные состоя-

ния, операторская деятельность, напряженность.

Для психологической науки и практики исследование эмоциональных состояний весьма актуально, так как они являются не только фоном, но и важнейшим регулятором поведения и деятельности субъекта. От решения проблемы эмоциональных состояний непосредственно зависит успешность всех видов производственной и учебной деятельности, а также качество жизни в целом. Это особенно характерно для экстремальных ситуаций, которые в современном мире получают все большее распространение.

Относительно эмоционального состояния организма, определяющего поведение человека при длительном и кратковременном действии шума, имеется больше поисков, чем установленных фактов. Это и неудивительно, если учесть не только разнообразие параметров и характер шума, но и индивидуальную реактивность людей на этот раздражитель и нередко значительную сложность обстановки в которой протекает деятельность человека.

Так, Г.А Кирикова. и Е.Н. Кадыскина в своих работах определили личностные характеристики человека, повышающие риск развития нервно-психических нарушений: наиболее чувствительны к действию шума лица с высоким уровнем тревожности, эмоциональной нестабильностью, относящиеся к группе интровертов [2].

В исследованиях М.И. Фраймович [5] доказывається, что шум выходит на второе место по значимости среди стресс-факторов эмоциональной нагрузки и социального напряжения. Временное, а иногда и постоянное повышение кровяного давления, раздражительность, ухудшение работоспособности, головные боли, душевная депрессия и др. - последствия вредного влияния шума [1].

Таким образом, исследуя изменения эмоциональных реакций при шумовом воздействии и профессиональную деятельность оператора, становится возможным прогнозировать успешность такой деятельности в ситуациях высоких шумовых нагрузок.

Данная исследовательская работа проводилась в Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, на кафедре авиационной и космической медицины. В исследовании приняло участие 20 человек.

Для изучения эмоциональных реакций операторов до и после шумового воздействия были использованы следующие психодиагностические методики: анкета самооценки состояния (АСС), методика «САН» (самочувствие, активность, настроение) в адаптации А. Гончарова, шкала личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина, методика внешних вегетативных проявлений, тест Кетелла 16-ФЛЮ (форма А). Также осуществлялась постоянная регистрация частоты сердечных сокращений, частоты дыхания, минутного объема дыхания, по которым рассчитывали индекс напряженности, количественно отражающий степень нервно-эмоционального напряжения при выполнении операторской деятельности. Артериальное давление систолическое и диастолическое регистрировали с помощью мембранного сфигмоманометра по методу Н. Короткова.

Шум создавался при помощи установки радиопомех ПРП-5М и усилите-

ля У-100У4.2 в течение 60 минут. На протяжении всего времени операторская деятельность моделировалась с помощью системы «Физиолог-М».

Произведя анализ эмоциональной устойчивости, у всех операторов была выявлена высокая эмоциональная устойчивость по всем показателям, что характеризует их как устойчивых, уравновешенных, способных преодолевать состояние излишнего эмоционального возбуждения при выполнении сложной деятельности. Они умеют приспосабливаться к действительности, не впадают в панику, хорошо работают в ситуациях, где необходимо быстро принимать решения.

Уровень личностной и ситуативной тревожности у операторов до воздействия шума и после существенно не различается. Наблюдалось незначительное увеличение уровня ситуативной тревожности перед проведением эксперимента, что вызвано ситуацией ожидания. Общие результаты проведенного исследования по данной методике показывают, что операторы обладают уровнем умеренной тревожности, то есть в привычных, обычных условиях испытуемые неплохо владеют собой, своими эмоциями, хорошо переносят эмоциональные нагрузки, т.е. эмоционально уравновешены.

В процессе выполнения операторской деятельности на фоне шумового воздействия у обследуемых наблюдалось увеличение индекса напряженности к 5-й мин. работы и к 25-й мин. работы, что свидетельствует о процессе адаптации организма к работе в условиях шума. А также само пребывание в условиях эксперимента оказывает существенное влияние на организм. Снижение индекса напряженности наблюдается к 45-й мин. работы вследствие привыкания организма к выполнению данной деятельности.

Таким образом, в ходе выполнения операторской деятельности в условиях воздействия интенсивного авиационного шума наблюдается незначительная напряженность, быстро исчезающая без особого влияния на процесс выполнения работы.

По анкете самооценки состояния до проведения эксперимента было выявлено хорошее субъективное состояние всех операторов, жалобы, позволяющие получить подробную информацию об особенностях состояния здоровья, отсутствовали.

В процессе сопоставления данных по методике «САН» (самочувствие, активность, настроение) было обнаружено небольшое снижение основных шкал, вследствие явления признаков утомления к концу обследования, так как продолжительное воздействие интенсивного авиационного шума приводит к значительному снижению умственной и физической работоспособности. Испытуемые выделяли такие определения как усталость, унылый, изнуренный, вялый, сонливый, напряженный. По шкале самочувствия выявлено достоверное различие при уровне значимости $p < 0,001$. Фоновые показатели ($M=4,07$) достоверно выше показателей, полученных после выполнения операторской работы в условиях воздействия шума ($M=2,71$), то есть самочувствие операторов заметно ухудшается. По остальным шкалам достоверные различия выявлены не были.

При анализе средних значений функциональных показателей дыхательной и сердечно-сосудистой системы до и после выполнения операторской дея-

тельности в условиях воздействия шума, существенных различий не выявлено. Наблюдается увеличение ЧСС, снижение АДс и АДд, а также уменьшение минутного объема дыхания на 10,8% и частоты дыхания на 3,6%, что свидетельствует о том, что психофизиологические механизмы организма операторов отражают динамику изменений функциональных показателей организма.

Обобщая эмпирические данные по методике «Оценка внешних вегетативных проявлений» у большинства операторов наблюдались вазомоторные реакции: покраснение пятнами кожи лица и шеи, резкое учащение дыхания с сокращением фазы вдоха; двигательные поведенческие реакции: заметная скованность движений, некоторая раскоординированность движений, перераспределение тонуса лицевых мышц.

Проведенные исследования позволили оценить эмоциональные состояния операторов при действии интенсивного авиационного шума и исследовать динамику эмоционального реакций операторов, так как именно они формируют качественную надежность человеческого фактора в процессе выполнения профессиональных задач.

Исходя из вышеописанного, понятно, что целесообразно решение практических задач по подготовке специалистов, выполняющих деятельность в шумовых условиях. А также имеется необходимость в разработке тестов, которые могли бы помочь в отборе лиц чрезмерно чувствительных к шуму.

Список литературы:

1. Андреева-Галанина Е.Ц., Алексеев СВ., Кадыскина Е.Н., Суворов Г.А. Шум и шумовая болезнь. - Л.: Медицина, 1972.
2. Кадыскина Е.Н., Малышева Г.А. Проблема производственного шума в машиностроении. - Л.: Медицина, 1988.
3. Дикая Л.Г. Особенности регуляции функционального состояния оператора в процессе адаптации к особым условиям. Отв. ред. Б.Ф. Ломов, ЮМ. Забродин. М.: «Наука», 1985 .
4. Рудный Н. М., Авиационная медицина, Ленинград, 1984.
5. Фраймович М.И. Распространение стресс-зависимых заболеваний среди жителей крупного промышленного города в зависимости от акустической нагрузки. Автореферат канд. дисс. Волгоград, ВМИ, 1997.

Е.И. Бережкова **ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБ ЭФФЕКТИВНЫХ СОТРУДНИКАХ**

Представление руководителей о сотрудниках, которые могут работать эффективно, менялись на протяжении долгого времени. В статье рассматриваются качества эффективных подчиненных с точки зрения современных руководителей.

Ключевые слова: руководители, подчиненные, «идеальный работник», работы Тейлора, теория Макгрегора (Х-У), качества, помогающие и мешающие эффективной работе сотрудников.

Представление руководителей о том, какими качествами должен обладать «идеальный подчиненный», менялись на протяжении всего времени существования научного менеджмента.

В своих первоначальных формах менеджмент индустриального производства был близок к традиционному авторитарному стилю руководства, где могло иметь место достаточно жесткое обращение с работниками, которые воспринимались лишь как безгласные объекты управления. Широкое применение имели силовые методы управления, штрафы и наказания. [4] «Идеальный работник» в этих условиях представлялся дисциплинированным, аккуратным, исполнительным, умеющий точно и в срок исполнить свои должностные обязанности.

Ф. Тейлор в своих работах, появившихся в начале XX века, сформулировал ряд принципов, заложивших основу концепции научного менеджмента. Эта концепция расценивалась как действенное орудие сближения интересов всего персонала благодаря росту благосостояния рабочих и налаживанию более тесного их сотрудничества с хозяевами и администрацией для достижения производственных и экономических целей предприятия. Однако образ «идеального» работника по Ф. Тейлору был похож на некоего «робота», который тщательно выполняет предложенные ему инструкции. Исследователи отмечают, что Тейлор был невысокого мнения о человеке как о работнике, считая его по природе неспешным, склонным к облегчению своих нагрузок, к расслаблению, к сокрытию от нанимателей своих возможностей. [4, с. 35]

Говоря о современном подходе к менеджменту, отмечают, что одна из важнейших его функций – сделать продуктивными вверенные ему человеческие ресурсы. В современном менеджменте популярным является теория Макгрегора, сформулированная им в работе «Человеческий фактор в производстве». Согласно ей по отношению подчиненных к труду выделяют два типа сотрудников – X и Y.

Основные характеристики работника типа X:

- человек от природы ленив, не хочет работать;
- человек не хочет нести ответственность, избегает напряжения нервных сил;
- человек не инициативен, если к этому его не подталкивать;
- человека нужно принуждать к работе путем наказания или поощрения.

Основные характеристики работника типа Y:

- у человека существует естественная потребность в работе;
- человек стремится к ответственности;
- человек – творческая личность;
- человека нужно побуждать к работе, а не принуждать. [по 1, с. 236]

В 1981 году Оучи разработал теорию Z, согласно которой человек не относится ни к типу X, ни к типу Y. Он относится к типу Z, т.е. в зависимости от производственной ситуации человек ведет себя как X либо как Y.

Опытные менеджеры утверждают, что теория X в цивилизованных стра-

нах больше не срабатывает [3, с. 610]

Одна из главных целей современного менеджмента заключается в достижении того, чтобы каждый сотрудник действовал самостоятельно после того, как определена цель, способ ее измерения и способ вознаграждения.

Особое значение для бизнеса имеет способность организации привлекать или же растить высококвалифицированных специалистов, которые могут стать существенным конкурентным преимуществом, позволяя своей организации добиваться выдающихся результатов.

Однако «высококвалифицированный» как обладающий только высоким уровнем чисто профессиональной подготовки работник не может быть эффективным сотрудником в современном понимании этого слова.

Нами было проведено исследование, в котором руководителям различного уровня предлагалось выполнить два задания:

1. Назвать 5 качеств «идеального», с их точки зрения сотрудника.
2. Назвать 5 качеств сотрудников, мешающих эффективной работе.

В исследовании принимали участие 15 руководителей (9 женщин и 6 мужчин) из различных профессиональных сфер (производство, PR, реклама, IT, культура и искусство, экономика, юриспруденция, государственная служба и т.д.). Среди испытуемых были как владельцы собственного бизнеса, так и наемные сотрудники. Средний возраст испытуемых 36 лет.

Все ответы подвергались контент-анализу и распределялись по 10 категориям (целеустремленность, самостоятельность, коммуникативные навыки, интеллектуальные показатели, профессионализм и т.д.)

Далее в процентном выражении подсчитывалось значение по каждой категории. Помимо общего показателя вычислялись отдельные показатели для женщин-руководителей и для мужчин-руководителей. Ниже предлагаются полученные данные по шести категориям, получившим наивысшие показатели.

Из рисунка 1 видно, что наиболее значимыми качествами для сотрудников руководители отводят самостоятельности и инициативности (25%), целеустремленности (10,64%), интеллектуальным показателям (9,31%) и коммуникативности (8%), а профессионализм (2,66%) и ответственность (4%) считают менее значимыми.

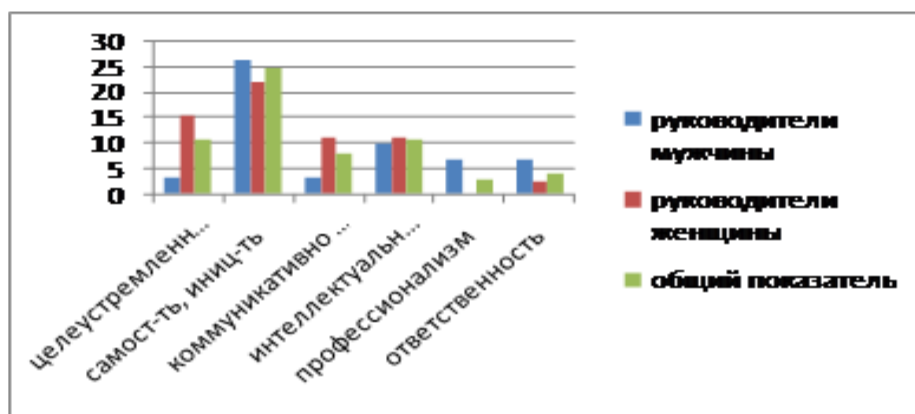

Рисунок 1.- Процентное соотношение качеств «идеальных подчиненных»

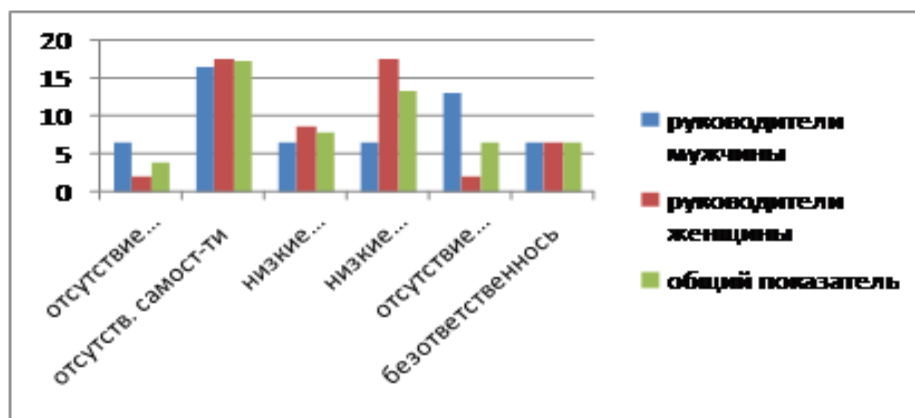

Рисунок 2. - Процентное соотношение качеств подчиненных, снижающих эффективность работы

Интересны различия в показателях у женщин-руководителей и мужчин-руководителей. Так, женщины-испытуемые гораздо выше мужчин-испытуемых в «идеальных» сотрудниках ценят целеустремленность (15,4% против 3,3%) и наличие коммуникативных качеств (11% против 3,3%), а наличие профессионализма женщины, в отличие от мужчин, вообще не включают в число характеристик «идеального» сотрудника (0% против 6,6%).

Теоретически можно было бы предположить, что качества испытуемых, мешающих эффективной работе, будет «зеркальным» отражением «идеальных» качеств, только со знаком «минус». Однако результаты исследования, показывают, что это не всегда так.

Итак, мешают эффективности работы отсутствие самостоятельности (17,29%), низкие интеллектуальные показатели (13,3%), низкие коммуникативные навыки (8%), отсутствие профессионализма (6,65%) и безответственность (6,65%). А вот отсутствие целеустремленности занимает лишь шестое место (3,99%) в противовес второму в «идеальных» качествах. Опять же обращает на себя внимание разница в результатах мужчин и женщин. Так, женщинам гораздо больше, чем мужчинам, мешают низкие интеллектуальные показатели сотрудников (17,6% против 6,6%), а мужчины больше, чем женщины, не принимают в сотрудниках отсутствие профессионализма (13,2% против 2,2%) и отсутствие целеустремленности (6,6% против 2,2%).

Следует отметить, что 73,37% испытуемых отметили такое качество, как «лень, отсутствие трудолюбия» в качестве мешающего эффективности работы либо его инвертированный вариант «трудолюбие, отсутствие лени» в качестве характеристики «идеального» испытуемого.

Таким образом, современные руководители желают видеть своими подчиненными самостоятельными и инициативными, целеустремленными, интеллектуальными, общительными, профессиональными и ответственными сотрудниками.

Список литературы:

1. Лукичева Л.И. Управление организацией. - М.: 2006.
2. Максимов В.Е. Коучинг от А до Я. – СПб.: 2004.
3. Психология управления. / Под ред. Д.Я.Райгородского. – Самара: 2006
4. Столяренко А.М., Амаглобели Н.Д. Психология менеджмента. – М.: 2005.

А.С. Бысюк
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНЖЕНЕРОВ - МЕТРОЛОГОВ

В статье рассмотрены психологические подходы к изучению профессиональной успешности как слагаемого психологической безопасности субъекта труда. Описываются требования трудовой деятельности к личности. Приводятся результаты проведенного теоретического исследования слагаемых успешности профессиональной деятельности метрологов.

Ключевые слова: успешность, профессиональная деятельность, метролог, психологические факторы, психологическая безопасность, профессиональное здоровье.

Современные социально-экономические условия и рыночные механизмы функционирования общества привели к тому, что процесс профессионального самоопределения личности в последнее время начал приобретать качественно новые характеристики. Жесткая конкуренция на рынке труда - с одной стороны, и дефицит профессионалов – с другой, требует от специалистов проявления таких качеств, как профессиональная мобильность и устойчивость к стрессовым воздействиям. Под специалистом в данном случае понимается человек, достигший в своей профессиональной деятельности высокого уровня профессионализма.

В ходе возникших перемен в сфере социально-профессиональных отношений можно заметить определенную поляризацию общества. Одних новые требования отодвинули на периферию не только рынка труда и профессионального сообщества, но и привели к потере себя, деформации личности-профессионала. Для других перемены стали стимулом для дальнейшего развития и нового обретения себя в профессии, что удается далеко не всем. Отмеченные выше процессы отрицательным образом сказываются не только на эффективности и результативности субъектов труда, но также и на их профессиональном здоровье.

В последнее время именно проблема профессионального здоровья и психологической безопасности (ПБ) являются наиболее значимыми направлениями психологической науки. Психологическую безопасность человека определяют, в большинстве случаев, и как состояние защищенности сознания, и как результат психической активности. При этом ПБ проявляется в адаптированности субъекта, в его готовности к принятию решений, определяя при этом формирование его личностных психологических качеств [18].

Вопрос формирования ПБ в профессиональной деятельности становится особо актуальным, поскольку он прямым образом связан с эффективностью функционирования человека в профессии. На последнюю, в свою очередь, могут оказывать влияние ряд факторов, среди которых можно отметить мотивацию профессиональной деятельности, профессионально важные качества, условия труда (*в том числе особенности взаимодействия специалистов со всеми участниками производственного процесса*). Вместе с тем, методы и способы создания условий для деятельности могут вступать в противоречие с законо-

мерностями формирования психологической безопасности работника, что может приводить к различным психологическим изменениям, проявляющимся в повышении уровня тревожности, профессиональной деформации, неясности жизненных ориентации, и в итоге - к снижению уровня эффективности деятельности организации в целом [18].

В свою очередь, понятие «профессиональное здоровье» может быть рассмотрено как процесс сохранения и развития регуляторных свойств организма, его физического, психического и социального благополучия, что обеспечивает высокую надежность профессиональной деятельности, профессиональное долголетие и максимальную продолжительность жизни [2]. Профессиональное здоровье зависит от способности организма восстанавливать нарушенное функциональное состояние в соответствии с особенностями содержания и режима профессиональной деятельности [1].

Таким образом, понятие «профессиональное здоровье» может быть рассмотрено как одно из составляющих психологической безопасности в профессиональной деятельности, являясь еще и условием ее формирования. В данном контексте рассматриваемые категории являются как предпосылками эффективности и результативности субъекта труда в рамках конкретной организации, так и эффективности деятельности самой организации.

В целом, профессиональное здоровье и ПБ человека являются производной категории «качество жизни», т.к. формируется в рамках определенного качества жизни, детерминированного информационными, экономическими, психологическими воздействиями внешней среды [18].

Обращаясь к вопросу психологической безопасности метрологов в рамках их профессиональной деятельности, отметим некоторые особенности социальной ситуации их трудовой деятельности, а также рассмотрим психологические факторы успешности деятельности, как одного из слагаемых ПБ. При этом под успешностью профессиональной деятельности будем понимать сложноструктурированное явление, своего рода критерий удовлетворенности личности профессиональной самореализацией, который зависит от различных факторов: мотивация, установка, профессиональная адаптация, профессиональная квалификация, функциональное состояние, возрастные особенности личности, состояние профессионального здоровья, психофизиологические и социальные параметры человека и т.д. [12]. Необходимо отметить, что профессиональная успешность является оценочным критерием [14], непосредственно связана с продуктивностью и удовлетворенностью субъекта своим трудом [9, 10, 16], а также эффективностью и конечными результатами деятельности [8]. Кроме того, профессиональная успешность является условием профессиональной самореализации человека в труде, поскольку успех, приобретая устойчивый характер, открывает скрытые профессиональные ресурсы личности и задает перспективы профессионального роста [4, 5].

При рассмотрении проблемы психологической безопасности возникает необходимость представить краткую характеристику деятельности представителей данной профессии, отметить ряд ключевых компетенций специалиста, определяющих уровень и результаты производственной деятельности предприятия.

Профессия инженера-метролога включает в себя различные аспекты инженерного труда и имеет качественные психологические отличия от других инженерных специальностей. Все выполняемые метрологами *функциональные обязанности* можно разделить на общеинженерные функции и функции, направленные на обслуживание и совершенствование производства, его управление [3, 17]. К числу общеинженерных функций можно отнести: техническая подготовка производства; контроль за качеством продукции; составление графиков, заявок, схем; экспертиза конструкторской документации; составление отчетов о выполнении планов метрологического обеспечения производства и т.д.

К числу специфических трудовых функций относятся: осуществление надзора за качеством продукции и проведение испытаний и поверки* сложных средств измерений, технологического оборудования на соответствие установленным нормам точности, сравнивая имеющиеся приборы с образцовыми средствами измерений; создание эталонов физических величин и разработка научной основы передачи размера этих единиц от эталонов к рабочим измерительным приборам [15]. Данные функции могут быть конкретизированы в следующем: использование методов и средств качественного инструментального контроля и анализа с целью получения первичной информации на любом этапе техпроцесса (входной контроль сырья, контроль выполнения технологической операции, контроль качества готовой продукции); комплексный инструментальный контроль и аттестация средств измерений; инструментальный контроль основных эксплуатационно-технических параметров; участие в подготовке технических заданий на проектирование и в разработке средств измерений специального назначения; анализе причин нарушения технологических режимов, брака продукции; подготовка измерительных процессов, благодаря выполнению отдельных контрольных измерений [13].

Можно говорить о том, что при выполнении своей профессиональной деятельности на промышленном производстве, в специализированных метрологических центрах, НИИ компетентность метролога предполагает владение следующими ЗУНами: понимание системного характера производственных проблем; способность к быстрому обучению, непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию, умение принимать правильные и ответственные решения, участвуя в проектировании технологических процессов; способность развивать свой творческий потенциал.

В современных условиях профессиональной деятельности инженера-метролога чрезвычайно возрастают требования к интеллектуальной и эмоционально-волевой сфере человека. Специалисту приходится регулярно принимать важные и ответственные решения в экстремальных условиях (нехватка времени, недостаток или избыточность информации и т.п.). Практика показывает, что данный вид трудовой деятельности сопряжен с большой ответственностью и постоянным интеллектуальным напряжением [11].

* Поверка средств измерений – это определение погрешностей средств измерений и установление их пригодности к применению.

Более того, на психологическую безопасность сотрудников метрологических служб оказывает влияние не только уровень развития ЗУНов и наличие ПВК, но и сложившаяся экономическая ситуация в стране, вызывающая на предприятии ряд стрессогенных ситуаций, отрицательно сказывающихся на эффективности и результативности деятельности метрологов и на их профессиональном здоровье. Руководители предприятий активно ищут пути и возможности снижения затрат на производство, включая и затраты на содержание собственных метрологических служб. Возникает ситуация, в которой увольняют сотрудников, прямой обязанностью которых является осуществления контроля качества продукции. До сих пор часть собственников предприятий продолжают думать о метрологической службе как о ненужном «балласте», который можно упразднить и тем самым добиться экономии. В «борьбе» за свое существование специалисты вынуждены составлять экономические расчеты и обосновывать языком цифр право на свое существование, тем самым овладевая новыми специальными знаниями.

Между тем, метрологическая служба предприятия, в состав которой входят специалисты с опытом работы от 10 и более лет, для которых *качественно выполненная работа и личная ответственность* являются неотъемлемым атрибутом их профессиональной деятельности, не могут за столь короткий промежуток времени стать мобильными и устойчивыми к стрессогенным воздействиям среды.

В сложившейся ситуации большинство специалистов переживает не только экономический, но и личностный кризис, связанный с попытками перестроить свою «Я-концепцию» и создать новый образ профессии в своем сознании, новый образ себя в этой профессии. Некогда значимые и авторитетные специалисты столкнулись с тем обстоятельством, что из категории лиц, наделенных контролирующими функциями, попали в категорию «просителей», продолжающих контролировать процесс выпуска продукции.

Современная обстановка на предприятии складывается таким образом, что метрологи все чаще сталкиваются с игнорированием их как со стороны руководителей предприятия, так и со стороны представителей различных социально-статусных групп в рамках одной организации. Если для руководителя предприятия метрологическая служба – это балласт, то для рабочих – это дополнительный раздражитель, который, по их мнению, препятствует выполнению плана, и, следовательно, получению более высокой заработной платы.

В связи с таким восприятием метрологической службы ее специалисты подвергаются постоянным профессиональным стрессам, что негативно сказывается на психологическом здоровье, на личностной профессиональной идентичности, и на их психологической безопасности как субъектов деятельности. Все эти обстоятельства приводят к формированию у метрологов представления о себе как о ненужных и лишних элементах в «отношениях» производства и руководства.

К сожалению, немногие специалисты способны к быстрой адаптации к новой экономической реальности, что увеличивает вероятность угрозы оказаться на периферии рынка труда. Ведь только благодаря этой паузе мы можем пе-

реосмыслить некоторые вещи, принять ситуацию или изменить отношение к ней, может быть, даже посмотреть на себя со стороны и измениться самим, включить свои внутренние резервы и начать новую жизнь в рамках старой и любимой профессии. И в данном случае мы будем говорить о формировании и развитии нового профессионала, соответствующего требованиям современных работодателей: мобильного, активного, толерантного к стрессовым воздействиям, саморазвивающегося и идентичного, а никак ни о и проявлении конформизма, потери своего личного достоинства и профессионального уважения.

Современная ситуация такова, что на большинстве предприятий отсутствуют специалисты, способные не только оказать квалифицированную психологическую поддержку сотрудникам метрологических служб, но и показать способы снятия возникающего психического напряжения, посредством тренинговых занятий и релаксации, бесед и обучающих семинаров.

Таким образом, в ходе данного теоретического исследования выявлены основные психологические факторы, выступающие предпосылками успешности профессиональной деятельности, и психологической безопасности метрологов. Проведенный анализ позволяет предположить, что на ПБ метрологов в рамках их профессиональной деятельности существенное влияние оказывает сочетание объективных и субъективных критериев успешности деятельности. Исходя из понимания того, что профессиональная успешность – это сложно-структурированное явление, своего рода критерий удовлетворенности личности профессиональной самореализацией, при дальнейшем изучении данной темы целесообразно уделить внимание исследованию особенностей субъектно-субъектной области успешности деятельности метрологов, более того, сделав акцент на восприятии образа данной профессии как непосредственно метрологами, так и их коллегами. Учет данных факторов позволит комплексно и всесторонне рассмотреть психологические особенности успешности профессиональной деятельности инженеров-метрологов и определить возможные пути повышения эффективности их трудовой деятельности, сохранения профессионального здоровья и обеспечения их психологической безопасности благодаря разработке программы психологического сопровождения деятельности метрологов как в рамках трудового процесса, так и в системе повышения квалификации специалистов.

Список литературы:

1. Антоновский А.В. Механизмы психологической защиты и стратегии совладания у педагогов средних школ: «цена» и «стоимость» психической адаптации // Вестник Московского университета. Серия 20, Педагогическое образование. – 2010. – № 1. – С. 89–97.
2. Водеников В.А. Динамика личностных характеристик инженеров в процессе профессионального становления. Дис. канд. психол. наук. - Казань, 2001. – 193 с.
3. Бобровицкий А.В., Пономаренко В.А. Антропозологические аспекты профессионального здоровья и некоторые подходы к проблеме его оценки у лиц опасных профессий // Космическая биология и авиокосмическая медицина. 1991. Т.25. № 2. – С.31-36.
4. Дружилов С.А. Внутренний ресурс человека как условие успешной профессионализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.drusp@nvkz.ruzbass.net> (дата обращения 14.09.2010).

5. Дружилов С.А. Профессионалы и профессионализм в новой реальности: психологические механизмы и проблемы формирования // Сибирь. Философия. Образование: Альманах СО РАЛ, ИПК. – Новокузнецк, 2001 (выпуск 5). – С.46-56
6. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. №4. С. 51-59.
7. Ерофеева Е.В. Факторы профессионально-педагогической успешности: дис. ... канд. пед. наук. – Саранск, 2001. – 208 с.
8. Зинченко В.П., Мунипов В.М., Рубахин В.Ф. Психологические вопросы эффективности и качества труда // Психологический журнал. – 1984. - № 2 – С. 25-34.
9. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности // Психология индивидуальных различий: тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Ромнова. М.: Изд-во МГУ, 1995. – С. 74-77.
10. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М., 1996. – 312 с.
11. Моляко В.А. Психология конструкторской деятельности. М.: Машиностроение, 1983. –134 с.
12. Позова Г.Р. Слагаемые успешности профессиональной деятельности как психологическая проблема //Ломоносов: Материалы международной конференции // [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/16/. - (дата обращения 14.09.2010).
13. Перельштейн Е.Л. Главный метролог предприятия – кто он? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://quality.eup.ru/book_main.html (дата обращения 14.09.2010).
14. Родина О.Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 3. С. 60-67.
15. Словарь профессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proftime.edu.ru> (дата обращения 14.09.2010).
16. Шаповалов Е. А. Общество и инженер: философско-социологические проблемы инженерной деятельности. Ленинград, 1984. – 184 с.
17. Шелепова Е.С. Психологические характеристики профессиональной деятельности инженеров-проектировщиков в промышленном и гражданском строительстве. Автореф. канд.психол. наук. - М.: 2007. – 20 с.
18. Шлыкова Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности :Дис. д-ра психол. наук: М., 2004. - 332 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/124555.html> (дата обращения 17.10.2010).

М.А. Глаголева

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Представлен обзор литературы посвященной теме профессиональной и нравственной деформации сотрудников пенитенциарной системы. Описаны характеристики, так или иначе связанные с этим феноменом.

Ключевые слова: профессиональная и нравственная деформация, пенитенциарная система.

В настоящее время в средствах массовой информации все чаще появляются данные о превышении своих полномочий сотрудниками исправительных

учреждений, о применении ими насильственных методов к осужденным, а также нанесению вреда коллегам или обычным гражданам. В связи с этим актуализируется проблема основу которой составляет профессиональная и нравственная деформация личности сотрудника пенитенциарного учреждения.

Сам характер деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений носит стрессогенный характер и способствует формированию у них профессиональной деформации. Многие исследователи выделяют 2 основных неблагоприятных фактора, сопровождающих деятельность работников пенитенциарных учреждений. Первым неблагоприятным фактором являются особенности трудовой деятельности, что подтверждает исследование личностного отношения сотрудников. Около 75 % личного состава считают свою работу тяжелой или очень тяжелой, физическая тяжесть заключается в необходимости длительного пребывания «на ногах». Вторым из них является чрезмерное психоэмоциональное напряжение, обусловленное постоянным контактом с криминальной социальной средой. Так, по данным экспертных опросов напряженные, стрессовые ситуации при выполнении служебных обязанностей возникают у сотрудников постоянно и связаны в основном с нарушениями, осужденными режимных требований [2].

Еще в стэнфордском эксперименте авторами сделан вывод о том, что именно социальная роль «надзиратель» влияет на личность, искажая его поведение. Эксперимент представляет собой психологическое исследование реакции человека на ограничение свободы, на условия тюремной жизни, а так же на принятие социальной роли и ее влияния на поведение. Таким образом, сама социальная роль «надзиратель» влияет на эффективность профессиональной деятельности, приводя к профессиональной деформации.

Проблема профессионально-нравственной деформации сотрудников исправительных учреждений требует пристального внимания, так как данный психологический феномен угрожает не только их личности, но и физическому и психическому здоровью осужденных, всей пенитенциарной системе с набором ее специфических целей и задач, а так же родным и близким данных сотрудников.

Изменения, происходящие в личности сотрудника, негативно влияют на эффективность делового общения работника и на продуктивность его служебной деятельности. Анализ литературы свидетельствует о том, что у данной категории сотрудников высокий показатель уровня агрессивности, раздражительности. Снижение уровня познавательной активности, сужения круга интересов специфический стиль общения с осужденными может перейти в сферу взаимодействия с другими сотрудниками, что проявляется в конфликтах на работе. Это негативное изменение его личностных черт и качеств приводит к искажению общественной и моральной направленности его профессиональных действий и других поведенческих актов [4].

Анализ исследований по данной проблеме позволяет сформулировать систему основных показателей профессиональной деформации сотрудников исправительных учреждений можно включить:

1. Предвзятое отношение к объекту служебной деятельности, т.е. гражда-

нам или группе граждан. Для него характерны:

- обвинительный уклон (установка)
- абсолютизация карательно-принудительных мер и вера в их универсальную эффективность;
- психологические барьеры в общении.

2. Субъективное толкование законопослушного поведения и нормативной регламентации служебной деятельности. Это приводит к

- злоупотреблению властью или неприменению властных полномочий в случаях, предусматривающих их применение;
- личному установлению недозволенных связей или их поощрению;
- использованию запрещенных способов и приемов деятельности;
- употреблению алкоголя в служебное время и злоупотреблению им;
- перенесению особенностей служебного общения и отдельных способов и приемов деятельности на внеслужебные сферы – властно-командный тон, тотальное использование жаргона (профессионального и уголовного), речевых штампов, ненормативной лексики и т.д.

3. Профессиональное огрубление личности, которое проявляется

- в сверхнормативном пребывании на службе без серьезных служебных причин;
- в стойком интересе к служебным делам вне службы (по выходным дням и в отпуске);
- в преимущественном пребывании в профессиональной среде (с постоянным ношением формы) по сравнению с внеслужебным окружением, социо-профессиональная самоизоляция.

4. Изменения в образе «Я» (представление о самом себе), показателями которых служат:

- стойкая завышенная профессиональная самооценка, вызывающая пренебрежительное отношение к представителям других профессий, снисходительность в оценке коллег по службе;
- болезненная реакция на критику или контроль, проверку своей деятельности;
- фиксированная ориентация на собственный опыт, включающая презумпцию своей непогрешимости [1].

В связи с этим необходимо составлять эффективные программы сопровождения деятельности сотрудников. Еще Ф. Зимбардо отмечал, что «надзиратель тюрьмы – такая же жертва системы, как и заключенный», поэтому сотрудникам психологической службы необходимо разрабатывать меры профилактики профессиональной деформации, такие как более тщательный профессиональный отбор, проведение адаптационных мероприятий, создание благоприятного климата в коллективе, создание кабинетов психологической подготовки и психологической разгрузки сотрудников, проведение тренингов, направленных на снижение психо-эмоционального напряжения работников.

Список литературы:

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб.: Питер, 2001.

2. Рабочая книга пенитенциарного психолога. – М., 1997.
3. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М.: Юристъ, 1995.
4. <http://rl-online.ru/articles/3-03/310.html>

В.А. Губин, С.А. Петрук

К ПРОБЛЕМЕ ИНВАРИАНТНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ УСПЕШНЫХ И НЕ УСПЕШНЫХ КУРСАНТОВ В УЧЕБНО – ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье на основе анализа теоретических основ и экспериментальных данных была рассмотрена проблема инвариантных психологических особенностей курсантов в зависимости от успешности обучения, службы и дисциплинированности.

Ключевые слова: базовые психологические качества; учебно – профессиональная деятельность; дисциплинированность; экспертная оценка; сравнительный анализ.

Проблема исследования процессов развития и формирования психики людей на разных ступенях их жизненного цикла актуальна сегодня и будет актуальна завтра. Особое место в жизненном цикле человека занимает юность, когда человек не только определяется в будущей профессии, не только овладевает этой профессией в ВУЗе, но и входит во взрослую жизнь как молодой специалист. В данной статье рассмотрена проблема инвариантных психологических особенностей курсантов в зависимости от успешности обучения, службы и дисциплинированности. В исследовании приняло участие 20 курсантов – юношей и 18 курсантов – девушек гуманитарного факультета Военно – морского института радиоэлектроники им. А. С. Попова. Был проведен сравнительный анализ успешных и неуспешных курсантов - юношей и курсантов - девушек. Оценка успешности обучения проводилась по среднему баллу успеваемости и экспертной оценки. В качестве экспертов выступили: командир отделения, заместитель командира взвода, заместитель командира роты по воспитательной работе, старшина роты и командир роты.

Для оценки успешности курсантов – юношей и курсантов – девушек в служебной деятельности и воинской дисциплине использовалась экспертная оценка. Эксперты оценивали уровень дисциплинированности и служебной деятельности курсантов юношей и девушек в 10-ти балльной шкале, которая потом преобразовывалась в высокие, средние и низкие значения: 8-10 баллов высокий уровень, 5-7 баллов средний уровень, 1-4 балла низкий уровень.

Результаты исследования определялись по следующим методикам: Белова, ДДО, социометрическая методика. Опросникам: Гарбузова, Кеттела, FPI, Лири, ОМО, Т.П.Зинченко и обрабатывались с помощью пакета прикладных программ Excel.

По успешности обучения курсантов-юношей была составлена таблица 1. Из данной таблицы видно, что курсанты-юноши, успешные в учебе, более смелые, чем неуспешные курсанты-юноши в учебе ($p \leq 0,05$), это связано с тем,

что для достижения высоких результатов в учебе необходимо вести себя активно на занятиях, не бояться ответственности за свою точку зрения, за свое мнение по какому-либо вопросу, доказывать свою точку зрения, быть инициативным на практических и семинарских занятиях. Что касается профессионально важного качества (ПВК) «зрительная работоспособность», то оно лучше развито у успешных курсантов-юношей, это может быть связано с тем, что курсанты-юноши, успешные по учебе, пишут конспекты быстрее и лучше, успевают зафиксировать больше материала на лекциях, чем курсанты-юноши, неуспешные по учебе.

Если рассматривать такое ПВК как «обучаемость», то можно сказать, что курсанты-юноши, успешные в учебе, более обучаемы, чем курсанты – юноши неуспешные в учебе ($p \leq 0,01$). Это подтверждают результаты учебной деятельности. Такое ПВК как «распределение внимания» лучше развито у курсантов-юношей, успешных в учебе. Это может быть связано с тем, что во время учебного процесса информационный поток достаточно разнообразен и насыщен и для более полного и точного восприятия информации необходимо правильно распределять и переключать внимание с одного объекта на другой. Курсанты-юноши, имеющие высокие показатели в учебе, мотивированы на достижение успеха, а не на избегание неудачи. Это видно на примере достоверного различия между успешными и неуспешными курсантами – юношами по такому психологическому признаку, как мотивация достижения ($p \leq 0,05$). У курсантов – юношей, успешных в учебе, присутствует желание получать новые знания, достигать высоких результатов в учебе, они мотивированы на получение высоких оценок.

Таблица 1. - Оценка достоверности отличий успешных и неуспешных курсантов-юношей по учебе

№	Психологический признак	«успешные» (n=5)		«неуспешные» (n=5)		t-Stud	p
		M±m	S	M±m	S		
1	Робость – смелость	5,60±0,40	0,89	4,20±0,37	0,83	2,55	0,05
2	Аффект	2,40±0,24	0,54	4,40±0,81	1,81	2,35	0,05
3	ПВК Зрительная работоспособность	9,80±0,20	0,44	7,60±0,50	1,14	4,01	0,01
4	ПВК Обучаемость	7,80±0,20	0,44	5,40±0,50	1,14	4,38	0,01
5	ПВК Распределение внимания	7,40±0,24	0,54	6,20±0,37	0,83	2,68	0,05
7	ПВК Мотивация достижения	8,40±0,24	0,54	7,20±0,37	0,83	2,68	0,05
8	Учеба	4,28±0,08	0,17	3,18±0,07	0,16	10,12	0,001

Примечания: М – средняя арифметическая вычисляемого признака; m – ошибка средней арифметической; t – Stud – это критерий, предназначенный для того, что бы выяснить, на сколько достоверно различаются показатели одной выборки испытуемых от другой; p – уровень достоверности различий.

Такой психологический признак как «аффект (Aw)» по опроснику ОМО, имеет более высокие показатели у курсантов – юношей, неуспешных в учебе, (p

$\leq 0,05$). Это говорит о том, что курсанты – юноши, неуспешные в учебе, более легко устанавливают контакты с людьми, испытывают потребность в общении на эмоциональном уровне. Курсанты – юноши, успешные в учебе, в свою очередь более осторожны при выборе людей, с которыми устанавливают глубокие эмоциональные отношения.

Результаты различий успешных и неуспешных по учебе курсантов – девушек, отображены в таблице 2.

Курсанты-девушки, успешные в учебе, более общительны, чем курсанты – девушки, неуспешные в учебе ($p \leq 0,05$). Это, по моему мнению, связано с тем, что для достижения хороших показателей в учебе необходимо обладать достаточно высоким уровнем коммуникации, обмениваться опытом с товарищами, решать возникающие проблемы сообща, а не поодиночке, проявлять интерес к материалам во время лекций и практических занятий. Этот факт подтверждается результатами по методике FPI, где психологический признак «общительность» имеет более высокие показатели у курсантов – девушек, успешных в учебе, чем у неуспешных. ($p \leq 0,05$). Такое ПБК как «социальная чувствительность» выше у курсантов – девушек, неуспешных в учебе, чем у успешных ($p \leq 0,05$). Социальная чувствительность определяет фактически локус контроля личности (насколько зависим человек от факторов окружения на этапе принятия решения). На курсантов – девушек, успешных в учебе, действуют различные факторы, это и сложившееся мнение о них со стороны командования, преподавателей и сокурсников, чувство личной ответственности за принятые решения, боязнь ошибиться.

Таблица 2. - Оценка достоверности отличий успешных и неуспешных курсантов – девушек по учебе

№	Психологический признак	«успешные» (n=2)		«неуспешные» (n=4)		t-Stud	p
		M±m	S	M±m	S		
1	Замкнутость – Общительность	6,00±0,00	0,00	4,00±0,70	1,41	2,82	0,05
2	Общительность	8,50±0,50	0,70	6,00±0,57	1,15	3,27	0,05
3	ПБК Социальная чувствительность	5,50±0,50	0,70	8,25±0,85	1,70	2,77	0,05
4	ПБК Лидерство	9,50±0,50	0,70	6,50±0,64	1,29	3,67	0,05
5	Учеба	4,84±0,06	0,09	3,62±0,06	0,13	13,15	0,001

Курсанты – девушки, имеющие низкие показатели в учебе, принимают решения более свободно, они более решительны и менее рассудительны при выборе стратегии поведения, не всегда задумываются о долговременных последствиях своих поступков. Такое ПБК как "лидерство" лучше развито у курсантов – девушек, успешных в учебе, ($p \leq 0,05$). По моему мнению, это связано с тем, что курсанты – девушки, имеющие высокие показатели в учебе, более решительны, не боятся брать на себя ответственность, смело выражают свое мнение, вступают в дискуссию со сверстниками и преподавателями.

Сравнивая оценки достоверности отличий успешных и неуспешных кур-

сантов – юношей и курсантов – девушек в учебе, можно сказать, что курсанты – юноши и курсанты – девушки, имеющие высокие показатели в учебе, более общительные, коммуникативные, более ответственны в принятии решений, у них лучше развиты лидерские качества, они мотивированы на достижение успеха, более осторожны при выборе новых партнеров для общения, менее эмоциональны, чем курсанты – юноши и курсанты – девушки, имеющие низкие показатели в учебе. Данные различия могут быть связаны с тем, что курсанты – девушки, имеющие высокие показатели в учебе более осторожны, дорожат своим положением, осознают ценность своих знаний и понимают, насколько тяжело иметь высокие оценки в учебе.

Анализ результатов оценки достоверности отличий успешных и неуспешных курсантов – юношей по дисциплинированности, отображен в таблице 3.

Можно сказать, что недисциплинированные курсанты – юноши более агрессивны, чем дисциплинированные курсанты – юноши ($p \leq 0,05$). Это может быть связано с тем, недисциплинированные курсанты – юноши вступают в дискуссию с командованием, на сделанные замечания реагируют неадекватно, нарушают дисциплину, нарушают общевоинских уставов, достаточно грубы в отношениях с сокурсниками. Так же агрессия может быть вызвана тем, что у них не все и не всегда получается во время несения нарядов, в подготовке формы одежды. Они более раздражительны, чем дисциплинированные курсанты – юноши.

Таблица 3. - Оценка достоверности отличий успешных и неуспешных курсантов-юношей по дисциплинированности

№	Психологический признак	«успешные» (n=5)		«неуспешные» (n=4)		t-Student	p
		M±m	S	M±m	S		
1	Инстинкт Агрессивности	0,00±0	0,00	1,00±0,40	0,81	2,44	0,05
2	Практичность - Развитие воображение	3,00±0,44	1,00	4,75±0,47	0,95	2,67	0,05
3	ПВК Восприятие пространства	9,20±0,48	1,30	7,50±0,5	1,00	2,42	0,05
4	ПВК Импульсивность	8,20±0,58	1,3	6,00±0,70	1,41	2,40	0,05
5	ПВК Самооценка, уровень притязаний	8,6±0,4	0,89	6,25±0,47	0,95	3,76	0,01
6	Дисциплина	9,75±0,19	0,43	4,94±0,79	1,59	5,84	0,001

Недисциплинированные курсанты – юноши более практичны и прямолинейны, чем дисциплинированные курсанты – юноши ($p \leq 0,05$). Недисциплинированные курсанты – юноши решают поставленные задачи, так как им было приказано, не включая смекалку, не проявляя собственную, разумную инициативу, не задумываясь о том, как решить поставленные задачи более рационально, с меньшей затратой сил и времени. Такое ПВК как «восприятие пространства» более выражено у дисциплинированных курсантов – юношей ($p \leq 0,05$), чем у недисциплинированных. Дисциплинированные курсанты – юноши более импульсивны, чем недисциплинированные ($p \leq 0,05$). Данное различие может

быть вызвано тем, что дисциплинированные курсанты – юноши склонны действовать без достаточного осознания контроля внешних обстоятельств в силу эмоциональных переживаний, эмоционального возбуждения, повышенного внутреннего уровня тревожности, вызванного высокой ответственностью за свои поступки. Такие ПВК как «самооценка, уровень притязаний» более развито у дисциплинированных курсантов – юношей ($p \leq 0,01$), по моему мнению, это связано с тем, что дисциплинированные курсанты – юноши видят свои достижения в несении нарядов, подготовке к строевым смотрам, имеют более высокую самооценку и в свою очередь претендуют на поощрение со стороны командования и хорошее отношение к ним.

Оценивая достоверность отличий успешных и неуспешных курсантов – девушек по критерию «дисциплинированность» (табл. 4) были получены следующие результаты.

У недисциплинированных курсантов – девушек инстинкт исследователя проявляется лучше, чем у дисциплинированных курсантов – девушек ($p \geq 0,001$), это может быть связано с тем, что к курсантам предъявляются определенные правила поведения, соблюдение норм и правил ношения формы одежды, соблюдение распорядка дня, установленных правил взаимоотношений. Дисциплинированные курсанты – девушки соблюдают и выполняют эти правила в достаточной мере, а недисциплинированные курсанты – девушки в свою очередь не хотят выполнять предъявляемые к ним требования, как со стороны командования, так и со стороны уставов и правил поведения, определенных распорядком дня.

Таблица 4. - Оценка достоверности отличий успешных и неуспешных курсантов-девушек по критерию «дисциплинированность»

№	Психологический признак	«успешные» (n=6)		«неуспешные» (n=5)		t-Stud	p
		M±m	S	M±m	S		
1	Инстинкт исследователя	0,17±0,16	0,40	1,80±0,2	0,44	6,27	0,001
2	Сдержанность – Экспрессивность	3,50±0,22	0,51	5,00±0,31	0,70	3,87	0,01
3	Lw -включенность	2,83±1,01	2,48	6,80±0,66	1,48	3,27	0,01
4	ПВК Восприятие пространства	9,00±0,63	1,54	5,40±1,28	2,88	2,50	0,05
5	ПВК Восприятие текста	9,33±0,33	0,81	7,20±0,66	1,48	2,87	0,05
6	Дисциплина	7,58±0,24	0,60	4,58±0,22	0,49	9,03	0,001

Инстинкт исследования подразумевает поиск нового, отказ от традиционного и принятого всеми стиля поведения, изыскание альтернативного поведения. По моему мнению, именно поэтому инстинкт исследования лучше развит у недисциплинированных курсантов – девушек.

Недисциплинированные курсанты – девушки более экспрессивны, чем дисциплинированные курсанты – девушки ($p \leq 0,01$). Данное различие может быть связано с тем, что недисциплинированные курсанты – девушки более экспрессивны, у них понижен социальный контроль своего поведения, они позво-

ляют себе не следовать установленным для всех правилам поведения в строю, при несении наряда и выполнении служебных поручений. Для них более значимы эмоциональные, а не рациональные контакты, чем для дисциплинированных курсантов – девушек. Курсанты – девушки, имеющие высокие показатели в дисциплине, более сдержаны в своем поведении, избирательны в выборе партнеров для общения, при выполнении служебных обязанностей предпочитают в большей степени деловой, а не эмоциональный стиль поведения. Они более сдержаны в проявлении своих эмоций. Описывая такой психологический признак как «включенность (Lw)», можно сказать, что более высокие показатели по этому признаку имеют недисциплинированные курсанты – девушки. Это может говорить о том, что недисциплинированные курсанты – девушки имеют сильную потребность в принадлежности к группе, они стремятся быть принятыми людьми. А дисциплинированные курсанты – девушки демонстрируют тенденцию общения с небольшим количеством людей, достаточно избирательны при выборе партнеров для общения, самодостаточны в группе. Такие ПВК как «восприятие текста» и «восприятие пространства» лучше развиты у дисциплинированных курсантов – девушек, чем у недисциплинированных ($p \leq 0,05$), это может говорить о том, что книжные тексты – основа получения знаний, а черпание их из разных источников, включая Интернет определяет успешность взаимодействия в разных социокультурных слоях, что характерно для дисциплинированного человека.

Оценивая достоверность отличий успешных и неуспешных курсантов – юношей в служебной деятельности (табл. 5), были получены следующие результаты.

Таблица 5. - Оценка достоверности отличий успешных и неуспешных курсантов – юношей в служебной деятельности

№	Психологический признак	«успешные» (n=5)		«неуспешные» (n=5)		t-Stud	p
		M±m	S	M±m	S		
1	Замкнутость – общительность	5,40±0,24	0,54	4,40±0,24	0,54	2,88	0,05
2	Практичность – развитое воображение	2,40±0,50	1,14	4,60±0,50	1,14	3,05	0,05
3	Служба	8,85±0,30	0,67	5,50±0,37	0,84	6,91	0,001

Можно сказать, что курсанты – юноши, имеющие высокие оценки в службе, более общительны, чем курсанты – юноши, имеющие низкие оценки в службе ($p \leq 0,05$). По моему мнению, это связано с тем, что курсанты – юноши, успешные в служебной деятельности, относятся к несению нарядов и дежурств достаточно спокойно, уверены в своих силах, для них несение дежурства является необходимостью, которую надо выполнить без лишних слов. А вот курсанты – юноши, имеющие низкие оценки в службе, на дежурство и на вахту заступают нехотя, относятся к исполнению служебных инструкций халатно, о чем говорит недовольство начальников качеством несения службы и оценки за дежурство. Они исполняют свои обязанности формально, не прилагают достаточных усилий для хорошего несения дежурства, во время наряда ведут себя

раздражительно, выражают недовольство окружающей обстановкой, у них может появляться чувство обиды на товарищей, которые не стоят в наряде и занимаются личными делами. Курсанты – юноши, имеющие низкие оценки по служебной деятельности, более практичны и прямолинейны, чем курсанты – юноши, имеющие высокие оценки по служебной деятельности ($p \leq 0,05$). Курсанты-юноши, имеющие низкие оценки по служебной, деятельности, решают поставленные задачи так, как им было приказано, не включая смекалку, не проявляет собственную инициативу, не задумываясь о том, как решить поставленные задачи более рационально, с меньшей затратой сил и времени.

Инстинкт исследователя более ярко проявляется по полученным данным у курсантов – девушек, менее успешных в службе и дисциплине, что, скорее всего, характеризует их большую предприимчивость в поиске выгоды в ситуации службы, и как следствие, избегания наказания. Это характеризует ситуативные отношения в военной системе в целом, а проявление этого инстинкта у данной категории курсантов, позволяет говорить о том, что, скорее всего, им нужен диплом психолога, а не перспектива службы в качестве военного психолога или офицера – воспитателя.

Наиболее успешные в учебе курсанты – юноши и курсанты – девушки более общительны, чем неуспешные курсанты – юноши и курсанты – девушки, это характерно для юношеского возраста. Когда ценность общения является доминирующей, а юношеский максимализм с сочетанием с ценностью общения характеризует статусную позицию курсанта независимо от пола, то есть, это характерно и для курсантов – юношей и для курсантов – девушек.

Курсанты – юноши, успешные в учебе, имеют более высокие показатели по шкале «развитость воображения», а для курсантов – юношей, имеющих низкие показатели в службе и дисциплине, более характерна практичность. Что можно выразить поговорками: «Нам не нужен лишний балл, лишь бы отпуск не пропал», «Волка бьют не за то, что он серый и зубастый, а за то, что он украл овцу и попался». Изворотливость, избегание неудач и наказания диктуют более прагматичное поведение для данной категории курсантов-юношей.

Список литературы.

1. Крылов. А. А, Маничев. С. А, Практикум по психологии. – СПб.: «Питер», 2000.
2. Маклаков. А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 583 с.: ил. – (Серия "Учебник нового века").
3. Маклаков. А. Г. Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 480 с.: ил. – (Серия «Учебник для вузов»).
4. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. — СПб.: 2000.
5. Рокич М., Основы психологии: Практикум, Ред. Составитель Л.Д. Столяренко, Изд. Ростов - на Дону, Феникс, 2001.
6. Рубинштейн. С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2005.
7. Е. С. Романова. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. 2 – е издание СПб.: Питер 2006.
8. А. Г. Караяни. Прикладная военная психология. СПб.: Питер 2006.

9. Энциклопедия психологических тестов. Профессиональное консультирование, профессиональный отбор, профессиональная ориентация, тесты для безработных. — М., 1997.

В.А. Губин, А.А. Филатов

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ ПРИ ПОДБОРЕ И КОМПЛЕКТОВАНИИ ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Статья посвящена изучению проблемы психологической совместимости военных моряков при комплектовании воинских подразделений. Целью исследования являлось повышение качества подбора и комплектования воинских подразделений на основе учета психологической совместимости военнослужащих Военно-морского флота.

Ключевые слова: психологическая совместимость, эффективность воинской деятельности, комплектование воинских подразделений, социально – психологические особенности личности.

Проблема психологической совместимости в воинской деятельности – одна из актуальных в военной психологии и в то же время недостаточно разработанная. Поскольку деятельность военного моряка имеет свои специфические особенности, то совместимость партнеров будет зависеть от конкретных индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей личности военнослужащих.

На необходимость учета психологической совместимости при решении задач повышения эффективности воинской деятельности и, в том числе, при комплектовании первичных воинских подразделений указывают многие ученые, разрабатывающие проблемы военно-психологической науки: А.Д. Глоточкин, Ф.Д. Горбов и М.А. Новиков, В.Ф. Давыдов, А.Г. Караяни, В.А. Кораблин, П.А. Корчемный, М.П. Крапивин, Ю.А. Кретов, В.М. Крук, В.П. Лазарев, А.В. Липницкий, В.А. Макаров, В.Ф. Перевалов, К.К. Платонов, В.А. Пономаренко, А.Д. Сергодеев, Ю.Г. Сулимов, В.В. Сысоев, В.В. Федотов и др. Но, в то же время, из-за отсутствия научно-методических разработок по данной проблеме в воинских подразделениях комплектование различных звеньев, групп, команд зачастую осуществляется командованием интуитивно, без учета психологической совместимости военнослужащих.

При этом начальники в основном учитывают уровень военной подготовленности матросов, не принимая во внимание личные качества и морально - психологическое состояние молодых людей. Отсюда возникают различные негативные явления в совместно выполняемой деятельности: непонимание партнера, конфликты, неудовлетворенность действиями партнера, длительное разочивание совместных упражнений и нестабильность их выполнения.

В свете данной проблемы было проведено исследование, направленное на изучение психологической совместимости военных моряков при комплектовании воинских подразделений.

Целью данного исследования являлось повышение качества подбора и

комплектования воинских подразделений на основе учета психологической совместимости военнослужащих Военно-морского флота.

Использовались следующие методики исследования: МЛЮ-АМ «Адаптивность»; 16-ФЛЮ-105-С; ОСТ В.М. Русалова; методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; анамнестический опросник А. Белова; социометрия; метод экспертных оценок.

Исследование проводилось в 148 учебном отряде ВМФ г. Выборг на базе 4 роты в 3 этапа:

Первый этап – апрель 2009 года. Обследовано 59 человек. В процессе обработки тестов сырые баллы по каждому из опросников, кроме экспертных оценок были сведены в общую таблицу, а так же переведены в стэны. Затем были вычислены первичные статистики: M , σ , n , m .

Данные в стэнах и результаты экспертных оценок были переведены в трех бальную систему. По результатам социометрии была составлена социоматрица, где были отражены все предпочтения и отвержения испытуемых. Всего сделано 758 выборов. Также были подсчитаны для каждого человека общее количество выборов полученных и отданных, количество отрицательных и положительных выборов полученных и отданных, что позволило нам судить об отношении каждого человека к группе и группы к конкретному человеку, а так же были выявлены лидеры и отверженные. После составления социоматрицы, количественные данные были отображены графически в социограмме.

Второй и третий этапы были проведены аналогично.

Второй этап – декабрь 2009 год – начало периода обучения. Обследовано 75 человек. По результатам социометрии общее количество выборов – 835 из 5550 возможных.

Наибольшее количество положительных выборов получили 5 человек, а наибольшее количество отрицательных выборов – 3 человека. Кроме того по итогам социометрии было выявлено 57 пар взаимных предпочтений и 17 пар взаимных отвержений.

Третий этап – апрель 2010г. – конец периода обучения. Обследовано 79 человек.

По результатам социометрии 4 человека получили наибольшее количество положительных выборов, а наибольшее число отрицательных выборов – 6 человек. Кроме того по итогам социометрии было выявлено 67 пар взаимных предпочтений и 26 пар взаимных отвержений.

Анализ результатов социометрии 2 и 3 этапов исследования позволяет сделать следующие выводы:

Оба этапа обследования проводились с призывом осень – 2009. В первом случае в начале периода обучения, когда рота была только что сформирована; во втором – в конце обучения, спустя 5 месяцев, когда был сформирован коллектив.

На 2-м этапе были определены 4 лидера – 3 из постоянного состава и 1 из нового набора. На 3-м этапе данные позиции ими были сохранены. В то же время были выявлены и те, кого коллектив отвергает:

на 2-м этапе – 3 человека, двое из которых сохранили свое место на 3-м этапе обследования. На 3-м этапе к этим двум были добавлены еще 3 человека, двоим из которых были даны только отрицательные выборы.

После этого был проведен анализ взаимных предпочтений и отвержений 2 и 3 этапов исследования. На 2-м этапе было выявлено всего 74 пары взаимных выборов. Из них – 57 пар взаимных предпочтений и 17 пар взаимных отвержений.

На 3-м этапе выявлено 93 пары взаимных выборов. Из них 67 пар взаимных предпочтений и 26 пар взаимных отвержений.

После этого каждая пара была разделена по признаку сходства и взаимодополняемости на основании результатов проведенных методик, что позволило нам судить, по каким параметрам военнослужащие в каждой конкретной паре сходны, а по каким параметрам один взаимодополняет другого и наоборот.

В итоге, после проведения полного анализа результатов остальных опросников мы сможем разработать методику для более качественного подбора и комплектования военнослужащими воинских подразделений ВМФ с учетом их психологической совместимости.

Список литературы:

1. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2000.
2. Михеев В.С. Социально-психологические аспекты управления. М., Молодая гвардия, 1975.
3. Немов Р.С. Психология. М., Просвещение, 1990.
4. Платонов Ю.П. Психология коллективной деятельности. Ленинград, издательство Ленинградского университета, 1990.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2т. - Т. II. - М., 1989.

В.В. Добромильский

КОПИНГ — ПОВЕДЕНИЕ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ БЕЗРАБОТНЫХ ВЗРОСЛЫХ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВЫРАЖЕННОСТИ УРОВНЯ ОДИНОЧЕСТВА

Данная статья содержит в себе краткое теоретическое описание, на котором строится исследование копинг-поведения у безработных с различной выраженностью уровня одиночества. Исследование представляет собой сравнение двух независимых групп с помощью t-критерия Стьюдента. Полученные результаты подробно представлены в статье и свидетельствуют о том, что в зависимости от выраженности уровня одиночества, респонденты используют тот или иной стиль копинг-поведения и ему соответствуют определенные характеристики поведения.

Копинг-поведение, совладающее поведение, стили и стратегии поведения, стрессовые ситуации, уровень одиночества, безработные, ситуация потери работы.

Социально-экономическая ситуация в современном обществе ставит перед человеком много проблем, одной из которых является безработица.

Необходимо отметить, что в зарубежных странах ситуация потери работы начала изучаться с 20-х – 30-х годов XX века, что связано с появлением данной проблемы во время экономического кризиса. В нашей стране проблема безработицы возникла с конца 80-х – начала 90-х годов, следовательно, с этого времени началось ее изучение отечественными исследователями, таким образом, в отечественной психологии относительно недавно началось изучение ситуации потери работы. Большинство работ касаются изучения негативных последствий безработицы, а также эмоциональных переживаний, возникших в связи с потерей работы. [4]

Ситуация потери работы рассматривается нами как кризис профессионального становления, на это указывают ряд авторов, например, К.Леана, Д. Фельдман, А.К. Осницкий, Т.С. Чуйкова. [4]

Многие авторы (Н.Б. Михайлова, А.К. Осницкий, Т.С. Чуйкова, А.Н. Демин и другие) рассматривают ситуацию потери работы как кризис профессионального становления и подчеркивают, что ситуация потери работы является одной из самых сложных, стрессовых, кризисных в жизни человека, то есть отмечают наличие указанных состояний и переживаний. [4]

На наш взгляд, в процесс преодоления кризиса профессионального становления включены различные механизмы и формы активности: профессиональное самоопределение, а также копинг-поведение, которое предполагает использование различных способов снижения стрессогенного действия ситуации и адаптации к ней.

Для обозначения этой проблемной области в западной психологии применяется термин «копинг-поведение», предполагающий сформированное умение использовать определенные средства для преодоления жизненных проблем. Это направленная форма поведения на приспособление к различным обстоятельствам. [2] И на западе данной проблемой занимались: (Lazarus 1984; 1991, Folkman 1984; Weber 1992; Carver С.; Maddi, Khoshaba1994).

В отечественных исследованиях принят термин «совладание», характеризующий поведение, позволяющее субъекту с помощью осознанных действий способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией. [2] Проблемой совладающего поведения занимались (Анцыферова 1993; Либин, 1996; Бодров, 1996; Моросанова, 2000; Крюкова 2005,2007; Заика, Разуваева 2007).

Рассматривая, проблему совладающего поведения мы обращаем внимание и рассматриваем такую черту личности как жизнестойкость, которая представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. [3]

Существует не так много работ, посвященных изучению способов преодоления данной кризисной ситуации в ситуации безработицы.

Данное исследование направлено на получение эмпирически надежных

данных по данной проблеме и дальнейшее применение полученных знаний для помощи населения в процессе адаптации к стрессовым ситуациям и ситуации безработицы.

Цель исследования: выявление особенностей копинг-стратегий безработных граждан с различной степенью выраженности уровня одиночества

Задачи исследования:

- Изучение проблемы совладания и жизнестойкости в современной зарубежной и отечественной психологии
- Организация и проведение исследования в двух выборках безработных взрослых, контрастных по уровню шкалы одиночества
- Выявление особенностей выраженности стратегий и стилей копинг-поведения, а также жизнестойкости в выборках, контрастных по уровню одиночества
- Подготовка рекомендаций по оптимизации стилей и стратегий совладающего поведения в группах наиболее одиноких безработных взрослых

Гипотеза исследования: у взрослых, различных по выраженности уровня одиночества (по Фергюссону), могут наблюдаться статистически достоверные различия в стратегиях и стилях их копинг-поведения, их жизнестойкости, а также в структуре взаимосвязей этих характеристик.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в психологической и психотерапевтической практике. Осмысление копинг-поведения позволит проследить в действии факторы, позволяющие человеку преодолевать одиночество, стрессовые ситуации, ситуацию безработицы и успешно адаптироваться к определенным условиям сохраняя свое здоровье.

Организация исследования:

Исследование проводилось на базе Мотовилихинского и Дзержинского отделов занятости населения г. Перми. В исследовании приняли участие безработные граждане, состоящие на учете центров занятости. Исследование проводилось в 2010г.

Особенности выборки:

В исследование приняли участие 89 безработных граждан из них в основную выборку вошли 56 человек (25 мужчин и 31 женщина). Возраст респондентов от 25 до 40 лет.

Полученные результаты:

Сравнение средних значений в двух выборках проводилось по критерию Стьюдента для независимых групп.

Сравнение безработных граждан в группах с высоким и низким уровнем одиночества выявляет 13 статистически значимых различий.

Взрослые с низким уровнем одиночества имеют значимо более высокие, чем взрослые с высоким уровнем, баллы по показателям Вовлеченность ($t=-11,819$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление получать удовольствие от собственной деятельности. Контроль ($t=-11,365$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление к борьбе, которая позволяет повлиять на

результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Принятие риска ($t=-4,605$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление рассматривать жизнь как способ приобретения опыта неважно, позитивного или негативного, готовность действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск. Жизнестойкость ($t=-14,771$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление препятствовать возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятию их как менее значимых. Конфронтативный копинг ($t=-3,960$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление использовать агрессивные усилия по изменению ситуации, предполагают определенную степень враждебности и готовности к риску. Планирование решения проблемы ($t=-4,204$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление использовать произвольные (специальные) проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие аналитический подход к решению проблемы. Проблемно-ориентированный копинг ($t=-6,389$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление в условиях стресса ориентироваться на непосредственное решение возникшей проблемы. Социальное отвлечение ($t=-2,756$; $p<0,01$), т.е. они имеют более выраженное стремление контактировать с другими людьми в трудных ситуациях, при этом общение не предполагает разрешение возникшей проблемы.

Взрослые с высоким уровнем одиночества имеют значимо более высокие, чем взрослые с низким уровнем, баллы по показателям Дистанцирование ($t=5,229$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление использовать когнитивные усилия, чтобы отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость. Самоконтроль ($t=2,526$; $p<0,05$), т.е. они имеют более выраженное стремление прилагать усилия по регулированию своих чувств и действий. Бегство-избегание ($t=3,456$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление к использованию мысленных и поведенческих усилий, направленных на бегство или избегание проблемы (не дистанцирование от нее). Эмоционально-ориентированный копинг ($t=8,307$; $p<0,001$), т.е. они имеют более выраженное стремление переживать чувства вины за нерешительность и неспособность справиться с ситуацией, слишком эмоциональное отношение к проблеме, погружение в переживание боли и страданий, сосредоточение на своих недостатках, бездействие, нервное напряжение, чувства раздражения, беспомощности. Отвлечение ($t=2,866$; $p<0,01$), т.е. они имеют более выраженное стремление к тому, что в трудных ситуациях предпочитает заниматься различными делами, не решая возникшую проблему.

Выводы:

Итак, на основе полученных результатов мы можем сделать вывод о том, что наша гипотеза подтвердилась у взрослых, различных по выраженности уровня одиночества (по Фергюссону), могут наблюдаться статистически достоверные различия в стратегиях и стилях их копинг-поведения, их жизнестойкости в ситуации безработицы.

Обобщая результаты, мы можем сказать, что взрослые с низким уровнем одиночества склонны в стрессовой ситуации, решать проблемы, прилагая уси-

лия, они способны к риску, и любой исход в стрессовой ситуации воспринимают как приобретение опыта, они занимают активную позицию и считают, что в той или иной мере результат зависит от них.

У безработных взрослых с высокой выраженностью субъективного ощущения одиночества выявлены следующие особенности, такие как слишком эмоциональное отношение к проблеме, бездействие, нервное напряжение, беспомощность, избегание проблемы, и ответственности за её решение, а также отвлечение в виде употребления алкоголя и других веществ.

Рекомендации:

Рекомендации и в планах организация специального тренинга или серии тренингов для безработных взрослых с высоким уровнем переживания одиночества.

Итак, мы исходим из особенностей данной группы, и предполагаем, что людей с высоким уровнем одиночества следует включать в групповые взаимодействия, совместные деловые игры, упражнения на принятие решения, творческое взаимодействие, а также предварительные беседы с психологом, для уточнения особенностей каждого человека для эффективной помощи.

По нашему мнению это может помочь людям успешнее замечать и решать проблемы, находить и исследовать свои особенности в принятии решения проблем. Поиск собственных решений и путей (предполагается конструктивных), возможность наладить социальные коммуникации, и возможность помощи от других людей. А также индивидуальная консультационная работа.

Список литературы:

1. Зеер, Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург: УГППУ, 1997-244с.
2. Лыкова, Н. М. Теории стресса и копинга. М., 2004.
3. Леонтьев Д.А. Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.-63с.
4. Психология совладающего поведения : материалы междунар. науч.-практ. конф. - Стратегии и стили копинг-поведение в ситуации потери работы: типологический подход Ю.П. Поваренков, И.В. Шагарова - /отв. ред.: Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 426с.

П.В. Ефимова

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗРАБОТНЫХ, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ОРГАНИЗАЦИЮ СОБСТВЕННОГО ДЕЛА

В статье отражены позиции некоторых авторов на проблему определения сущности предпринимательства, а также личностных особенностей предпринимателя. Представлено исследование индивидуально-психологических особенностей безработных, ориентированных на организацию собственного дела.

Ключевые слова: предприниматель, личностный адаптационный потенциал, уровень субъективного контроля, тревожность, социальная фрустрированность, карьерные ориентации.

Рост безработицы, вызванный в последние годы рядом причин экономического и демографического характера, обостряет проблему трудоустройства граждан и требует применения более широкого перечня мер, обеспечивающих занятость населения. К таким не стандартным механизмам, еще не получившим широкого распространения в нашей стране, следует отнести вовлечение безработных граждан в самостоятельную предпринимательскую деятельность. Предпринимательство позволяет обеспечить не только доход граждан, но и предполагает развитие инициативы в трудовой сфере, обеспечивает профессиональную творческую самореализацию индивида. Таким образом, предпринимательство можно рассматривать как альтернативу безработицы.

Налицо необходимость обстоятельного выяснения того, что в сущности своей представляет предпринимательская деятельность и каковы границы осуществляющего ее социального слоя, кого она охватывает, в соответствии с какими признаками, критериями может быть отнесена к ней определенная часть членов общества.

Можно определить предпринимательство как инициативную экономическую деятельность людей, направленную на получение прибыли, сопряженную с риском и осуществляемую под свою имущественную ответственность, а предпринимателя – как человека определенного личностного склада, который в своем стремлении к получению прибыли самостоятельно выбирает способ экономической деятельности, несет имущественную ответственность за ее результаты и на первом этапе своей деятельности совмещает функции собственника капитала, наемного управляющего и работника. [3, с.13.]

Специфической особенностью предпринимательской деятельности (в отличие от наемного рабочего) является неопределенность в выборе не только средств, но и целей деятельности. Отсутствие инструкций и жесткой регламентации приводит к необходимости очень часто принимать важные решения, что служит дополнительной психологической нагрузкой. Кроме того, предприниматель одновременно выполняет несколько функций, разделенных на сложившемся предприятии. Он одновременно является владельцем предприятия, управляет бизнес-процессами и является работником своего предприятия, как правило, сам организует продажи, а иногда даже выполняет функцию бухгалтера, что создает дополнительную психологическую нагрузку.

Увеличивает сложность предпринимательской деятельности и тот факт, что предприниматели по своему статусу определяют благополучие нанимаемых ими людей и окружающих организаций, входящих в сферу их деятельности. [2, с.167.]

Западные, а особенно американские, теории мотивации признают в качестве главного стремления человека тягу к успеху. Успех – это удача в достижении какой-либо цели, общественное признание, хорошие результаты в работе. И предприниматель, «предпринимая» какое-либо «предприятие», рассчитывает на его успех. Современные отечественные социологи отмечают сложность этого явления и многообразие условий успеха предпринимательства. Он может быть достигнут вследствие действия одного или нескольких факторов, обстоя-

тельств, причин, и быть результатом достаточно разных форм поведения. [1, с. 98.] На достижение предпринимательского успеха могут повлиять:

- простое везение (оказался случайно в нужное время в нужном месте, но при этом сумел не упустить шанс);
- активный поиск «того самого выигрышного варианта» с использованием метода проб и ошибок;
- компетентный расчет различных комбинаций и выбор оптимального варианта на основе теоретических изысканий;
- получение и использование в благоприятное время конфиденциальной информации или ресурса другого вида;
- использование собственных уникальных способностей, опыта, компетентности в качестве товара, дающего доход.

Поэтому актуальным является определение тех индивидуально-психологических особенностей людей, которые будут представлять собой один из факторов успеха в предпринимательской деятельности.

Для выявления индивидуально-психологических особенностей безработных, ориентированных на организацию собственного дела было проведено психологическое исследование, в котором приняли участие люди, имеющие официальный статус безработного в количестве 55 человек, имеющие разный уровень образования. Возраст испытуемых от 18 до 55 лет. Среди испытуемых 35 женщин и 20 мужчин. Безработные в количестве 15 человек обратились в Центр занятости населения для получения помощи в организации собственного дела. Из них была создана группа для психодиагностического исследования под названием «Группа безработных ориентированных на организацию собственного дела». Безработные, обратившиеся в Центр занятости населения для переобучения и последующей помощи в трудоустройстве, включены в группу под названием «Безработные, ориентированных на наемный труд», в количестве 40 человек.

Можно предположить, что безработные, ориентированные на организацию собственного дела обладают определенными карьерными ориентациями, более высоким уровнем личностного адаптационного потенциала и субъективного контроля, а также низким уровнем тревожности и фрустрированности.

Исследование проводилось в феврале 2010 года. Для этого использовались следующие методики: Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» разработан Маклаковым А.Г.(1993); методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И.Вассермана (Модификация В.В. Бойко); методика измерения уровня тревожности Тейлора (адаптация Т.А. Немчиной); методика оценки карьерных ориентаций Э. Шейна; опросник для изучения уровня субъективного контроля (УСК).

В результате проведенного анализа был проведен сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей, они свидетельствуют о том, что безработные, ориентированные на организацию собственного дела обладают более высоким уровнем нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, более высокой адекватной самооценкой, адекватным восприятием

действительности, обладают более высоким уровнем личностного адаптационного потенциала, а следовательно, такие люди активнее приспосабливаются к условиям социальной среды и новым условиям профессиональной деятельности, затрагивающим все уровни функционирования человека.

Сравнительный анализ показал, что безработные, ориентированные на организацию собственного дела чаще берут на себя ответственность за свои поступки и свою жизнь. Такие люди интерпретируют значимые события как результат своих собственных усилий. Можно также отметить, что испытуемые из этой группы безработных более активны, независимы и самостоятельны в работе, они чаще имеют положительную самооценку, что связано с выраженной уверенностью в себе и терпимостью к другим людям.

Говоря о результатах исследования особенностей эмоциональной сферы безработных, ориентированных на организацию собственного дела, можно сказать, что, безработные, ориентированные на организацию собственного дела обладают более низким уровнем тревожности, чем безработные, ориентированные на наемный труд. Это объясняется тем, что люди, хоть и в данный момент находящиеся без работы, ориентированы на создание собственного дела, а значит и им свойственны более высокий уровень уверенности в себе, более высокая самооценка, такие люди в большей мере ориентированы на достижение успеха, и также люди данного типа берут в расчет лишь свои возможности, не учитывая требования возможных работодателей. Также, следует добавить, что безработные, ориентированные на наемный труд, испытывают тревогу за успешный исход поиска работы.

Выявлен факт, что существенных различий по методике диагностики уровня социальной фрустрированности нет. Такие результаты могут объясняться тем фактом, что степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности имеет примерно равные значения у двух групп испытуемых так, как в данный момент все испытуемые являются безработными, а в прошлом выполняли работу по найму.

По результатам исследования карьерных ориентаций у безработных, ориентированных на организацию собственного дела, можно сказать, что безработные, ориентированные на организацию собственного дела имеют статистически значимые отличия по определенным карьерным ориентациям от безработных, ориентированных на наемный труд. К таким карьерным ориентациям относятся: «Профессиональная компетентность», «Менеджмент», «Автономия», «Вызов», «Предпринимательство». Будущих предпринимателей отличает то, что они хотят быть профессионалами в выбранном деле, стремятся создавать что-то новое, постоянно ищут признания своих талантов, способны принимать компетентные решения, а также интегрировать усилия других людей для достижения цели. Такие люди чаще берут ответственность за конечный результат на себя, испытывают потребность принимать решения самому, а также все делать по-своему. Они не желают работать на других, а хотят создавать свое дело, вкладывая туда душу. Данный тип людей при необходимости способен постоянно совершать поездки по требованию своей профессиональной деятельности или даже сменить место жительства. Одной из важных ценностей та-

ких людей является конкурентная борьба, возможность преодолевать препятствия и решать трудные задачи.

Делая вывод о проведенном исследовании по проблеме исследования индивидуально-психологических особенностей безработных, ориентированных на организацию собственного дела, следует остановиться на некоторых моментах.

- Безработные, ориентированные на организацию собственного дела обладают более высоким уровнем нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, а, следовательно, более высоким уровнем личностного адаптационного потенциала.

- У безработных, ориентированных на организацию собственного дела ярче выражен интернальный локус контроля по показателям «Общей интернальности», «Интернальности в области достижений», «Интернальности в области производственных отношений», «Интернальности в области межличностных отношений»

- Безработные, ориентированные на организацию собственного дела имеют более низкий уровень тревожности.

- Безработные, ориентированные на организацию собственного дела чаще безработных, ориентированных на наемный труд выбирают такие карьерные ориентации, как «Профессиональная компетентность», «Менеджмент», «Автономия», «Вызов», «Предпринимательство».

В заключении следует сказать, что составив из полученных данных психологический портрет будущего предпринимателя, можно применять его в проведении профессионально-ориентационного консультирования, тестирования на психологическую готовность к самостоятельному виду занятости, включая психологические аспекты выбора формы ведения бизнеса, с целью составления прогноза успешности предпринимательской деятельности. В последствии, в рамках государственных программ содействия занятости населения Санкт-Петербурга, безработные, ориентированные на организацию собственного дела смогут пройти ряд консультационных семинаров, а также получить финансовую помощь на открытие малого бизнеса.

Важность влияния психологических факторов успешности предпринимательской деятельности подтверждает тот факт, что человек, выбравший путь создания собственного дела в согласовании со своими психологическими качествами личности и прошедший необходимую профессиональную подготовку, начиная свою деятельность, полноценно реализует свои возможности и притязания и будет успешно двигаться к вершинам своей карьеры.

Список литературы:

1. Карлофф Б., Рошин С. К. «Психология успешного предпринимательства в США». Психологический журнал. - 1993. Т.14 - №5.
2. Чирикова А.Е. Психологические особенности личности предпринимателя. Психологический журнал. - 2001. Т. 19 - №1.
3. Щербатых Ю. В. Психология предпринимательства и бизнеса: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2008. — 304 с: ил. — (Серия «Учебное пособие»).

Н.В. Иванов

МЕТОДИКА САМОРЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ФУТБОЛЬНОГО АРБИТРА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К МАТЧУ

Статья затрагивает проблемы психологической подготовки футбольного арбитра к матчу. Рассматривается разработанная поэтапная методика саморегуляции психологических состояний футбольного арбитра накануне матча, в день матча и по завершению матча, эффективность, которой подтверждена результатами самоэксперимента.

Ключевые слова: футбольный арбитр, психологическая подготовка футбольного арбитра, саморегуляция психических состояний, готовность к матчу, самоэксперимент, управление игрой.

Спортивный судья является одним из наиболее важных участников соревновательного процесса. Но, если деятельность спортсмена и тренера давно и широко исследуется учеными разных специальностей, в том числе, психологами, то психологические особенности судейской деятельности, как правило, остаются вне области каких-либо научных исследований.

Для успешной деятельности судьи немаловажное значение имеет процесс подготовки к матчу. Причем приоритетное значение в нем имеет именно психологическая подготовка. Судья, как и любой спортсмен, испытывает различные предстартовые психические состояния, которые требуют психической регуляции. Но если у спортсмена рядом находится тренер, то судья, в силу специфики деятельности, должен сам адекватно, грамотно оценивать свое состояние и уметь его регулировать.

Судейская деятельность включает в себя несколько стадий [13], которые условно можно обозначить как период до начала футбольного матча, собственно время матча, как выполнение основной работы, послематчевое время, когда арбитр вольно или невольно мысленно возвращается и переживает удачу и ошибки выполненной работы. Арбитр, как правило, тяжело переживает неудачи, находясь в этот момент под воздействием психологической травмы. Судья может рассчитывать только на себя и собственную способность к реабилитации. Каждая неудача подталкивает грамотного арбитра к более тщательной подготовке к матчу, стараясь свести к минимуму возможности ошибок и неудач.

Профессиональный арбитр должен учитывать степень важности предстоящего матча для встречающихся команд, обычную реакцию зрителей, присутствующих на трибунах, характер основных футболистов обеих команд и другие факторы.

В психологии известно достаточно много способов и методов регуляции психических состояний. Специфика деятельности футбольного арбитра приводит к тому, что справляться со своими переживаниями он должен самостоятельно, то есть использовать приемы саморегуляции. Саморегуляция предполагает воздействие человека на самого себя с помощью слов, мысленных представлений и их сочетаний [2]. Различают самоубеждение и самовнушение. Са-

моубеждение – воздействие на самого себя с помощью логически обоснованных доводов, на основе познания законов природы и общества. Самовнушение – способ воздействия, основанный на вере, на доверии к источнику, когда истина принимается в готовом виде, без доказательств, но от этого она не становится менее значимой, чем познанная истина [1].

С помощью средств саморегуляции можно управлять процессами, которые в обычных условиях регуляции не поддаются.

Исходя из вышесказанного был сделан вывод о необходимости организации исследования, определяющего степень воздействия саморегуляции на психологическое состояние и подготовку к матчу футбольного арбитра в связи с чем разработана соответствующая методика эффективность которой доказана с помощью проведенного самоэксперимента при работе на матчах футбольной Премьер-лиги России.

Весь процесс психологической подготовки к матчу арбитр нацелен на обретение оптимальной боевой готовности, которая позволит ему максимально эффективно, профессионально и качественно выполнить на поле свои обязанности.

Процесс подготовки футбольного арбитра к предстоящему матчу можно разделить на несколько этапов, а именно.

1. Этап - вечернее время накануне матча.
2. Этап – утро, до обеденное время в день матча.
3. Этап - предматчевое время (1 час до матча).

Соответственно каждому этапу предматчевой подготовки соответствуют свои способы и методы психической саморегуляции. Рассмотрим каждый из них.

1 этап - вечернее время накануне матча.

Судья прибывает к месту проведения матча заблаговременно, однако переезд часто связан с длительными перелетами, зачастую сменой климата и часовых поясов. В отличие от игроков, у судьи практически не бывает «домашних» матчей, так как обслуживать матчи команды, базирующейся в том же городе, что и судья не дозволено. В связи с этим возникает проблема не только общей подготовки к матчу, но и сложности полноценного сна. Соответственно методы саморегуляции направлены:

- на мобилизацию перед матчем;
- на снятие нервно-эмоционального напряжения;
- на обеспечение качественного сна.

Накануне матча судья должен максимально оградить себя от воздействия внешних факторов, усиливающих напряженность накануне матча. Исключаются встречи, разговоры с представителями обеих команд. Арбитр должен полностью сконцентрироваться на подготовке к матчу, сделав акцент на самоанализе и самоподготовке.

В целях мониторинга мотивационного состояния в период эксперимента использовалась Шкала мотивационного состояния [17, 16 с.], которая заполнялась накануне каждого матча. Исходя из результатов самооценки проявлялась

динамика мотивационного состояния в течение сезона, отраженная в результатах исследования.

Следующий компонент предметной подготовки накануне матча – разбор игры. Накануне матча судья производит разбор предстоящей игры. Судья изучает положение команд в турнирной таблице, оценивает значимость предстоящего матча для команд. Немаловажным является посещаемость матчей болельщиками обеих команд и манера поведения фанатскими группами и их взаимоотношения. Подобная информация позволяет в определенной степени спрогнозировать характер предстоящей игры и атмосферу на стадионе, а соответственно манеру судейства, принципы взаимоотношения с игроками, что в конечном итоге корректирует психологическую подготовку.

В целях обеспечения качественного сна и снятия психо-эмоционального напряжения использовались метод саморегуляции/ релаксации Р. Найдиффера, упражнения которого выполнялись перед сном. Продолжительность выполнения упражнения – примерно 10 минут.

По мере совершенствования навыков саморегуляции число формул расслабления можно сократить до минимума, необходимого для контроля за дыханием: глубокий вдох и медленный выдох. Когда формируются стойкие условно-рефлекторные связи, то фраза о дыхании влечет за собой ассоциации тепла, тяжести мышц и так – до полного расслабления. Промежуточные формулы при этом как бы выпадают из под контроля сознания, останется лишь начало – «глубокий вдох и медленный выдох» и финна – полное физическое и психическое расслабление. В этой ситуации на весь процесс уходят считанные секунды.

Таким образом, с помощью саморегуляции достигается полное расслабление перед сном, что обеспечит полноценный отдых накануне матча.

Итак, на первом этапе предметной подготовки «Вечер» - арбитр выполняет следующие действия:

- Заполняет таблицу «Шкала мотивационного состояния».
- Осуществляет разбор предстоящего матча.
- Использует упражнения саморегуляции, направленные на релаксацию, расслабление.

2 этап – утро, первая половина игрового дня.

Утренний период в день матча, достаточно предсказуемо начинается с зарядки. При этом следует помнить, что основная задача, которая решается в период зарядки – это оптимизация процесса вработывания и снятие излишнего напряжения. Зарядка не должна содержать тяжелых, чрезмерно интенсивных упражнений.

Наиболее благоприятно использовать в качестве зарядки быструю ходьбу.

С целью снятия нервного напряжения ходьбу необходимо сочетать с психической саморегуляцией. Для этого необходимо переключить свое внимание исключительно на процесс ходьбы, на все ее детали, не думать о предстоящем матче. Задать себе ритм и идти под собственный счет или мелодию.

По завершению ходьбы, выполнялись упражнения для устранения излишней нервно-психической напряженности. Наиболее удобно использовать комплексы, в которые входят упражнения на растяжение мышц, затем – воз-

вращение их в исходное положение и фиксацию статического усилия с одновременной небольшой задержкой дыхания и, наконец, на выраженное расслабление мышц. Цикл повторяется 3-10 раз.

Возможности обычной утренней зарядки могут быть значительно расширены, если во время выполнения упражнений включить элементы аутотренинга.

По завершению утренней зарядки в день матча заполнялась шкала самооценки и оценки тревоги по методу Ч.Спилбергера. Методика применялась для оценки уровня реактивной и личной тревожности. На основании результатов самообследования судья может скорректировать подготовку к матчу.

В случае необходимости выполнялось упражнение мобилизирующего характера «Гимнастика Гермеса».

Силовые упражнения гимнастики Гермеса построены на ритмичных переходах от предельного напряжения к последующему полному расслаблению всей мышечной системы.

Таким образом, 2-ой этап предматчевой подготовки включал в себя:

- Зарядка (ходьба с использованием идеомоторной и аутогенной тренировки).
- Заполнение шкалы самооценки и оценки тревожности, подсчет результатов самотеста.

- Выполнение упражнения «Гимнастика Гермеса» после дневного сна.

3 этап подготовки – время перед матчем (1 час до матча)

Судья пребывает на матч примерно за 1,5 часа до начала матча. За 1 час до игры подписываются необходимые документы. После этого наступает время разминки, на которую отводится 20-25 минут.

Интенсивность, насыщенность и способы разминки должны соответствовать психическому состоянию арбитра, которое определяется по следующим показателям:

- самооценка тревожности (проводится на втором этапе – в утреннее время);
- объективные показатели (частота сердечных сокращений, потоотделение, частота дыхания);
- субъективные показатели (ощущение страха, несобранность, нервозность, апатия, чрезмерная самоуспокоенность).

На основании вышеперечисленных показателей определяется предстартовое психическое состояние арбитра, которому соответствуют следующие показатели (Таблица 1).

Рассмотрим три, наиболее типичных варианта разминки, которые соответствуют различным психическим состоянием арбитра в преддверии матча.

Вариант 1. Психическое состояние – предстартовая лихорадка.

Успокаивающий массаж. Продолжительность 7-10 минут. Используется поглаживание, потряхивание и встряхивание мышц. В исключительных случаях (при чрезмерном напряжении накануне матча) успокаивающий массаж может применяться в 1-ый период предматчевой подготовки.

Беговые упражнения – 7-10 минут. Бег трусцой, ускорения и рывки рекомендуется не применять. Бег должен носить монотонный, успокаивающий характер, в сочетании с регуляцией дыхания. Одновременно применяются элементы аутогенного характера, установки успокаивающего плана: «Я спокоен», «Все хорошо», «Не повода волноваться», «Я отлично готов».

Заключительная часть разминки – упражнения на растяжку.

Таблица 1. - Предстартовые психические состояния арбитра

	Психическое состояние	Физиологические показатели	Уровень тревожности	Субъективные показатели
1	Предстартовая лихорадка, возбуждение	Учащенные показатели ЧСС (110-120 уд/мин и выше) и частоты дыхания (15-17 вдохов/мин), покраснение отдельных частей кожного покрова, повышенное потоотделение	Выраженная тревожность (46 баллов и выше)	Несобранность, раздражительность, импульсивность
2	Предстартовая апатия	Бледный цвет кожного покрова, преобладающие процессы торможения	Низкий уровень (30 баллов и выше)	Подавленность, скованность движений, рассеянность, замкнутость, неуверенность в своих силах, сонливость.
3	Оптимальное боевое состояние	Равномерный цвет кожи, ЧСС 70-90 уд/мин., частота дыхания 12-14 вдохов/мин.	Умеренная (естественная) тревожность 31-44 балла	Боевое возбуждение, уверенность в своих силах, знаниях и умениях, общительность.

Вариант 2. Психическое состояние – предстартовая апатия.

Тонизирующий массаж. На сеанс отводится 8-10 минут. Используются разминание, выжимание мышц и ударные приемы.

Беговые упражнения – 7-8 минут. Бег трусцой следует чередовать с ускорениями, рывками, передвижениями приставными шагами, ускорениями спиной вперед, прыжки в шаге. Резкая смена темпа выполнения упражнения призвана вывести из состояния апатии. Одновременно с бегом следует повторять про себя установочные фразы, относящиеся к аутогенной тренировке: «Я уверен», «Я все знаю», «Я все могу», «Я все увижу», «Я приму правильные решения». Причем ритм произношения фраз должен соответствовать ритму выполнения упражнения.

Заключительная часть разминки – упражнения на растяжку.

Вариант 3. Психическое состояние – оптимальное боевое состояние.

Беговые упражнения - 10 минут. Бег трусцой, после 5-7 минут бега применять ускорения средней степени интенсивности, бег спиной вперед, перемещения приставными шагами.

Заключительная часть разминки – упражнения на растяжку.

Таким образом, каждому предстартовому психическому состоянию соответствует свой вариант разминки, что позволяет скорректировать состояние арбитра и привести его к полной боевой готовности, в случае, если это необходимо.

Наконец, наступает момент выхода на поле. Несколько минут прохождения по стадиону (или под трибунного помещения) можно использовать для последней психологической установки, который арбитр произносит про себя: «Надо хорошо отработать. Собраться. Сосредоточиться. Работай до предела, до изнеможения. Ты готов. Ты прав. Не реагируй на провокации и т.п.».

На основании данных, полученных в ходе самоэксперимента нами были получены следующие данные.

Динамика мотивационного состояния в течение сезона.

Исследование динамики мотивационного состояния показал, что в течение сезона уровень мотивации, согласно методике В.Ф.Сопова, был в пределах оптимального уровня. Выход за пределы оптимальных значений наблюдался трижды, анализ показателей позволил сделать выводы о причинах низкой мотивации:

- в первой игре, что объясняется фазой вработывания в сезон, а так же сменой часового пояса и дальним перелетом (Санкт-Петербург – Владивосток);

- в 12-ой игре (1/16 Кубка России), когда ощущалось чрезмерное психологическое напряжение после неудачного судейства в предыдущем туре. Кроме этого между матчами был незначительный перерыв 3 дня за которые было осуществлено несколько перелетов и переездов «Москва-Санкт-Петербург», «Санкт-Петербург – Москва», «Москва-Брянск», помимо этого переход с искусственного поля на естественный газон. На уровень мотивации могла повлиять так же напряженная ситуация накануне матча, так как стало известно, что болельщики «Спартак – Москва» готовят на стадионе акцию недовольства руководством клуба. Была осуществлена попытка болельщиков команды «Спартак» сорвать матч (фанаты подожгли трибуну и матч был остановлен на несколько минут), психологическая устойчивость и уверенность арбитра позволила довести матч до конца, что было отмечено очень высокой оценкой инспектора;

- в 16-ой игре (25 тур Чемпионата), что характерно после длительного авиа перелета (Санкт-Петербург – Владивосток), смене часовых поясов.

Следует констатировать, что за все три матча в ходе подготовки к которым наблюдалось снижение мотивации, получены высокие положительные оценки. Соответственно, уровень психологического состояния был нормализован благодаря применению системы саморегуляции психических состояний.

Самый высокий уровень мотивации наблюдался в ходе подготовки к матчам с участием лидеров Чемпионата.

Таким образом, в ходе сезона 2008 года, когда применялась разработанная методика саморегуляции психических состояний, было показано стабильное судейство, заслужившее высокие оценки инспекторов матчей. Эффективность методики проверялась в ходе сезона 2008 года, результатам чего стало стабильное, уверенное судейство матчей Чемпионата Премьер-Лиги России,

что выражено в высоких экспертных оценках инспекторов матчей. Средний балл, полученный за обслуживание матчей, составил 8,1, что является высоким и стабильным показателем.

Список литературы:

1. Алексеев А. О психологической подготовке в спорте / Алексеев А. // Человек в мире спорта: Новые идеи, технологии, перспективы : Тез. докл. Междунар. Конгр. - М.: 1998. - Т. 2. - С. 356-357.
2. Бондарчук Т.В., Потапов В.Н. Саморегуляция психического состояния спортсмена высшей квалификации // Теория и практика физ. культуры. - 2006. - N 2. - С. 59-61.
3. Вихров К.Л. Подготовка футбольного арбитра. – Киев: Издательство «Здоровье», 1986. – 198 с.
4. Голуб Я.В., Таймазов В.А. Психофизиологическое состояние спортсмена (Методы оценки и коррекции). – СПб., Издательство «Олимп СПб», 2004. – 400 с.
5. Зуев Н.В. Развитие наблюдательности у спортивного арбитра // Современные психолого-педагогические технологии в подготовке специалистов по физической культуре и спорту. Москва-Белгород. - Ч. 1, 1999. - 191 с.
6. Зуев В.Н. Спортивный арбитр: Учебное пособие. – М.: Советский спорт, 2004. – 394 с.
7. Ильин Е.А. психофизиология физического воспитания: (деятельность и состояния). Учеб. пособие для студентов фак. физ. воспитания пед. инст-ов. – М.: Просвещение, 1980 – 199 с.
8. Кирсанова Л.В. Вопросы психологической составляющей судейской деятельности // Футбольный арбитр. Сборник статей. – М., 2007. – С. 20 -29.
9. Кирсанова Л.В. «Внимание» и его роль в профессиональной деятельности футбольного арбитра (практические рекомендации) // Футбольный арбитр. Сборник статей. – М., 2008. – С. 33 -38.
10. Психология личности : тесты, опросники, методики / сост. Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова. - М.: Геликон, 1995. - 220 с.: ил.
11. Кукла В.В. Влияние уровня физической подготовленности арбитра на его психологическую устойчивость и умение управлять игрой. // Футбольный арбитр. Сборник статей. – М., 2008. – С. 24 -26.
12. Латышев Н.Г. Практикум футбольного арбитра. – М.: ФиС, 1977. - 206 с.
13. Липатов В.Г. Футбол. Третья команда матча. – М.: Доминанта. – 2004. -160 с.
14. Либих А. Психологические аспекты судейства в футболе. // Футбольный арбитр. Сборник статей. – М., 2001. – С. 51 -53.
15. Лыков В.И. Психосоматическая саморегуляция экстремальных состояний в различных видах деятельности / В.И. Лыков // Спортивный психолог. - 2005. - N 1 (4). - С. 86-89.
16. Мяконьков В.Б., Шаталова Е.А. Роль психического состояния тревожности в оценке успешности профессиональной деятельности футбольных арбитров. // Футбольный арбитр. Сборник статей. – М., 2008. – С. 26 -33.
17. Сопов В.Ф. Психологический контроль за индивидуальным состоянием в напряженной профессиональной деятельности : метод. рекомендации по курсу "Психология физ. культуры и спорта" (спец. 032101 - Физ. культура и спорт) / В.Ф. Сопов ; Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма. - М., 2005. - 16 с.: табл.
18. Черникова О.А. Активная саморегуляция эмоциональных состояний спортсмена / Черникова О.А., Дашкевич О.В. - М.: ФиС, 1971. - 46 с.

Д.С. Каськова
**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ
«СПОРТСМЕН – ТРЕНЕР»**

Успешность спортивной деятельности зависит не столько от тактики и стратегии спортивного поведения, которую тренер вырабатывает совместно со спортсменом, но и от регулирующих психологических воздействий тренера на спортсмена. От работы тренера во многом зависит как поддержание положительного эмоционального климата, так и предупреждение возникновения напряженности и конфликтов в межличностном общении со спортсменом.

Ключевые слова: успешность, теннис, межличностное взаимодействие, «спортсмен – тренер», критерии успешности, спортивная деятельность.

Одной из ведущих тенденций, характеризующих развитие современного спорта, является процесс все возрастающего влияния психологических факторов, как на эффективность тренировочной деятельности спортсменов, так и на успех их выступления в соревновании. Спортивная деятельность, как правило, протекает в условиях значительной эмоциональной напряженности, обусловленной ответственностью спортивных задач, недостатком полезной информации, дефицитом времени, фактором неожиданности, большими физическими и психическими напряжениями и т.п. Возникновение неблагоприятных психических состояний, вызванных экстремальными условиями деятельности, делает необходимой разработку средств их предупреждения и регуляции, а также воспитания психических свойств личности, способствующих высокой психической устойчивости [3].

Как показывает анализ литературы, достижения в спорте обусловлены, главным образом, уровнем развития двигательных качеств, морфофункциональных и психофизиологических особенностей спортсменов [1]. Практика спорта показала, а научные исследования подтвердили зависимость спортивных достижений от психических особенностей спортсменов, которые в значительной степени обусловлены свойствами высшей нервной деятельности [9]. Несмотря на установленную взаимосвязь успешности спортивной деятельности с психофизиологическими особенностями спортсменов, их исследованию в теннисе посвящено не достаточное число работ [7].

Общеизвестно, что теннис - игра, которая сочетает в себе большое количество разнообразных технических элементов и требует от спортсмена проявления не только незаурядных физических качеств, но также высокой концентрации внимания в течение длительного времени, быстроты реакции и оперативного мышления, игровой интуиции и твердой воли.

Очевидно, что подготовка теннисиста, способного вести игру на достаточно высоком уровне мастерства, - процесс сложный и длительный. Можно вполне согласиться с мнением польского психолога Б. Навроцкой, которая считает, что основное достоинство сильного теннисиста это «умственная быстрота». Поэтому его подготовка в действительности представляет собой психотактический процесс [4], тем более на современном этапе развития спорта, ко-

гда физическая, техническая, тактическая подготовленность высококвалифицированных спортсменов различных стран постоянно выравнивается, все большее значение приобретает их психологическая подготовка.

В психологии спорта выделяется круг вопросов, исследованию которых в настоящий момент уделяется недостаточное внимание. К таким вопросам относятся рассмотрение особенностей социально-психологического взаимодействия в системе «спортсмен-тренер», а также изучение оптимального развития психических процессов и состояний игроков, являющихся залогом успешной спортивной деятельности.

В индивидуальных видах спорта, в частности теннисе, к социально-психологическим факторам, влияющим на результаты спортивной деятельности, относится, главным образом, взаимоотношения спортсмена с тренером. [6]

Успешность спортивной деятельности зависит не столько от тактики и стратегии спортивного поведения, которую тренер вырабатывает совместно со спортсменом, но и от регулирующих психологических воздействий тренера на спортсмена. От работы тренера во многом зависит как поддержание положительного эмоционального климата, так и предупреждение возникновения напряженности и конфликтов в межличностном общении со спортсменом. Неприятие спортсменами тренера как личности и как специалиста может привести к снижению спортивной результативности.[3]

В исследовании мы предполагаем, что успешность спортивной деятельности определяется качеством взаимоотношений в системе «спортсмен – тренер», которая влияет на эмоциональную, мотивационно – волевую сферу спортсмена.

Объект исследования – эмоциональная, мотивационно – волевая сфера спортсменов с разными показателями успешности.

Предмет исследования – влияние взаимоотношений в системе «спортсмен – тренер» на успешность спортивной деятельности.

Исследование проводилось на базе Адлеровской академии тенниса в 2008- 2009гг. В исследовании приняло участие 95 теннисистов в возрасте 11- 15 лет.

Методы исследования: Тест цветовых отношений Эткинда (ЦТО); «Арка» (А. С. Чернышев); «Лесенка» (А.С.Чернышев, Т.И. Сурьянинова); Методика диагностики личности на мотивацию к успеху – к избеганию неудачи Т. Элерса; Психологический анализ развития волевых качеств спортсменов (Б.Н.Смирнов); Стиль саморегуляции поведения (В.Н. Моросанова); Оценка нервно – психического напряжения (Т. А.Немчина).

Успешность спортивной деятельности определяется качеством взаимоотношений в системе «спортсмен – тренер». Качество же взаимоотношений определяется: стилем руководства тренера, характером взаимодействия, эмоциональным фоном взаимоотношений.

Для проверки гипотезы сравнивались спортсмены с высокими и низкими показателями успешности спортивной деятельности.

Основаниями для создания групп являются следующие условия: в возрасте от 11 до 15 лет, из полных семей, регулярно занимающиеся спортом в течение

ние 5 лет и имеющие соревновательный опыт.

На основании данных, полученных в результате анализа продуктов деятельности, в качестве критериев успешности спортивной деятельности были использованы: победы теннисистов в междугородних и международных соревнованиях; фиксация достижений теннисистов в Ежегоднике Федерации тенниса России, где зафиксированы результаты, показанные российскими теннисистами на важнейших российских и международных турнирах; экспертная оценка тренеров.

Моделируя ситуацию совместной деятельности с помощью методики «Арка» А. С. Чернышева, в результате мы получили модель идеальных взаимоотношений «тренер – спортсмен»: демократический стиль руководства, положительный фон взаимоотношений и сотрудничество.

В результате исследования были получены значимые различия в оценке спортсменом отношений с тренером (по ЦТО). Успешные спортсмены оценивают тренера как отзывчивого, решительного, самостоятельного. В оценке «тренер» и победы» на первых позициях располагаются основные цвета (красный, желтый, синий, зеленый). В ассоциациях спортсмен к этим понятиям относит основные цвета, эмоциональное значение которых связано с силой, сосредоточенностью и самостоятельностью.

Неуспешные спортсмены оценивают тренера как несправедливого, неискреннего, самостоятельного и эгоистичного. В оценке «тренера» и «победы» на первых позициях в ответах неуспешных спортсменов преобладают смешанные (фиолетовый, коричневый) и ахроматические цвета (черный и серый). Что свидетельствует о пассивном отношении к победе, которая связывается у спортсменов, в основном, с негативными переживаниями.

В результате статистической обработки данных было обнаружено, что в группе успешных теннисистов показатели по шкалам (ПР) программирование ($p < 0,05$), (ПЛ) планирование ($p < 0,05$), (М) моделирование ($p < 0,05$), (ОУС) общий уровень саморегуляции ($p < 0,05$) выше чем у неуспешных теннисистов. Развитие процессов планирования, программирования, моделирования деятельности на высоком уровне в группе успешных спортсменов свидетельствует о сформированности потребности в осознанном планировании и программировании деятельности, планы в этом случае реалистичны, детализированы. Данные особенности являются предпосылкой успешной деятельности в индивидуальном виде спорта, так как на протяжении всей игры спортсменам приходится самостоятельно выстраивать программу и план деятельности, корректировать действия по ходу игры, не прибегая к посторонней помощи.

Качество взаимоотношений в системе «спортсмен – тренер» влияет на самооценку и мотивационную сферу спортсмена. У успешных спортсменов потребность добиться успеха выражена сильнее, чем у неуспешных спортсменов. Значимые различия в преобладании у успешных спортсменов адекватной самооценки, говорит о том, что спортсмены ощущают твердую поддержку и психологическую защиту со стороны значимых людей, в данном случае тренера

При исследовании эмоциональной сферы были обнаружены значимые различия ($p < 0,05$) степени выраженности нервно-психического напряжения у

успешных и неуспешных теннисистов.

В ходе нашего исследования мы выявили значимые различия волевых качеств (таких как самостоятельность и инициативность; целеустремленность, настойчивость и упорство) в группе успешных и неуспешных спортсменов

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что качество взаимоотношений в системе «тренер – спортсмен» определяет успешность спортивной деятельности. Успешность спортивной деятельности связана с процессами саморегуляции, мотивационно – волевой и эмоциональной сферой. При организации тренировок, при подготовке спортсмена к соревновательной деятельности, необходимо работать с его эмоциональной, мотивационно – волевой сферами с учетом оптимальных взаимоотношений в системе « тренер – спортсмен».

Список литературы:

1. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания. Деятельность и состояние. М.: Просвещение, 1980.
2. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания. Факторы, влияющие на эффективность спортивной деятельности. М.: Просвещение, 1980.
3. Ильин Е.П. Психология спорта. – СПб.: Питер, 2008.
4. Кретти Б. Дж. Психология в современном спорте. М., 1978.
5. Марищук В.Л., Блудов Ю.М. Методики психодиагностики в спорте. М.: Просвещение, 1982.
6. Мартенс Р. Социальная психология и спорт. М., 1979.
7. Пуни А.Ц. Очерки психологии спорта. М.: ФиС, 1959.
8. Пуни А.Ц. Некоторые психологические вопросы готовности к соревнования в спорте. Избранные лекции. Л., 1973.
9. Родионов А.В. Влияние психологических факторов на спортивный результат. М.: ФиС, 1983.
10. Ханин Ю.Л. Психология общения в спорте. М.: ФиС, 1980.

М.В. Кормильцева

ФАКТОРЫ КАРЬЕРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ РАБОТНИКОВ

Статья посвящена анализу факторов, определяющих направление карьеры работников. Представлена авторская классификация детерминант карьеры специалистов. Детально рассмотрены такие факторы карьеры как мобильность, потенциал и неопределенность.

Ключевые слова: карьера, профессиональная карьера, профессиональная мобильность, карьерная мобильность, потенциал, карьерный потенциал, неопределенность.

Развитие России за последние годы заставило в корне изменить отношение к *карьере* и требует рассматривать ее как творческий, позитивный процесс, от которого во многом зависит личностное благополучие работников, эффективность их профессиональной деятельности, а также успешность и процветание российского бизнеса и страны в целом.

Понятие «карьера» в переводе с итальянского означает «бег, жизненный

путь, поприще» и трактуется как продвижение в какой-либо сфере деятельности, достижение известности, славы, выгоды и обозначение рода занятий, профессии. Профессиональная карьера характеризуется ростом знаний, умений, навыков, профессиональной компетентности. Может идти по линии специализации (углубление в одной специальности) или транспрофессионализации (овладение другими областями человеческого опыта, расширение инструментария и областей деятельности) [10].

Феномен карьеры характеризуется многофакторностью, что обеспечивает его сложность для глубокого изучения. Помимо этого существует большое количество подходов, которые, соответственно, рассматривают разные факторы, детерминирующих карьеру индивида. Приведем некоторые классификации.

И.У. Забиров отмечает, что факторы карьерного продвижения «образуют систему, они связаны друг с другом, способны усиливать или ослаблять действие друг друга, оказывают комплексное воздействие, могут действовать в двух направлениях – способствуя или тормозя продвижение вверх» [4, с. 13]. Автор, в русле социологической традиции, выделяет три группы факторов карьеры:

1. Объективные факторы (по отношению к работнику): содержание и характер труда, вознаграждение труда, состояние горизонтальных и вертикальных трудовых отношений, организационная, корпоративная культура, идеология, ценности предприятия, система управления и руководства предприятием, размер предприятия и его организационная структура, а также экономические, социальные, политические, духовные, культурные, ценностно-идеологические условия в стране.

2. Субъективные факторы (личностные характеристики работника): профессиональные знания, умения, навыки, компетентность, профессиональный опыт, личностные качества, здоровье и работоспособность, индивидуальные внутренние мотивы карьерного продвижения.

3. Управленческие факторы: различные виды политики, проводящиеся на разных уровнях – от предприятия до страны, и влияющие на карьеру индивида. Например, в рамках конкретного предприятия – кадровая и социальная политика, на уровне страны – экономическая, финансовая, налоговая политика, политика в области основного и дополнительного профессионального образования, политика занятости и оплаты труда, трудовой миграции, социальной защиты и социального страхования и пр.

О.В. Минкина, В.К. Шаповалов в качества факторов карьеры определяют личные позиции человека, индивидуальные ресурсы и социально-экономическую ситуацию в конкретный период жизненного пути [7, с. 9].

О.А. Долгорукова выделяет три фактора, оказывающих влияние на построение карьеры: система властных отношений, культура и управление человеческими ресурсами в организации, в рамках которой осуществляется карьера; ценности индивида, а также навык и установка постоянно с ними работать; осознанно выбранный вектор карьеры (карьерная стратегия) [3, с. 14].

С.Д. Резник выделяет две группы факторов, влияющих на развитие карьеры:

1. Биографические характеристики:

- Возраст: с увеличением возраста (до определенного периода) уровень притязаний, связанных с карьерным и профессиональным ростом, увеличивается, а затем начинает постепенно снижаться. Если до определенного возраста человеку не удастся реализовать себя путем достижения соответствующих личных целей. Наступает апатия, спад творческой активности, возрастает готовность «плыть по течению».

- Пол.

- Престижность образования и его высокий уровень, способность и стремление к осуществлению самообразования.

- Социально-экономический статус, происхождение. Нередко высказывается мнение, что трудно рассчитывать на успех, если нет соответствующего происхождения и вытекающих отсюда связей. Ф. Фидлер заметил: «Один из наиболее надежных способов стать президентом компании – родиться в семье, которая владеет компанией». Однако доказано, что успех и происхождение не всегда связаны. Некоторые источники утверждают, что «нижние» и «средние» слои являются основными «поставщиками» руководящих кадров (Б. Швальбе, Х. Швальбе).

2. Личные особенности: уровень интеллекта, специальные умения, знания, компетентность, информированность, черты характера, профессиональные склонности, способности, опыт [8].

Очень интересно представляют факторы, благоприятствующие или мешающие достижению акме человеком, А.А. Бодалев и Л.А. Рудкевич (при этом не стоит забывать, что акме не сводится к карьере, а карьерные достижения – не всегда отражают движение к акме). Прежде всего, исследователи выделяют *объективно случайные факторы*: неординарные природные явления, техногенные катастрофы, социальные катаклизмы (войны, революции), несчастные случаи, резко ломающие нормальный ход жизни человека, дезорганизирующие, а иногда и просто прекращающие его деятельность, вмешательство людей, которые из каких-либо побуждений, стремятся помочь или помешать человеку реализовать свою цель, последнее иногда даже ценой его физического уничтожения.

Следующий фактор – «*возможности и действительности*»: что человек при его потенциале (личностном, субъектном, профессиональном) может сделать и что у него получается в реальной жизни и основной для него деятельности.

Другими необходимыми условиями достижения человеком акме в основной для него деятельности выступают: непрерывное развитие способностей и их максимальное использование при решении возникающих задач; доминирование в структуре мотивационных побуждений потребности, содержанием которой является общечеловеческая ценность, ставшая самой значимой ценностью для личности; а также продуктивное сопряжение способностей и потребностей на всех этапах жизненного пути человека.

Также авторы описывают влияние *социальных макрофакторов*: социально-экономические условия общества, членом которого человек является, кон-

кретное историческое время, в которое человек живет, социальная принадлежность, конкретная социальная ситуация, возраст, пол. Рассматривают *социальные микрофакторы*: общности и входящие в них люди, с которыми по ходу своей жизни человек оказывается в непосредственном эмоциональном и духовном контакте (семья и другие родственники, учителя в школе и одноклассники, педагоги вуза и сокурсники, друзья, коллеги по работе). Особое внимание уделяется *психологическим характеристикам личности*: активное отражение действительности и способность хорошо ориентироваться в ней, развитый социальный интеллект и устойчивое стремление к объективности, установление доброжелательных отношений с коллегами, за которыми не выступают на второй план интересы дела, стремление к саморазвитию, достижению крупномасштабных целей своей жизни. Проявление человеком *высшего «Я»* (в отличие от житейского, буднично-обывательского), в котором концентрируется его гражданский и профессиональный творческий потенциал, и *внутренний мир*, в котором интегрируются впечатления, обобщаются переживания, оценивается поведение и поступки, происходит переоценка ценностей, меняются позиции по отношению к событиям, идет перестройка «Я-концепции», конкретизируются планы, – также выступают факторами достижения человеком вершины в своем развитии [1].

Исходя из представленных данных, мы считаем необходимым привести обобщенную классификацию факторов, определяющих направление карьеры работников:

1. Объективные макрофакторы: социально-экономическая ситуация в стране, регионе, области, природные катаклизмы, место рождения, проживания.
2. Биологические особенности: пол, наследственность, возраст, физиологические особенности организма.
3. Физическое здоровье человека.
4. Социальный фактор: родительская семья, условия, характер и уровень воспитания и обучения, учителя, сокурсники, друзья, коллеги, индивидуально-психологические особенности и ценностные ориентации супруга / супруги.
5. Личностные характеристики: особенности познавательной, мотивационной, эмоционально-волевой сфер личности, характер, темперамент, самооценка, жизненные и карьерные ценностные ориентации, стратегии поведения в конфликтных ситуациях, *мобильность, потенциал*, высокая обучаемость, активное отражение действительности, социальный интеллект.
6. Профессиональные характеристики: развитые общекультурные и профессиональные компетенции, профессиональный опыт, высокий уровень профессиональной идентичности, высокий уровень профессионально ориентированных знаний, умений, навыков.
7. Организационные факторы: организация, в которой функционирует конкретный человек, накладывает ограничения на определенные аспекты карьеры, а с другой стороны задает правила игры, понимая и следуя которым можно осуществить эффективную карьеру: организационная, корпоративная культура предприятия, организационные ценности, стиль управления, язык и символы, процедуры и повседневные нормы, характер межличностных отношений,

управленческая иерархия и пр. Помимо этого существуют такие понятия как: высшая точка карьеры (высший пост, существующий в данной конкретной организации), длина карьеры (количество позиций на пути от первой позиции, занимаемой субъектом в организации, до высшей точки), показатель уровня позиции (отношение числа лиц, занятых на следующем иерархическом уровне, к числу лиц, занятых на том иерархическом уровне, где находится работник в данный момент своей карьеры), показатель потенциальной мобильности (отношение числа вакансий в конкретный период времени на следующем иерархическом уровне к числу лиц, занятых на том иерархическом уровне, где находится работник).

8. Обстоятельства, события, ситуации, характеризующиеся *неопределенностью*

9. Востребованность профессии на рынке труда.

10. Постоянно объективно меняющийся уровень требований работодателей.

Данные факторы обуславливают не столько карьерное развитие, сколько карьерные изменения, т.к. могут благоприятными и способствовать позитивным профессиональным изменениям, а также неблагоприятными, влекущими негативные последствия.

Рассмотрим более подробно такие факторы профессиональной карьеры как мобильность, потенциал и неопределенность, которые в некоторых исследованиях определяются как глобальные (Е.А. Могилевкин).

В настоящее время растет значение такой детерминанты карьеры как *мобильность*. Мобильность (*mobilis* – подвижный) – способность к быстрому передвижению, действию. Мобильность личности может проявляться в различных сферах жизни человека: профессиональной, семейной, социальной и пр. К понятиям «карьера», «карьерный рост» наиболее близки по смыслу следующие термины: трудовая, профессиональная и социально-профессиональная мобильность.

Традиционно профессиональная мобильность понимается как один из видов социальной мобильности (наряду с экономической, политической, семейной, территориальной, религиозной и пр.) (впервые об этом пишет П.А. Сорокин в работе «Социальная стратификация и мобильность»). Она гораздо шире трудовой мобильности, отражающей простую смену работодателей, а не должности, профессии или статуса, но же социально-профессиональной мобильности, которая помимо профессиональной составляющей включает межличностные отношения между профессиональными группами, официально организованными и стихийно возникшими профессиональными структурами.

Таким образом, в аспекте карьерного продвижения целесообразно говорить о *профессиональной мобильности* (это интегративная, целостная характеристика субъекта деятельности, обеспечивающую гибкую ориентацию в динамичных профессиональных условиях (как внутренних, так и внешних по отношению к профессии). Проявляется, например, в смене профессии, профессионального статуса, должности, повышении квалификации, освоении инновационных технологий и техники, поддержании эффективных межличностных от-

ношений в профессиональной среде и пр.) [5].

В отечественной науке исследованием профессиональной мобильности занимались Л.А. Амирова, Л.В. Горюнова, Ю.Ю. Дворецкая, Б.М. Игошев и др., за рубежом данному феномену посвящены труды Д. Голдтропа, Д. Крымковски, Р. Люйкса и др. Рассмотрение теоретических подходов к исследованию профессиональной мобильности позволяет выделить структуру данного феномена (см. табл.).

Согласно принципу детерминизма (А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн), который трактуется как действие внешних причин через внутренние условия и как действие внутреннего через внешнее, компоненты профессиональной мобильности рассматриваются в их взаимосвязи. Из этого следует, что «внутренние» компоненты профессиональной мобильности (базовый, субъектный) порождают «внешние» (поведенческий) и наоборот.

В психологии существует такое понятие как *карьерная мобильность (динамичность карьеры)*, являющийся индикатором профессионального пути и свидетельствующий о том, насколько быстро работник поднимался по иерархической лестнице. Показатель основывается на том, что в среднем для успешной адаптации и овладения должностью необходимо потратить 3-4 года, после 5 лет наблюдается снижение эффективности труда в должности. В связи с этим динамичной признается карьера, при которой работник занимал каждую очередную должность через 3-5 лет.

Таблица - Сущность структуры профессиональной мобильности личности

Компонент профессиональной мобильности	Психологическое содержание компонента
Базовый	Индивидуально-типологические, психофизиологические свойства, личностные качества и свойства, интеллектуальные свойства
Субъектный	Осознание необходимости смены профессии, специальности и т.п., выбор путей реализации данного решения. Данный элемент определяет готовность к проявлению профессиональной мобильности
Конативный	Поведенческие реакции, конкретные внешние действия (быстрая смена выполняемых производственных заданий, рабочего места, специальности, профессии, отрасли)

Следующий фактор карьеры, который требует более близкого рассмотрения – *потенциал личности*.

Потенциал – совокупность наличных средств, возможностей в некоей области, некоем отношении [9]. Согласно исследованиям Б.Г. Ананьева, В.Н. Маркова, Б.М. Теплова, А. Адлера, З. Фрейда, К. Хорни потенциал личности следует рассматривать через самореализацию личности в рамках общих и специальных способностей, которые и определяют возможности личности. Таким образом, способности определяют содержательную характеристику потенциала, а направленность его реализации зависит от мотивационной стратегии личности, а также от функций и сфер деятельности человека, в которых данный потенциал реализуется.

По мнению А.А. Деркача, И.Н. Дроздова, В.Г. Зазыкина, О.Н. Зубова, В.Н. Маркова, Е.П. Ходаева и др. ядром личностного потенциала выступают внутренние ресурсы человека, при этом внешние условия оказывают значительное влияние (например, технические средства, материальные условия и пр.). Под ресурсом личности понимается все то, что ей принадлежит: черты характера, способности, ценности и т.д. Но далеко не все внутренние ресурсы развиваются в ходе жизни человека, а, следовательно, включаются в его потенциал – только те, которые востребованы со стороны общества [6].

В связи с тем, что ведущую роль в развитии взрослого человека играет профессиональная деятельность, В.Н. Марков считает необходимым введение понятий «*лично-профессиональный потенциал*» и «*профессионально-личностный потенциал*». Первое определяется как часть личностного потенциала, направленная на реализацию ресурсов личности в рамках избранной профессии; это востребованные профессией возможности личности, определяющие перспективы ее саморазвития. Второе описывает соответствие востребованных профессией возможностей личности, требованиям, предъявляемым профессией; является основой профпригодности. В рамках акмеологии данные феномены выступают в качестве основания профессионализма личности и деятельности соответственно и рассматриваются как акмеологические инварианты профессионализма (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, А.К. Маркова).

И.А. Беспалов вводит термин «*акмеологический потенциал личности*» – индивидуальная система особым образом организованных внутренних акмеологических ресурсов личности, раскрытие которых обеспечивает ее движение по личностному и профессиональному вектору развития с постоянным усложнением решаемых задач и возрастанием уровня достижений, наиболее полно реализующих имеющиеся психолого-акмеологические ресурсы.

О.В. Минкина, В.К. Шаповалов рассматривают *карьерный потенциал* личности как совокупность четырех составляющих:

1. психофизические характеристики индивида (склонности, способности, работоспособность, здоровье);
2. личностные характеристики (потребности, интересы, мотивы, личностные качества);
3. компетентность (квалификация, объем, качество знаний, умений, навыков);
4. жизненные и карьерные ориентации (социальные и профессиональные ценности, уровень притязаний).

Следствием различий в карьерном потенциале в сочетании с действием объективных факторов являются различные карьерные стратегии индивидов. Составляющие карьерного потенциала взаимосвязаны и влияют друг на друга отдельно и в разных сочетаниях. Они могут служить своеобразными осями-векторами, окружающими структуру карьеры. Соотношение их во многом определяет возникновение кризисов карьеры и типичные стратегии (сценарии) их разрешения [7].

Последний интересующий нас фактор карьеры – *неопределенность*.

Современного человека характеризует необходимость планирования и

реализации собственных действий в условиях неопределенности. В толковом словаре русского языка неопределенность описывается через такие характеристики как «точно не установленный», «не вполне отчетливый», «неточный», «неясный». В психологических исследованиях в целом понятие неопределенности тесно связано с познанием человека, с различными реализуемыми или потенциальными познавательными действиями. В зарубежных психологических исследованиях проблема неопределенности и ее переживания людьми рассматривается в контексте межличностного взаимодействия (С.Р. Berger, R.J. Calabrese), организационных изменений и взаимодействий (Р. Bordia), личностных характеристик (S. Budner), неопределенности представлений о себе (В. Butrer, N.A. Kuiper, M.A. Xogg), обоснования осуществленного индивидом выбора (Л. Фестингер) и т.д.

Актуальность проблемы неопределенности имеет экзистенциальную основу, поскольку само существование человека во многом является неопределенным, открытым, незавершенным и нерешенным. Помимо этого неопределенность, представленная в виде «веера» возможных путей, из которых осуществляется выбор, тесно связана со свободой выбора из этих вероятностей.

В работах исследователей выделен ряд характеристик неопределенных ситуаций, которые применимы и для анализа карьерных изменений работников:

- новизна, противоречивость, сложность;
- множественность возможностей, выборов и решений;
- непредсказуемость (невозможность прогноза развития, неизвестность вероятности события);
- неконтролируемость (невозможность управлять развитием событий, противостоять неожиданностям, предугадать их);
- невозможность категоризовать ситуацию из-за отсутствия информации;
- трудность определения значения ситуации в связи с отсутствием готовых схем интерпретации [2].

Особенностью функционирования человека в профессиональной области жизнедеятельности являются критические режимы, состояния неустойчивого равновесия, неоднозначности и неопределенности, вызывающие в начальных точках процессов эффект ветвления, бифуркации. В точке бифуркации неопределенность возрастает до возможного максимума и невозможно предсказать по какому пути будет развиваться система. Определенность появляется лишь после того, как индивид уже вступил на один из возможных путей развития. А.А. Бодаев и Л.А. Рудкевич отмечают, что выбор и его осуществление в определенной критической точке или ситуации со значительной долей вероятности будут программировать характер следующих критических точек и ситуаций в профессиональной деятельности и набор возможных выборов, решений. Сам выбор предопределяет характер карьеры и особенности развития субъекта до достижения следующей критической точки.

С точки зрения синергетики выбор пути развития в точке бифуркации происходит случайно, хотя и в рамках некоторой вероятности. В свою очередь

мы заметим, что на данный выбор большое влияние оказывает индивидуальность, личный опыт, социальная и экономическая ситуация, профессиональные знания и умения, квалификация, развитость интуиции и пр. Помимо этого в дальнейшем возникает «обратный эффект»: уже сам выбор определяет направления профессионального и карьерного развития личности и индивидуальности.

Заметим, что не все неопределенные ситуации в профессиональной жизнедеятельности субъективно воспринимаются как трудные (хотя объективно могут быть сложны). Вероятно, в таких случаях перед человеком открываются богатые позитивные возможности роста, развития, в том числе и карьерного.

Представленная в данной статье авторская классификация факторов изменения карьеры работников, а также подробное рассмотрение некоторых ее составляющих, позволяют говорить о многогранности феномена «карьеры» и его зависимости от биологических, личностных, физических, профессиональных особенностей личности, организационных, социальных и некоторых других условий. Особый интерес представляет рассмотрение влияния на карьерные изменения профессиональной мобильности, потенциала личности, а также неопределенности ситуаций.

Список литературы:

1. Бодалев А.А. Как становятся великими или выдающимися? [Текст] / А.А. Бодалев, Л.А. Рудкевич. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 287 с.
2. Бутенко Т.П. Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения [Текст]: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т.П. Бутенко. – М., 2009. – 28 с.
3. Долгорукова О.А. Построение карьеры [Текст] / О.А. Долгорукова. – СПб.: Питер, 2006. – 96 с.
4. Забиров И.У. Факторы карьерной мобильности руководителей на промышленных предприятиях [Текст]: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / И.У. Забиров. – Уфа, 2009. – 28 с.
5. Кормильцева М.В. Социально-личностные компетенции студентов как фактор развития их профессиональной мобильности [Текст]: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / М.В. Кормильцева. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
6. Марков В.Н. Личностно-профессиональный потенциал кадров управления: психолого-акмеологическая оценка и оптимизация [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В.Н. Марков. – М., 2004. – 56 с.
7. Минкина О.В. Консультирование по карьере [Текст]: Учеб. пособие / О.В. Минкина, В.К. Шаповалов. – М.: Академический Проект, 2008. – 282 с.
8. Персональный менеджмент [Текст]: Учебник / С.Д. Резник и др. – М.: ИНФРА-М. – М., 2002. – 622 с.
9. Словарь психолога-практика [Текст] / Сост. С.Ю. Головин. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 976 с.
10. Управление персоналом [Текст]: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 560 с.

Е.А. Крюкова

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БЕЗРАБОТНЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Обсуждается проблема безработицы. Изложены результаты исследования формирования копинг-стратегий, смысловых ориентаций, особенности карьерных ориентаций, а также личностных характеристик и интеллектуальных особенностей безработных мужчин и женщин.

Ключевые понятия: личностные особенности; карьерные ориентации; копинг-стратегии; смысловые ориентации.

Реформирование экономики, развитие рыночных отношений в России и мировой финансовый кризис выдвинули проблему безработицы в число наиболее важных.

Актуальность работы определяется необходимостью разрешения вопросов, определяющих психологические аспекты безработицы и неэкономические способы возвращения безработных граждан в трудовую деятельность. Это определяет направление исследований проблем безработицы, которая остается в российской науке мало разработанной в силу исторической «молодости» данного социального явления в нашей стране.

Эмпирическое исследование проводилось на базе СПб ГУЦЗН по Фрунзенскому району в период с 1 февраля по 6 марта 2010.

Психодиагностическая программа бала составлена на основании анализа литературных источников и в соответствии с рекомендацией психолога Центра Занятости. Она включала анализ формирования копинг-стратегий, смысловых ориентаций, особенности карьерных ориентаций, а также личностных характеристик и интеллектуальных особенностей.

В исследовании принимали участие 39 человек, из них 18 мужчины и 21 – женщины.

Личностные особенности изучались с помощью 16-факторного опросника Кетелла. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

Подъем профиля выше 7 стэнов интерпретировался как выраженность положительного полюса фактора, показатель менее 4 стэнов интерпретировался как выраженность отрицательного полюса данного фактора. Полученный профиль (рис. 1) показывает, что выраженным оказались факторы L (женщины – 7,33; мужчины - 6,44) и Q3 (женщины – 6,43; мужчины – 7,33). Исходя из полученных данных, мы можем сказать что, женщинам в большей мере присущи такие личностные особенности как подозрительность, ревнивость, раздражительность, осторожность в своих поступках и действиях.

Мужчины обладают следующими личностными особенностями: контролирующее свое поведение и эмоции, социально точные, целенаправленные. Полученные различия можно объяснить гендерными особенностями. Статистически значимые различия обнаружены по факторам E, G, H, N.

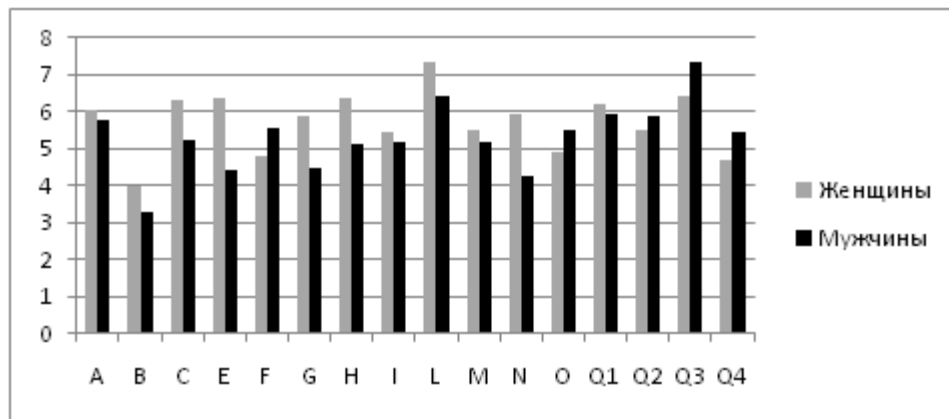

Рисунок 1. - Исследование личностных особенностей безработных мужчин и женщин

По остальным факторам полученные результаты не демонстрируют значительной выраженности (рис. 1.). Небольшие отклонения от нормы по отдельным показателям говорят о тенденции стремления к одному из полюсов. Так, показатели по фактору В указывают на низкий уровень интеллектуального развития. Как женщины, так и мужчины склонны медленнее понимать материал при обучении, выраженная склонность к конкретному мышлению. Но данные показатели нельзя считать единственно верными т.к. они противоречат показателям, полученным по методике «Матрицы Равена» и скорее это может говорить о влиянии фактора усталости на испытуемых (личностный опросник Кеттелла предъявлялся после серии из 3-х тестов). Показатели по фактору F свидетельствуют о сдержанности, озабоченности, склонности все усложнять, подходить ко всему серьезно, беспокойстве о будущем, озабоченности своими поступками, ожидании неудачи при планировании своих поступков, самокопанию. Но так как показатель в границе нормы, то все описанные выше тенденции могут проявляться в небезопасной обстановке. Возможно, это объясняется самой ситуацией безработицы, так как социальный статус безработного по современным меркам нашего общества является низким и неодобряемым окружающими.

Особенности интеллектуальных характеристик изучались с помощью методики «Матрица Равена».

Показатели мужчин и женщин практически не отличаются друг от друга. Различий на статистически значимом уровне обнаружено не было. Лучше всего испытуемые справились с сериями А (принципы взаимосвязи в структуре матрицы), В (аналогии между парами цифр), D (принципы перегруппировки фигур). Больше всего ошибок испытуемыми было допущено в серии Е (принцип разложения фигур на элементы). Можно говорить о том, что испытуемые хуже справляются с заданиями связанными с анализом и синтезом фигур из отдельных элементов, т. е. у данных групп безработных низкие способности к наблюдению количественных и качественные различия динамических рядов.

Согласно переведенным показателям в IQ интеллект безработных мужчин и женщин можно определить как нормальный, средний интеллект.

Особенности карьерных ориентаций безработных изучались с помощью методики «Якоря карьеры». По полученным данным не удалось обнаружить статистически значимых различий.

Четко прослеживаются отличительные особенности карьерных ориентаций безработных мужчин и женщин. Показатель 4б (стабильность места жительства) больше характерен для женщин, т.е. они связывают себя с географическим регионом, складывают сбережения в свой дом, и склонны менять работу или организацию только тогда, когда это не сопровождается «срыванием с места». Поэтому, можно предположить, что для женщин ситуация потери работы является более весомым психоэмоциональным фактором, чем для мужчин. Этим можно объяснить и психологические особенности, полученные по методике Кеттелла.

Высокие показатели 4а (стабильность места работы) свидетельствуют о том, что он является очень важными как для мужчин, так и для женщин. Т.е. в ситуации безработицы они больше ориентированы на поиск работы, которая обеспечит определенный срок службы и выглядит более надежной в своей отрасли.

Мужчинам больше характерна карьерная ориентация «Предпринимательство». Они в большей мере стремятся создавать что-то новое, работа на других для них неприемлема, предпочитают иметь свое дело, свое финансовое богатство. Это подтверждается и данными Центра занятости населения – примерно 40 % безработных мужчин выбирают для себя курс обучения «Собственное дело».

При исследовании смысложизненных ориентаций были получены средние результаты по всем шкалам: цели в жизни, процесс жизни (интерес и эмоциональная насыщенность), результативность жизни (удовлетворенность самореализацией), локус контроля – Я (Я – хозяин жизни) и локус контроля – жизнь (управляемость жизни).

В ходе анализа данных не обнаружено статистически значимых отличий. Показатели практически одинаковые у обеих групп испытуемых.

У женщин и мужчин представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, но в данном случае они скорее подчинены обстоятельствам и не могут в полной мере реализовать свои возможности.

Копинг - стратегии безработных граждан исследовались с помощью методики Лазаруса.

В сложной жизненной ситуации мужчины в большей мере пользуются такими стратегиями поведения как самоконтроль и планирование решения проблемы. Это позволяет фокусировать усилия по изменению ситуации применяя аналитический подход к проблеме. При этом тратится много усилий на регулирование своих эмоций и чувств.

Женщины чаще пользуются положительной переоценкой. Т. е. предпринимают усилия по созданию положительного значения с фокусированием на росте собственной личности.

В заключении хотелось бы сказать, что ситуации вызванные потерей работы представляют собой серьезное испытание для личности, в некоторой степени превышающее ее внутренние ресурсы, выходящие за рамки его актуального развития.

Нестабильность современного мира таит в себе целый ряд трудноразрешимых

мых задач, главной из которых, на современном этапе, является безработица.

Как известно, безработица оказывает негативное воздействие не только на все стороны жизни общества (экономику, политику, социальные отношения), но и на личность человека в частности. Потеря работы является весомым психоэмоциональным фактором в жизни любого человека. И, несмотря на экономический кризис, остается актуальным именно определение психологических аспектов состояния безработных.

Список литературы:

1. Психология. Словарь /Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. — М., 1990. – 494 с.
2. <http://top.rbc.ru/society/20/04/2009/295700.shtml>

А.В. ЛЕСИК
ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

В статье выдвигается положение о том, что ядром профессиональной идентичности являются профессиональные ценности. Регуляторами профессиональной деятельности ценности могут стать только после окончания профессионального обучения. Переход от профессионального обучения к профессиональной деятельности сопровождается внутренним ценностным конфликтом, который становится основанием для становления профессиональной идентичности.

Ключевые слова: Идентичность, профессия, профессиональные ценности, внутренний ценностный конфликт.

Актуализация понятия идентичность обуславливается особенностями развития самого современного человека: степенью его исторической свободы, и новыми, исторически задаваемыми субъектными характеристиками. Особое состояние общества, характеризующегося высокой динамикой происходящих в нем изменений, множественностью кризисов различного масштаба и степени воздействия, общей нестабильностью, ростом напряжения, раскрытием и освоением, за счет развития систем информации, новых пространств видения человеком себя, мира и себя в мире – привело к активизации процессов объединения и разъединения (позиций, сил, интересов, целей индивидов, групп, государств, различного рода объединений), т.е. событий, предполагающих повышение значимости выбора человеком своего места, определения и самоопределения, выявления своих позиций и соотнесения их. В этой связи выявление ценностных ориентиров профессиональной идентичности актуализирует технологии управления профессиональной и организационной идентификацией, оптимизирует процессы профессионального развития.

Ценностные ориентации - одно из центральных личностных новообразо-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта 10-06-83613 а/У

ваний, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и определяют широкую мотивацию его поведения, оказывая существенное влияние на все стороны его действительности. Ценностные ориентации тесно связаны с направленностью личности и содержанием ее активности.

С.Л. Рубинштейн указывал: «что в деятельности человека по удовлетворению непосредственных общественных потребностей выступает общественная шкала ценностей. В удовлетворении личных и индивидуальных потребностей через посредство общественно полезной деятельности реализуется отношение индивида к обществу и соответственно соотношение личностного и общественно значимого». И далее: «Наличие ценностей есть выражение не безразличия человека по отношению к миру, возникающего из значимости различных сторон, аспектов мира для человека, для его жизни» [4].

Рассматривая ценностные ориентации, А.Н. Леонтьев отмечал: «... - это ведущий мотив - цель возвышается до истинно человеческого и не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом... такие жизненные мотивы способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл жизни» [1].

Понятие «ценность» его психологической трактовке эквивалентно некоторому комплексу психологических явлений, которые, хотя и терминологически, обозначаются разными понятиями, но семантически однопорядковы: Н.Ф. Добрынин называет их «значимостью»; А.И. Божович «жизненной позицией»; А.Н. Леонтьев «значением» и «личностным смыслом»; В.Н. Мясищев «психологическими отношениями».

Большинство исследователей указывает на то, что ценности имеют системную уровневую организацию, т.е. общее число ценностей сравнительно не велико, однако у разных людей определенные ценности являются ведущими, и именно они регулируют поведение.

М.С. Яницкий отмечает: «ценностные ориентации представляют собой особые психологические образования, всегда представляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности только в качестве ее элементов. Невозможно представить себе ориентацию личности на ту или иную ценность как некое изолированное образование, не учитывающее ее приоритетность, субъективную важность относительно других ценностей ...» [6].

Вопросы развития системы ценностей личности в период профессиональной подготовки исследовались многими психологами (Е.А. Климов, В.Д. Шадриков, Л.И. Божович, В.Ф. Сержантова, Л.В. Абдалина) и, как полагает большинство из них, ценностные ориентации выступают в качестве важного механизма регуляции деятельности, что наиболее ярко проявляется в профессиональной деятельности.

Профессия вносит ценностные коррективы в жизнь человека, в ней совершенно иначе складываются отношения между человеком и его деятельностью, они не имеют жесткой связи и являются объектом выбора. В профессиональной деятельности есть собственные специфические задачи, логика, результаты, а значит и ценности. Осуществление профессиональной деятельности предусматривает выполнение специалистом определенных функций, ролей, ко-

которые обычно согласуются и не противоречат традициям профессиональной культуры, обеспечивающей преемственность и целостность профессиональной деятельности. Профессиональные ценности – это ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность.

Таким образом, в ценностях отражается уровень развития мотивационно-потребностной сферы субъекта деятельности. На этапе предшествующем непосредственной профессиональной деятельности профессиональные ценности, не встроены в общую структуру деятельности и выступают на уровне ожиданий и представлений. С момента осуществления профессиональной деятельности «экспертами ценностного поля личности выступают профессиональная практика и профессиональный опыт» [3], в результате профессиональные ценности встраиваются в общую структуру ценностей личности.

Переход от квазипрофессиональной деятельности (деятельности, которая, по сути, лишь имитирует будущую деятельность обучаемого специалиста, в то время как реально доступной является учебная и учебно-профессиональная деятельности) к профессиональной на наш взгляд обязательно сопровождается внутренним конфликтом в ценностной сфере, что является неременным условием для начала становления профессиональной идентичности. Данный конфликт можно охарактеризовать как аксиологический, т.к. противоречие определяется между существующей системой ценностей, не содержащих профессиональные, и появляющимися профессиональными ценностями, с которыми личность сталкивается, начиная практику профессиональной деятельности.

В основу понимания нами конфликта ценностей легла идея Е.Б. Фанталовой о том, что одной из главных детерминант мотивационно-личностной сферы является подвижное, меняющееся в процессе жизнедеятельности соотношение между осознанием ведущих жизненных ценностей, личностных смыслов, целей, и всем, что непосредственно доступно и связано с осуществлением конкретных достижимых целей, лежащих в зоне «легкой досягаемости». На основании этой идеи была разработана авторская методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах». Показатель сравнения (разница) по параметрам «Ценность–Доступность» отражает уровень рассогласования, дезинтеграцию в ценностно-мотивационной сфере личности и характеризует ее внутренний конфликт как блокаду ведущих потребностей, с одной стороны, и самореализацию, личностную идентичность – с другой [5], что и позволило Е.Б. Фанталовой операционализировать понятие ценностного конфликта.

Нами была сформулирована исследовательская парадигма о том, что профессиональные ценности являются основой (стержнем) профессиональной идентичности. Смена структуры ценностей при прохождении нормативных кризисов профессионального развития меняет форму профессиональной идентичности, а конфликт в системе ценностей (конфликт ценность–доступность) меняет и ее содержательную сторону, причем существуют различия в развитии профессиональной идентичности в профессиональных группах.

В исследовании, проведенном на кафедре психологии профессионального

развития ФГАОУ ВПО РГППУ г. Екатеринбург в 2008-2010 гг., исследовались доминирующие профессиональные ценности и внутренние конфликты личности. В качестве метода исследования использовался анализ документов, опрос экспертов и тестирование. Использовалась методика «Шкала Терстоуна» в групповой форме, данные которой обрабатывались методом шкалирования. Объектом шкалирования выступили суждения, вероятно представляющие собой ценностные ориентации студентов–психологов 4-5 курса, связанные с будущей профессиональной деятельностью (всего 19 суждений о ценностях своей профессиональной группы). В результате были получены наиболее значимые «ценности» (12 из 19), которые были перенесены в опросник «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступность»» Е.Б. Фанталовой, получившийся вариант методики был проведен на той же выборке.

Результаты первого этапа исследования, проводившегося в 2008 году на студентах 4-5 курсов, т.е. молодых специалистах, готовящихся к реальному выходу на профессиональный рынок труда, показали, что в связи с нереализованностью большинства профессиональных ценностей и грядущим кризисом профессиональных ожиданий большая часть этих ценностей характеризуется состоянием внутреннего конфликта ($Ц-Д \geq 4$, что свидетельствует о внутренней конфликтной ситуации, в 7 случаях из 12). Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Степень рассогласованности между ценностью и доступностью в структуре профессиональных ценностей студентов 4-5 курсов.

Профессиональные ценности	Показатель степени рассогласованности между ценностью и доступностью в данной ценности	Ранг рассогласованности
1. Работа по полученной специальности	4,56	6
2. Хорошая зарплата	6,4	1
3. Возможность служебного роста	5,54	2
4. Четко расписанный трудовой процесс	5,43	3
5. Престижность профессии	4,32	7
6. Возможность социальных льгот	2,34	10
7. Работа с близкими по духу коллегами	3,86	8
8. Работа под руководством квалифицированного начальника	4,57	5
9. Комфортность условий труда	3,48	9
10. Удобный режим работы	4,69	4
11. Работа, предполагающая общение с широким и меняющимся кругом лиц	2,27	11
12. Возможность выполнять работу большой общественной значимости	1,23	12

Однако, уточним, что большинство ценностей, находящихся в состоянии конфликта относятся не столько к ценностям непосредственно профессиональной деятельности, сколько к ценностям связанным с организацией и условиями труда (зарплата, карьерный рост и пр.). Таким образом, конфликтные состоя-

ния, возникающие на данном этапе, связаны не столько ценностями самой профессии, сколько с атрибутами трудовой деятельности профессионала в организации.

Второе исследование проходило в 2010 году, на той же выборке, его результаты представлены в Таблице 2. Полученные по методике «УСЦД» результаты позволяют говорить о том, что кардинальной переоценки ценностей не происходит, но происходит их переструктурирование. Количество внутренних конфликтов снизилось с 7 до 5, что вероятно связано в периодом первичной адаптации в профессиональной и трудовой деятельности. Прохождение кризиса профессиональных ожиданий уменьшает напряженность внутренних конфликтов, связанных с профессиональными ожиданиями выполнения работы, но, с другой стороны, первичная адаптация не снижает, а даже усиливает интенсивность внутренних конфликтов связанных с характеристиками организации.

Таблица 2 – Степень рассогласованности между ценностью и доступностью в структуре профессиональных ценностей у специалистов (стаж работы до 5 лет).

Профессиональные ценности	Показатель степени рассогласованности между ценностью и доступностью в данной ценности	Ранг рассогласованности
1	2	3
1. Работа по полученной специальности	3,49	8
2. Хорошая зарплата	4,68	2
3. Возможность служебного роста	4,63	3
4. Четко расписанный трудовой процесс	4,44	4
5. Престижность профессии	3,67	7
6. Возможность социальных льгот	1,56	10
7. Работа с близкими по духу коллегами	3,75	6
8. Работа под руководством квалифицированного начальника	4,87	1
9. Комфортность условий труда	4,23	5
10. Удобный режим работы	3,67	7
11. Работа, предполагающая общение с широким и меняющимся кругом лиц	2,12	9
12. Возможность выполнять работу большой общественной значимости	0,58	11

Для выявления значимых изменений между измерениями был проведен дисперсионный анализ, результаты которого показали изменения только в одной профессиональной ценности – «хорошая заработная плата» (4,68 против 6,4 в первом измерении). На основании этого, мы делаем вывод, что кардинальной переоценки ценностей не происходит, но происходит их переструктурирование, о чем так же свидетельствует кластерный анализ, по его результатам можно

сделать следующие выводы. Четко прослеживается выделение трех кластеров:

1. Первый кластер (по интенсивности внутренних конфликтов) связан с формальными характеристиками организации (четко расписанный трудовой процесс, возможность служебного роста, комфортность условий труда, хорошая зарплата, работа под руководством квалифицированного начальника).

2. Второй кластер (конфликтов нет) социальные условия работы (престижность профессии, удобный режим работы, работа с близкими по духу коллегами).

3. Третий кластер (внутренние конфликты отсутствуют) – социальные, ценности связанные с общением и общественной значимостью труда (возможность социальных льгот, работа, предполагающая общение с широким и меняющимся кругом лиц, возможность выполнять работу большой общественной значимости).

Полученные данные говорят о том, что прохождение кризиса профессиональных ожиданий уменьшает напряженность внутренних конфликтов связанных с профессиональными ожиданиями выполнения работы, но даже первичная адаптация не снижает, а наоборот, увеличивает интенсивность внутренних конфликтов, связанных с формальными характеристиками организации.

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональные ценности и ценности труда у выпускников вузов – это лишь отчасти усвоенные «общественные идеалы» (Д.А. Леонтьев) [2], по-настоящему значимыми они становятся только при встрече человека с ними в деятельности. Без опыта практической деятельности ценности носят скорее характер представлений и ожиданий, учитывая «недоступность» такого опыта, находятся в состоянии конфликта с реальностью. С началом трудовой деятельности и получением возможности полноценной реализации ценностей, ценности переструктурируются и становятся реальными регуляторами активности личности. Возможно, что профессиональные ценности до практического опыта, существуют в виде ценностей – ожиданий и характеризуются состоянием внутреннего конфликта. Это предположение подтверждается теоретическим анализом литературы и нашим исследованием.

Список литературы:

1. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 1 [Текст] / А.Н. Леонтьев. - М., 1983.
2. Леонтьев, Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья вторая)/Д.А. Леонтьев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1997, N 1, с. 20-27.
3. Реньш, М.А. Ценности профессиональной деятельности: теоретико-методологический аспект [Текст] / М.А. Реньш // Приложение к журн. «Образование и наука». 2007. № 4(8). С. 28–37.
4. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. - М., 1976.
5. Фанталова, Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта [Текст] / Е.Б. Фанталова. Самара: Бахрам-М, 2001. 128 с.
6. Яницкий, М.С. Ценностная ориентация личности как динамическая система [Текст]/ М.С. Яницкий. – Кемерово, 2000.

Р.В. Лукьянов

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ОПЕРАТОРОВ ПОСТОВ КОНТРОЛЯ
ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКИ –
В УСЛОВИЯХ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧ БОЕВОГО ДЕЖУРСТВА**

В статье автор рассматривает психологические аспекты выполнения задач боевого дежурства как деятельности в особых условиях. Приведены результаты проведённого исследования по тематике, а также подготовлены некоторые рекомендации, которые могут быть использованы командным составом ВС РФ в целях организации психологической подготовки операторов постов для успешного выполнения специальных задач.

Ключевые слова: боевое дежурство, психологическая готовность военнослужащих, психофизическое напряжение.

В настоящее время Вооружённые Силы Российской Федерации находятся на этапе реформирования, которое влечёт за собой сокращение личного состава, реструктуризацию воинских формирований на всех уровнях, изменение концепций повседневной и боевой деятельности войск. В этих условиях особое значение приобретает сохранение боеспособности государства, несмотря на проводимые изменения. При этом приоритетным направлением является организация боевого дежурства на постах контроля текущей военно-политической обстановки, что позволяет предупредить внезапное применение военной силы по отношению к Российской Федерации.

Несение боевого дежурства является деятельностью в особых условиях, которая сопряжена с воздействием на каждого отдельного военнослужащего и коллектив в целом экстремальных факторов военной службы или высокой осознанной вероятности их появления. Деятельность операторов постов боевого дежурства осуществляется в условиях постоянного воздействия различных психологических факторов, таких как: повышенное внимание и избирательность в отношении поступающих данных, постоянная смена текущей оперативной обстановки, ограниченность временных показателей обработки и доклада полученных сведений, высокая интеллектуальная сложность деятельности, ответственность в связи с выполнением задач государственной важности. Для успешной работы военнослужащие должны обладать достаточной психологической устойчивостью и быть способными противостоять различным стрессогенным факторам военной службы. К их числу можно отнести:

- Невозможность удовлетворения многих привычных и естественных потребностей личности в силу специфики воинской деятельности, соблюдение распорядка дня;
- Расставание с родными, близкими, привычным окружением, изменение ритма жизни;
- Регламентированный режим поведения, необходимость подчинения;
- Новые климатические и географические условия, бытовые неудобства и негативные факторы профессиональной деятельности (ограниченное простран-

ство, шум, вибрации, электромагнитные излучения);

- Физические, информационные и эмоциональные нагрузки;
- Ситуации неопределенности ближайшего будущего;
- Групповая изоляция и информационная истощаемость в рамках группы в условиях воинской службы;
- Отсутствие необходимого уровня профессиональной подготовки, навыков и умений, что ограничивает возможность получать в полной мере удовлетворение от исполняемой деятельности;

Во время работы операторов на постах боевого дежурства, деятельность большинства военнослужащих характеризуется высоким эмоциональным напряжением и низким уровнем двигательной активности. В условиях выполнения специальных задач, эмоциональный компонент психического состояния личности является одним из приоритетных. Его значение обуславливается ролью эмоций в поведенческой регуляции, их влиянием на психические познавательные процессы, качество и эффективность выполняемых задач, адаптацию к изменениям окружающей обстановки. Снижение эмоционального фона и преобладание отрицательных эмоций, в том числе по причине физического переутомления и воздействия внешних раздражителей (шумы, световая и звуковая индикация), - ведёт к ослаблению внимания, снижению показателей оперативной памяти, потере нацеленности на выполнение боевой задачи.

С целью выявления психологических аспектов, которые негативно влияют на выполнение задач боевого дежурства операторами постов контроля военно-политической обстановки, автором было проведено практическое исследование среди военнослужащих срочной службы. Данная работа проводилась в несколько этапов с различной периодичностью и на основе методик оценки общего психологического состояния, а также объёма, концентрации и избирательности внимания (Методики «САН», «Корректирующая проба», «Мюнстерберга»). Всего в исследовании приняло участие 36 человек из числа операторов постов контроля военно-политической обстановки. По результатам проведённого исследования были выявлены факторы, которые в наибольшей степени влияют на общий уровень психологической готовности военнослужащих, и тем самым на успешность выполнения задач боевого дежурства. К ним относятся: снижение концентрации внимания (38,8% респондентов), ослабление интереса по отношению к профессиональной деятельности (58,3%), повышение эмоционального напряжения и раздражительности (22,2%), общее ухудшение настроения и снижение активности (50%), пропуски при обработке массива информации (36,1 %), медлительность при выполнении специальных задач (19,4 %).

Таким образом, для повышения качества выполнения задач боевого дежурства, связанных с деятельностью операторов постов контроля обстановки в зоне ответственности, - необходимо проведение комплекса мероприятий, направленных на обучение военнослужащих методам нейтрализации отрицательных эмоций, нарушающих процесс формирования психологической готовности к боевому дежурству; повышение уровня физической подготовленности, который способствует повышению общего порога утомляемости в условиях постоянного психофизического напряжения; развитие профессионально значимых

личностных качеств и психомоторных способностей.

Важнейшим из условий эффективного формирования и развития психологической готовности к выполнению задач боевого дежурства является психологическая подготовка, которая определяется как совокупность целенаправленных психолого-педагогических воздействий, способствующих возникновению психологических качеств, обеспечивающих успешное выполнение поставленных задач. В ходе подготовки особый акцент должен быть сделан на следующих психологических показателях: сохранение у военнослужащих оптимистического настроения, боевого возбуждения, активность, нацеленность на объект работы, отсутствие апатии и негативных эмоций, сохранение самоконтроля и выдержки, функций внимания и памяти.

Во время проведения занятий по профессиональной подготовке военнослужащих к выполнению специальных задач, важную роль играет период стажировки операторов на постах, где предполагается дальнейшая работа по специальности. На данном этапе военнослужащий проходит период профессиональной адаптации, которая является процессом и результатом приспособления оператора к требованиям, указанным в задании поста боевого дежурства, усвоения им профессиональных и дисциплинарных норм поведения, необходимых для исполнения должностных обязанностей, соблюдения порядков, установленных командирами и начальниками. На этапе профессиональной адаптации происходит «привыкание» военнослужащего к условиям и спектру выполняемых задач, отождествление реальных условий деятельности со знаниями и представлениями, полученными в процессе профессиональной подготовки. Успешная адаптация укрепляет уверенность в действиях при несении боевого дежурства, создаёт условия для самоутверждения личности как специалиста. В этот период осуществляется дальнейшее развитие военнослужащего по отношению к его деятельности, согласование жизненных и профессиональных целей и установок, формирование значимых черт личности, развитие профессионально важных качеств, специальных способностей, эмоционально-волевых качеств.

Список литературы:

1. Бодров В.А Психология профессиональной деятельности. Теоритические и прикладные проблемы. – М.: Институт психологии РАН, 2006
2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. – Минск: БГУ, 1976
3. Кандыбович Л.А. Формирование психологической готовности воинов ПВО к деятельности //Основы психолого-педагогической деятельности советского офицера. – Минск, 1977
4. Нерсисян Л.С., Пушкин В.Н. Психологическая структура готовности оператора к экстренному действию. //Вопросы психологии. – 1969
5. Козлов С.А. Психологическая устойчивость операторов РЛС и пути её формирования в процессе специальной подготовки: Дис. канд. психол. наук. Тверь, 1995.

И.А. Лутченко

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

В статье рассматриваются особенности конфликтного взаимодействия в управленческой сфере. Приведены результаты исследования уровня конфликтности, межличностных отношений, стратегий конфликтного взаимодействия субъектов управления.

Ключевые слова: Конфликт, межличностный конфликт, стратегия конфликтного взаимодействия, управление персоналом.

Современная социально-экономическая ситуация в стране, стиль деятельности руководителя нередко выступают в качестве причин возникновения конфликта, создают дополнительные трудности в решении проблем управления персоналом.

Впервые изучение конфликтов на производстве представлено в работах М.Фоллет и Э. Мэйо в первой половине XX века. В настоящее время важная роль отводится исследованию проблемы типологии конфликтов в управлении организацией. Так, В.И. Брудный и В.А. Семов делят производственные конфликты на возникающие в силу неправильных действий руководителей и по вине отдельных подчиненных [1]. Е. Е. Вендров выделяет два типа конфликтов между руководителем и коллективом: недостатки в организации производства и неправильные действия руководителей [2]. В.А. Розанова классифицирует конфликты на вытекающие из свойств объекта руководства (коллектива) и из свойств субъекта руководства (руководителя) [4]. В типологической модели конфликтов А.А. Ершова выделены следующие составляющие: организационно-управленческие конфликты, групповые конфликты или трудовые конфликты, межличностные конфликты или конфликты между субъектами взаимодействия [3].

Среди выделенных типов организационных конфликтов наибольшего внимания заслуживает межличностный, так называемый конфликт вертикального типа, возникающий между начальником и подчиненным. Как показывает практика управления, конфликты, носящие межличностный характер вертикального типа, в большинстве случаев остаются неразрешимыми. Это серьезно осложняет работу не только руководителей организации, но и самих работников.

В связи с этим целью нашего исследования является социально-психологический анализ межличностных конфликтов в управленческой сфере. Предмет исследования – изучение особенности конфликтного взаимодействия и стратегий его разрешения. Объектом исследования выступили субъекты конфликтного взаимодействия (руководители компании и подчиненные).

В соответствии с поставленной целью нами были разработаны опросные листы для оценки имеющихся конфликтов между руководителем и подчиненным в одной из фирм г.Нижневартовска. Кроме того, была использована методика Тимоти - Лири для изучения характера межличностных отношений между

работниками и их руководителями. Для оценки ведущей стратегии в конфликтном взаимодействии использовалась методика К.Томаса.

Наша работа была построена на психологическом обследовании 4 руководителей высшего звена управления, а также 7 подчиненных.

Анализ ответов руководителей и подчиненных, полученных на основе проведенного опроса, с помощью метода незаконченных предложений показал, что основные конфликты, происходящие в фирме, относятся к сфере производственных отношений между ними (80,0%). Следующими по значимости идут конфликты, затрагивающие межличностные отношения между работниками фирмы (20,0%).

По мнению руководителей, в конфликтах виноваты обе стороны, т.е. сами руководители и подчиненные. В возникших конфликтах руководители в 50,0% случаев активно участвуют в них, а в 50,0% - наблюдают за их развитием, являясь пассивными участниками конфликтов. В случаях, когда руководители не принимают участия в конфликтах и не наблюдают их со стороны, подчиненные предъявляют претензии друг к другу (70,0 – 90,0% случаев), что свидетельствует о наличии агрессивных тенденций в поведении рабочих.

Для нас представляла определенный интерес не только точка зрения руководителей фирмы по поводу возникающих конфликтов, но и самих подчиненных. Для этой цели также применялся опросный лист, специально составленный для подчиненных. В результате анализа их ответов было выявлено, что мнения руководителей и работников относительно частоты проявления конфликтов совпадают. То есть наличие конфликтов оценивается адекватно обеими сторонами, участвующими в нем. В 60,0 – 80,0% случаев виноватыми в конфликтах признают себя работники. В остальных случаях подчиненные возлагали ответственность за возникновение конфликтов на своих руководителей. Для психологического анализа интересен тот факт, что и сами руководители брали на себя ответственность за возникновение конфликтов.

Оценка подчиненными своих руководителей (модифицированный вариант методики Тимоти – Лири) показала, что у 60,0% руководителей отмечается склонность к авторитаризму в отношениях с подчиненными. Данный стиль поведения, характеризуется явно выраженной властью руководителя, директивностью его действий (вербальных и невербальных), единоначалием в принятии решений, систематическим контролем действий подчиненных. Такой руководитель не позволяет подчиненным вмешиваться в дела руководства, подвергать сомнению или оспаривать принятые им решения. Он четко разделяет свои права и обязанности подчиненных.

Следует отметить как положительный факт, что 30,0% руководителей, по оценке работников, отличаются дружелюбием по отношению к подчиненным, и в 10,0% случаев они оценивались еще и как альтруисты. Для них характерна отзывчивость и наличие эмпатии, эмоциональная реактивность, чувствительность к поведению других лиц, умение сопереживать. Такой руководитель способен на самопожертвование, самоотдачу, бескорыстие, склонен к опеке над подчиненными.

Оценка подчиненными своих руководителей показала, что у 60,0% руко-

водителей отмечается склонность к авторитаризму в отношениях с подчиненными. Что касается таких типов, как подчиняемость (13,0%), зависимость (11,0%), эгоистичность (13,0%), агрессивность (17,0%), подозрительность (9,0%) то, по оценкам подчиненных, они присущи некоторым из руководителей. Положительным моментом является то, что 30,0% руководителей, по оценке работников, отличаются дружелюбием по отношению к подчиненным, и в 42,0% они оценивались еще и как альтруисты. Необходимо обратить внимание на то, что авторитарность руководителя нередко погранична с альтруизмом. В отношениях с таким типом руководителей до 80,0% всех конфликтов связаны с производственной сферой и достаточно быстро разрешаются. Причем, если конфликт возникает, то руководитель дает возможность подчиненным самим справиться с ним, позволяя конфликтующим сторонам примириться.

Результаты исследования стратегий конфликтного взаимодействия (методика К.Томаса) показали, что большинство сотрудников (60,0%), как руководителей, так и подчиненных придерживаются «компромисса», обе стороны до некоторой степени идут на взаимные уступки. Стратегии избегания как реакции на конфликт, при которой сотрудники игнорируют (фактически отрицают), само наличие конфликта отдают предпочтение 20,0% опрошенных. Достаточно распространенной стратегией разрешения конфликта является приспособление (20,0%) - стиль поведения в конфликте, при котором сторона частично или полностью отказывается от удовлетворения своих интересов.

Таким образом, результаты исследования позволили изучить социально-психологические особенности межличностных конфликтов в управленческой сфере, установить наличие взаимосвязи конфликтного взаимодействия руководителей и подчиненных с типом их отношений. Так, при авторитарном и агрессивном типе межличностных отношений конфликтные ситуации в обследуемой управленческой структуре резко снижаются. Предпочитаемыми способами реагирования в конфликте, как у руководителей, так и у подчиненных являются компромисс и избегание.

Список литературы:

1. Гришина Н. В. Противоречия и конфликты как движущая сила развития организации / Л.В. Винокуров Организационная психология. – СПб., 2001.
2. Емельянова Т.П., Журавлев А.Л., Телятников Г.В. Современные проблемы психологии управления. М., 2002.
3. Кишко М.В. Внутриличностные детерминанты выбора стратегии поведения в конфликте. Авт.дис. ... канд. психол. наук Екатеринбург, 2003.
4. Розанова В.А. Управленческие конфликты и возможности их решения. М., 2002.

Т.В. Недуруева

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВУЮ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В работе представлены теоретические и эмпирические данные рассмотрения мотивационно-смыслового и поведенческого компонентов в структуре профессиональной идентичности, представлена характеристика экстремальности профессиональной деятельности и исследовано ее влияния на профессиональную идентичность личности.

Ключевые слова: социальная идентичность, профессиональная идентичность, структура профессиональной идентичности, экстремальные условия деятельности, осмысленность жизни, общий уровень саморегуляции, копинг-стратегии.

Современная социальная ситуация в России да и во всем мире, насыщенная критическими преобразованиями экономических, политических, социокультурных условий, требует от личности постоянной оценки субъективной причастности к различным реальным и виртуальным группам, статусно-ролевым и профессиональным позициям [3,4,6]. Резкие социальные изменения способствуют появлению новых особых условий деятельности, что приводит к увеличению запроса на профессии экстремальной направленности, повышение требований к эффективности деятельности, стрессоустойчивости и психологическим качествам личностей представителей данных профессий [3,5,7]. В связи с этим проблема сохранения и преобразования идентичности профессионала является одной из основных как в общественном сознании людей, так и в социально-психологическом познании.

Цель – исследование профессиональной идентичности личности в экстремальных условиях деятельности.

Задачами исследования являются:

1. Исследование влияния экстремальных условий деятельности на мотивационно-смысловую компонент профессиональной идентичности личности.
2. Исследование влияния экстремальных условий деятельности на поведенческий компонент профессиональной идентичности личности.
3. Выделение структурных компонентов профессиональной идентичности личностей в условиях экстремальной деятельности.

В качестве *объекта исследования* выступает профессиональная идентичность личности. *Предметом исследования* является влияния экстремальных условиях деятельности на профессиональную идентичности личности.

Установление своей идентичности в профессиональной деятельности, согласно концепции Э. Эриксона, - важнейшая задача, встающая перед человеком. Она наделяет человека ценностными ориентирами, позволяя ему ориентироваться в мире профессий, а также обеспечивая максимально широкие возможности для самореализации [6]. Профессиональную идентичность мы понимаем как представление человека о своем месте в профессиональной группе, а также о месте своей профессиональной группе в системе общественных отно-

шений [2,6]. Рассмотренные нами подходы и направления исследований профессиональной идентичности определяют необходимость выделения ее структуры. Однако в данных исследованиях существует категориальная путаница: структурными компонентами идентификации выступают ее виды [4]. Мы определяем структурные компоненты профессиональной идентичности согласно логике исследований Ермолаевой Е.П. [2], выделяющей когнитивный, мотивационно-смысловой и поведенческий компоненты. На данном этапе нашей работы мы представляем результаты исследования мотивационно-смыслового и поведенческого компонентов профессиональной идентичности.

На основании теоретического анализа существующих работ в области профессиональной экстремальной деятельности [1,7] нами представлены критерии выделения профессий данной группы. Это характеристика профессиональной деятельности как чрезвычайной, обладающей следующими параметрами экстремальности: интенсивность, длительность и характер ее направленности. Наличие источника воздействия, которым является «экстремальное событие», выходящие за пределы обычного человеческого опыта. Экстремальной (травматической) ситуация является тогда, когда источник воздействия связан со смертью, угрозой смерти, ранением или другой угрозой физическому и личностному благополучию, вследствие которой возникают профессионально – личностные деформации, психические и психосоматические нарушения [1,8]. К данным профессиям относятся пожарные, спасатели, летчики, подводники, врачи, кинологи, военнослужащие – участники боевых действий, спец формирования силовых ведомств, сотрудники органов внутренних дел [5,7,8].

В течение ряда лет мы проводим исследование особенностей профессиональной деятельности медицинских работников на базе областной клинической и городских больниц города Курска, больницы скорой медицинской помощи г. Белгорода и пожарных Спасательно-пожарного центра МЧС РФ по Курской области. Эти категории профессий испытывают объемные и сложные по своему характеру нагрузки. Они объективно находятся в эпицентре выраженных экстремальных нагрузок, связанных, прежде всего с высокой эмоциональной насыщенностью их повседневной профессиональной деятельности. Градация групп испытуемых осуществлялась на основании критерия экстремальности профессиональной деятельности.

Эмпирическое психологическое исследование осуществлялось в течение 2006-2010гг. Групповое и индивидуальное исследование проводилось с врачами хирургами, врачами-терапевтами, врачами скорой медицинской помощи и пожарными. Общий объем выборки исследуемых составил 234 человек (65 врачей-хирургов, 63 врача-терапевта, 38 врачей скорой медицинской помощи и 68 пожарных).

В исследовании использовались эмпирические методы: наблюдение, беседа, архивный метод, психодиагностические методы (методика «Изучение копинг-поведения» (Heim E.), психодиагностическая методика «Тест смысловых ориентаций» (Леонтьев Д.А., 1992), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова), и методы количественной и качественной обработки данных.

Решая задачу, исследование мотивационно-смыслового компонента профессиональной идентичности личности в различных условиях деятельности мы использовали психодиагностическая методика «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев Д.А., 1992) и опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова).

Осмысленность жизни представляет собой осознанный структурный компонент психической сферы, общую смысловую ориентацию, которая обеспечивает личностное и профессиональное функционирование человека. На основании полученных результатов методики «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев Д.А., 1992) по шкале общий уровень осмысленности жизни мы получили значимые различия показателя в группах испытуемых врачи-терапевты – пожарные ($U=105$), врачи-терапевты – врачи-хирурги ($U=108$), пожарные – врачи скорой медицинской помощи ($U=104$). Таким образом, экстремальная профессиональная деятельность является деформирующим для мотивационно-смыслового компонента профессиональной идентичности, проявляющимся в снижении осмысленности жизни.

На основании полученных результатов опросника «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) были получены значимые различия по показателю общий уровень саморегуляции в группах испытуемых врачи-терапевты – пожарные ($U=26$), врачи-терапевты – врачи-хирурги ($U=25,5$), врачи-терапевты – врачи скорой медицинской помощи ($U=22,3$).

Понимая саморегуляцию как процесс, обеспечивающий мобилизацию и интеграцию психологических особенностей человека для достижения целей деятельности и поведения, мы можем сделать вывод о том, что у врачей-терапевтов в отличие от всех остальных групп испытуемых нарушен процесс саморегуляции поведения, управление целью. Однако высокие показатели осмысленности жизни в группе врачей-терапевтов компенсируют низкий уровень саморегуляции. Это способствует осознанному управлению произвольной активностью.

Решая задачу, исследование поведенческого компонента профессиональной идентичности личности в различных условиях деятельности мы использовали методику «Изучение копинг-поведения» (Heim E.). Копинг-стратегии это одна из важнейших форм адаптационных процессов, направленных на устранение ситуации психологической угрозы, путем ее преобразования «в соответствии с характером рассогласования в структуре ситуации», осуществляемых в рамках как сознательной, так и неосознаваемой психической деятельности. Вслед за E. Heim (1988), в исследовательских целях, мы принимаем для анализа компонентов психической сферы когнитивные, эмоциональные и поведенческие варианты копинг-стратегий.

Тенденция выраженности когнитивных копинг-стратегий в группах испытуемых отражает следующее: в группе врачей-терапевтов, врачей-хирургов и врачей скорой медицинской помощи наиболее выраженными являются относительно адаптивные копинг-стратегии. Значимых различий в группах испытуемых по когнитивным копинг-стратегиям нет.

Тенденция выраженности эмоциональных копинг-стратегий в группах

испытуемых отражает следующее: группе врачей-хирургов и врачей скорой медицинской помощи присутствует тенденция выраженности эмоциональных неадаптивных копинг-стратегий, а в группе врачей-терапевтов и пожарных - эмоционально относительно адаптивных. В группах испытуемых существуют различия по эмоциональным адаптивным и эмоциональным неадаптивным копинг-стратегиям.

Тенденция выраженности поведенческих копинг-стратегий в группах испытуемых отражает следующее: в группе врачей-терапевтов, врачей-хирургов наиболее выраженными являются поведенческие относительно адаптивные копинг-стратегии, а в группе врачей скорой медицинской помощи и пожарных наиболее выраженными являются поведенческие неадаптивные копинг-стратегии.

Таким образом, в результате исследования поведенческого компонента профессиональной идентичности личности в экстремальных условиях деятельности мы выявили, что

- в группах испытуемых по всем копинг-стратегиям отсутствуют высокие показатели адаптивных копинг-стратегий, что свидетельствует об их включении в процессы деформации под воздействием экстремальной деятельности;

- в группе врачей скорой медицинской помощи и пожарных выявлены неадаптивные поведенческие копинг-стратегии, что указывает на то, что данные профессии будучи обладающие выраженным параметром экстремальности, наиболее подвержены их воздействию.

На основании проведенного исследования влияния экстремальных условиях деятельности на мотивационно-смысловой и поведенческий компоненты профессиональной идентичности личности, мы согласно теоретическим основаниям определяем данные компоненты как структурные в профессиональной идентичности.

Структура профессиональной идентичности представителей профессий с высокой степенью экстремальности (пожарные, врачи скорой медицинской помощи) представляет собой сочетание в мотивационно-смысловом компоненте низких показателей осмысленности жизни, высоких показателей саморегуляции, а в поведенческом компоненте относительно адаптивными эмоциональными и неадаптивными поведенческими копинг-стратегиями.

Структура профессиональной идентичности представителей профессий со средней степенью экстремальности (врачи-хирурги) включает в мотивационно-смысловом компоненте высокие показатели осмысленности жизни, высокие показатели саморегуляции, а в поведенческий компонент относительно адаптивными эмоциональными и относительно адаптивными поведенческими копинг-стратегии.

Структура профессиональной идентичности представителей профессий с низкой степенью экстремальности (врачи-терапевты) представляет сочетание в мотивационно-смысловом компоненте высоких показателей осмысленности жизни, низких показателей саморегуляции, в поведенческом компоненте относительно адаптивных эмоциональных и относительно адаптивных поведенческих копинг-стратегий.

Таким образом, экстремальная профессиональная деятельность приводит к трансформации профессиональной идентичности согласно меняющимся условиям, способствует возникновению нарушений в ее структурных компонентах. Однако рассмотренные нами профессии обладают высоким социальным статусом, поэтому профессиональная идентичность выступает как ведущий фактор, компенсирующий деформационные тенденции условий деятельности.

Список литературы:

1. Большакова Т.В., Орел В.Е. Исследование взаимосвязи личностных характеристик и психического выгорания у врачей хирургического профиля // Социальная психология XXI столетия Т.1. / Под ред. профессора Козлова В.В. Ярославль, 2002. С. 112–114.
2. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. – М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 347 с.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М., 2005.
4. Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности: Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 : Ярославль, 2003 408 с.
5. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и экстремальные жизненные ситуации // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. – 1996. – №4. – С. 26-35.
6. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
7. Постылякова, Ю.В. Ресурсы совладания со стрессом в разных видах профессиональной деятельности // Психологический журнал. – 2005. – Т.26. – №6. – С. 35-43.
8. Тарабрина, Н.В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 5-19.

А.А. Пантина

**КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ:
ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ**

В статье рассматривается одно из актуальных направлений организационного консультирования - повышение клиентоориентированности организации. На основе анализа литературы автором был сделан обзор подходов и определений клиентоориентированности, представляющий теоретический и практический интерес.

Ключевые слова: организация, клиент, клиентоориентированность, организационная культура, CRM.

В психологии и социологии существует множество определений организации. Отсутствие единого понимания – следствие сложной природы данного явления. На сегодняшний день весьма распространенной точкой зрения является понимание организации, как открытой системы. Если исходить из этого, то очевидным является факт существования внешней среды, с которой эта система взаимодействует. Среда состоит из множества элементов, влияющих в той или иной степени на состояние системы. Для организации одним из внешних факторов, значительно воздействующих на ее поведение, является клиентура.

Клиенты, наряду с партнерами и конкурентами, образуют «ближний круг» организации. А взаимодействие между клиентами и организациями самое тесное. Причем это относится к любым организациям - даже у армии и учреждений исполнения наказаний есть свои клиенты. Именно клиент – единственная причина существования любой организации [5] и деловые организации² *зависят* от клиентов.

Доказано, что клиентоориентированность положительно влияет на успех организации (Дж. Нарвер и С. Слайтер, 1990; Э. Коли и Б. Яворски, 1990). Следовательно, сегодня клиентоориентированность для деловой организации – это конкурентное преимущество. Поэтому многие российские организации в качестве генерального направления своего развития все чаще выбирают повышение клиентоориентированности. В результате компании накапливают собственный практический опыт, активно трансформируют западный опыт, где клиентоориентированность изучают давно. Но в целом, степень разработки клиентоориентированности в отечественной науке и практике можно определить следующим образом: есть осознание значимости Клиентоориентированности, но нет ее целостного образа и отработанных технологий ее формирования.

Одной из причин такой ситуации является отсутствие четко сформулированного понятия «клиент»³, которое является базовой категорией теории клиентоориентированности. Большинство авторов считают термин «клиенты» некоей аксиомой, не требующей пояснений, фокусируя свое внимание на их классификации (Ф.Котлер, М. и Н. Рафел, А.И. Пригожин и др.). Однако, не всех субъектов взаимодействия с организацией следует считать ее клиентами. В рамках данной статьи *клиентом* мы будем называть человека (организацию), который поручил организации-поставщику удовлетворение своей потребности. В свою очередь «клиентов» мы будем разделять на внутренних (Сотрудники) и внешних (Потребители услуг и товаров) (А.И.Пригожин, К. Камерон и Р.Куинн). В отношении внешних клиентов в ряде источников (К.Камерон и Р.Куинн, К.Харский и др.) можно встретить мнение о том, что ориентироваться следует не на всех потребителей продукции и услуг, а на *ключевых клиентов*, которые составляют целевую аудиторию. Именно их мнение о клиентоориентированности организации имеет значение, потому что именно они – источник лояльного отношения к компании.

На сегодняшний день существуют несколько терминов, означающих ориентированность организации на Клиента. В дальнейшем мы будем использовать наиболее часто употребляемый термин «Клиентоориентированность». Относительно содержания этого понятия исследователи и практики сходятся в понимании сути Клиентоориентированности, как ориентации организации на потребности клиента, на удовлетворение его запросов и построение длительных взаимоотношений с ним. При этом, нет единого мнения о значении Клиенто-

² Деловая организация – это предприятие или учреждение, созданное отдельными предпринимателями или широкими социальными системами (государство, местная власть, партии и т.д), целью существования которого является получение дохода либо выполнение конкретного социального заказа (А.И.Пригожин)

³ Понятие «клиент» сформировал К.Роджерс в рамках клиент-центрированной терапии. Но его трудно применять в рамках организационного консультирования.

ориентированности для организации. Можно выделить два разных подхода к использованию понятия «Клиентоориентированность».

Первый подход характеризует популярное направление, возникшее в результате совершенствования и развития методов управления в зарубежной практике, более известное под аббревиатурой CRM (customer relationship management – управление взаимоотношениями с клиентами). Ядром данной концепции является «клиенто-ориентированный» подход. Суть CRM заключается в построении проактивных взаимоотношений с клиентом. Главная задача CRM систем – повышение эффективности деятельности «фронт-офиса»: отделов маркетинга, продаж, сервисного обслуживания. Предположительно, именно «фронт-офис» является точкой контакта организации с клиентом, а его сотрудники – представителями организации для клиента и индикаторами клиентского поведения для организации [4]. По сути, в соответствии с этим подходом Клиентоориентированность понимается как бизнес-стратегия, направленная на расширение клиентской базы и рост числа лояльных клиентов. Практика подтверждает распространенность данного подхода: нередко в российских организациях существуют отдельные подразделения и специалисты по работе с клиентами. Причем, такое явление может наблюдаться даже в организациях, суть деятельности которых заключается в предоставлении услуг и товаров Клиентам, например, на предприятиях розничной торговли, в банках и т.д.

Автор согласен с А.И. Пригожиным в том, что подобный взгляд на Клиентоориентированность ограничивает потенциал организации, т.к. эффективно развернуть фирму в сторону клиента можно только *целиком*, включая все ее «этажи и отсеки» [6]. Таким образом, *второй подход к Клиентоориентированности* заключается в том, что она рассматривается, как составляющая организационной культуры. Представим краткий обзор взглядов на Клиентоориентированность, как на элемент организационной культуры:

Рыночная ориентация (Дж. Нарвер и С. Слайтер, 1990) – это культура организации, сосредоточенная вокруг Клиента. Три культурных поведенческих компонента рыночной ориентации [9]:

- Ориентация на потребителя: понимание Клиента, предугадывание его потребностей, а также направленность усилий на всех уровнях организации на создание ценных для Клиента продуктов.

- Ориентация на конкурентов: способность Организации-Продавца понимать сильные и слабые стороны как существующих, так и потенциальных конкурентов, а также вычисление их стратегии.

- Межфункциональная координация деятельности сотрудников различных подразделений.

Рыночная ориентация (Э. Кохли и Б. Яворски, 1990) «...подразумевает, что 1) одно или несколько подразделений занимаются деятельностью, направленной на выработку понимания текущих и будущих потребностей клиентов и факторов, которые влияют на них 2) это понимание принимают все остальные подразделения, 3) разные подразделения занимаются деятельностью по удовлетворению потребностей выбранных клиентов. Другими словами, рыночная

ориентация связана с выработкой, распространением и способностью реагировать на информацию о рынке на уровне организации в целом» [9].

Связь с потребителем (Т. Питерс и Р. Уотерман) - это одна из ценностей организационной культуры, определяющих успех компании. В соответствии с ней Потребитель представляет фокус в работе компании, так как именно от него поступает главная информация для организации. Следовательно, удовлетворенность потребителя составляет сердцевину организационной культуры успешной компании [1].

Управление обслуживанием потребителей (К. Камерон и Р. Куинн) - это критически важный аспект управленческой компетентности, который предполагает поддержку «ориентации на обслуживание потребителей, их вовлечение в собственный бизнес и предвосхищение ожиданий потребителей» [2].

Ориентация на потребителя (в некоторых источниках – клиентоориентированность) (Д. Дэнисон) – это индекс Адаптивности, как одного из элементов организационной культуры, влияющего на организационную эффективность. Имеет следующие проявления в культуре организации [7]:

1. Комментарии и рекомендации потребителя часто приводят к изменениям в организации.

2. Потребитель непосредственно влияет на решения организации.

3. Интересы потребителя не игнорируются в решениях организации.

б. Клиент-центрированность (Customer-centric) (Джей Р. Гэлбрайт): акцент сделан не столько на ориентации в сторону Клиента, сколько на центрированности на Клиенте, как на единственном основании существования организации. Сравнивается с продукто-центрированностью, которая заключается в стремлении найти как можно больше потребителей для своих товаров. А клиенто-центрированность заключается в стремлении компаний найти и интегрировать как можно больше продуктов для своих клиентов. Именно в этом заключается базовая стратегическая разница между ними [10].

Маркетинговая рыночная ориентация персонала (Ю. Д. Красовский) – это своеобразная идеология организации, проявляющаяся в определенных социальных нормах поведения персонала по отношению к Клиенту. Суть идеологии: «Главное — удовлетворить клиента!» [4].

Клиентоориентированность (К. Харский) - это справедливый баланс ожиданий и разрешений клиента. Клиентоориентированность организации проявляется ситуации, когда Клиент доволен компанией и планирует продолжить сотрудничество с ней, он рационально лоялен компании: понимает, что получает все, на что рассчитывал, и платит столько, сколько готов [8].

Клиентность (А. И. Пригожин) - это одна из базовых организационных ценностей, наряду с управляемостью и инновационностью, означающая соответствие организации потребностям, тенденциям рынка, а также привлекательность ее продуктов для клиентуры [6]. Осуществив теоретический анализ определений Клиентоориентированности, мы можем сделать вывод, что Клиентоориентированность – это важный компонент организационной культуры организации, результирующая всей деятельности организации. Чтобы положительно влиять на эффективность, развитие и финансовый успех организации Клиент-

тоориентированность должна быть трансформирована из провозглашенной ценности в норму поведения, отражающую характер отношений с клиентами. По мнению автора, в рамках организационного консультирования для обозначения Клиентоориентированности больше подходит термин «Клиентность», введенный А.И. Пригожиным, т.к. он указывает на способность действовать определенным образом в среде. В данном случае Клиентность выступает свойством организации, а не результатом применения бизнес-технологии.

Для организационных консультантов Клиентоориентированность должна стать «зоной повышенного внимания», потому что она является условием выживания организации на современном рынке. В свою очередь, главная цель организационного консультирования заключается в разработке мероприятий, направленных на повышение эффективности работы предприятия, предупреждение или преодоление кризисных ситуаций [3]. В частности практически значимым является выявление операционализируемых признаков и эффективных методов формирования Клиентоориентированности.

Список литературы

1. Богатырев М.Р. Организационная культура предприятия: актуальные подходы к проблемам идентификации и управления // Вестник МГУ, 2004. - №6 – с.97 - 124
2. Камерон К., Куинн Р.. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. — СПб: Питер, 2001. — с.171
3. Ключева Н.В. Организационное консультирование. Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2008 г. – 160 с.
4. Красовский Ю.Д. Организационное поведение: Учеб. пособие для вузов //2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 511 с.
5. Кокран К. нас много – потребитель один: ориентируемся на потребителя/ Пер. с англ. А.Б. Болдина. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2009. – 168 с.
6. Пригожин А.И. Методы развития организации. - Международный центр финансово-экономического развития. - 2003 г. - 864 стр.
7. Фей К., Д. Дэнисон. Организационная культура и эффективность: российский контекст //Вопросы экономики. - 2005. - №4 – с. 58-74
8. Харский К. Клиентоориентированность, как она есть. Ценностное управление для бизнеса <<http://www.harsky.ru/?p=133> > (15.01.2010)
9. Хулей Г., Сондерс Д., Пирси Н. Маркетинговая стратегия и конкурентное позиционирование. - «Баланс Бизнес Букс», 2005 г., - 800 с.
10. Galbraith, Jay R. Designing the customer-centric organization: a guide to strategy, structure, and process. – Jossey-Bass. – 2005. – 184 с.

С.А. Петрук

ПСИХОДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ СПЕЦИАЛИСТА У КУРСАНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ВОЕННО-МОРСКОГО ИНСТИТУТА РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ ИМ. А.С. ПОПОВА

В статье на основе анализа теоретических основ и экспериментальных данных было рассмотрено соотношение ПВК идеального профиля офицера – воспитателя, на основе экс-

пертной оценки с соотношением развития или отсутствия выделенных ПВК экспертами у курсантов гуманитарного факультета Военно – морского института радиоэлектроники им. А.С Попова, с учетом успешности в учебно – служебной деятельности и дисциплинированности.

Ключевые слова: ПВК, учебно – профессиональная деятельность, дисциплинированность, успешность в учебно – служебной деятельности, экспертная оценка.

Применительно к военной службе профессионально важные – качества представляют собой отдельные динамические черты личности военнослужащего, отдельные психические и психофизиологические свойства (выраженные уровнем развития соответствующих психических и психомоторных процессов), а также физические качества, соответствующие требованиям к военнослужащему в процессе его профессиональной деятельности. В данной статье было рассмотрено соотношение ПВК идеального профиля офицера – воспитателя, на основе экспертной оценки с развитием или отсутствием выделенных ПВК экспертами у курсантов гуманитарного факультета Военно – морского института радиоэлектроники им. А.С Попова, с учетом успешности в учебно – служебной деятельности и дисциплинированности.

Исследование проводилось на базе гуманитарного факультета Военно – морского института радиоэлектроники им. А.С.Попова. Выборка состояла из 162 курсантов, 20 курсантов – девушек, 68 курсантов – юношей и 74 курсанта выпускного курса. Мной был использован универсальный опросник Т.П.Зинченко. Сначала эксперты, в качестве которых выступили преподаватели кафедры МПО (Морально – психологического обеспечения) имеющие продолжительный стаж работы, ранее занимающие должности заместителя командира корабля и боевых частей по воспитательной работе, заместители начальника гуманитарного факультета и начальник факультета, определили 10 наиболее значимых профессионально – важных качеств, которыми должен обладать будущий офицер – воспитатель и 10 наименее желательных ПВК, которые должны быть присущи офицеру – воспитателю. Таким образом, было построено 2 структуры, одна структура с иерархией наиболее значимых ПВК, а другая - с иерархией наименее желательных ПВК, которые должны быть присущи офицеру – воспитателю. После чего курсантам было предложено определить, на сколько предлагаемые ПВК развиты у каждого из них. Все курсанты по подразделениям были разделены по успешности в службе, учебе и дисциплине. В качестве экспертов выступили командир отделения, заместитель командира взвода, заместитель командира роты по воспитательной работе, старшина роты и командир роты. После чего в каждой из групп курсантов (успешных и неуспешных в служебной, учебной деятельности и дисциплинированности) были выявлены такие ПВК, которые развиты у них более всего и такие, которые почти не развиты. Таким образом были получены следующие результаты.

У курсантов – девушек, имеющих высокие показатели в учебе, наиболее развиты образная память и произвольное запоминание. Это связано с тем, что для достижения высоких результатов в учебе необходимо обладать достаточно высоким уровнем запоминания информации, хорошей памятью, что позволяет

лучше воспринимать и усваивать излагаемый на лекциях материал. У курсантов – девушек, имеющих высокие показатели в служебной деятельности и дисциплинированности, наиболее развита ответственность. Это связано с тем, что исполнение функциональных обязанностей как в период несения дежурства, так и в период повседневной служебной деятельности требует от курсантов – девушек личной ответственности, осознания значимости и необходимости несения дежурства по уставу. У курсантов – девушек, имеющих низкие показатели в службе, учебе и дисциплине, эмоционально – волевая устойчивость является одним из наименее развитых. А по мнению экспертов данное ПВК является наиболее значимым в будущей профессиональной деятельности. Это говорит о том, что курсанты – девушки не видят себя в будущей профессии, в качестве офицера – воспитателя, так как данная должность подразумевает достаточно большие психоэмоциональные и психофизиологические нагрузки. Например, несение вахты на корабле, заступление в караул, в качестве начальника караула. Сама специфика деятельности офицера подразумевает большие энергетические, эмоциональные затраты, так как когда человек находится в постоянном психическом напряжении. У курсантов – девушек, имеющих низкие показатели в служебной, учебной деятельности и дисциплинированности, наиболее развиты, организаторские способности. Все дело в том, что как организаторы они очень способные, им не составит труда выполнить поставленную задачу, а вот желание и потребность в этом отсутствует, поэтому в военной среде очень распространено правило не проявлять инициативы, так как она наказуема. Это мы можем увидеть на следующем примере: «Алгоритм проявления инициативы у военного: 1. Проявил инициативу 2. Проявил – выполни 3. Выполнил – получи замечание 4. Получил замечание – получили наказание!» Конформизм наименее развит у курсантов – девушек, имеющих как высокие, так и низкие показатели по службе, учебе и дисциплине. Это связано с тем, что курсанты – девушки независимо от показателей в служебной, учебной деятельности и дисциплинированности самостоятельны, имеют свою точку зрения по вопросам службы и повседневной жизнедеятельности, не всегда соглашаются с вышестоящим командованием, но проявить свое несогласие в достаточной мере не могут, мешает субординация.

У курсантов – юношей (в независимости от уровня дисциплинированности и показателей в службе и учебе) наименее развиты: агрессивность и конфликтность. Это связано с тем, что для совместной деятельности как во время исполнения служебных обязанностей так и во время учебного процесса и повседневной жизни, будут только мешать продуктивной деятельности курсантам. У курсантов – юношей, имеющих высокие показатели в службе, учебе и дисциплине, эмпатия является одним из наименее развитых. Скорее всего, данное ПВК является одним из наименее развитых в связи с тем, что для достижения высоких результатов в службе, учебе и в дисциплине необходимо действовать достаточно настойчиво, жестко. Например, при исполнении служебных обязанностей необходимо следовать инструкциям, иногда действовать решительно и грубо по отношению к своим сокурсникам, не реагировать на просьбы которые противоречат инструкциям и правилам. У курсантов – юношей,

имеющих высокие оценки в учебно – служебной деятельности и дисциплинированности, конформизм и гибкость являются одними из наименее развитых. Это связано с тем, что курсанты – юноши отстаивают и доказывают как сверстникам, так и вышестоящему командованию свою правоту. Им свойственно не всегда соглашаться с командованием недовольным их служебной деятельностью. Данные курсанты достаточно прямолинейны, не привыкли "отступать", знают себе цену. Такие ПВК как речевые свойства наименее развиты у курсантов – юношей, имеющих низкие показатели по дисциплине, службе и учебе, так как учеба, служба и повседневная деятельность связаны с постоянной коммуникацией посредством общения, обменом информацией, взаимодействием друг с другом при решении поставленных задач. Поэтому такие характеристики общения как: содержательность, понятийность, выразительность развиты у данных курсантов недостаточно. Такие ПВК как зрительная работоспособность, восприятие пространства, обнаружение изменений характеристик внешней среды наиболее развиты у курсантов – юношей, имеющих высокие показатели в учебно – служебной деятельности и дисциплинированности. Развитие этих ПВК в данных группах курсантов – юношей говорит о том, что они лучше воспринимают окружающую их обстановку, видят и анализируют изменяющиеся условия окружающей среды, способны правильно реагировать в сложных и постоянно меняющихся ситуациях, что подтверждается результатами их деятельности. У курсантов – юношей, имеющих низкие показатели в службе и дисциплине, наиболее всего развит адаптационный потенциал. Низкие показатели в службе и дисциплине у данных курсантов – юношей являются способом адаптации к военной службе; данные курсанты пошли по пути наименьшего сопротивления, они не утруждают себя подготовкой формы одежды, добросовестным несением дежурства, дисциплинированным поведением, то есть каким бы образом не изменялись условия их жизни и службы, будь то смена военных руководителей, повышение требований к организации учебного процесса, ужесточение контроля со стороны командования и преподавателей за посещаемостью и качеству подготовки к занятиям, способы адаптации у них будут оставаться неизменными.

Наиболее объективная оценка по внешнему критерию (учебно – профессиональная деятельность) выражается через интегральный показатель (УПД), который состоит из среднего балла по учебе, дисциплине и служебной деятельности и выражается в следующей формуле:
$$\text{УПД} = \frac{(\text{Уч} + \text{Д} + \text{Сл})}{3} = \text{Ср. балл УГ}$$

У курсантов выпускного курса, имеющих высокие показатели в УПД, наиболее развит адаптационный потенциал. Данное обстоятельство может быть связано с тем, что УПД на выпускном курсе имеет весьма значимые различия по сравнению с младшими курсами. Сам уклад учебно – профессиональной деятельности выпускного курса интегрирует учебную, служебную деятельность и дисциплинированность. Конформизм является неимение развитым у курсантов выпускного курса, имеющих высокие показатели в УПД, данный факт является весьма позитивным, так как в профессиональной деятельности офицера будут возникать такие ситуации, при которых придется отстаивать свое мнение,

аргументировать свою позицию не только словом, но и делом, необходимо будет принимать решения в короткое время.

Выявлены значимые взаимосвязи между наименее развитыми ПК у курсантов – девушек:

- конфликтность положительно коррелирует с агрессивностью ($r = 0,49$; $p \leq 0,05$). Скорее всего, это связано с тем, что курсанты – девушки склонны к конфликтному общению, как правило достаточно агрессивно относятся к вещам и поступкам которых не понимают, или которые вызывают у них раздражение. В конфликтных ситуациях курсанты – девушки начинают вести себя не обоснованно грубо, им присуща выраженная жестикация, мимика, они не способны контролировать проявление бурных отрицательных эмоций, вспышек гнева.

Выявлены значимые взаимосвязи между наименее развитыми ПК у курсантов – юношей:

- лидерство положительно коррелирует с организаторскими способностями ($r = 0,36$; $p \leq 0,001$). Вероятно, это связано с тем, что способность организовать личный состав, равномерно распределить возложенные на подразделение задачи между всеми курсантами, ежедневно следить за соблюдением распорядка дня и исполнением служебных обязанностей курсантами, является очень важной чертой, которая присуща курсанту, в будущем офицеру, проявляющему лидерские качества.

- лидерство положительно коррелирует с конфликтностью ($r = 0,25$; $p \leq 0,05$). Это связано с тем, что выполнение возложенных задач, влечет за собой ряд особенностей: в процессе служебной деятельности приходится руководствоваться таким правилом как: «Дружба – дружбой, а служба – службой», так как некоторые курсанты в силу своего нежелания не всегда разделяют данное понятие, то возникают различные конфликты, будь то нежелание выполнять приказание или же увильнение от исполнения служебных обязанностей.

- лидерство положительно коррелирует с физической силой ($r = 0,27$; $p \leq 0,05$). В военной среде проявление лидерских качеств, доминирования в общении, как правило, связано с проявлением физической силы. Завоевание авторитета у сокурсников очень часто происходит во время неформального общения, проявляющегося в подшучивании друг над другом, несерьезных потасовках и что очень прискорбно в драках, где физическая сила является одним из главных факторов, определения лидерства среди курсантов.

- физическая сила положительно коррелирует с эмоционально – волевой устойчивостью ($r = 0,58$; $p \leq 0,01$). Это связано с тем, что физическое благополучие, крепость сила являются условием эмоционально – волевой устойчивости, что в целом характеризует предназначение человека к службе в силовых структурах.

Выявлены значимые взаимосвязи между наиболее развитыми ПК у курсантов выпускного курса, имеющих высокие показатели в УПД:

- креативность положительно коррелирует с обучаемостью ($r = 0,38$; $p \leq 0,001$). Это связано с тем, что такое свойство как, креативность проявляющиеся в творческих способностях, готовности к созданию новых идей, способностью

быстро и качественно решать поставленные задачи, нестандартным подходом к решению этих задач очень большое влияние оказывает на обучаемость, способствует усвоению и воспроизведению информации.

Выводы:

1. Оценивая соотношение социальнопсихологических и психофизиологических ПВК в структуре наиболее значимых для офицера – воспитателя, по мнению экспертов, было выявлено, что 30 % ПВК относятся к социально – психологическим, 70 % к психофизиологическим. Такую же картину можно наблюдать и в структуре наиболее развитых ПВК курсантов – девушек 100 % ПВК относятся к психофизиологическим, у курсантов – юношей 70 % ПВК относятся к психофизиологическим, а 30 % ПВК к социально – психологическим и у курсантов выпускного курса 90 % ПВК относятся к психофизиологическим, а 10 % ПВК к социально – психологическим. Это связано с тем, что эксперты в силу своего опыта понимают, что для офицера – воспитателя в его будущей военной – профессиональной деятельности важны в большей мере ПВК относящиеся к психофизиологическим, которые бы позволили ему выполнять учебные и боевые задачи на должном уровне, выполнение которых требует от офицера большого напряжения своих психофизиологических ресурсов, высокого уровня нервно – психической устойчивости, низкой утомляемости, устойчивости к стрессам, высокого адаптационного потенциала, умения долго сосредотачивать и концентрировать свое внимание. Это понимают и курсанты, независимо от курса обучения. Они осознают все тяготы и лишения связанные с военной службой. А тот факт, что ПВК относящиеся к социально – психологическим имеет такую мизерную процентную составляющую говорит о том, что положение офицера на флоте подразумевает беспрекословное подчинение ему младших по званию и исполнение всех приказаний, а на офицера в свою очередь возлагаются большая нагрузка и ответственность за жизнь подчиненного личного состава выполнение, поставленной боевой задачи и вверенную ему технику.

2. У курсантов независимо от курса, пола, успешности в учебно – служебной деятельности и дисциплинированности, такие ПВК как агрессивность и конфликтность являются наименее развитыми. Это связано с тем, что курсанты понимают и осознают то, что с помощью агрессии, злобы, недоверия, невозможно нормальное, человеческое общение со сверстниками, преподавателями, вышестоящим командованием. Невозможно добиться желаемых результатов в службе, учебе, дисциплине. И в будущей профессиональной деятельности данные качества будут только мешать как в повышении профессионализма, так и в выполнении поставленных учебно – боевых задач.

3. Импульсивность, по мнению экспертов, является одним из наименее важных для профессиональной деятельности офицера – воспитателя. У курсантов выпускного курса данное ПВК является наименее развитым, что говорит о готовности к военной службе, спокойным отношением к будущему распределению и выполнению будущей профессиональной деятельности. Что касается курсантов – девушек, то данное ПВК у них является одним из наиболее развитых, это подтверждает большую эмоциональность девушек. Курсантам – де-

вушкам свойственно действовать без достаточно контроля при неформальном общении.

4. У курсантов выпускного курса 50 % наиболее важных ПВК совпадают с идеальной моделью определенной экспертами для специалиста гуманитарного профиля. Это связано с тем, что на 5 – м курсе юноши приближаются к тому идеальному профилю специалиста - психолога, который определен экспертами.

Список литературы:

1. Маклаков. А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 583 с.: ил. – (Серия "Учебник нового века").
2. Маклаков. А. Г. Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 480 с.: ил. – (Серия "Учебник для вузов").
3. Рубинштейн. С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2005.
4. А. Г. Караяни. Прикладная военная психология. СПб.: Питер 2006.

В.А. Прокофьева, О.Д. Шнурова
К ПРОБЛЕМЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ-ПРЕДМЕТНИКОВ

Особенности эмоционального выгорания рассматриваются в ракурсе сравнительного анализа эмоциональных, интеллектуальных, индивидуально-личностных характеристик педагогов гуманитарных и технических дисциплин. Обосновывается тезис о том, что признаки эмоциональных деформаций ярче проявляются у педагогов гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания; гуманитарные дисциплины, технические дисциплины, эмоциональная сфера, интеллектуальная сфера, мотивация деятельности.

Традиционно и в общественном сознании, и в научной литературе акцент делается, прежде всего, на позитивных аспектах работы с людьми (врачей, педагогов, социальных работников и т. д.). Вместе с тем именно работа с людьми в силу предъявляемых ею высоких требований, особой ответственности и эмоциональных нагрузок потенциально содержит в себе опасность тяжелых переживаний, связанных с рабочими ситуациями, и вероятность возникновения профессионального стресса.

Каждая профессия накладывает на человека свой отпечаток. Одним из показателей воздействия профессии на специалиста является синдром эмоционального выгорания. Разработка данной проблематики востребована практикой в связи с прямым отношением синдрома эмоционального выгорания к сохранению здоровья, психической устойчивости, надежности и профессиональному долголетию специалистов, включенных в длительные межличностные коммуникации.

Проблема изучения особенностей синдрома эмоционального выгорания у учителей на данный момент является актуальной, поскольку сейчас редко когда

молодого специалиста заинтересует возможность заработать в школьных учреждениях. С одной стороны это хорошо – в школах преподают учителя со стажем и опытом работы, уже знающие и изучившие любые нюансы своей профессии, с другой – риск возникновения синдрома эмоционального выгорания доходит до максимальной отметки и на сегодняшний день практически каждый третий учитель имеет у себя те или иные симптомы. При этом эмоциональные деформации отражаются не только на профессиональной деятельности, но и на Личности педагога в целом, на его поведении, отношениями с окружающими – происходит деформация личности, а ведь Учитель воспитывает будущее поколение. Чтобы избежать подобных нежелательных изменений, следует более тщательно изучить возникновение синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности учителя.

Основная идея настоящего исследования заключается в установлении закономерностей развития синдрома эмоционального выгорания у учителей гуманитарного и технического профиля.

На выставление оценки по гуманитарным предметам в большей степени влияет субъективный фактор - личность учителя, то, как ему понравился изложенный материал и способ его представления. Во втором случае оценка ставится исходя из объективных параметров, прописанных в уже известных решениях поставленных задач. Поэтому и ответственность за поставленную оценку у педагогов гуманитарного профиля является выше. Высокий уровень ответственности за свою точку зрения порождает тревожность, которая, в свою очередь, способствует нарастанию напряженности и, как следствие, приводит к проявлению синдром эмоционального выгорания.

В исследовании, которое проводилось на протяжении трех лет, принимало участие 80 учителей гуманитарных и технических наук со стажем работы от 2 лет. При помощи анкетирования, тестирования, а также в ходе личных бесед с педагогами исследовались особенности синдрома эмоционального выгорания, а также личностные и интеллектуальные способности учителей, уровень их тревожности и мотивация.

При анализе данных по методике определения уровня эмоционального выгорания можно отметить, что у учителей гуманитарного профиля показатели стадии «Резистенции» значимо выше, чем у коллег технического профиля. Такие показатели позволяют отметить, что эта стадия является сформировавшейся и проявляется в неадекватном, избирательном эмоциональном реагировании, эмоционально-нравственной дезориентации, расширении сферы экономии эмоций.

Любопытными оказываются и процентные соотношения. Так, например, в группе учителей-предметников гуманитарного профиля у 15,8% учителей стадия «Напряжения» является уже сформированной, стадия «Резистенции» является сформированной у 44,2% и стадия «Истощения» – у 10,5%. У учителей-предметников технического профиля: стадия «Напряжения» – у 7,2%, стадия «Резистенции» – у 42,9% и стадия «Истощения» – у 16,7%.

В дальнейшем, внутри исследованных групп были выделены подгруппы по стажу и возрасту – эти характеристики также имеют немаловажное значение при анализе проблемы эмоционального выгорания.

Гораздо больше значимых различий было получено в группе педагогов, преподающих гуманитарные дисциплины, при этом более высокие показатели (что вполне естественно) обнаружены в группе учителей со стажем работы свыше 10 лет старшей возрастной группы.

Так, например, у учителей со стажем работы от 10 лет более низкие показатели по методике диагностики уровня эмоционального выгорания, а именно по фазам «Резистенции» ($t=2,04$ при $p=0,05$) и «Истощения» ($t=2,02$ при $p=0,05$). То есть, молодые специалисты больше склонны проявлять себя эмоционально закрытыми, что может приводить к личностной и эмоциональной отстраненности, к редукции профессиональных обязанностей. Это может быть связано с тем, что новичкам трудно влиться в уже сложившийся коллектив. Возможно с тем, что молодым учителям трудно подстроиться под систему преподавания данного учебного учреждения, поскольку в нем существуют старые правила и порядки, а большинство ВУЗов выпускает современно-подготовленных учителей, с новыми системами преподавания и ведения уроков, которые иногда в корне отличаются от ранее имеющихся стандартов. Однако подобные показатели могут быть и свидетельством того, что молодые учителя попросту не обладают необходимыми профессионально важными качествами для профессии учителя.

Диагностика интеллектуальных особенностей показала, что больше половины всех учителей (технический - 53,2%, гуманитарный - 57,2%) имеют средние показатели по субтесту «Аналогии»; низкие показатели по субтесту «Арифметический счет» имеют учителя только технического профиля (13,2%). Такие результаты могут быть связаны с нетрадиционным способом вычисления для учителей точных наук: привыкшие действовать в строго определенном алгоритме, возможно, им было сложно переключиться выполнять задание по инструкции, то есть следовать прямому порядку действий, а не тому, что установлен законами математики.

Однако подобные результаты могут свидетельствовать и о том, что, получив задание по своему предмету, учителя технического профиля расслабились и могли допустить ошибки по неосторожности, что может говорить о некой рассеянности внимания при выхождении за рамки привычного, понижении уровня ответственности при выполнении обыденных заданий, или о том, что период адаптации не происходит сразу, а занимает какое-то время. Показатели учителей гуманитарного профиля, вообще не имеющие низких показателей по данному субтесту, могут подтвердить теорию о стереотипности мышления, поскольку в своей работе они часто вынуждены выходить за рамки установленных правил, проявлять смекалку, умение быстро ориентироваться в изменяющихся критериях (эти критерии зависят от внутренних и внешних факторов). При этом показатели высоких значений находятся в стандартно-принятом соотношении: технический - 48%, гуманитарный – 40,5%;

80,4% учителей технического профиля и 64,3% учителей гуманитарного профиля имеют средние показатели по субтесту «Установление закономерностей». Преобладание результатов у педагогов технического профиля может быть свидетельством того, что в точных науках предпочтение отдается именно процессу установления закономерностей, быстрому и точному анализу, в то время как у учителей противоположного профиля могут иметься несколько вариантов решения данного вопроса – различный подход даёт разные результаты.

По результатам корреляционного анализа можно отметить, что у учителей обеих групп существует значимая связь между показателями «Напряжения» и тревожности ($r_1=0,41$ при $p=0,01$ и $r_2=0,55$ при $p=0,001$). Данная связь не удивительна, поскольку чувство напряжение сопровождается чувством тревоги, одно вытекает из другого. Тревожность возникает на фоне каких-либо сильных эмоциональных переживаний, которые в свою очередь сопровождаются чувством психологического напряжения. Следовательно, снизив силу действия отрицательных эмоциональных раздражителей, уменьшится чувство напряжения и тревожности.

Отрицательная корреляционная связь была обнаружена у учителей обеих профилей между показателями шкалы «Истощение» и шкалы Самочувствия ($r_1=-0,35$ при $p=0,05$ и $r_2=-0,4$ при $p=0,05$). Самочувствие - субъективное ощущение физиологической и психологической комфортности внутреннего состояния. Высокие показатели по шкале «Истощение» свидетельствуют об эмоциональной и личностной отстраненности и о психосоматических и психовегетативных нарушениях, что полностью противоречит картине состояния внутренней комфортности человека, следовательно, чем больше баллов было набрано по этой шкале, тем хуже самочувствие испытуемого. Однако в целом показатели по шкале «Самочувствия» у всего педагогического коллектива находятся в норме и являются высокими, что снижает риск развития симптомов «Истощения» и, как следствия, развития синдрома эмоционального выгорания.

В целом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. У учителей гуманитарного профиля стадии синдрома эмоционального выгорания проявляются более ярко, нежели у их коллег технического профиля.

2. Учителя гуманитарного профиля стараются проявить себя с позиции силы, большей эмоциональной холодности, чем их коллеги. Подобное поведение быстрее приводит к эмоциональному сгоранию на рабочем месте, так как не дает выход накопившимся эмоциям и может сопрягаться с состоянием несоответствия своих потребностей и требований к себе со своими возможностями.

3. Показатели учителей технического профиля свидетельствуют об их мягкости, эмоциональной открытости, отсутствия заикленности на работе, способности дать разрядку своим чувствам и эмоциям. Однако в ситуациях избегания неудач учителя обеих профилей ведут себя одинаково.

4. Показатели интеллектуальных особенностей учителей обеих профилей являются достаточно высокими. Однако отсутствие значимых связей между показателями интеллектуальных способностей и стадиями синдрома эмоциональ-

ного выгорания может говорить о том, что развитие эмоциональных деформаций не связано с особенностями интеллектуальной сферы.

5. Результаты корреляционного анализа показали, что существуют значимые связи между фазами синдрома эмоционального выгорания и личностными особенностями учителей обоих профилей, а также уровнем их тревожности и общим психическим состоянием.

В настоящее время нет единого взгляда на структуру СЭВ, но, несмотря на это, можно сказать, что он представляет собой личностную деформацию вследствие эмоционально затрудненных и напряженных отношений в системе «человек-человек». Последствия выгорания могут проявляться как в психосоматических нарушениях, так и в сугубо психологических (когнитивных, эмоциональных, мотивационно-установочных) изменениях личности. То и другое имеет непосредственное значение для социального и психосоматического здоровья личности.

Основная причина развития СЭВ - несоответствие между личностью и работой, между повышенными требованиями руководителя к работнику и реальными возможностями последнего.

Развитию СЭВ также способствуют личностные особенности: высокий уровень эмоциональной лабильности; высокий самоконтроль, особенно при волевом подавлении отрицательных эмоций; рационализация мотивов своего поведения; склонность к повышенной тревоге и депрессивным реакциям, связанным с недостижимостью «внутреннего стандарта» и блокированием в себе негативных переживаний; ригидная личностная структура.

Н.В. Реутова

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

Профессиональная деятельность судебных приставов представлена широким спектром функциональных обязанностей, в процессе реализации которых актуализируются соответствующие копинг-стратегии. Системообразующим феноменом в реализации неформального содержания профессиональной деятельности выступают межличностные отношения, определенный вид которых инициирует или наоборот затрудняет реализацию тех или иных копинг-стратегий.

Ключевые слова: межличностные отношения, судебные приставы, копинг-стратегии, профессиональная деятельность.

Судебный пристав выступает должностным лицом, находящимся на государственной службе. Данный факт определяет его профессиональную деятельность как одну из разновидностей государственной службы с присущими ей специфическими особенностями, которые представлены правовой регламентацией, наличием властного характера профессиональных полномочий, повы-

шенным уровнем стрессогенности, конфликтогенности, личной ответственности.

В процессе выполнения судебным приставом функциональных обязанностей, а также в результате действия определенных обстоятельств может стать актуальна необходимость экстренного реагирования на возникшую ситуацию, итогом которой является выбор определенных стратегий поведения.

Копинг — это поведенческие и когнитивные усилия, применяемые индивидами, чтобы справиться с взаимоотношениями человек-среда [6].

Эффективность копинг-стратегий связана с психологическим благополучием судебного пристава и отражается на поведенческом уровне в виде снижения показателей соперничества, избегания.

Межличностные отношения в рамках отечественной социально-психологической традиции рассматриваются как системообразующий феномен в реализации неформального содержания профессиональной деятельности [2, 3, 5, 1].

Межличностные отношения – это объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми. В их основе лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей и их психологические особенности [4].

Цель: исследование межличностных отношений судебных приставов в контексте реализации копинг-стратегий.

В исследовании принимали участие судебные приставы (144 человека). Исследование проводилось на базе Управления Федеральной службы судебных приставов по Курской области. Для исследования межличностных отношений использовалась «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса». Для исследования копинг-стратегий применялся тест «Опросник о способах копинга» (WCQ, Р.Лазарус, С.Фолькман; адаптация Т.Л.Крюковой). Статистическая обработка проводилась с использованием пакета статистической программы StatSoft (2001).

В результате исследования межличностных отношений у судебных приставов выявлен низкий уровень соперничества $4,21 \pm 2,91$; средний уровень приспособления $5,93 \pm 2,07$; сотрудничества $5,97 \pm 1,76$; избегания $6,14 \pm 1,66$; высокий уровень компромисса $7,50 \pm 1,95$. Данный факт свидетельствует о наличии тенденции трансляции сотрудничества, приспособления и избегания, преобладания компромисса, в то время как соперничество не характерно в ситуациях конфликта.

В ситуации сотрудничества учитываются интересы другой стороны. Для разрешения конфликта анализируются истинные причины разногласий, выясняются цели участников конфликта, вырабатывается решение, удовлетворяющее всех. Приспособление не предполагает отстаивания собственных целей. Это готовность идти на уступки, жертвовать собственными интересами, соглашаться на предложения окружающих. В случае избегания преобладает уклонение от разрешения конфликта, отсутствие стремления к сотрудничеству с другими в целях разрешения конфликта, игнорирование проблемы, перекладывание ответственности на других. Компромисс предполагает готовность посту-

питься собственными интересами, взаимные уступки, достигается временное соглашение, но причины конфликта не устраняются.

При исследовании копинг-стратегий у судебных приставов получены следующие значения: низкому уровню напряженности соответствуют: копинг, ориентированный на принятие ответственности $3,84 \pm 9,45$; положительная переоценка $5,93 \pm 8,17$; поиск социальной поддержки $5,93 \pm 7,69$ и конфронтационный копинг $5,97 \pm 9,97$, что свидетельствует об адапционном варианте данных копингов; среднему уровню соответствуют: дистанцирование $7,50 \pm 11,96$; бегство-избегание $7,50 \pm 10,40$; самоконтроль $6,14 \pm 5,77$ и планирование решения проблемы $6,14 \pm 2,27$, что говорит о пограничном состоянии адапционного потенциала личности.

Корреляционный анализ результатов исследования межличностных отношений и копинг-стратегий судебных приставов выявил достоверную прямую корреляцию приспособления и принятия ответственности ($0,18$), обратную корреляцию компромисса и принятия ответственности ($-0,18$), компромисса и бегства-избегания ($-0,24$), компромисса и конфронтационного копинга ($-0,30$).

На основе полученных результатов выявлена взаимосвязь приспособления и компромисса с копингом, ориентированным на принятие ответственности, а также компромисса с копингом, ориентированным на бегство-избегание и конфронтационным копингом.

Приспособление в определенной степени способствует, а компромисс, наоборот, затрудняет признание своей роли в сложившейся проблемной ситуации и сопутствующих попыток ее решения. Отношения компромисса тормозят стремление и поведенческие усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы, снижает вероятность возникновения агрессивных усилий по изменению ситуации, предполагающих определенную степень враждебности и готовность к риску. Данный факт объясняется тем, что деятельность судебных приставов носит строго регламентированный характер и накладывает определенную степень ответственности, нивелируя личностное отношение к решаемым задачам.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М: Аспект Пресс, 1999.
2. Леонтьев А.А. Психология речевого общения / Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. - М.: 1975. - 40 с. / АПН СССР: НИИ общей и педагогической психологии.
3. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. - Л.: ЛГУ, 1979.
4. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. - К.: Высшая школа, 1990.
5. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление. М., 1997.
6. Frydenberg E., Lewis R. Teaching Coping to adolescents: when and to whom? // American Educational Research Journal, Fall 2000. Vol. 37, No. 3, pp. 727—745.

Е.Е. Роговая

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДБОРА МЕНЕДЖЕРОВ ДЛЯ РАБОТЫ В ОТДЕЛЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ПРОДАЖ В СФЕРЕ ИТ –ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящей работе затрагиваются особенности развития рынка Интернет услуг в Российских регионах, обсуждаются особенности существующих систем подбора и отбора торгового персонала для работы в ИТ-компаниях. Сформирован список основных компетенций менеджера по продажам. Приведены рекомендации по совершенствованию процесса подбора и отбора персонала для работы в отделе продаж.

Ключевые слова: система подбора персонала, отбор персонала, менеджер по продажам, компетенции менеджера, Интернет-услуги, телемаркетинг

В настоящее время персонал является главным конкурентным преимуществом любой организации, а сфера ИТ –технологий является самой быстроразвивающейся отраслью современной экономики, охватывая все больше и больше сфер жизни человека. На данный момент нам сложно представить мир без достижений цивилизации, таких как радио, телевидение, компьютер, современные программы, мобильная связь и Интернет. Особенно плотно современные информационный технологии вошли в обиход деловых людей.

Интернет-услуги востребованы как на крупных предприятиях, так и в малом бизнесе, т.к. благодаря своей масштабности и доступности позволяют удовлетворить потребности и тех и других. В связи с этим в современной России появилось достаточно много фирм, которые могут удовлетворить возросший спрос на данные услуги. Только в Белгороде и Белгородской области за последние 5 лет количество web-студий, предоставляющих услуги Интернет-рекламы и создания Интернет-ресурсов увеличилось с 7 до 40 организаций [8].

Таким образом, возросшая конкуренция заставляет руководство ИТ-компаний обратить пристальное внимание на подбор и отбор наиболее квалифицированного и подходящего персонала. В данной работе мы рассмотрели, прежде всего, методы подбора и отбора персонала в отдел дистанционных продаж. Отдел дистанционных продаж предполагает взаимодействие с клиентом от первичного контакта до совершения сделки и послепродажного обслуживания на расстоянии с помощью средств современной техники: телефон, e-mail, ICQ, скайп и другие средства связи. Подобный вид общения с клиентами в нашем обществе получил название телемаркетинг.

Телемаркетинг (англ. telemarketing) — продажа товаров, услуг с помощью средств телекоммуникации. Другими словами, «продажа по телефону». Телемаркетинг можно разделить на входящий (пассивный) и исходящий (активный). [1] В центре нашего внимания находит прежде всего активный телемаркетинг с использованием не только телефона, но и всего спектра существующих средств коммуникации на расстоянии.

Преимущества телемаркетинга перед личными продажами:

1. значительная экономия времени при работе с большим количеством потенциальных клиентов;

2. возможность контролировать процесс продаж и при необходимости оперативно вносить корректировки.

Использование данных средств связи, а также осуществление продаж на расстоянии предъявляет больше требований к профессионализму менеджера по продажам, его умениям, навыкам, а также к личности самого кандидата. Допущенная ошибка на этапе отбора менеджеров по продажам может привести как к прямым, так и к косвенным убыткам предприятия: затраты на подбор и отбор сотрудников, адаптацию и обучение, текучка кадров, неблагоприятный психологический климат в коллективе, испорченный имидж предприятия, потерянные клиенты и сорванные сделки и т.д. Именно поэтому современный работодатель должен тщательно подойти к системе подбора торгового персонала, ведь на кону стоит успех и развитие его бизнеса.

На помощь руководителю на сегодняшний день могут прийти кадровые службы, рекрутинговые агентства, штатный психолог и др. Однако для наиболее качественного подбора сотрудников с свою команду, руководитель должен сам обладать определенными знаниями и набором методов и методик по подбору персонала.

Прежде всего, необходимо определиться с основными компетенциями менеджера по продажам:

- Самостоятельность
- Инициативность
- Стрессоустойчивость
- Обучаемость
- Коммуникабельность
- Гибкость
- Мотивация к достижению успеха
- Эмпатия
- Развитый социальный и эмоциональный интеллект
- Умение использовать средства поиска через Интернет, умение пользоваться основными средствами связи (телефон, факс, ICQ и пр.) [3]

Это лишь приблизительный список компетенций, т.к. данная профессия появилась сравнительно недавно. И как показывает практика, работодатели не подготовлены к квалифицированному подбору профессиональных «продажников» телемаркетинга. Ведь не существует одного метода для определения всего ряда данных компетенций, и зачастую руководители IT-компаний для экономии средств и времени, а зачастую и из-за отсутствия знаний, обходятся анализом формальных данных и личным интервью с собеседником. Если же процесс подбора не систематизировать, то ущерб от кандидата, не соответствующего вакантной должности, и текучести в связи с его увольнением (не пройден испытательный срок или другие причины) может быть значительным.

По исследованиям И. Григорьевой, затраты составляют:

- на замену рабочих 7-12% их годовой заработной платы,
- специалистов - 20-50%,
- управляющих - 40-100% [2, с. 47].

Сюда включаются:

1. Потери, вызванные перерывами в работе.
2. Потери, обусловленные необходимостью обучения и переобучения новых работников.
3. Потери, вызванные снижением производительности труда у рабочих перед увольнением, т.е. стоимость не дополученной продукции.
4. Потери, вызванные недостаточным уровнем производительности труда вновь принятых сотрудников.
5. Затраты по проведению набора персонала в результате текучести.
6. Потери от сорванных сделок у вновь поступивших работников.

Общая величина экономического ущерба, вызванного неэффективным процессом подбора персонала, равна сумме всех частных потерь [2, с. 48].

Таким образом, общие затраты на процесс несистематизированного подбора в нашем случае может быть представлен тремя составляющими:

- 1) Затраты на повторный поиск и оценку в процессе подбора.
- 2) Потери, вызванные перерывами в работе.
- 3) Потери, вызванные недостаточным уровнем эффективности труда вновь принятых работников.

Построение грамотной системы подбора персонала, с четким описание профессии менеджера по продажам позволит избежать подобных убытков, а также снизить текучку кадров, улучшить психологический климат в коллективе, уменьшить период адаптации новых сотрудников на новом рабочем месте.

Можно предложить следующие рекомендации по совершенствованию процесса подбора персонала:

- 1) разработать четкий список компетенций менеджера дистанционных продаж и его должностных и функциональных обязанностей;
- 2) разработать мероприятия по совершенствованию процесса подбора кадров с учетом новейших методик по подбору и оценке персонала;
- 3) источники подбора и методы оценки должны быть систематизированы, чтобы сформировать необходимые регламенты и организационные документы, позволяющие владельцу процесса подбора реализовывать процесс в необходимые сроки и выявить операции, которые можно и нужно автоматизировать, сократив время, затрачиваемое на их выполнение.
- 4) создание электронной базы данных (БД) работников, что позволит сократить время на поиск дополнительных сотрудников.
- 5) определить возможные функциональные повторы – дублирование функций сотрудников – и распределить функциональные задачи правильно, чтобы выявить центры неэффективных затрат и оптимизировать общие материальные и финансовые затраты на процесс.

Список литературы:

1. Википедия <http://ru.wikipedia.org/wiki/Телемаркетинг>
2. Григорьева И. Текучесть кадров [Электронный ресурс] - www.bonsk.ru
3. Компетенции менеджера по продажам [Электронный ресурс] - <http://www.hr-portal.ru/article/kak-vybrat-luchshego-menedzhera-po-prodazham>

4. Кибанов А., Ушакова М. Концепции стратегии кадровой политики организации // Кадровик. Кадровый менеджмент [Текст]. – 2008. - № 10
5. Кибанов А. Оперативный план работы с персоналом // Кадровик. Кадровый менеджмент [Текст]. – 2008. - № 4.
6. Кибанов А. Технология найма, оценки и отбора персонала // Кадровик. Кадровый менеджмент [Текст]. – 2006. - № 9.
7. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: отбор и оценка при найме, аттестация: Учеб. пособие для студентов вузов. - 3-е изд., перераб и доп. [Текст] // А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. - М.: Изд-во «Экзамен», 2007.
8. С кем работать — другие студии [Электронный ресурс] - <http://goodsol.ru/articles/other/>
9. Шамарин А.В., Морозов А.Н., Сухоруков Е.В. Совершенствование процедуры подбора персонала на предприятии // Управление персоналом [Текст]. – 2009. - № 7.

Т.Г. Фомина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ У ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

В работе рассматривается специфика структурной организации общительности у педагогов с различным уровнем развития осознанной саморегуляции. Описывается специфика взаимосвязи регуляторных процессов и свойств с компонентами общительности учителей.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, регуляторные процессы, общительность, компоненты общительности.

Отличительной чертой современного человека является многообразие форм и способов осуществления различного рода взаимодействий с окружающими людьми. Умение общаться и эффективно строить взаимоотношения считается неотъемлемым качеством профессионала. В особенности это касается тех профессиональных сфер, где от общения и общительности личности зависит результативность всей деятельности. В этих случаях особенно остро встает вопрос о профессиональной компетентности человека в сфере общения и эффективной коммуникации.

В современной психологии достаточно обширно представлена проблема общения. Изучены структура, формы, виды, функции и др. Огромное многообразие исследований существует и по вопросам развития эффективных коммуникаций, разработаны программы и тренинги. Но наш взгляд, говоря сегодня о человеке как субъекте деятельности, общения, поведения необходимо обратиться к изучению влияния роли собственных внутренних психологических ресурсов человека в развитии коммуникативной сферы. В частности, мы полагаем, что целостная система осознанной саморегуляции человека, его регуляторные способности являются необходимым компонентом в реализации общения.

С одной стороны, в процессе общения и взаимодействия происходит мощное личностное развитие человека. И можно предполагать, что индивиду-

альная система осознанной саморегуляции формируется в процессе взаимодействия человека с другими людьми. С другой стороны, индивидуальные особенности саморегуляции определяют специфику осуществляемого взаимодействия. Ведь такие личностные коммуникативные характеристики как эмоциональность, рациональность, импульсивность и др. имеют во многом регуляторную природу. Целью нашего исследования является изучение роли осознанной саморегуляции в организации общения учителем. Педагогическая профессия неразрывно связана с общением. К тому же особо высокие требования предъявляются к коммуникативным качествам педагогов. В своем исследовании мы решили выяснить, существует ли взаимосвязь между регуляторными особенностями учителя и его коммуникативными качествами.

Методологической основой исследования выступает теория осознанной саморегуляции (О.А. Конопкин), а также концепция индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности человека (В.И. Моросанова). Саморегуляция понимается нами как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей. Осознанная саморегуляция обладает определенной функциональной структурой, универсальной для различных видов активности человека) [1]. В настоящее время в лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО рассматривается дифференциальный подход к осознанной саморегуляции произвольной активности человека. Показано, что существуют индивидуальные различия как в общем уровне осознанной саморегуляции, так и в развитии регуляторных процессов, реализующих различные компоненты целостной системы саморегуляции.

Согласно исследованиям, проводящимся в лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО, развитие и индивидуальные особенности саморегуляции во многом определяют продуктивные аспекты деятельности человека, а также опосредствует влияние личностных и характерологических переменных на его поведение [4]. В своем исследовании мы планируем использовать данный подход в рассмотрении проблемы регуляторных основ педагогического общения.

Организация и методы исследования. В эмпирическом исследовании приняли участие 250 педагогов общеобразовательных школ г. Хабаровска и г. Москвы в возрасте от 23 до 68 лет. Применялись следующие методики: для исследования индивидуальных особенностей саморегуляции использовался *опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ)*. Методика позволяет оценить развитие индивидуальных особенностей осознанной саморегуляции человека: планирования (индивидуальных особенностей целеполагания и удержания целей), моделирования (осознания внешних и внутренних условий), программирования (потребности продумывать способы своих действий), оценки результатов; а также степень сформированности регуляторно-личностных свойств – гибкости (способности перестраивать систему саморегуляции) и самостоятельности (регуляторной автономности). В конечном итоге определяется и общий уровень саморегуляции, то есть сформированность индивидуальной системы саморегуляции в целом [5]. Коммуникативные особен-

ности педагогов исследовались нами с помощью *теста суждений А.И. Крупнова для изучения общительности личности*. Данная методика позволяет количественно и качественно оценить четырнадцать переменных общительности, а также две шкалы, адресованные к трудностям реализации общительности. Согласно подходу А.И. Крупнова, каждое свойство личности включает в себя личностные и индивидуальные характеристики, функционально связанные между собой. Личностные характеристики содержат целевые, мотивационные, когнитивные и продуктивные переменные, которые обусловлены социальными факторами развития и зависят от социального окружения. Данный блок обеспечивает селекцию и приоритет тех или иных целевых установок, мотивационных побуждений (социоцентрических или эгоцентрических), глубину и точность смысловых значений (осмысленность – осведомленность), продуктивность, то есть сферу приложения качества или в предметных видах деятельности, или в различных видах самодеятельности субъекта (самоактуализация, самореализация, саморазвитие и т.д.). Индивидуальные характеристики включают в себя динамические (энергичность – аэнергичность), эмоциональные (стеничность – астеничность) и регуляторно-волевые (интернальность – экстернальность) составляющие. Этот блок переменных общительности обеспечивает регуляторно-энергический аспект коммуникативного поведения. Эти переменные условно подразделяются на «гармонические» и «агармонические». К гармоническим характеристикам относят: «энергичность», «стеничность», «интернальность», к агармоническим - «аэнергичность», «астеничность», «экстернальность»[2].

На первом этапе исследования был проведен корреляционный анализ шкал опросника саморегуляции и шкал теста общительности. Было обнаружено значительное количество значимых корреляций между исследуемыми переменными[3]. Полученные данные свидетельствуют о том, что показатели саморегуляции связаны с особенностями общительности личности. На следующем этапе мы разделили педагогов на две группы: с высоким и низким уровнем развития осознанной саморегуляции. На этом этапе основной задачей было выявление значимых различий по компонентам общительности у этих двух групп. По всем компонентам общительности, за исключением установочно-целевого (общественно-значимые и субъектно-значимые цели) и регуляторного (интернальность и экстернальность) были обнаружены значимые отличия. Наиболее существенными оказались различия по показателям рефлексивно-оценочного (оперативные и личностные трудности) и динамического (энергичность и аэнергичность) компонентов общительности. Эти данные говорят о том, что у учителей с высоким уровнем саморегуляции развита потребность в контактах с другими людьми, они стремятся к общению, инициативны и активны во взаимодействии, испытывают меньше трудностей в процессе общения. В то время как у учителей с низким уровнем саморегуляции существенно снижена потребность контактировать с другими людьми, процесс общения протекает скорей интуитивно, без осознания конкретных способов и приемов организации эффективного взаимодействия. Также обнаружены значимые различия по когнитивному компоненту общительности (осмысленность и осведомленность): у педагогов с высоким уровнем саморегуляции выше значения по осмысленности, а у педагогов с низ-

ким уровнем саморегуляции по показателю осведомленности. Это свидетельствует о том, что высокий уровень осознанной саморегуляции позволяет адекватно оценивать место и роль общительности в жизнедеятельности человека, и соответственно оптимально осуществлять построение взаимодействия, в то время как осведомленность связана с поверхностным представлением об общительности как личностно значимом качестве человека, не предполагающем какой-либо регуляции, рефлексии и оценивания.

Таким образом, нами были обнаружены значимые различия по большинству компонентов общительности между учителями с высоким и низким уровнем саморегуляции. У педагогов с низким уровнем саморегуляции по большей части доминируют агармонические переменные общительности. У педагогов с высоким уровнем саморегуляции значимо выше значения по гармоническим переменным общительности.

Далее мы решили более подробно посмотреть специфику структуры общительности у педагогов с различным уровнем осознанной саморегуляции. Для этого мы использовали анализ интеркорреляций компонентов общительности у этих групп учителей, а также факторный анализ.

Интеркорреляции компонентов общительности мы проводили отдельно по мотивационно-смысловым компонентам и регуляторно-динамическим. Проанализируем интеркорреляции мотивационно-смысловых показателей общительности у педагогов с высоким и низким уровнем осознанной саморегуляции (см. таблицу 1 и 2)

Таблица 1. - Интеркорреляции мотивационно-смысловых показателей общительности у педагогов с высоким уровнем саморегуляции (n=63 чел.)

Показатели общительности	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Общественно-значимые цели		0,646**	0,654**	0,466*			0,571*	
2. Субъектно-значимые цели				0,624**				
3. Социоцентричность				0,689*	0,774**		0,666**	-0,311*
4. Эгоцентричность					0,720**		0,428**	-0,459**
5. Осмысленность							0,576**	-0,448**
6. Осведомленность							0,428**	-0,459**
7. Предметность								
8. Субъектность								

Из данных таблицы видно, что существует достаточно высокий уровень связи между установочно – целевым (общественно-значимые и субъектно значимые цели), мотивационным (социо- и эгоцентричность) и продуктивным (предметная и субъектная сфера) компонентами общительности. Это свидетельствует о целостности мотивационно-смысловой сферы общительности этих педагогов, в которой цели и мотивация общения соответствуют продуктивности субъекта прежде всего в профессиональной деятельности. Гармоничные переменные в большинстве случаев положительно коррелируют с гармоничными

ми и отрицательно с агармоничными переменными. Так, например, показатель общественно-значимых целей имеет положительную связь с компонентами: социоцентричность и субъектность. В группе учителей с низким уровнем саморегуляции обнаружено меньше значимых интеркорреляций компонентов общительности. В большинстве они группируются между установочно – целевым и мотивационным компонентом. Это может свидетельствовать о меньшей интегрированности мотивационно-смысловых компонентов общительности у данной группы учителей.

Таблица 2. - Интеркорреляции мотивационно-смысловых показателей общительности у педагогов с низким уровнем саморегуляции (n=50 чел.)

Показатели общительности	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Общественно-значимые цели		0,581*	0,633**	0,484*			0,510*	
2. Субъектно-значимые цели								
3. Социоцентричность				0,426*	0,455*			
4. Эгоцентричность					0,627**			
5. Осмысленность							0,308*	
6. Осведомленность								0,295*
7. Предметность								
8. Субъектность								

Таблица 3 – Интеркорреляции регуляторно-динамических показателей общительности у педагогов с высоким уровнем саморегуляции (n=63 чел.)

Показатели общительности	9	10	11	12	13	14	15	16
9. Эргичность			0,631**	0,356**	0,375**	0,338**		
10. Аэргичность					0,306**	0,371**	0,439**	0,410**
11. Стеничность				0,623**	0,533**	0,494**		
12. Астеничность					0,535**	0,678**	0,302*	0,282*
13. Интернальность						0,787**	0,317*	
14. Экстернальность							0,441**	
15. Оперативные трудности								0,715**
16. Личностные трудности								

Далее мы проанализировали интеркорреляции регуляторно-динамических показателей общительности у педагогов с различным уровнем осознанной саморегуляции (см. таблицы 3, 4).

Как и в предыдущем случае, значимых интеркорреляций в группе педагогов с высоким уровнем саморегуляции больше. В частности, много значимых корреляций между рефлексивно-оценочным компонентом (оперативные и личностные трудности) и агармоничными переменными общительности (аэргичность, астеничность, экстернальность).

Таким образом, анализ компонентов общительности у педагогов с высоким и низким уровнем развития осознанной саморегуляции показал, что структура общительности в этих двух группах различна. Учителя с высоким уровнем саморегуляции имеют более целостную, интегрированную систему общитель-

ности, в которой большинство компонентов связаны между собой. У педагогов с низким уровнем саморегуляции структура общительности неоднородна, некоторые компоненты не связаны друг с другом, либо гармоничные переменные связаны с агармоничными. Это может свидетельствовать о непоследовательности этих педагогов в реализации своего общения с другими людьми.

Таблица 4. - Интеркорреляции регуляторно-динамических показателей общительности у педагогов с низким уровнем саморегуляции (n=50 чел.)

Показатели общительности	9	10	11	12	13	14	15	16
9. Эргичность			0,377*					-0,295*
10. Аэргичность					0,455**	0,474**	0,622**	0,592**
11. Стеничность					0,481**			
12. Астеничность						0,383**		
13. Интернальность						0,803**		
14. Экстернальность								
15 Оперативные трудности								0,684**
16 Личностные трудности								

Чтобы уточнить полученные результаты мы провели факторный анализ компонентов общительности у педагогов с различным уровнем развития осознанной саморегуляции.

В первый фактор у педагогов с высоким уровнем саморегуляции вошли переменные мотивационного, когнитивного и продуктивного компонентов общительности: предметность (0,900), субъектность (0,784), социоцентричность (0,735), осмысленность (0,647). Этот фактор можно обозначить как продуктивно-мотивационный. Состав первого фактора у группы педагогов с низким уровнем саморегуляции несколько иной, его составили переменные: субъектность (0,897), предметность (0,815), эргичность (0,815) и эгоцентричность (0,693), входящих, соответственно, в продуктивный, мотивационный и динамический компоненты общительности. Отличия по первому фактору педагогов связаны в первую очередь с ведущей мотивационной тенденцией общительности. У педагогов с высоким уровнем саморегуляции это социоцентрические мотивационные тенденции, в группе педагогов с низким уровнем саморегуляции – это эгоцентрические мотивационные тенденции.

Во второй фактор у педагогов с высоким уровнем саморегуляции вошли переменные: субъектно-значимые цели (0,832), энергичность (0,751), эгоцентричность (0,666), общественно-значимые цели (0,640). Этот фактор можно обозначить как мотивационно - целевой. Состав второго фактора в группе педагогов с низким уровнем саморегуляции составили совершенно иные переменные: астеничность (0,924), личностные трудности (0,835), осведомленность (0,683) и аэнергичность (0,562). Данные переменные составляют блок агармонических переменных общительности. То есть существенно снижающих эффективность общения человека.

Третий фактор в группе педагогов с высоким уровнем саморегуляции составили: экстернальность (0,855), осведомленность (0,742) и стеничность(-

0,669). Этот фактор можно обозначить как экстернально-когнитивный. В состав этого фактора в группе педагогов с низким уровнем саморегуляции вошли: стеничность (0,879), социцентричность (0,771), общественно-значимые цели (0,513), составляющие эмоциональный, мотивационный и установочно-целевой компоненты общительности.

Четвертый фактор в группе педагогов с высоким уровнем саморегуляции составили: астеничность (0,841) и личностные трудности (0,765). Его можно обозначить как эмоционально-рефлексивный. Состав второго фактора в группе педагогов с низким уровнем саморегуляции составили: субъектно-значимые цели (0,757), интернальность (0,725), экстернальность (0,619) и эгоцентричность (0,572), входящие в установочно-целевой, регуляторный и мотивационный компоненты общительности.

В пятый фактор (регуляторно-динамический) в группе педагогов с высоким уровнем саморегуляции вошли переменные интернальности (-0,798) и эргичности (0,521). Состав этого фактора в группе педагогов с низким уровнем саморегуляции: оперативные трудности (0,880), осмысленность (0,683) и эргичность (0,542).

Таким образом, психологическая структура общительности у педагогов с высоким и низким уровнем саморегуляции различается. Эти различия обусловлены доминированием различных характеристик общительности, а также особенностями взаимосвязей внутри компонентов целостной системы общительности. Так, в группе педагогов с высоким уровнем осознанной саморегуляции большинство значимых взаимосвязей между компонентами общительности концентрируется в мотивационно-смысловом блоке между переменными установочно-целевого, мотивационного и продуктивного компонентов. В то время как у педагогов с низким уровнем осознанной саморегуляции эти связи концентрируются внутри инструментально-динамического блока. Это свидетельствует о том, что регуляторные процессы обеспечивают целостность функционирования всех блоков структуры общительности, а также то, что уровень развития осознанной саморегуляции человека выступает одним из необходимых компонентов в организации взаимодействия человека с другими людьми.

Список литературы:

1. Конопкин, О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) [Текст] / О.А. Конопкин // Вопросы психологии. - 1995 №1. - С. 5 - 12.
2. Крупнов, А.И. Системная диагностика и коррекция общительности: Монография / А.И. Крупнов. – М. : РУДН, 2007. – 131с.
3. Моросанова В.И., Фомина Т.Г. Особенности саморегуляции в педагогическом взаимодействии // серия «Психология и педагогика» Вестника РУДН №2, 2010. С. 25-34.
4. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека [Текст] / В.И. Моросанова. - М. : Наука, 2001. – 192 с.
5. Моросанова, В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. – М. : Когито-Центр, 2004. – 44 с.

И.Б. Шадрина

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ СПЛОЧЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Важнейшая форма проявления сплоченности в коллективе - это эмоциональное приобщение личности каждого к коллективу как целому, с которым личность сознательно или неосознанно себя идентифицирует (отождествляет). Развивая профессиональную идентичность у педагогов, мы опосредованно формируем сплоченность педагогического коллектива.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, коллектив, профессиональное сообщество, сплоченность, отождествление, профессиональная идентификация, педагог, профессионал, образ-Я, действенная групповая эмоциональная идентификация, факторы развития идентичности.

Положительные эмоциональные отношения с коллегами играют важную роль в профессиональной деятельности педагога. Профессиональная идентичность через отношения в профессиональном сообществе предполагает владение умениями в соответствующей форме предложить помощь тому, кто в ней в данный момент нуждается, и спокойно отнестись к тем, кто от нее отказывается, умение представить - результаты своей деятельности коллегам, умение сотрудничать, дать адекватную оценку деятельности других специалистов, кроме того она включает сформированность особого чувства сопричастности ко всему, что происходит в профессиональном сообществе, сопереживание другим людям, коллегам по работе, осознание себя и других в качестве единой общности – «мы». [7]

Обращение к проблеме профессиональной идентичности обусловлено тем, что выделение в обобщенном образе мира «мира своей профессии» и причастности к нему, отражает отношение педагога к своей профессиональной деятельности и определяет стиль и способ поведения в профессиональных ситуациях. Профессиональная идентичность требует принятия педагогом определённых идей, убеждений, оценок, правил поведения, принятых и разделяемых членами данной профессиональной группы (профессионального сообщества). [2]

Педагогу трудно обрести профессиональную идентичность, так как его профессиональный успех в жизни зависит не только от его реальных способностей и мастерства, но и от признания его личности и мастерства теми, кто входит в профессиональное сообщество. Неустойчивая идентичность черпается не в самом себе, а в мнениях окружающих. Когда всеобщее мнение довлеет над индивидуальным «я», отношения между людьми становятся поверхностными. [3]

Почему часто молодому специалисту, пришедшему работать в ОУ говорят: «Вам недостаточно практики», «Опыта мало». В данном случае важны не только профессиональные знания и умения, но и идентификация с Делом, с Коллегами по работе.

Поэтому Шнейдер Лидия Бернгардовна определила профессиональную идентичность как «результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления-дифференциации себя с Делом и Другими, проявляющаяся в когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях Я».

[7]

На развитие профессиональной идентичности влияют множество факторов. В частности одним из источников является профессиональное образование, содержание которого определяют нормативные государственные документами об образовании. Так, обучавшийся на определенном факультете и получивший диплом специалист воспринимается как профессионально идентичный своей профессии. В этих случаях основными условиями становления профессиональной идентичности выступают образовательно-профессиональная общность судьбы и профессиональная осведомленность. С другой стороны, исследователи подчеркивают существование профессиограммы личных качеств профессионала, то есть в становлении профессиональной идентичности определенную роль играет выраженный личностный радикал. Свою роль в становлении профессиональной идентичности играют субъективные ожидания и возможности социальных перспектив, а также признание окружающими в качестве профессионала, что способствует утверждению профессиональной идентичности. В качестве обобщенной детерминанты становления профессиональной идентичности можно назвать информационно насыщенную окружающую среду, из которой вычерпываются представления об объекте и субъекте труда, его целях и задачах, способах получения образования или приобретения необходимых навыков, требованиях профессии к человеку и пр. В процессе онтогенеза становление профессиональной идентичности проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка и исторического развития профессиональной идентичности в социогенезе. По Эрику Эриксону при становлении профессиональной идентичности человек проходит те же этапы, что и при социализации - доверие, автономию, инициативность, достижение, идентичность, интимность, творчество, интеграцию.

В своей монографии А.М. Сосновская определила, что «профессиональная идентификация - это объективное и субъективное (то есть данное в переживании) единство с профессиональной группой, делом, которое обуславливает преобладание профессиональных характеристик (норм, ролей и статусов) личности. [5]

Человек, который отвергает Дело – не будет воспринят, он не будет идентифицировать себя с другими.

В рамках нашего исследования мы выделяем два фактора, которые непосредственно влияют на развитие профессиональной идентичности педагога: опыт и общение, что реализуется в профессиональных ситуациях (Дело) и профессиональных отношениях (Профессиональная общность), а репрезентируется через образ Я педагога.

Профессиональная идентификация педагога определяет социальное взаи-

модействие и специфические формы профессиональных интеракций. Эти формы тесно связаны с границами профессиональных групп (обсуждение значимых вопросов происходит преимущественно в пределах профессиональной группы). Профессиональная идентификация с другими может быть наполнена «реальным добром по отношению к другим людям». В данном случае речь идет о произвольной идентификации при принятии ответственности.

Согласно теории Генри Тэджфела люди борются за положительную социальную идентификацию, и при этом стремятся стать членами групп с более высоким статусом. При непринятии ответственности это выливается в конформизм, стремление к уподоблению, неумение мыслить самостоятельно, нежелание задавать вопросы и искать истину, человек отдается «на милость» других. Малейшее отступление от привычного уклада жизни, необходимость принять профессиональное решение, недолгое одиночество - и человек теряет себя, стремится спастись от своей непрошенной свободы, снять с себя ответственность за свои профессиональные действия и предпочитает действовать по указке, трафаретно. [6]

Некоторые отечественные исследователи в области практической и педагогической психологии считают начальным фактором в развитии профессиональной идентичности сплоченность коллектива и отвергают позицию первоочередности профессиональной идентичности над сплочением коллектива. Одним из условий, влияющим на возникновение идентичности они считают роль других - значимых людей, занимающих самое главное место в жизни каждого человека - в достижении идентичности. Человеческий поступок, как собственный, так и чужой, оценивается ими с позиции множества значимых других и действие осознается как поступок по меркам и эталонам ценного и должного. С философской точки зрения, рассматривая профессиональную идентичность, в рамках данной теории, было отмечено, что становление души всегда начинается с обращения к нам других людей. Следующий шаг в становлении души - это открытая способность «почувствовать себя дома в мире других людей», обрести любовь к этому дому, к тому, что являет и хранит дословность человека и этим сохранением делает возможным подлинность человека. Последовательность изучения этой проблематики: «социальное Я» - «зеркальное Я» - «обобщенный другой» - «референтная группа» - «значимый собеседник» проявляется как последовательность психологического изучения роли других людей в становлении идентичности.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие профессиональной идентичности и формирование сплоченности коллектива взаимообуславливают развитие друг друга.

Тем не менее, в рамках экспериментальной деятельности ряда отечественных авторов было отмечено что развивая профессионально-личностную идентификацию, мы способствуем формированию сплоченности в коллективе.

Особую форму групповой сплоченности, по их мнению, представляет собой действенная групповая эмоциональная идентификация (ДГЭИ) как одна из составляющих профессиональной идентичности. Действенная групповая эмоциональная идентификация - акт интерперсонального отождествления, в кото-

ром переживания одного из членов группы даны другим как мотивы поведения, организующие их собственную деятельность, направленную одновременно на осуществление групповой цели и на блокирование действия фрустратора.

Наличие или отсутствие действенной эмоциональной идентификации позволяет выявить уровень развития личностных отношений в группе и тем самым ее сплоченность. Потребность в эмоциональном сопереживании и способность к нему не врожденные качества, а формируются у человека на протяжении жизни.

Удовлетворение этой потребности зависит от того, насколько личность идентифицирует себя с другими членами и насколько активна ее позиция в преодолении действия фрустратора по отношению к любому члену группы. Идея действенной групповой эмоциональной идентификации разработана В. А. Петровским, он же предложил концептуальный план и конкретную методику исследования, эксперимент был поставлен, результаты обобщены А. И. Папкиным.

Феномен действенной групповой эмоциональной идентификации — специфический показатель уровня развития межличностных отношений в группе, степени их сформированности. Имплицитно включая в себя моральные ценности и нормы поведения, отвечающие этическим идеалам человека, свое высшее развитие эмоциональная идентификация получает в группах типа «коллектив».

[4]

Коллектив представляет собой особую форму взаимоотношений между его членами, которая обеспечивает принцип развития личности не вопреки, а вместе с развитием коллектива.

Существует несколько «моделей» развития коллектива, каждая из которых фиксирует особые стадии в этом движении.

В настоящее время психологи рассматривают следующие уровни групповой структуры:

Центральное звено групповой структуры образует сама предметная деятельность группы, причем это обязательно социально – позитивная деятельность. Степень развития группы определяется тремя критериями:

- 1) оценка выполнения группой основной общественной функции;
- 2) оценка соответствия группы социальным нормам;
- 3) оценка способности группы обеспечить каждому ее члену возможности для полноценного (или социально приемлемого) развития личности.

Второй слой групповой структуры представляет собой фиксацию отношения каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям и задачам. Этот слой описывается не только как совпадение ценностей, касающихся совместной деятельности, но и как развитие определенной мотивации членов группы, эмоциональной идентификации с группой.

Третий слой фиксирует собственно межличностные отношения, опосредованные деятельностью.

Четвертый слой групповой структуры фиксирует непосредственные эмоциональные контакты между членами группы, не опосредованные коллективными целями деятельности, установленными нормами поведения.

В результате многочисленных экспериментов было установлено, что существует определенная тенденция профессионала воспринимать свою профессиональную группу, если это высокоразвитое сообщество, как источник ориентации. Возникает значительная однородность в установке членов такой группы в оценке содержательной стороны совместной деятельности, определяемое как ценностно-ориентационное единство. Сплоченность, понимаемая как ценностно-ориентационное единство – это характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам (лицам, задачам, идеям, событиям), наиболее значимым для группы в целом. [1]

Одна из важнейших форм проявлений сплоченности в коллективе — эмоциональное приобщение личности каждого к коллективу как целому, с которым личность сознательно или неосознанно себя идентифицирует (отождествляет). Для настоящего коллектива характерны отношения сопереживания при успехах и неудачах, эмоциональной теплоты и сочувствия, радости и гордости за достижения каждого, убежденность, что данный коллектив достоин именоваться настоящим коллективом, характерна открытость для вхождения в него извне людей, которые готовы внести свой вклад в достижение целей данного коллектива. Наличие или отсутствие этих психологических феноменов может служить существенным диагностическим признаком для дифференциации групп и коллективов. [4]

Список литературы:

1. Донцов, А. И. Психология коллектива. М., 1984.
2. Ермакова, З. В. Профессиональная идентичность социального педагога : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.03 Владивосток, 2007 180 с. : 61 07-19/473.
3. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов -на - Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999.
4. Петровский, А. В., Шпалинский, В. В. Социальная психология коллектива. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М., «Просвещение». – 1978.
5. Сосновская, А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб.: Роза мира, - 2005. - 206 с.
6. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения, 1982.
7. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2004.

Р.Ф. Шарафутдинова

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЙ УСПЕХА У СПОРТСМЕНОВ

Рассмотрена проблема изучения мотивации достижений успеха у спортсменов, которая играет одну из самых важных ролей в достижении результатов. Мотивационная сфера спортсмена - это стержень, ядро его личности, совокупность внутренних побудительных сил к действию.

Ключевые слова: мотивация, мотивация достижения успеха, спортсмен, тренер, надежда на успех, субъективные эталоны достижения, высокий уровень мотивации успеха, низкий уровень мотивации успеха, стимул, социально-психологическая адаптация.

В жизни часто бывает так, что необходимо сделать нечто важное. Человек осознает важность дела, но не хватает желаний и энергии работать. Как говорят психологи — сформирована низкая мотивация к деятельности. Мотивация тесно связана с другими психологическими процессами: восприятием, мышлением, отношением к самому себе. Меняя восприятие определенных объектов, формируя новый стиль мышления, мы развиваем и новое отношение к своей деятельности. Когда человек начинает рассуждать по-другому, он начинает и действовать по-другому, тем самым изменяет и свою мотивацию к деятельности.

Успех или неуспех в деятельности определяет ведущие тенденции развития. Успех может быть кратковременным, частым и длительным, сиюминутным, устойчивым, связанным со всей жизнью и деятельностью. Все зависит от того, как ситуация успеха закреплена, продолжается, что лежит в ее основе. Важно иметь в виду, что даже разовое переживание успеха может настолько изменить психологическое самочувствие, что резко меняет ритм и стиль деятельности, взаимоотношений с окружающими. Ситуация успеха может стать своего рода спусковым механизмом дальнейшего движения личности.

С психологической точки зрения успех - это переживание состояния радости, удовлетворения от того, что результат, к которому личность стремилась в своей деятельности, либо совпал с ее надеждами, ожиданиями (или, строго говоря, с уровнем притязаний), либо превзошел их. На базе этого состояния могут сформироваться устойчивые чувства удовлетворения, формируются новые, более сильные мотивы деятельности, меняется уровень самооценки, самоуважения. Стремление к успеху формируется в личностных особенностях спортсмена, оно не зависит от внешних факторов [3]. Кроме того для каждого спортсмена определение «успеха» строго индивидуально. Для кого-то это может быть потребность показать себя, победить и избежать поражения, добиться престижа в отношении себя. Для другого это может быть потребность самосовершенствования, улучшить свой личный рекорд.

Успехи в любой деятельности зависят не только от способностей, навыков, знаний, но и от мотивации достижения. Человек с высоким уровнем мотивации достижения, стремясь получить весомые результаты, настойчиво работает ради достижения поставленных целей [5]. И одной из разновидностей мотивации деятельности, связанная с потребностью индивида добиваться успехов и избегать неудач; стремление к успехам в различных видах деятельности является мотивация достижения успеха. В его основе лежат эмоциональные переживания, связанные с социальным принятием успехов, достигаемых индивидом [2].

Мотивация человека является составной частью его характера, она формируется в течение всей жизни, начиная с раннего детства. В детском возрасте источниками мотивации могут быть особенности психики данной личности,

личная потребность в успехе, признании, общении с друзьями, особенности и склонность двигательной задачи. Мотивация в спорте зависит как от внутренних причин (темперамент, черты характера), так и внешних (влияние родителей, педагогов, тренеров).

Главным действующим лицом в спорте является спортсмен и тренеру не безразлично, что же движет спортсменом в его спортивном совершенствовании. Не зная особенностей потребностно-мотивационной сферы личности спортсмена, трудно готовить его к соревнованиям, формировать у него устойчивую, сильно действующую мотивацию [4]. Тренер, вооруженный информацией об особенностях мотивации своего ученика, выступает как тонкий творец и истинный создатель спортивного результата. Предполагается, что спортсмен, приступая к какому-либо виду деятельности, уже полностью мотивирован и, соответственно, будет осуществлять деятельность продуктивно, с высокой отдачей.

Спортсмены, испытывающие сильную потребность в достижениях, предпочитают полагаться на собственные силы и стремятся к самосовершенствованию. Они склонны работать над задачами, которые требуют немалых усилий, но не являются неразрешимыми. Они чувствуют больше удовлетворения от своей работы тогда, когда сами могут ее планировать и самостоятельно определять свои цели. Обычно люди с высокой потребностью в достижениях ставят перед собой такие задачи, выполнение которых будет являться для окружающих символом или признаком успеха.

Таким образом, достижение рассматривается как наглядное доказательство успеха. Поэтому потребность в достижениях можно охарактеризовать, как стремление достичь поставленной цели, добиться успеха.

Спортсмен с низким уровнем мотивации успеха, изначально недооценивая свои возможности, нацеливается на поражение. Он выбирает либо легкие задачи, либо сверхсложные. Тогда при поражении он ссылается на высокий уровень сложности, а при достижении успеха — на легкий. Такому спортсмену тренер должен оказать поддержку при успехе даже легкой задачи, также тренер должен указать спортсмену на самостоятельность, на личностные качества спортсмена, которые ему помогли в достижении успеха.

В любом случае, тренер на начальном этапе обязан рассказать о плюсах победы, дать спортсмену возможность раскрыть свои таланты, т.е. не требовать сразу победы. Еще один важный момент — это поддержание уровня мотивации успеха на протяжении всей спортивной деятельности. Тренеру следует понимать причины, по которому уровень может снижаться или повышаться, чтобы грамотно корректировать рабочий процесс.

Мотивация — это внутреннее побуждение к достижению цели [1]. Мотивация от стимула отличается именно тем, что побуждение происходит внутри. В то время как, стимул исходит извне и может являться побуждением для мотивации. Например, спортсмен мечтает о награде, и он представляет ее у себя в уме. Награда здесь является стимулом, а представление ее в уме — мотивацией. Без должной мотивации и стимуляции спортсмен не сможет грамотно выполнять указания тренера. Попросту, он не сможет тренироваться, чтобы стать мастером. Без мастерства, как известно, отличных результатов не добиться, по-

этому мотивировать спортсмена требуется. Стимулом для мотивации спортсмена являются соревнования. Известно, что при соревнованиях спортсмен старается достичь максимального результата. Помимо соревнований хорошей мотивацией для спортсмена является похвала тренером достижений спортсмена. Например, спортсмен улучшил свой персональный рекорд, а тренер поблагодарил его за грамотное исполнение и великолепный результат.

Таким образом, средства мотивации не ограничиваются похвалой и соревнованиями, для каждого они строго индивидуальны, и только при грамотном подборе тренером спортсмен достигает требуемого успеха.

В современной психологии существует мнение, что спортсмены, имеющие высокий уровень мотивации достижения успеха, имеют хорошо осознанные цели и не только стремятся достичь высоких результатов и утвердиться в роли лидера, но и обладают хорошо развитым чувством долга, ответственности перед тренером и товарищами по команде, что и является очень важными показателями для повышения результативности [3].

Важнейшую роль в понимании того, как человек будет выполнять ту или иную деятельность, особенно в том случае, когда рядом с ним кто-то еще занимается тем же самым делом, кроме мотива достижения играет социально-психологическая адаптация. Социально - психологическая адаптация — приспособление человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценки за счет присвоения норм и ценностей данного общества [3].

Таким образом, возможно, что при поступлении спортсмена в команду, в которой основная масса игроков показывает высокий уровень подготовленности, ведущим является стремление к самоутверждению и самовыражению и повышению социального статуса. Несмотря на то, что у большинства игроков, соответствующих общему понятию об успешности, такой переход осуществляется в довольно короткие сроки, у некоторых спортсменов он затягивается на довольно продолжительное время (этот процесс может быть обусловлен влиянием различных факторов). Что может приводить к дезадаптивным проявлениям и повлечь за собой снижение результативности, общего уровня спортивного мастерства и, конечно же, отразиться не только на профессиональной деятельности, но и повлиять на другие сферы жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения М., 2006.
2. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. - Мн.: Харвест, 1998. - 800 с., ISBN: 985-433-167-9.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – с. 394.
4. Серова Л. К. Психология личности спортсмена. - 2007- 116 с., ISBN: 978-5-9718-0240-2.
5. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мотивация>.

Е.Н. Яхудина, В.В. Лукина
**ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Данная статья посвящена изучению организационной культуры дошкольного учреждения. Рассматриваются типы организационной культуры, исследуется социально-психологический климат коллектива, анализируются личностные особенности руководителя коллектива.

Ключевые слова: организационная культура, коллектив, социально-психологический климат, руководитель, стиль руководства трудовым коллективом.

Каждая организация индивидуальна и имеет свою собственную организационную культуру, созданную в течении определенных лет. Ее изучение может помочь разрешить и предостеречь от возможных трудностей и разногласий в данном коллективе, а также показать руководителю все положительные и отрицательные стороны его работы. Изучение организационной культуры необходимо для благоприятного развития организации, это позволит определить способы воздействия на коллектив, что повышает их работоспособность, повысить ее конкурентоспособность, а также позволяет руководителю подобрать наиболее эффективный способ и стиль управления данной организацией. Руководитель является очень важным «звеном» в построении организационной культуры и поэтому изучение его личностных характеристик особо важно при изучении данного вопроса.

Целью данного исследования явилось изучение организационной культуры дошкольного государственного учреждения. Были поставлены следующие *задачи*:

- 1) Изучить особенности организационной культуры дошкольного учреждения.
- 2) Изучить психологический климат коллектива.
- 3) Изучить взаимосвязь психологических характеристик личности руководителя и стиля руководства трудовым коллективом.

Объектом данного исследования являются воспитатели и младшие воспитатели Муниципального образовательного учреждения «средняя образовательная школа «Лесколовский центр образования»»

Предметом данного исследования является организационная культура Муниципального образовательного учреждения «средняя образовательная школа «Лесколовский центр образования»»

Выборка исследования составила 30 человек, из которых 22 воспитателя и 8 младших воспитателей. Возраст воспитателей в диапазоне от 22 до 59 лет, возраст младших воспитателей от 19 до 57 лет. Выборка полностью состоит из женщин.

При изучении особенностей организационной культуры дошкольного учреждения, прежде всего, была определена доминирующая организационная культура и составлен профиль демонстрирующий процентное соотношение типов культуры в данной организации (рис. 1).

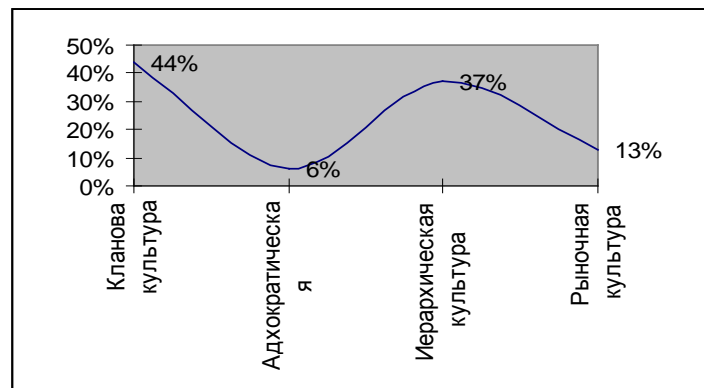

Рисунок 1 – Профиль процентного соотношения типов организационной культуры по К. Камерону и Р. Куинну.

Было выявлено, что 44% членов коллектива считают, что типом данной организации является клановая культура. Это характеризует место работы, как очень дружелюбное, где у людей много общего, организация похожа на семью, лидеры для них как родители. Организация держится вместе благодаря преданности и традициям. Поощряется бригадная работа, участие людей в бизнесе и согласии. Тогда как 37% членов коллектива считают, что типом данной организации является иерархическая культура. Данный профиль характеризует организацию как очень формализованное и структурированное место работы. Лидеры рационально мыслящие координаторы и организаторы, организацию объединяют формальные правила и официальная политика, долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности и показателей плавного хода рентабельного выполнения операций. Тип рыночной культуры выбрали для своей организации 13% членов коллектива. Для такой организации главной заботой является выполнение поставленной задачи, она ориентированна на результаты, люди целеустремленны и соперничают между собой, лидеры — твердые руководители и суровые конкуренты. Репутация и успех в организации с таким профилем является общей заботой, успех определяется увеличением рыночной доли. Стиль организации — жестко проводимая линия на конкурентоспособность. И остальные 6% членов коллектива считают, что для данной организации характерен адхократический тип культуры. В такой организации динамичное предпринимательское и творческое место работы, здесь люди готовы подставлять собственные шеи и идти на риск. Лидеры считаются новаторами и людьми, готовыми рисковать. Связующей сущностью организации является преданность экспериментированию и новаторству. Организация поощряет личную инициативу и свободу.

Полученные результаты исследования показали, что клановая культура организации имеет прямую корреляционную связь с такими личностными характеристиками руководителя как: избирательность ($r=0,43$, при $p<0,05$), требовательность ($r=0,37$, при $p<0,05$), критичность ($r=0,45$, при $p<0,05$) и действенность ($r=0,37$, при $p<0,05$), а также была выявлена прямая корреляционная связь данного типа организационной культуры с благоприятным психологическим климатом ($r=0,36$, при $p<0,05$).

Полученная связь между клановой организационной культурой и благоприятностью психологического климата коллектива могут быть связаны с тем, что клановая культура характеризуется как очень дружественное место работы, где коллектив похож на одну большую семью, именно поэтому в такой организации преобладает благоприятный климат в коллективе. Такие личностные характеристики как избирательность, требовательность, критичность и действенность, характеризуют руководителя, как человека способного глубоко и полно отражать психологические особенности коллектива, проявляющего требовательность в различных формах в зависимости от особенностей конкретной управленческой ситуации, он способен обнаружить и выразить значимые для деятельности отклонения от установленных норм. Также такой руководитель способен увлечь за собой людей, активизировать их деятельность, найти наилучшие средства эмоционально-волевых воздействий и правильно выбрать момент их применения. Данные качества руководителя являются очень значимыми для построения доверительных и теплых отношений в коллективе, позволяют быть руководителю наставником и сплотить членов коллектива, что и характеризует клановую организационную культуру.

В ходе исследования при помощи t-критерия Стьюдента сравнивались выборки: воспитатели и младшие воспитатели, члены коллектива, у которых стаж работы более 10 лет и менее 10 лет. Между ними не было найдено значимых различий по показателям организационной культуры коллектива. Это свидетельствует о том, что не зависимо от должности и стажа сотрудников, коллектив воспринимается одинаково.

По результатам исследования социально-психологического климата группы было выявлено, что всем членам коллектива нравится их работа (100%). 40% членов коллектива считают, что их коллеги хорошие, симпатичные люди, а 56% считают, что в коллективе «есть всякие люди». 93% членов коллектива характеризуют его как очень благоприятный, также преобладает атмосфера взаимопонимания и взаимного уважения (56%). 16% вполне бы устроило провести со всеми членами коллектива отпуск, 66% в случае ухода на пенсию или долгое время не работая, хотели бы встречаться со своими коллегами и даже отмечать с ними праздники. 23% на вопрос организованности работы, ответили, что, в общем не плохо, хотя есть возможность улучшения, 76% - затрудняются ответить на этот вопрос, а также 76% считают, что руководитель безусловно влияет на дела коллектива. (табл. 1)

Определение психологического климата группы, показало следующие результаты: 40% характеризуют коллектив как максимально благоприятный, 56% оценивают его как благоприятный, а 3% имеют нейтральное отношение к коллективу.

При изучении взаимосвязи психологического климата с личностными характеристиками коллектива и руководителя был проведен корреляционный анализ.

Результаты исследования показали, что благоприятность психологического климата имеет прямую корреляционную связь со стажем сотрудников ($r=0,37$, при $p<0,05$), а также бы выявлена обратная корреляционная связь между

стажем сотрудников, менее благоприятным психологическим климатом ($r=-0,46$, при $p<0,01$) и нейтральным отношением к коллективу ($r=-0,36$, при $p<0,05$).

Полученные связи можно объяснить тем, что чем больше стаж работы сотрудников, тем больше они привыкают к данному коллективу, больше ценят межличностные отношения и окружающих людей, что влияет на позитивное отношение к своим коллегам.

Таблица 1 – Результаты исследования социально-психологического климата

Характеристика	Процент коллектива согласных с утверждением
Мне нравится моя работа	100%
Мои коллеги хорошие, симпатичные люди	40%
В моем коллективе есть всякие люди	56%
Мне очень нравится мой коллектив	93%
В коллективе преобладает атмосфера взаимопонимания и взаимного уважения	56%
Меня бы вполне устроило провести отпуск с членами моего коллектива	16%
В случае ухода на пенсию или долгое время не работая, хотели бы встречаться со своими коллегами и даже отмечать с ними праздники	66%
Работа организована в общем не плохо, хотя есть возможность улучшения	23%
Руководитель безусловно влияет на дела коллектива	76%

Проведенное исследование показало, что максимально неблагоприятный и неблагоприятный психологический климат в коллективе имеют прямую корреляционную связь с попустительским стилем руководства трудовым коллективом ($r=0,47$, при $p<0,01$; $r=0,38$, при $p<0,05$), обратную корреляционную связь с такими психологическими характеристиками личности руководителя как определенность ($r=0,53$, при $p<0,01$; $r=0,47$, при $p<0,01$), осознанность ($r=0,38$, при $p<0,05$), действенность ($r=0,56$, при $p<0,001$; $r=0,53$, при $p<0,01$) и критичность ($r=0,45$, при $p<0,01$; $r=0,45$, при $p<0,01$).

Таблица 2. - Корреляционная связь между максимально неблагоприятным и неблагоприятным психологическим климатом в коллективе, попустительским стилем руководства трудовым коллективом и такими личностными характеристиками руководителя как определенность, осознанность, действенность и критичность.

Психологический климат	Попустительский стиль	Определенность	Осознанность	Действенность	Критичность
Мах неблагоприятный	0,47*	-0,53**	-0,38*	-0,56***	-0,45**
неблагоприятный	0,38**	-0,47**	-	-0,53**	-0,45**

Примечания:

1) условные обозначения: * - $p<0,05$; ** - $p<0,01$; *** - $p<0,001$

Данные связи объясняются тем, что во-первых, попустительский стиль руководства трудовым коллективом подразумевает снисходительность к работникам, отсутствие требовательности и строгой дисциплины, контроля, либеральность, панибратство с подчиненными, склонность перекладывать ответственность в принятии решений. «Жизнь» такого коллектива пускается на самотек и не контролируется, сотрудники не получают точных указаний, что может привести к конфликтам между ними, поэтому и психологический климат снижается. Во-вторых, руководитель обладающий высокими показателями таких характеристик личности как определенность, осознанность, критичность и ответственность, способен сплотить и организовать сотрудников, а тем самым создать благоприятный психологический климат внутри коллектива.

При сравнении двух выборок: воспитатели и младшие воспитатели, при помощи t-критерия Стьюдента были обнаружены значимые различия по показателям благоприятности психологического климата (табл. 3).

Таблица 3. - Различия между воспитателями и младшими воспитателями по благоприятности психологического климата коллектива.

Психологический климат	Воспитатели	Младшие воспитатели	t-критерий
Множественно благоприятный	6,4±1,35	2,5±0,77	t =2,83**
Менее благоприятный	1±0,34	4,37±0,56	t =5,11***
Не благоприятный	0,18±0,1	0,75±0,31	t =1,71*

Примечания:

1) значения в таблице представлены в виде $x+m$; где x – среднее значение по группе, m – средняя ошибка по группе.

2) условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$

Полученные различия свидетельствуют о том, что воспитатели рассматривают психологический климат в коллективе как более благоприятный, чем младшие воспитатели. Возможно, это связано с тем, что воспитателей объединяют такие мероприятия как открытые занятия, совещания, аттестация и многие другие организационные моменты, тем самым сплачивают их и способствуют их взаимовыручке. Младшие воспитатели в свою очередь заняты лишь своей деятельностью (уборка, помощь воспитателю), без необходимости взаимодействовать с другими сотрудниками.

Также сравнивались еще две выборки: сотрудники стаж работы которых более 10 лет и менее 10 лет и были выявлены значимые различия также по показателям благоприятности психологического климата (табл.4)

Данные различия, позволяют говорить о том, что благоприятность психологического климата зависит от стажа сотрудников, члены коллектива проработавшие в нем более 10 лет, считают его более благоприятным, чем проработавшие менее 10 лет. Это связано с тем, что коллектив для первой выборки со временем становится более близким, появляется почти родственное отношение к своим коллегам и тем самым позитивное отношение к психологическому климату в целом. Для второй же выборки необходимо время, чтобы адаптироваться в коллективе, привыкнуть к новым условиям труда в данной организации и ве-

роятно поэтому они не могут охарактеризовать психологический климат как максимально благоприятный.

Таблица 4. - Различия между членами коллектива стаж работы которых более 10 лет и менее 10 лет по благоприятности психологического климата коллектива.

Психологический климат	Менее 10 лет	Более 10 лет	t-критерий
Множественно благоприятный	3,5±1,26	7±1,17	t =2,01*
Менее благоприятный	3,14±0,6	0,81±0,35	t =3,29**
Нейтральное отношение	2,21±0,61	0,43±0,27	t =2,64**
неблагоприятный	0,64±0,22	0,06±0,06	t =2,48**

Примечания:

1) значения в таблице представлены в виде $x+m$; где x – среднее значение по группе, m – средняя ошибка по группе.

2) условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$

Также были проанализированы взаимосвязи психологических характеристик личности руководителя и стиля руководства трудовым коллективом. В ходе проведенного исследования, было выявлено, что 73% членов коллектива считают, что в стиле руководства трудовым коллективом преобладает директивный компонент. Это свидетельствует о том, что у руководителя преобладает ориентация на собственное мнение и оценки, он стремится к власти, уверен в себе, склонен к жесткой формальной дисциплине, поддерживает большую дистанцию с подчиненными, не желает признавать свои ошибки. Такой руководитель игнорирует инициативы и творческую активность людей, единолично принимает решения и осуществляет строгий контроль за действиями своих подчиненных. Остальная часть коллектива придерживаются мнения, что в стиле руководства трудовым коллективом преобладает коллегиальный компонент (27%), это характеризует руководителя как человека в котором требовательность и контроль сочетаются с инициативным и творческим подходом к выполняемой работе и сознательным соблюдением дисциплины. Он стремится делегировать полномочия и разделять ответственность, а также придерживается демократичности в принятии решения. (рис. 4)

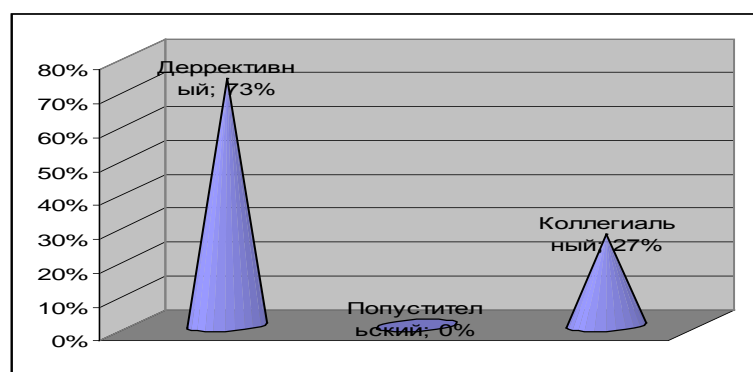

Рисунок 4 – Оценка стиля руководства трудовым коллективом.

Оценка психологических характеристик личности руководителя, выявила

в целом средний уровень пригодности к выполнению функций руководителя, т.е. руководитель раскрывает структуру интересов к различным аспектам своей деятельности, осознает цели организаторской деятельности, целеустремлен, способен увлечь за собой людей, активизировать их работу, готов брать на себя ответственность за свои и коллективные результаты. Но также был выявлен низкий уровень развития таких характеристик как избирательность, тактичность и критичность, что говорит о неспособности глубоко и полно отражать психологические особенности коллектива, нежелании соблюдать чувство меры и находить наилучшую форму взаимоотношений и неумении проявлять требовательность в различных формах в зависимости от особенностей конкретной управленческой ситуации. (рис.5)

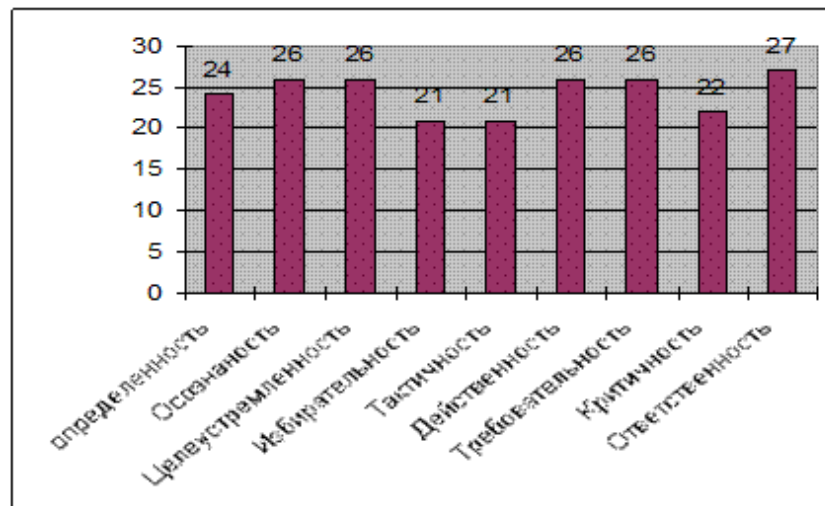

Рисунок 5 – Оценка психологических характеристик личности руководителя.

Из полученных результатов, можно предположить, что средний уровень пригодности к выполнению функций руководителя влечет за собой использование в стиле руководства директивного компонента.

В ходе исследования при помощи t-критерия Стьюдента сравнивались выборки: воспитатели и младшие воспитатели, члены коллектива стаж работы которых более 10 лет и менее 10 лет. Между ними не было найдено значимых различий по показателям оценки стиля руководства трудовым коллективом, что свидетельствует об одинаковом отношении к подчиненным со стороны руководителя в не зависимости от занимаемой должности или от стажа работы в данной организации.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

1. Доминирующей организационной культурой (44%) в данной организации является клановая культура, где коллектив воспринимается как «большая семья», а лидеры как родители.

2. Изучение психологического климата показало, что всем членам коллектива нравится их работа (100%), а 93% членов коллектива характеризуют его как очень благоприятный где преобладает атмосфера взаимопонимания и взаимного уважения (56%). Воспитатели рассматривают психологический кли-

мат в коллективе как более благоприятный, чем младшие воспитатели, а также психологический климат зависит от стажа сотрудников, члены коллектива проработавшие в нем более 10 лет, считают его более благоприятным, чем проработавшие менее 10 лет.

3. Изучение стиля руководства трудовым коллективом показало, что 73% членов коллектива считают, что в стиле руководства трудовым коллективом преобладает директивный компонент, где руководитель ориентируется на собственное мнение и он склонен к жесткой формальной дисциплине.

Список литературы:

1. Дж. Ньюстром, К. Девис. Организационное поведение. СПб.: Питер, 2000.
2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры - СПб.: Питер, 2001.
3. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Перевод с англ. под. ред. В.А. Спивака – СПб.: Питер, 2002 – 336 с.

РАЗДЕЛ 7

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.О. Ахмеджанова

ИЗУЧЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

Агрессивное поведение младших школьников с ЗПР это не просто тревожное явление, а весьма серьезная социальная, педагогическая и психологическая проблема. Негативизм, боязнь, агрессивность не способствуют развитию личности ребенка, поэтому каждый кто, занимается воспитанием и обучением такого ребенка, должен понимать, как важна своевременная коррекция его эмоциональной сферы.

Ключевые слова: агрессивное поведение, агрессивность, младшие школьники, задержка психического развития, враждебность, жестокость, демонстрация, протест, физическая и вербальная агрессия.

Характер агрессивного поведения во многом определяется возрастными особенностями. Каждый возрастной этап имеет специфическую ситуацию развития и выдвигает определенные требования к личности. Адаптация к возрастным требованиям нередко сопровождается различными проявлениями агрессивного поведения. Кризисные, переходные, периоды сопряжены с неудовлетворенностью своим положением, протестным поведением, капризностью и неуравновешенностью. Возрастные кризисы, сопровождаемые естественным ростом агрессивности, связаны с появлением новых потребностей, которые не удовлетворяются существующими отношениями и умениями. Так, если взрослые переживают кризисы каждые 7-10 лет, то у ребенка кризисные явления наблюдаются значительно чаще[1].

В целом возрастная динамика агрессии соответствует возрастным «кризам» в 3-4 года, 6-7 лет и пубертате. Можно заключить, что агрессивное поведение для детского и подросткового возраста – достаточно обычное явление. В норме оно освобождает от страха, помогает отстаивать свои интересы, защищает от внешней угрозы, способствует адаптации.

Агрессивное поведение младших школьников чаще всего выражается в формах враждебности, жестокости и демонстрации. Враждебность, согласно теории А. Басса, – более узкое по направленности состояние, всегда имеющее определенный объект. Часто враждебность и агрессивность сочетаются, но нередко люди могут находиться во враждебных и даже антагонистических отношениях, однако никакой агрессивности друг к другу не проявляют.

Под жестокостью как личностной чертой понимают стремление к причинению страданий, мучений людям или животным. Жестокость может быть преднамеренной и произвольной, реализующейся в определенных действиях, вербальном поведении или в воображении – фантазирование с картинками истязаний, мучений людей или животных.

Демонстрация – это показ возможности нападения, чтобы вызвать у про-

тивника страх, т. е. физическое противоборство заменяется психическими противостояниями. К. Лоренц утверждал, что хорошо оформленное агрессивное поведение – одно из замечательных созданий естественного отбора, и по существу оно гуманно. Обругать друг друга, пригрозить кулаком из-за какого-нибудь пустяка во много раз выгоднее для каждого и всех вместе, чем драться[5].

Младший школьник жаждет не просто внимания, но и понимания, доверия взрослых. Он стремится играть определенную социальную роль не только среди сверстников, но и среди старших. Во взрослом же сообществе утвердилась позиция, препятствующая развитию социальной активности младшего школьника – он ребенок и должен слушаться. В результате между взрослыми и детьми растет психологический барьер, преодолевая который многие школьники прибегают и к агрессивным формам поведения.

Поэтому агрессивность у детей формируется в основном как форма протеста против непонимания взрослых. Вместе с тем на развитие агрессивности влияют особенности темперамента ребенка, его возбудимость и сила эмоций. Естественно, что в состоянии фрустрации ребенок ищет выхода внутреннему напряжению, в том числе в драке. Для некоторых детей участие в драках, утверждение себя в глазах окружающих с помощью кулаков является устоявшейся линией поведения.

У младших школьников происходит переориентация с одних ценностей на другие. Дети стремятся занять новую социальную позицию, соответствующую их потребностям и возможностям. При этом социальное признание, одобрение, принятие в мире взрослых и сверстников становится жизненно необходимым. Часто истоки агрессивности младшего школьника лежат в семье, отношениях ее членов и в меньшей мере в коллизиях со сверстниками, учителями[6].

У детей в возрасте от 3-х до 11 лет агрессивные акты представляют собой ответные реакции на нападение противоположной стороны. С возрастом происходит смена форм агрессии: частота простого физического нападения уменьшается за счет роста более социализированных форм, таких как оскорбление или соперничество. У дошкольников и младших школьников соотношение форм выражения агрессии противоположно: у мальчиков преобладает физическая агрессия, в то время как у девочек – вербальная[8].

Становление агрессивного поведения ребенка может происходить под влиянием самых разнообразных факторов. Это могут быть определенные индивидуальные, внешние (жара, шум, теснота и т. д.), а также социальные факторы. Особые причины формирования агрессивной модели поведения выделяются в отношении детей с нарушениями психического развития. На проявление агрессивности у таких детей влияют отклонения со стороны нервной системы, несоответствующее возрастной норме развитие произвольной сферы в семьях с агрессивной моделью поведения. Все эти причины, как правило, приводят к закреплению агрессивных действий ребенка, которые могут перерасти в устойчивую личностную черту.

Наряду с общими особенностями проявления агрессии в поведении детей

с ЗПР и с нормальным темпом развития, В.В. Кисова, И.А. Конева, выделяют специфические особенности агрессии у младших школьников с ЗПР[3]:

1)повышенная ситуативная зависимость агрессивных проявлений в силу сниженных адаптивных возможностей детей с ЗПР;

2)ригидность аффективных состояний и длительность их последствий, что зачастую является причиной социальной неадекватности и дезадаптации детей с ЗПР;

3)преобладание в поведении физической агрессии, как возможное отражение алекситимии.

Некоторые дети проявляют агрессию, которая чаще всего возникает при смене привычных обстоятельств, например при появлении новых учителей, при смене привычных требований в организации деятельности на занятиях или при изменении режима.

Поверхностность привязанностей, легкая присыщаемость, эмоциональная возбудимость и лабильность, частная смена настроений, проявления аффекта приводят к сложностям в общении со сверстниками и взрослыми. Негативизм, боязнь, агрессивность не способствуют развитию личности ребенка с ЗПР, поэтому каждый кто, занимается воспитанием и обучением такого ребенка, понимает, как важна своевременная коррекция его эмоциональной сферы[7].

В младшем школьном возрасте инициатором агрессии являются уже не отдельные личности, а группировки ребят, агрессивное поведение становится более организованным. По словам Г.Э. Бреслав, особо следует отметить, что для детей с коммуникативными нарушениями (шизоидных, сензитивных, тревожных и пр.) группа может быть фантазийной. Не имея возможностей и навыков общения для того, чтобы влиться в реальную группу, они придумывают себе воображаемых товарищей. Это могут быть герои книг, мультипликационных и игровых фильмов, телесериалов и пр. Ребята с помощью идентификации стараются подражать поведению любимых героев. Это нередко диктует их агрессивное поведение, которое кажется окружающим не вполне адекватным, тем более что обычно такие дети замкнуты и своими фантазиями ни с кем не делятся. Вот почему весьма небезопасны некоторые наши фильмы и сериалы, прославляющие агрессивность[2].

Агрессивные тенденции у детей с ЗПР (желание драться, грубить) проявляются в четыре раза чаще, чем у нормально развивающихся учеников. Причиной отклонений могут являться проблемы семейного воспитания[7].

С целью изучения агрессивного поведения младших школьников с ЗПР было проведено исследование, в котором принимали участие учащиеся третьего специального коррекционного класса в количестве 11 человек с диагнозом задержка психического развития. Изучение агрессивного поведения проводилось по методикам «Тест Руки», «Кактус», «Карта наблюдения Стотта».

В результате проведенной диагностики по методике «Тест руки» проявляется высокий уровень агрессивного поведения в 100% случаях, об этом свидетельствует большое количество ответов категорий: активность, агрессивность. Например, «хватает», «бьет по мячу», «бросает», «бьет», «толкает», «душит», «лупит», «злится», «в лоб (зубы) дает», «отталкивает», «набрасывает».

ся», «кулаком в лицо», «сжат кулак», «оскорбляет». По методике «Кактус» высокий уровень агрессивности имеют 27,3% респондентов, средний 54,5%, низкий 18,2%. Учащиеся с высоким и средним уровнем агрессивности изображают кактус с сильно торчащими, длинными, близко расположенными друг к другу иголками. По методике «Карта наблюдения Д. Стотта» были выявлены следующие результаты: высокие в 18,2% случаев, что характеризуется преобладанием плохого настроения, ребенок часто чем-то недоволен, негативно относится к замечаниям, агрессивен, средние в 72,7% случаев, что характеризует переменчивость настроения, ребенок мешает другим детям, обижает более слабых, низкие в 9,1% случаев, что говорит об отсутствии видимых признаков агрессии.

Проанализировав полученные результаты, можно вывести общую картину агрессивного поведения у младших школьников с ЗПР, высокий уровень – 45,4%, средний – 42,4%, низкий – 12,2% детей, что связано с их особенностями развития. Агрессивное поведение проявляется в нетерпеливости детей, переменчивости в поведении, порче общественной и личной собственности, негативном отношении к замечаниям, несоблюдении дисциплины. Такой ребенок мешает другим детям в играх, посмеивается над ними, любит их пугать, в вербальной агрессии с взрослыми, а также физической и вербальной агрессии со сверстниками.

Таким образом, можно выявить следующие возрастные особенности агрессивного поведения младших школьников с ЗПР: враждебность, демонстрация; жестокость; протест против непонимания взрослых; агрессия проявляется к более слабым сверстникам в форме насмешек, ругательств, драк.

Список литературы:

1. Агрессия у детей и подростков: Учебное пособие / Под ред. Платоновой Н. М. – СПб.: Речь, 2006. – 336 с.
2. Бреслав, Г. Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности/ Г. Э. Бреслав. - СПб.: Речь, 2004. – 144 с.
3. Кисова, В. В., Конева, И. А. Практикум по специальной психологии / В. В. Кисова, И. А. Конева. – СПб.: Речь, 2006. – 352 с.
4. Колосова, С. Л. Детская агрессия/С. Л. Колосова. – СПб.: Питер, 2004.– 224с.
5. Лоренц, К. Агрессия/ К. Лоренц.- М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - 272 с.
6. Основы специальной психологии/ Л. В. Кузнецова, Л. И. Переслени, Л. И. Солнцева и др.; Под ред. Л. В. Кузнецовой. – 2-е издание. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 480 с.
7. Психология детей с задержкой психического развития. Хрестоматия. Составитель: О.В. Защирина. – СПб.: Речь, 2004. – 432 с.
8. Ульenkova, У.В., Лебедева, О.В. Организация и содержание специальной психологической помощи детям с проблемами в развитии/ У. В. Ульenkova, О. В. Лебедева.– М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 176 с.

Н.В. Капитоненко

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ

В статье приводятся результаты сравнительного исследования некоторых особенностей эмоциональной сферы у дошкольников с нарушениями развития. Изучение детей с задержкой психического развития, детей с аутизмом и эмоционально неблагополучных дошкольников в сравнении с нормально развивающимися сверстниками позволило обозначить как общие для этих групп характеристики эмоциональных проявлений, так и специфические для каждой группы особенности.

Ключевые слова: задержка психического развития, эмоционально неблагополучные дети, ранний детский аутизм, эмоциональные отношения, эмоциональная децентрация, эмоциональное воображение, идентификация эмоций.

Общей чертой поведения у детей с различными нарушениями развития выступает недостаточность регуляции эмоционального поведения. Именно неадекватность эмоциональных проявлений зачастую становится препятствием для взаимодействия с другими людьми и обуславливает дефицитарность социализации проблемного ребенка. Выявление особенностей эмоциональной сферы детей с различными отклонениями в развитии является необходимым условием построения эффективных коррекционных программ и организации специальных условий обучения и воспитания. Особое значение эта проблема имеет в случае вариантов дизонтогенеза, в структуре которых дефицит эмоциональной сферы занимает определяющее место.

Целью данного исследования было выявление некоторых особенностей эмоциональной сферы у детей 6-7 лет с задержкой психического развития и детским аутизмом, а также эмоционально неблагополучных дошкольников по сравнению с нормально развивающимися сверстниками.

Исследование проводилось на базе ДОУ № 355 и № 857, № 1882, ЦПМСС «Феникс» и ЦПМССДиП ЮВАО г. Москвы, а также первых классов СОШ № 21 г. Подольска. Всего в исследовании приняли участие 160 детей 6-7 лет. В контрольную группу вошли 40 детей без выраженных интеллектуальных, эмоциональных, поведенческих отклонений и сложностей адаптации к образовательному учреждению. Первую экспериментальную группу составили 40 детей с диагностированными эмоциональными расстройствами, имеющие нарушения эмоционального поведения при отсутствии выраженных отклонений в умственном развитии (мы их назвали «эмоционально неблагополучные»). Вторая группа состояла из 40 ребят с ЗПР преимущественно церебрально-органического генеза. В третью экспериментальную группу были включены 40 детей, имеющих в анамнезе диагноз «ранний детский аутизм» в легкой форме (по классификации О.С. Никольской они были отнесены к 4 группе РДА).

В качестве основных критериев для оценки эмоциональной сферы у старших дошкольников мы выбрали следующие характеристики: степень и качество дифференциации эмоциональных переживаний, качество эмоционального отношения к разным сторонам действительности, уровень эмоциональной

децентрации, сформированность механизма эмоционального воображения.

Эксперимент включал четыре серии, каждая из которых имела свою целевую направленность. В первой серии исследовалась способность определить эмоциональные состояния человека (удовольствия, радости, спокойствия, удивления, гнева, страха) по экспрессии лица на реалистических и схематических изображениях. От ребенка требовалось охарактеризовать демонстрируемое эмоциональное состояние. Во всех остальных сериях с помощью схематических изображений нужно было подобрать эмоциональное состояние героям каждой сюжетной картинки.

Вторая серия выявляла качества ценностно-эмоциональных отношений к разным сторонам жизни детей, представленных на 15 цветных картинках, которые отражали: 1) взаимодействия с взрослыми людьми; 2) взаимодействия со сверстниками; 3) явления окружающего мира; 4) актуальные для дошкольников виды деятельности; 5) внутреннюю жизнь ребенка (состояния, чувства). Предполагалось, что свойства эмоций, приписываемых персонажам ситуаций отдельной сферы, характеризуют эмоциональное к ней отношение.

В третьей серии изучалась способность к эмоциональной децентрации, проявлением которой считается адекватная оценка переживаний нескольких лиц в эмоционально насыщенной ситуации. Стимульным материалом для этой серии служили 3 сюжетные картинки, отражающие хорошо знакомую для каждого ребенка ситуацию, ситуацию условно типичную для жизни дошкольника и ситуацию с маловероятным сюжетом. На каждой картинке изображены 4 персонажа, их лица не прорисованы.

Четвёртая серия выявляла специфику эмоционального воображения как способности определить вероятное состояние персонажа при разворачивающихся событиях. Испытуемым поочередно предъявлялись 4 последовательно из 3 сюжетных картинок, затем предлагалось по каждой составить рассказ и охарактеризовать переживания главных персонажей.

Во всех заданиях правильным ответом считался такой, при котором ребёнок верно интерпретировал смысл изображённой ситуации и подбирал соответствующее изображение эмоции для ее героев. Каждый ответ оценивался в соответствии с тремя выделенными уровнями (высокий, средний и низкий).

Обработка полученных результатов осуществлялась с использованием статистических пакетов SPSS v 14.0 и Statistica v 3.5.0.6 для Windows PC.

Показатели успешности идентификации эмоций в виде реалистического и схематического изображений у детей экспериментальных групп оказались ожидаемо ниже, чем в контрольной группе. Более низкий результат выявлен у детей с ЗПР и с аутизмом (различия показателей этих групп и нормально развивающихся детей достоверны при $p \leq 0.01$). Результаты же эмоционально неблагополучных детей в целом близки к результатам контрольной группы. Подобное сходство наблюдалось при анализе результатов всех экспериментальных серий.

Нормально развивающиеся дети (как и эмоционально неблагополучные) успешно опознают в среднем 5 эмоций: печали, радости, удовольствия, гнева и страха. Дети с ЗПР и дети с РДА в среднем определяют 4 эмоции, допуская при

этом ошибки дифференциации эмоций. Ребята контрольной группы и эмоционально неблагополучные дети довольно точно определяют содержание переживания («грустное», «радостное», «рассерженное»). Среди детей с ЗПР и аутизмом преобладают ответы с адекватной характеристикой лишь по модальности («плохое», «хорошее»).

При изучении эмоциональных отношений обнаружилось, что нормально развивающиеся дети верно понимают смысл стимульных ситуаций и адекватно оценивают переживания их персонажей. Несмотря на некоторую неточность интерпретации, они хорошо ориентируются в ситуациях «Внутренняя жизнь ребенка», «Деятельность ребенка», «Взаимодействия со сверстниками», «Взаимодействия с взрослыми» и характеризуют их при помощи состояний удовольствия, радости, спокойствия и удивления. Результаты этой группы свидетельствуют о наличии относительно устойчивой системы эмоциональных отношений этой группы дошкольников.

Результаты эмоционально неблагополучных детей близки к показателям контрольной группы, но лишь в половине случаев характеристики состояний их героев оказываются адекватными. Дети этой группы часто придают выраженный отрицательный смысл ситуации, не имеющей такого подтекста, и соответственно оценивают эмоции ее персонажей. Для этого они используют изображения страха, гнева и печали. Более успешно ими интерпретировались ситуации, отражающие внутреннюю жизнь ребенка. И в этой группе наблюдается относительно сложившаяся система эмоциональных отношений.

Дети с ЗПР и аутизмом успешно описывают около половины предъявленных картинок. Но характеристика состояния героев в 70% случаев дается без учета содержания ситуации, а иногда и вопреки его верной оценке. Дети с ЗПР часто объясняют переживание персонажа причиной, не присутствующей на стимульной картинке. Они успешнее опознают ситуации, связанные с актуальными для дошкольника видами деятельности, и предпочитают приписывать их героям состояния удовольствия и радости. Дети с РДА для характеристики переживаний персонажей чаще, чем в других группах, используют изображения печали и страха. В этих двух группах дошкольников отмечается отсутствие устойчивой дифференцированной системы эмоциональных отношений, что в большей степени характерно для аутичных детей.

Для нормально развивающихся ребят характерны высокий и средний уровни эмоциональной децентрации. При предъявлении хорошо знакомой по опыту ситуации 65% детей верно оценивают ее ключевые признаки, причины поведения персонажей и их эмоциональное состояние. При интерпретации условно знакомой и никогда не наблюдаемой ситуаций дети этой группы допускают неточности и дают ответы среднего уровня (50-60% детей). Эмоционально неблагополучные дети осуществляют децентрацию в основном на среднем уровне (51-70% случаев в зависимости от ситуации). При оценке малознакомой ситуации число ответов низкого уровня растет.

В группе детей с ЗПР распространены ответы среднего и низкого уровня вне зависимости от характера ситуации. Дети этой группы чаще всего интерпретируют эмоциональное состояние персонажей без учета его реальных при-

чин, опираясь на малозначимые детали ситуации. В группе детей с аутизмом при предъявлении хорошо знакомой ситуации отмечаются ответы среднего уровня (65%), а в более сложных ситуациях – по большей части низкого уровня (до 70%).

Исследование эмоционального воображения показало, для нормально развивающихся и эмоционально неблагополучных детей характерно относительно точное понимание вероятной эмоции персонажа (либо ее модальность) при учете основных обстоятельств разворачивающейся ситуации. Однако эмоционально неблагополучные дети чаще негативно оценивают переживания героев.

Дети с ЗПР, понимая общий смысл развивающихся событий и причины поведения персонажей, могут определить только модальность вероятного переживания. Дети с РДА интерпретируют сюжет последовательностей на основе второстепенных, несущественных признаков и соответственно неадекватно оценивают состояние героев. Эти особенности, очевидно, свидетельствуют о незрелости механизма эмоционального воображения.

Подводя итоги проведенного эмпирического исследования, можно констатировать, что у детей с отклонениями обнаруживаются признаки нормативно-возрастного развития эмоциональной сферы (сложности опознания нейтральных эмоций, успешность эмоциональной децентрации в зависимости от характера ситуации). Кроме того, выявлены и специфические для каждой группы эмоциональные черты: преимущественно негативная оценка событий эмоционально неблагополучными детьми, низкая дифференцированность переживаний и склонность интерпретировать чувства другого человека без учета его причин при ЗПР, несформированность устойчивой системы эмоциональных отношений и трудности определения эмоционального подтекста развивающейся ситуации при аутизме.

Полученные нами данные о специфических особенностях эмоциональной сферы у детей с нарушениями развития могут стать основой для разработки особых для каждой группы путей и приемов коррекционно-развивающей работы.

С.В. Мурафа

ПРОДУКТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ МНЕМИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 7-12 ЛЕТ С ЗПР

Представлены результаты исследования особенностей развития мнемических способностей детей 7-12 лет с ЗПР. С помощью метода развертывания мнемической деятельности выявлено, что структура мнемических способностей детей 7-12 лет с ЗПР отличается недоразвитостью, в которой почти отсутствуют операционные механизмы. Память работает за счет функциональных механизмов. При этом часть детей отличается определенной недоразвитостью перцептивных способностей и attentionных способностей. Операционные механизмы мнемических способностей 7-12 летних школьников с ЗПР находятся на ранних стадиях своего формирования.

Ключевые слова: задержка психического развития, мнемические способности, функциональные, операционные, регулирующие механизмы.

Проблема оказания помощи младшим школьникам с ЗПР (задержка психического развития) многие годы является актуальной в педагогике и психологии, т.к. теснейшим образом связана с проблемой школьной неуспеваемости. Число учеников начальных классов, испытывающих стойкие затруднения в обучении, составляет от 5 до 11%. Эти дети стали объектом изучения дефектологов, психологов, педагогов, врачей [2].

Понимание внутреннего процесса развития и правильное определение того, что находится в процессе созревания, дает педагогу и психологу определение зоны ближайшего развития: «зона ближайшего развития имеет более непосредственное значение для динамики интеллектуального развития и успешности, чем актуальный уровень развития» [1]. Возникающие затруднения в учебе в ряде случаев могут быть вызваны недостаточной сформированностью отдельных функциональных систем психики, недостаточной «зрелостью» психических процессов, отличающихся от характерной для данного возрастного периода [8].

Неравномерность развития ВПФ, свойственная норме, в еще большей степени выражена у детей с ЗПР. Исследования психологов (Лебединская К.С., 1975г.; Манелис Н.Г., 2001г.; Марковская И.Ф., 1993) показывают, что наряду с эмоционально-волевой и личностной незрелостью у таких детей отмечается и несформированность отдельных ВПФ, особенно функций программирования и контроля и левополушарных гностических функций [3,6,7]. При этом современные исследования (Манелис Н.Г., 2001г.) подтверждают точку зрения Л.С. Выготского о том, что закономерности психического развития в норме в условиях задержанного развития сходны [5].

Актуальность исследования: в процессе развития памяти в младшем школьном возрасте способность к запечатлению информации становится основой формирования способностей школьника запоминать разнообразный материал. Появление в структуре мнемических способностей операционных и регулирующих механизмов определяет успешность освоения детьми учебной информации [9].

Отклонения в развитии памяти являются характерными признаками для всех форм ЗПР. При благоприятном развитии перцептивных и мыслительных функций, коррекции памяти, к концу обучения в начальной школе возможен прогресс в изменении строения и эффективности мнемических способностей детей с ЗПР [5]. Знание особенностей и возможностей детей с различными недостатками развития дает педагогу и школьному психологу средства для коррекции недостатков в условиях обычной школы и помогает избежать непоправимых ошибок в определении пути обучения ребенка, которые иногда губительно сказываются на всей его жизни [4].

Целью данного исследования явилось экспериментальное изучение мнемических способностей младших школьников с ЗПР.

Гипотеза исследования: в структуре мнемических способностей детей с ЗПР преобладают функциональные механизмы, при этом наблюдается недоразвитие операционных и регулирующих механизмов.

Для оценки проявления мнемических способностей применялся метод развертывания мнемической деятельности В.Д. Шадрикова, Л.В. Черемошкиной [9,10] и методика диагностики мнемических способностей, разработанная Л.В. Черемошкиной [9,10]. С помощью метода развертывания мнемической деятельности оценивались два показателя: 1) продуктивность запоминания с опорой на функциональные механизмы (ФМ), для чего использовалась карточка №2; 2) эффективность запоминания благодаря функциональным и операционным механизмам (ФМ и ОМ), для этого использовалась карточка №3. В качестве показателей рассматривалось время запоминания (t запоминания) карточек №2, №3.

Испытуемыми были учащиеся 1-4 классов в возрасте 7-8 лет (25 человек), 9 лет (29 человек), 10-12 лет (46 человек) школ Орехово-Зуевского района. Общее число выборки 100 человек. Диагноз задержка психического развития был поставлен Психолого-медико-педагогической комиссией Орехово-Зуевского района. Согласно этим данным, ЗПР у обследованных детей имеет церебрально-органическую или множественную этиологию. Наряду с задержкой развития, у большинства детей имелось негрубое недоразвитие речи. Дети обучались по специальной коррекционной программе. Специального отбора по успеваемости не проводилось. В данном исследовании мы ставили задачу исследовать детей в одинаковой для них социальной ситуации развития.

Результаты исследования показали, что справились с первым заданием (карточка №2) 71% испытуемых (от всей выборки), 29% испытуемых не смогли правильно воспроизвести простой невербальный материал. Из группы участников, справившихся с карточкой №2, смогли воспроизвести карточку №3 только 6% детей в возрасте 9-12 лет.

Таблица 1. - Продуктивность мнемических способностей испытуемых 7-12 лет с ЗПР

Испытуемые (возраст)	Время запоминания испытуемыми простого невербального материала (среднее в сек.)	% выполнения (в своей возрастной группе)	Оценка результата
7-8 лет	26	56	Средняя продуктивность
9 лет	27	66	Средняя продуктивность
10-12 лет	28	78	Средняя продуктивность
Среднее значение (7-12 лет)	27	69	Средняя продуктивность

Результаты запоминания простого невербального бессмысленного материала и количество справившихся с этим заданием в каждой возрастной группе представлены в таблице 1.

На основании качественно-количественного анализа результатов запоминания испытуемыми 7-12 лет карточки №2 было выделено 6 групп (по времени

запоминания простого невербального материала). Данные результаты представлены в таблице 2.

1 группа. Испытуемые имеют очень высокую продуктивность функциональных механизмов. Обдуманного, осознанного процесса запоминания не наблюдается, испытуемые затруднялись объяснить то, каким образом они выполняли задание: «Запомнил и все».

Таблица 2 - Продуктивность мнемических способностей испытуемых 7-12 лет с ЗПР по группам

Испытуемые	Время запоминания простого невербального материала (среднее, сек.)			% выполнения (в своей возрастной группе)			Оценка результата (продуктивность ФМ)		
	7-8 лет	9 лет	10-12 лет	7-8 лет	9 лет	10-12 лет	7-8 лет	9 лет	10-12 лет
1 группа (t зап.1-5 сек.)	2	4	5	7	11	6	очень высокая	очень высокая	очень высокая
2 группа (t зап.6-10 сек)	8	9	8	29	21	11	высокая	высокая	высокая
3 группа (t зап.12-20с.)	14	12	16	14	5	22	выше среднего	выше среднего	выше среднего
4 группа (t зап.22-30 с.)	24	24	26	7	21	14	средняя	средняя	средняя
5 группа (t зап.33-45 с.)	43	40	38	29	26	36	ниже среднего	ниже среднего	ниже среднего
6 группа (t зап.48-60с.)	50	52	53	14	16	11	низкая	низкая	низкая

2 группа. Испытуемые имеют высокую продуктивность функциональных механизмов и развитые операционные механизмы. Представлена способность к рефлексии собственных действий. Они точно указывают, когда именно начали выполнять какие-либо действия. Представители данной группы пытались упростить, схематизировать образ запоминаемого стимула.

3 группа. Продуктивность функциональных механизмов выше среднего. Операционные механизмы реализуются на перцептивном уровне. Испытуемые не планируют и слабо контролируют процесс запоминания.

4 группа. Продуктивность функциональных механизмов средняя и слабо развитые операционные механизмы. Запоминание характеризуется развернутостью. Рефлексия развита слабо. Информация скорее механически запоминается, нежели обрабатывается.

5 группа. Продуктивность функциональных механизмов ниже среднего,

операционные механизмы неразвиты, отсутствуют регулирующие механизмы. Результат зависит от внимательности и сосредоточенности в момент испытания.

б группа. Уровень продуктивности функциональных механизмов низкий. Результат достигнут благодаря механическому запоминанию с помощью повторений. Целенаправленная, осознанная обработка запоминаемого материала отсутствует.

Опираясь на критерий правильности воспроизведения стимульного материала, предложенные Л.В. Черемошкиной [9], мы проанализировали ошибки, допущенные испытуемыми при воспроизведении стимула в ходе исследования. Результаты анализа показали, что наиболее распространенными являются ошибки двух типов:

1. Несоответствие оригиналу количества и характера пересечений линий. Они были менее распространенными и заключались в значительном уменьшении воспроизводимых испытуемыми рисунков по сравнению с оригиналом, причем уменьшенное изображение могло располагаться в центре или быть сдвинутым к одному из углов листка. Можно считать, что ошибки второго типа иногда сочетались с несоответствием оригиналу ориентации изображения на плоскости.

2. Характер пересечений линий и несоответствие оригиналу пропорций рисунка.

В ходе обработки полученных результатов установлено, что испытуемые (80%) не способны предоставить более или менее содержательный самоотчет об особенностях протекания своих мнемических процессов. Они не умеют использовать мнемические приемы (например, классификацию материала), не могут и не стремятся контролировать свои действия в процессе запоминания.

Вывод: в результате проведенного исследования можно говорить о том, что структура мнемических способностей детей 7-12 лет с ЗПР отличается специфичностью, в которой почти отсутствуют, или находятся на ранних стадиях своего формирования операционные механизмы (способы обработки материала). При этом часть детей отличается определенной недоразвитостью перцептивных и аттенционных способностей. В структуре мнемических способностей детей 7-12 лет с задержкой психического развития преобладают функциональные механизмы. Данная группа испытуемых находится на переходном этапе (от первого ко второму) развития мнемических способностей. Полученные нами результаты исследования мнемических способностей детей с ЗПР предполагают возможность развития и коррекции их памяти.

Список литературы:

1. Выготский, Л.С. Педагогическая психология. Москва -1991.
2. Защиринская О.В. Психология детей с задержкой психического развития. С-П. Речь - 2004.
3. Лебединская К.С. Клинические варианты задержки психического развития. Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова С.С. №3. Москва - 1980.
4. Лубовский, В.И. Специальная психология. Москва: Академия. - 2007.
5. Мамайчук И.И., Ильина М.Н. Помощь психолога ребенку с задержкой психического С-П. Речь - 2004.

6. Манелис, Н.Г. Хрестоматия по нейропсихологии: под редакцией Хомской Е.Д. Москва: Московский психолого-социальный институт - 2004.
7. Марковская, И.Ф. Задержка психического развития: Клиническая и нейропсихологическая диагностика. Москва-1993.
8. Микадзе, Ю.В., Корсакова Н.К. Нейропсихологическая диагностика и коррекция младших школьников в связи с неуспеваемостью в школе. Москва: Знание - 1994.
9. Черемошкина Л.В. Психология памяти М. Аспект Пресс - 2009
10. Шадриков В.Д., Черемошкина Л.В. Мнемические способности: развитие и диагностика М. Педагогика - 1990.

Н.Н. Шешукова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье раскрываются особенности психологического сопровождения личностного развития младших подростков с задержкой психического развития в условиях образовательного учреждения. Определено, что комплексные рекомендации по сопровождению дифференцированно могут осуществлять психолог, родители, учителя.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, дети и подростки с задержкой психического развития, межличностные отношения, личностное развитие, школьные условия развития.

Сегодня в условиях общеобразовательной школы обучаются дети, имеющие те или иные проблемы интеллектуально-личностного развития. Большую часть среди этих детей занимает категория детей с задержкой психического развития (ЗПР). Исследования показывают, что эффективность их обучения и развития во многом зависит от организации дифференцированной помощи им.

Изучая особенности развития межличностных отношений со сверстниками младших подростков с задержкой психического развития, обучающихся как в специальной (коррекционной), так и в общеобразовательной школе (в классах коррекционно-развивающей направленности, в классах с совместным обучением с нормально развивающимися сверстниками), было установлено, что: отношения подростков, обучающихся совместно с нормально развивающимися сверстниками, характеризуются более яркой выраженностью неблагополучия, а в условиях специальной (коррекционной) школы констатируется более благоприятный их характер; условия обучения, существующие в общеобразовательной школе в классах с совместным обучением подростков с ЗПР с ННР в большей степени, чем в классах VII вида (классах коррекционно-развивающей направленности) и особенно в специальной (коррекционной) школе, способствуют усугублению дефектов их развития в сфере межличностных отношений со сверстниками.

В целом, результаты нашего исследования показали, что подростки с ЗПР имеют потенциальные возможности к личностному развитию и в общеобразо-

вательной школе в смешанных по составу классах можно целенаправленно и квалифицированно способствовать изменению в позитивную сторону сферы межличностных отношений подростков и приблизить их к норме развития, но этим надо специально заниматься.

Опираясь на теоретико-методологические позиции отечественной специальной психологии и на полученные нами экспериментальные данные изучения подростков с ЗПР в разных психолого-педагогических условиях обучения и развития в школе, мы разработали некоторые рекомендации по коррегированию межличностных отношений со сверстниками младших подростков с ЗПР по двум основным направлениям:

- 1). Развитие коммуникативно-адаптивных возможностей подростка.
- 2). Гуманизация социальной сферы.

Их должны осуществлять психолог, семья, учителя.

Психолог должен изучать подростков с ЗПР, оказывать им помощь в организации жизни класса через межличностные отношения, направлять работу учителей, родителей.

I. Для развития коммуникативно-адаптивных механизмов личности в работе психолога с подростками с ЗПР можно рекомендовать следующие направления работы, которые одновременно могут быть и задачами коррекционно-развивающей работы:

- глубокое и всестороннее психолого-педагогическое изучение личности ребёнка с ЗПР;
- совместно с медицинским персоналом школы обеспечить систематическую реабилитацию психического здоровья подростков с ЗПР с целью снятия аффективных состояний, повышенной возбудимости;
- формировать позитивное отношение к сверстнику;
- обучать умению конструктивно организовывать и поддерживать общение со сверстниками и окружающими взрослыми;
- развивать социальный интеллект школьника, то есть учить правильно воспринимать и понимать окружающих, сопереживать другому, адекватно оценивать себя;
- обучать агрессивных подростков навыкам бесконфликтного общения, а также терпимости к компромиссу;
- развивать у замкнутых детей вкус к общению, инициативу и потребность в нём;
- развивать мышление подростков, так как восприятие и понимание другого человека всегда зависит от уровня развития интеллекта. Поэтому коррекцию межличностных отношений нужно вести параллельно с коррекцией мышления.

Нам представляется возможной организация в младших школьных и младших подростковых классах (особенно в классах VII вида) групп продлённого дня, в режим работы которых могли бы быть включены коррекционно-развивающие занятия (общегрупповые, подгрупповые, индивидуальные), проводимые школьным психологом.

Указанные направления коррекционно-развивающей работы можно реа-

лизовывать через различные группы общения, психотренинги.

Мы считаем наиболее целесообразным для развития и коррекции межличностных отношений именно групповые формы работы, так как коррекционный эффект достигается не только благодаря работе психолога, но и внутригрупповым процессам. Основная форма проведения психотренингов с детьми с ЗПР - практическая работа, во время которой осваиваются и отрабатываются конкретные навыки эффективного взаимодействия. В работе можно использовать такие методические формы тренинга, как ролевая игра, диалоговые методы, методы проективного рисования, психогимнастика и др.

Использование именно этих методических средств, методов мы считаем целесообразным потому, что они включают в себя процедуры анализа конкретных ситуаций межличностного и социального взаимодействия, познание и понимание людьми других, самоанализа (рефлексии), проектирования действий, поведения, прогнозирования последствий, осознание вариантов эффективных/неэффективных действий. В этих процедурах заключены механизмы социального познания, механизмы, способствующие неординарности, нестандартности мышления, обоснованию своих позиций, развитию умений выслушать иную точку зрения, сотрудничать, проявляя при этом доброжелательность и толерантность по отношению к субъектам взаимодействия.

Коррекция (оптимизация) межличностных отношений должна происходить через внедрение в занятия следующих содержательных компонентов:

1. информационно-познавательного;
2. личностно-рефлексивного;
3. поведенческого.

Содержание этих компонентов должно быть подчинено задачам коррекционно-развивающей работы психолога с подростками.

II. Для гуманизации социально-педагогической среды в работе психолога с педагогическим коллективом могут быть определены следующие направления, которые можно реализовывать через решение следующих конкретных задач:

- повышение качества профессиональной (теоретической и практической) подготовки учителя в области возрастной, педагогической, специальной психологии;
- оказание психокоррекционной помощи учителям в снятии отрицательного эмоционального фона настроения, связанного со спецификой их профессиональной деятельности;
- оказание помощи в коррекции личностных проблем учителей;
- формирование у учителя позитивных установок по отношению к детям с ЗПР;
- внедрение в духовный быт классного коллектива групповых норм гуманного отношения (организация ситуаций взаимопомощи, взаимозаботы);
- целенаправленное повышение привлекательности каждого ребёнка через создание ситуации успеха;
- включение изолированных и отверженных детей в ситуации совместной деятельности с коллективом;

- обеспечение каждому ребёнку компенсаторной психологической поддержки. В классах с учащимися с ЗПР целенаправленно придерживаются тактики ровного для всех эмоционального «поглаживания» без оценочного выделения самых лучших.

Указанные задачи психолог может решать, используя беседы с учителями как индивидуальные, так и коллективные: во время педагогических советов, лекций, консультаций; он может проводить с ними обучающие тренинги с целью повышения учительской профессиональной компетентности в области обучения, воспитания и развития учащихся; во время тренингов учить снятию тревожности, конфликтности, психологического напряжения, предупреждению эмоционального выгорания.

Работа с психолога с родителями, воспитывающими детей с ЗПР.

Основная цель работы психолога с родителями детей с ЗПР – это, прежде всего, свести к минимуму вредное влияние семьи на развитие ребёнка.

Результаты нашего исследования убедительно показали, что для большей части младших подростков с ЗПР малую ценность представляют отношения с друзьями, наиболее значимыми для них являются отношения с родителями и в, частности, с матерью, о чём убедительно свидетельствуют и результаты исследования Самойленко Е.В. (2005), Талиповой О.А. (2007), Суroveгиной М.А. (2009) и др.

Нами были разработаны некоторые рекомендации для психолога, работающего с родителями, воспитывающими детей с ЗПР, с целью обучения их эффективным способам взаимодействия со своими детьми, так как именно из взаимодействия со своими родителями дети черпают образцы поведения с другими людьми.

Мы полагаем, что психолог может решать следующие конкретные задачи в работе с родителями младших подростков с ЗПР:

- формирование у родителей активной позиции в вопросах воспитания своего ребёнка;
- оказание психологической поддержки в разрешении личностных проблем родителей, которые накладывают отрицательный отпечаток на характер семейного воспитания детей;
- повышение компетентности родителей в области психолого-педагогических знаний о закономерностях развития ребёнка, знакомство с индивидуальными особенностями развития подростка с ЗПР;
- ознакомление с психологическими данными о влиянии неверной родительской позиции в отношениях с детьми на психическое здоровье последних;
- информирование родителей по вопросам создания необходимых условий для полноценного физического и психического развития проблемного подростка в семье;
- целенаправленное обучение родителей эффективным способам взаимодействия с ребёнком.

Таким образом, для развития и сохранения психического здоровья учащихся с задержкой психического развития, а также предупреждения появления вторичных, третичных и т.д. нарушений в развитии, в условиях общеобразова-

тельного учреждения необходимо постоянное, дифференцированное, целенаправленное их психологическое сопровождение на всех возрастных этапах обучения в школе.

Я.Д. Шутова

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ РАННЕГО ДЕТСКОГО АУТИЗМА В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье рассмотрены проблемы исследований раннего детского аутизма на современном этапе развития специальной психологии, которые являются перспективными направлениями в науке и на практике.

Ключевые слова: ранний детский аутизм, аутичный ребёнок, этиология, патогенез, эмоциональные нарушения, синдром, дифференциальная диагностика, коррекционная работа, клинические структуры.

В настоящее время перед обществом встала проблема наличия у детей эмоциональных нарушений. Особое место среди них занимает синдром раннего детского аутизма. Это одно из самых малоисследованных нарушений психики, причём его клиническая картина полиморфна и противоречива. Если раньше количество детей с ранним детским аутизмом составляло 3-4 человека на 10 000, то в настоящее время это количество возросло в 10 раз [4]. Следовательно, эта проблема становится более значимой на практике, а значит, требует поиска теоретических оснований для ее решения. Таким образом, возникает ряд проблем.

Во-первых, проблема раннего детского аутизма недостаточно изучена. Синдром раннего детского аутизма впервые был описан в 1943 году Л. Каннером и на сегодняшний день остается мало исследованным явлением. По данной проблеме существуют работы О.С. Аршатской, Е.Р. Баенской, М.Ю. Ведениной, И.А. Костина, В.В. Лебединского, М.М. Либлинг, О.С. Никольской, Т. Питерса, Е.А. Янушко, в которых рассматриваются вопросы этиологии и патогенеза аутизма, проявления аутистических состояний в различных клинических структурах, особенности коррекционной работы с аутичным ребёнком и т. п. Однако, отмечается наличие дискуссий по вопросам происхождения раннего детского аутизма. В построении иерархической структуры аутистического синдрома возникают трудности в установлении причинно-следственных связей между патологическими симптомами сенсорного уровня и более сложными патопсихологическими образованиями, в частности нахождении промежуточного звена между ними [2]. По мнению, В.Е. Кагана самого пристального внимания заслуживает изучение и сопоставление этиопатогенеза, нейропсихологических и нейрофизиологических особенностей аутизма, в частности выяснение роли межполушарного взаимодействия, первичных и компенсаторных гипо- и гиперактиваций полушарий в формировании аутизма[1].

Во-вторых, проблема дифференциальной диагностики раннего детского

аутизма. Так, в ряде случаев аутичному ребёнку ставится диагноз речевые нарушения или интеллектуальные дефекты. Такая ситуация возникает в связи с тем, что в науке не до конца решен вопрос описания и объяснения симптоматики аутизма, которая в некоторых случаях похожа на симптоматику других патологий и нормы. Часто это приводит к большим сложностям обучения и воспитания таких детей, а иногда и к ситуации, когда педагог своими действиями усугубляет аутизацию ребенка. Среди критериев дифференциальной диагностики в отечественных исследованиях решающее значение отводится динамическому наблюдению. Вопросы дифференциальной диагностики раннего детского аутизма получили подробное освещение в работах С. С. Мнухина, Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана, где аутизм характеризуется как разновидность астено-тонической формы резидуально-органических расстройств психики и описывается дифференцировано при шизофрении и других заболеваниях.

И, в-третьих, проблема разработки специальных систем коррекции раннего детского аутизма. Результатом дефицита научных знаний становится отсутствие единой выработанной комплексной помощи аутичным детям на практике. Знание специфики интеллектуального и эмоционального недоразвития при раннем детском аутизме и многолетний опыт коррекционной работы (О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг) позволяют утверждать, что все дети с данным синдромом обучаемы и имеют предпосылки для дальнейшего развития. При адекватной коррекционной работе, раннем её начале, ребёнок третьей, четвёртой, а часто и второй групп раннего детского аутизма может быть вовремя подготовлен к обучению по программе массовой школы. Даже глубоко аутичный, не говорящий ребёнок первой группы в условиях специальной коррекции может не только освоить бытовые навыки и навыки самообслуживания, но и научиться читать и писать, получив, таким образом, новые возможности для коммуникации, для личностного развития [3]. Полагаясь, на эту точку зрения, можно сделать вывод, что необходимы методы коррекционной работы, которые могли бы применяться как психологами и педагогами, так и родителями в системе сопровождения аутичных детей. Развитие этого направления исследований в науке и на практике специальной психологии позволит более успешно социализировать людей с аутизмом и выйти на качественно новый уровень жизни в обществе.

Таким образом, обозначенные проблемы являются перспективными направлениями в исследовании раннего детского аутизма.

Список литературы:

1. Каган, В. Е. Аутизм у детей [Текст] / В. Е. Каган.- Л.: Медицина, 1981. С. 187-188.
2. Лебединский, В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза [Текст] / В. В. Лебединский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. -1996. -№ 1. -С. 18- 24.
3. Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. Аутичный ребёнок. Пути помощи [Текст] / О. С Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг.- М.: Теревинф, 2005. – (Особый ребёнок). – 288 с.
4. Психогенетика [Текст]: учебник / под ред. И. Б. Равич-Щербо, И. И. Полетаевой.- М.: Аспект Пресс, 2006.- 448 с.

РАЗДЕЛ 8

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

М.В. Абрамова

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕВУШЕК, БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Выявлены некоторые особенности функционирования родительских семей девушек больных шизофренией. Показана значимость семейных отношений для социальной адаптации больных. Важную роль играют особенности эмоционального реагирования семьи на заболевание девушки, стратегия поведения родителей по отношению к больной, оценка изменения ролевой структуры семьи девушкой и её родителями, родительские представления о больной: их оценки и ожидания. Особенности семейного функционирования до начала заболевания девушки не оказывают влияние на успешность социальной адаптации больной.

Ключевые слова: социальная адаптация, семья, шизофрения, эмоциональное реагирование, стратегия поведения родителей, ролевая структура семьи, родительские оценки, родительские ожидания.

В последнее время исследователями уделяется много внимания вопросам становления ремиссии, выздоровления и адаптации больных шизофренией.

Данное заболевание манифестирует чаще всего в юношеском возрасте и влечёт за собой высокий риск социальной дезадаптации [5], [6], [10].

В период после выписки из стационара семья становится единственной опорой для больных [3], [9]. Результаты исследований показывают, что поддержка со стороны семьи несколько сглаживает негативное воздействие психосоциальных стрессов, способствует сохранению здоровья и, тем самым, предупреждает психические срывы и следующее за ними снижение адаптационных возможностей [3], [4].

Вместе с тем, при исследовании шизофрении часто пренебрегают возможными половыми различиями, ограничиваясь исследованием лишь «мужской» шизофренией [16]. Тем не менее после начала заболевания девушки оказываются в более выгодном положении, чем юноши, так как «современное общество более активную и агрессивную роль в социальных отношениях предписывает мужчине» [1], [2], [4]. Кроме того, авторы указывают, что больные шизофренией женщины демонстрируют лучшее ролевое поведение и общее функционирование после госпитализации, социальное протекание шизофрении у женщин более благоприятное [15].

Таким образом, исследование роли родительской семьи в социальной адаптации девушек, больных шизофренией, является актуальным для расширения представлений о влиянии семейных факторов на успешность социальной адаптации больных шизофренией, в том числе в контексте гендерных различий.

Целью данного исследования является изучение влияния семейных отношений на успешность социальной адаптации девушек, больных шизофренией.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 54 девушки, больные шизофренией, и их родители (72 родителя: 54 матери и 18 отцов). Возраст наблюдаемых пациентов от 18 до 25 лет. Все они перенесли манифестный приступ заболевания. Состояние в период проведения обследования характеризовалось как период становления ремиссии после выхода из острого состояния. Общим для всех больных было отсутствие дефицитарных расстройств и выраженных изменений личности. Все девушки проживали в родительской семье. Для родителей условием включения в экспериментальную группу было наличие достаточно высокого интеллектуального и образовательного уровня: высшее или среднее специальное образование.

Были использованы следующие методики:

1. Полуструктурированное интервью. Проводилось с родителями больных. Использовалось для изучения особенностей функционирования семей до и после начала заболевания девушки; характера эмоционального реагирования родителей на заболевание дочери; особенностей поведения родителей по отношению к больной.

2. Опросник «Анализ семейного воспитания» (Э. Эйдемиллер, В. Юстицкий). Использовался для изучения особенностей семейного воспитания, обнаружения каких-либо отклонений и выявления причин их возникновения [12].

3. Модифицированная методика исследования самооценки Дембо, Рубинштейн (А. Ш. Тхостов, Д. А. Степанович). С помощью этой методики осуществлялось исследование родительских представлений о больной, в частности особенностей их оценок и ожиданий [8].

4. Опросник «Семейные роли» (Черников А. В.). С помощью данного опросника изучались особенности изменения субъективных представлений девушек и их родителей об изменении ролевой структуры семьи в связи с начавшимся психическим расстройством на разных временных этапах [11].

5. Шкала социальной адаптации. Использовалась для оценки уровня социальной адаптации, достигнутого больными спустя год после манифестного приступа. Данная шкала позволяет оценить как общий уровень социальной адаптации, так и уровень его приспособленности в различных сферах социальной жизни. Нами была модифицирована в соответствии с целями исследования и контингентом исследуемых больных шкала социально-трудовой адаптации для больных эпилепсии [7].

Полученные эмпирические данные были обработаны с помощью контент-анализа и методов математической статистики: использовался корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Данные обрабатывались с помощью компьютерной программы SPSS.Statistics. 17.0.

Полученные результаты и их обсуждение

Исследование позволило выявить особенности функционирования, свойственные семьям девушек, больных шизофренией, до и после начала заболевания и определить факторы, оказывающие влияние на социальную адаптацию больных.

Выяснилось, что большинство семей неполные (67%). Также довольно часто обстановка в семьях была конфликтная (35%). Обращает на себя внимание наличие психической патологии среди родственников заболевших девушек (19%). Кроме того, выяснилось, что большинство обследуемых родителей впервые столкнулись с психической патологией и не имели никаких знаний в этой области — 33 семьи (61%).

Результаты, полученные с помощью опросника АСВ, показывают наличие каких-либо отклонений в воспитании у 91% семей. Наиболее типичным было сочетание гиперпротекции с чрезмерностью запретов. Также довольно часто встречались такие нарушения воспитательного процесса как «Потворствование» и «Чрезмерность требований обязанностей». Такое сочетание отклонений в воспитании характерно для гиперпротекции доминирующего типа. Девушка находится в центре внимания родителей, они тратят на нее много сил и времени и при этом во всем стараются ограничивать ее самостоятельность. Среди психологических личностных проблем родителей девушек, влияющих на процесс воспитания, самой частой являются «Расширение сферы родительских чувств». Как уже говорилось, большинство обследуемых семей неполные. Получается, что одинокие матери пытаются за счет дочери «компенсировать» свою потребность в обоюдной привязанности [13], [14]. Многим родителям свойственной оказалась «Фобия утраты», которая, по-видимому, связана с реакцией на психическое заболевание, страхом необратимых его последствий.

По характеру эмоционального реагирования и переживания ситуации психического заболевания дочери семьи можно поделить на четыре группы:

1. Родители осознали факт наличия у девушки психического расстройства и смогли адаптироваться к сложившейся ситуации: 30 семей (56%).

2. Родители осознали факт наличия у девушки психического расстройства, но адаптироваться к сложившейся ситуации не смогли: 14 семей (26%).

3. Родители не осознали факт наличия у девушки психического расстройства, порой сомневались в этом, но при этом смогли как-то приспособиться к изменившемуся образу жизни: 5 семей (9%).

4. Родители не осознали случившегося и не смогли адаптироваться к сложившейся ситуации: 5 семей девушек (9%).

Было выделено 4 типа стратегий поведения родителей по отношению к больной:

1. Авторитарная. Родители, использующие эту стратегию, предпочитали максимально брать на себя ответственность во всех сферах социального функционирования девушки, тем самым подавляя её активность. Данной стратегии придерживались 14 семей (26%).

2. Отстранение. В этих семьях наоборот – родители полностью отстранялись от участия в жизни ребёнка, не пытались ему помочь, пускают всё на самотёк. Эта стратегия была свойственна 8 семьям девушек (14%).

3. Сотрудничество. В этом случае родители старались наблюдать за состоянием и возможностями девушки и оказывать помощь и поддержку там, где это требуется, развивая самостоятельность больной. Стратегию сотрудничества выбрали 20 семей (37%).

4. Субъективная. Семьи, избравшие эту стратегию, выбирали сферу осуществления контроля и оказания помощи исходя из своих субъективных представлений. Они не пытались понять, где действительно требуется поддержка, а побуждали дочь к активности в тех сферах, которые на их взгляд были самыми важными. Данная стратегия наблюдалась в 12 семьях (23%).

Вследствие начавшегося у девушки психического расстройства происходит изменение ролевой структуры семьи. Причём практически во всех семьях в период после выписки девушки из стационара оценки изменения ролевой структуры семьи девушками и их родителями сильно различались. По прошествии времени, в каких-то семьях ситуация изменялась. В результате семьи разделились на две группы:

1. семьи, в которых оценки распределения ролей более менее совпадали у всех родственников: 46 семей (85%);

2. семьи, в которых оценки распределения ролей разными родственниками не совпадали: 8 девушек (15%).

Для анализа особенностей родительских оценок и ожиданий были подсчитаны среднегрупповые значения оценок по отдельным шкалам (модификация методики исследования самооценки Дембо, Рубинштейн) по трем временным параметрам (настоящее, прошлое и будущее). Об адекватности родительских оценок было принято судить в сравнении с экспертной оценкой. Родительская оценка настоящего – это параметр, характеризующий родительское восприятие актуального состояния девушки.

Было выделено три типа родительских оценок:

1. завышенная — отражает недооценку родителями тяжести заболевания (43% семей);

2. заниженная — свидетельствует об её преувеличении (22% семей);

3. реалистическая — указывает на адекватное восприятие ситуации (35% семей)

Для изучения родительских ожиданий рассматривалось соотношение оценок, даваемых родителями больным с точки зрения будущего с оценками по другим временным параметрам – с точки зрения настоящего и прошлого.

Родительские ожидания можно разделить на три типа:

1. Оптимистичные. В этом случае родительская оценка будущего выше оценки настоящего, а также выше или равна оценке прошлого. То есть ожидания родителей высокие и могут быть достигнуты при благоприятном течении болезни. Данный тип ожиданий был свойственен 25 семьям девушек (46%).

2. Пессимистичные. Для данной группы характерны заниженные оценки будущего по сравнению с прошлым и даже в некоторых случаях настоящим. Родители не надеются на выздоровление или улучшение состояния ребёнка. Такой тип ожиданий был характерен для 8 семей девушек (15%).

3. Отсутствие ожиданий. Оценки по всем временным параметрам примерно одинаковые. В данном случае родители не ожидают никаких изменений в состоянии дочери. Это может быть связано и с «защитным» типом реагирования на психическую болезнь, и с отсутствием эмоциональной вовлеченности в отношениях с ребёнком, а также с личностными особенностями родителей, на-

пример, пассивным отношением к действительности вообще. Отсутствие ожиданий наблюдалось у 21 семьи девушек (39%).

Средний уровень общей социальной адаптации в исследуемой группе — 64,5; профессиональной — 12; адаптации в сфере досуга — 14,1; в сфере быта — 12,1; в сфере межличностных отношений — 14; сфере здоровья — 13,5.

Таблица - Факторы семейного функционирования и социальная адаптация девушек

Факторы семейного функционирования		Средний уровень социальной адаптации девушек (в баллах)
Эмоциональное реагирование	Осознали и адаптировались	75,2
	Не осознали, но адаптировались	60,4
	Осознали, но не адаптировались	51,4
	Не осознали и не адаптировались	41,4
Стратегия поведения	сотрудничество	76
	авторитарная	68,1
	субъективная	54,7
	отстранение	44,3
Оценка изменений ролевой структуры семьи больной и родителями	совпадает	67,9
	не совпадает	45
Родительские оценки	завышенная	81,1
	заниженная	58,9
	реалистическая	48,2
Родительские ожидания	отсутствие ожиданий	79,5
	оптимистические	54,4
	пессимистические	44,4

Проведённый корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь некоторых факторов семейного функционирования с уровнем социальной адаптации больных шизофренией девушек. Высокий коэффициент корреляции выявлен для факторов родительской оценки и родительских ожиданий, эмоционального реагирования, стратегии поведения, оценки изменения ролевой структуры семьи (уровень достоверности $p=0,01$). Сложившиеся к моменту начала заболевания особенности семейного функционирования — состав семьи, наличие психической патологии у родственников больных, конфликтные семейные отношения, а также особенности воспитания не оказывают значительного влияния на социальную адаптацию больных.

Сравнение уровней социальной адаптации у девушек из семей с различным типом эмоционального реагирования показало следующие результаты.

Самыми адаптированными те, чьи родители осознали наличие у них психического расстройства и смогли адаптироваться к произошедшему; более низкий уровень социальной адаптации выявлен у девушек, чьи родители не осознавали факт наличия у дочери психического расстройства, но смогли приспособиться к сложившимся условиям; менее адаптировавшимися оказались пациентки из осознавших, но не адаптировавшихся семей; наименее адаптированными оказались пациентки, родители которых не осознали факт наличия психиатрического заболевания и не смогли приспособиться к произошедшим изменениям.

Из стратегий поведения самыми удачными оказались стратегии сотрудничества и авторитарная, далее следовала субъективная стратегия, далее — отстранения.

Влияние фактора «оценка изменения ролевой структуры семьи» оказалось следующим. Наиболее высокого уровня социальной адаптации достигли девушки, чьи оценки изменения ролевой структуры семьи совпадали с оценками их родителей. В семьях, где оценки родителей и дочерей не совпадали уровень адаптации был ниже.

Было проведено сравнение уровней социальной адаптации девушек в зависимости от типа родительской оценки. Самый высокий уровень социальной адаптации отмечался у девушек, родители которых давали им завышенные оценки, несколько ниже уровень адаптации у пациенток из семей с заниженными оценками, самый низкий уровень наблюдался у девушек, родительские оценки которых были реалистическими.

В зависимости от типа родительских ожиданий самыми адаптированными оказались девушки из семей с отсутствием ожиданий, далее следовали девушки из семей с завышенными ожиданиями, далее — с заниженными.

Выводы:

1. Проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности функционирования семей девушек, больных шизофренией, а также выделить факторы, играющие важную роль в процессе социальной адаптации больных.

2. Существенное влияние на процесс социальной адаптации девушек оказывают такие факторы, как особенности эмоционального реагирования родителей на заболевание, их стратегия поведения, оценка изменения ролевой структуры семьи девушкой и родителями, родительские оценки, родительские ожидания.

3. Сложившиеся к моменту начала заболевания особенности семейного функционирования не оказывают влияния на успешность социальной адаптации.

Список литературы:

1. Бендас Т. В. Гендерная психология — СПб: Питер, 2006.
2. Берн Ш. Гендерная психология. Издательство: Прайм-Еврознак, 2004.
3. Казьмина О. Ю. Социальные сети и развитие социального поведения// Руководство по оценке уровня развития социального поведения старшеклассников. М. 1993. стр. 32-48.
4. Коцюбинский А.П., Скорик А.И., Аксенова И.О., Шейнина Н.С., Зайцев В.В. Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание. СПб., 2004.
- 5.Критская В. Н., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельно-

сти при шизофрении. М.: Изд-во МГУ, 1991, стр. 254.

6. Личко А. Е. Шизофрения у подростков. Л.: Медицина, 1989, стр. 215.

7. Социально-трудовая адаптация больных эпилепсией. Под. Ред. Кругловой Л. И.

8. Тхостов А. Ш., Степанович Д. А. Влияние кризисной жизненной ситуации на структуру самооценки// Вопросы психологии. - 1987. - №2. - с. 128 — 135. 9. Хмелевский Д. Л., Осьмакова Е. И. К особенностям семейной адаптации больных вялотекущей шизофренией// Вопросы внебольничной психиатрической помощи. М., 1978 стр. 87-98.

10. Цуцельковская М. Я., Бильжо А. Г., Критская В. П., Мелешко Т. К. Клинико-психологические особенности больных при благоприятных исходах юношеской малопргредиентной шизофрении// Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1986. №12. стр. 1825-1831.

11. Черников А.В. Системная семейная терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

12. Эйдемиллер Э. Г. Методы семейной диагностики и психотерапии. Методическое пособие / Серия: Психодиагностика: педагогу, врачу, психологу (Вып. 1). Под общей редакцией д.м.н; проф. Л.И. Вассермана. – М.: «Фолиум», 1996.

13. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Изд-во: Речь, 2006.

14. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи Издательство: ООО «Издательский дом «Вкусный мир», 2010.

15. Salokangas R. K. R. Satisfaction of Caregivers of Patients With Schizophrenia in Finland.

16. Wahl, O., & Hunter, J. (1992). Are gender effects being neglected in schizophrenia research? Schizophrenia Bulletin, 18, 313-318.

У.Ш. Ашуралиева, М.А. Гунашева **ИЗУЧЕНИЕ МОБИЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ**

Мобильная зависимость является актуальной проблемой нашего времени. Рассматриваются причины и симптомы данной аддикции, а также личностные особенности людей, подверженных ей.

Ключевые слова: аддикция, мобильная зависимость, мотивация, психологическая защита, риск.

Телефоны появились в конце XIX века. В те времена наблюдалась телефонофобия, т.е. люди боялись телефонов. Сейчас людей, боящихся телефонов, единицы, зато огромное количество человек страдает другой болезнью, связанной с телефонами – телефономанией (зависимостью от мобильного телефона). Для того чтобы разобраться в проблеме мобильной зависимости необходимо прежде всего разобраться, что же собой представляет понятие «зависимость».

Зависимость (аддикция) - отношения между объектами, характеризующиеся подчинением одних объектов другими. Различают три вида аддикций, а именно:

- химические аддикции (наркомания, токсикомания, алкоголизм);
- биохимические (анорексия, булемия);
- нехимические (подсознательные).

Мобильная зависимость относится к группе нехимических аддикций. Нехимическая форма аддиктивного поведения связана с психологическими защитными механизмами человека [3]. Защита приобретает ритуализированный характер, четко отрабатываются модели поведения личности [2]. В случае мобильной зависимости человек на все дискомфортные ситуации начинает одинаково реагировать. Например, берёт трубку и начинает бессмысленно щелкать кнопками.

Современный человек боится неудачи и избегает риска. В напряженной ситуации он предпочитает спокойствие и гарантированную помощь со стороны. Избегая неприятных переживаний, стресса неизвестности и риска, мы перекрываем себе дорогу к эмоциональному и интеллектуальному развитию. Ведь любые отношения это риск, любое новое начинание это риск. В итоге мы получаем спокойствие, но в комплекте с депрессией и апатией.

Общение сейчас выступает в роли бесспорной ценности. Опосредованное мобильным телефоном общение – эмоционально и физически гораздо менее напряженный и рискованный процесс, чем личное. Во-первых, остается за бортом невербальная коммуникация, что дает возможность выражать негативные эмоции, не боясь обидеть собеседника. Во-вторых, это процесс, требующий гораздо меньшей психической работы. Не нужно ждать неделю, чтобы пересказать новости подружке – можно просто звонить каждые 20 минут. Если же вам надоели словоохотливые подружки – то и здесь телефон вас выручит. Ведь его, в отличие от живого, сидящего напротив собеседника, можно отключить.

Причиной для возникновения мобильной аддикции вполне может быть самая обыкновенная неуверенность в себе, которая выливается в желание выделиться или преподнести себя, возможно, кого-то смущает каждая минута, проведенная в одиночестве, и он старается ни на минуту не выпускать из рук универсальное средство общения [3].

По результатам проведенного на рандомизированной женской выборке (40 студенток вузов г. Махачкала от 18 до 22 лет) опросника выявления телефонной зависимости 50% испытуемых можно отнести к мобильно зависимым (выборочные показатели: $M=33$; $\sigma=8,79$). Процентное соотношение положительных ответов в контрастных группах представлено в Таблице 1.

Как видно из таблицы, наибольшей дискриминативностью обладают пункты 1, 2, 5, 7, 9, 10. То есть к наиболее характерным проявлениям мобильной зависимости можно отнести: негативные эмоциональные переживания, вызываемые отсутствием под рукой телефона; использование его без особой необходимости; превращение его в предмет престижа. Следует отметить, что осознают и пытаются бороться со своей зависимостью менее половины опрошенных.

По данным опросников «Мотивация к успеху», «Готовность к риску», «Избегание неудач», а также цветового теста Люшера мобильно зависимые испытуемые отличаются умеренно высокой мотивацией к успеху, низкой готовностью к риску, высоким уровнем избегания неудач, эмоциональной нестабильностью.

Содержание вопросов	% положительных ответов		
	Вся вы-борка	Группа «за-висимых»	Группа не-зависимых
1. Раздражаются, когда не видят свой телефон	45%	80%	10%
2. Нервничают, когда батарейка телефона почти разряжена	55%	90%	20%
3. Пытались отказаться от частого использования мобильного	25%	40%	10%
4. Не могут отключить телефон даже на занятиях	55%	70%	40%
5. Хотят иметь наиболее модный телефон	60%	80%	40%
6. Полагаются только на телефонную книгу мобильного	50%	60%	40%
7. Делают звонки без особой необходимости	35%	60%	10%
8. Часто проверяют нет ли пропущенных вызовов и сообщений	75%	90%	60%
9. Используют мобильник при наличии обычного телефона	60%	90%	30%
10. Немедленно отвечают на сообщение, даже во время занятий	40%	80%	0%

Зависимость от мобильного телефона серьезнее, чем от интернета или обычных компьютерных игр, потому что телефон можно взять с собой везде. Массовость данного вида аддикции ставит перед психологами задачи разработки эффективных методик ее выявления, а также приемов коррекции ее негативного влияния на психику.

Список литературы:

1. Егоров А.Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) // Аддиктология. 2005. №1, с. 65-77.
2. Иванов М.С. Психологические аспекты негативного влияния компьютерной зависимости на личность человека // Медицинская информационная сеть.[электронный ресурс] – Режим доступа. –http://www.medicininform.net/comp/comp_psych17.htm.
3. Шабанова Н.В. Мобильная зависимость // Компьютерраonline. – 2004. [электронный ресурс] – Режим доступа. –<http://www.computerra.ru/focus/36519/>

А.А. Бакин, Г.Н. Кудряшова **ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Статья посвящена чрезвычайно актуальному в криминологии и юридической психологии вопросу - изучению индивидуально-личностных особенностей подростков, совершивших насильственные преступления. Излагаются современные научные взгляды на процесс формирования личности девиантного подростка, склонного к криминальной агрессии.

Ключевые слова: криминальная агрессия, личность преступника, насилие, несовершеннолетние, психические аномалии, патология волевой сферы.

Насильственные формы проявления индивидуальных особенностей поведения девиантных подростков существенным образом влияют на рост криминальной агрессии в обществе. Однако подобной констатации недостаточно. Научно-практическим работникам необходимо ставить вопрос не только о том, каким образом это происходит, но и имеются ли какие-либо возможные варианты коррекции агрессивных форм поведения. В связи с этим, важное значение в современных исследованиях отводится ювенальной криминологии, подростковой психологии и психиатрии. В последние годы правоохранными органами, общественными организациями особое внимание уделяется проблеме беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, которая приняла в России общенациональные масштабы (например, в Санкт-Петербурге ежегодно безнадзорными подростками совершается более 3 тыс. преступлений).[1]

В среде несовершеннолетних распространяются преступления, которые ранее совершались в основном взрослыми: торговля оружием и наркотиками, содержание притонов и сутенерство), пытки, вымогательство. Латентность насильственных преступлений, совершаемых подростками вызывает тревогу у сотрудников правоохранных органов. Установлено, что подростками совершается в 2,5 раза больше преступлений, чем зарегистрировано, т.е. латентность преступности несовершеннолетних не отстает от аналогичных показателей организованной и насильственной преступности взрослых. Множатся факты завладения огнестрельным оружием и применения его для сопротивления работникам милиции и злостного неповиновения их законным требованиям. Возрастает вовлечение несовершеннолетних в сферу межнациональных конфликтов, что стимулируется деятельностью экстремистских национально-патриотических и шовинистически настроенных организаций и движений.[2]

Личность несовершеннолетнего насильственного преступника изучается как структурный феномен на стыке права, социологии, философии, психологии и других наук. Как межотраслевая научная проблема, она предполагает системное исследование собственно личности преступника как явления структурно расчленённой целостности, в которой каждый элемент структуры имеет определенное функциональное назначение. Особенности биологии и психологии преступника, особенности его социальной среды, связей и отношений - в их взаимозависимости и соподчинении - видится базисом для построения такой структуры личности преступника. При этом, изменения каждого элемента структуры оказываются производными (функцией) от изменений других элементов (например, изменения психологического состояния влияют на биологические показатели (уровень давления, адреналина и т.д.) и на социальные (может вызвать конфликт в обществе и т.д.)).[3]

Общая интегративная характеристика деятельности психики объединяется понятием личность, которая имеет свои подструктуры. Основные характеристики темперамента сводятся к силовым и подвижным (скоростным) формам организации нервно-психической сферы (стиль моторики, силовая составляющая эмоций). Понятие интеллект традиционно определяется как сумма накопленных знаний и способность ими пользоваться. Под характером подразумевается индивидуальный способ реагирования, основные компоненты которого –

интенсивная и тональная составляющие эмоций (т.е. уровень чувствительности и тональность реагирования на внешние раздражители).

Характер нередко определяют как психический склад личности человека, выраженный в направленности ее интересов и волевой составляющей. Нельзя определить характер несовершеннолетнего преступника, не зная какие цели ставил перед собой конкретный подросток и насколько эти цели существенны с общественной, правовой точки зрения. Давая содержательную характеристику девиантному подростку, мы всегда оцениваем его личность с моральной точки зрения. Не случайно у истоков исследования данного вопроса в древней Греции, проблема характера ставилась как проблема этоса, т. е. морального нрава. Выделяя в своей «Поэтике» трагедию характеров, Аристотель имел в виду главным образом этическое содержание трагедии, воплощенное в героях - носителях разных черт этоса. «Характер - то, в чем проявляется решение людей», поэтому не выражают характера те речи, из которых неясно, что известное лицо предпочитает или чего избегает, или те, в которых совершенно не указывается, что предпочитает или чего избегает говорящий».[4]

Ведущие отечественные ученые никогда не отрывали характера от направленности интересов человека, и, прежде всего от содержания его жизненных целей.[5]

В тоже время Д.Я. Райгородский справедливо отмечает, что если теории личности при всей противоречивости точек зрения их авторов, являются более или менее общепринятыми, то с теорией характеров, с классификацией характеров дело обстоит значительно сложнее.[6]

В своей работе автор приводит заслуживающую внимания ссылку на монографию И. Сэпир «Культурная антропология и психиатрия» (1932г.). Так, с точки зрения указанного психиатра, во все исторические времена, смена общественного строя («нормальные образцы поведения») меняются с такой быстротой, что возникает массовое отклонение от нормы. Эту девиацию можно легко обнаружить без глубокого анализа структуры личности. Она имеет два основных показателя: 1) ригидность реагирования (отсутствие гибкости и «застреманность»); 2) разрыв между возможностями человека и их реализацией.

Огромное влияние на развитие учения о характере оказали работы К. Юнга, который в частности, писал: «Характер - это устойчивая форма человеческого бытия, причем форма как физического, так и душевного рода... В действительности же взаимное проникновение телесных и душевных признаков столь глубоко, что по свойствам тела мы не только можем сделать... выводы о качествах души, но и по душевным особенностям мы можем судить о соответствующих телесных формах».[7] В данном высказывании прослеживается влияние идей Э.Кречмера. Немецкий психиатр убедительно доказал, что психика человека и его тело находятся в тесной взаимосвязи, т. е. соматическое и психическое объединены общим латентным фактором, лежащим в их основе. Э.Кречмер аргументировано отражает сущность этого фактора, обозначив термины «конституция» и «характер»: «...под конституцией мы понимаем сумму всех индивидуальных свойств, которые покоятся на наследственности, т. е. заложены генотипически», «...под характером мы понимаем сумму всех возмож-

ных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течении всей его жизни, следовательно, из наследственного предрасположения и всех экзогенных факторов...».[8]

Типология Э.Кречмера была воспринята неоднозначно. Ее критики основывали свою позицию на двух факторах: а) ошибочность переноса закономерностей, установленных в психиатрических клиниках на здоровых людей; б) слабую статистическую доказательность положений.[9]

Ряд современных отечественных исследователей указывают на роль психопатологических факторов при формировании личностных деформаций у несовершеннолетних, склонных к насилию. Личностные деформации в подростковом возрасте сводятся к трем основным группам.[10]

Первая - неправильное формирование личности, обусловленное целиком и полностью патогенным влиянием среды (семейно-педагогическая запущенность, асоциальное окружение микрогруппы и осознанно направляемые асоциальные формы воспитания в макросоциальных коллективах). В этих условиях деформация личности подростка идет от социальной составляющей. Чаще же всего здесь речь идет о субъектах, где все уровни организации психики - психические процессы, интегративные характеристики не несут в себе чего-либо несостоятельного или деформированного. Такой подросток - продукт окружающей среды, и поэтому для обозначения данной группы психических аномалий используется термин социопатии, достаточно широко принятый за рубежом.

Вторая - понятие психопатий (истинных или «ядерных») следует сохранить за конституционально и генетически обусловленными аномальными личностями, где первично деформированной является подструктура характера. При этом, напомним, что само по себе наличие патологического характера отнюдь не всегда влечет за собой дезорганизацию личности в целом. Личность, как более высокая психическая констелляция и как целое, при определенных благоприятных условиях может нивелировать патологические свойства характера как части целого и как результат - социально полноценная личность с присутствующими ей психопатическими чертами характера. Однако чаще патологические черты характера все же формируют и девиантную ориентацию личности.

Третьей группой являются те формы, где в основе личностных аномалий лежит феномен ведущей биолого-психологической составляющей личности: экстраверсия-интроверсия (как общая центральная направленность личности).

П.П. Баранов, И.В. Курбатов сообщают, что несовершеннолетние преступники, склонные к насилию по сравнению с «благополучными» подростками имеют социально отягощенные дефекты психофизиологического и интеллектуального развития, в том числе:

- различные нарушения в деятельности организма, происходящие в период внутриутробного развития, родов, в младенческом и раннем детском возрастах (в том числе от черепно-мозговых травм, общесоматических и инфекционных заболеваний);

- ярко выраженные, начиная с детского возраста, невропатологические черты и патохарактерологические реакции (чрезмерная крикливость, плакси-

вость, повышенная обидчивость, легкая ранимость, капризность, эффективность, раздражительность, постоянное беспокойство, нарушение сна, речи и др.);

- заболевание алкоголизмом, токсикоманией, наркоманией;

- явления физического инфантилизма (вялость, быстрая утомляемость, пониженная работоспособность и т. д.) либо выраженное отставание в физическом развитии, включая дефекты внешнего вида;

- пониженный уровень интеллектуального развития, создающий трудности в общении со сверстниками, воспитателями, в учебе и труде, затрудняющий получение необходимой информации и приобретение социального опыта.[11]

Источником развития и утверждения личности девиантного подростка выступает противоречие между потребностью индивида в персонализации и объективной заинтересованностью (референтной для него общности) принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям функционирования в этой микросреде, субкультуре и т.д. Успешное преодоление этого противоречия обеспечивает интеграцию несовершеннолетних в системе общественных отношений. Если же противоречие между индивидом и группой оказывается неустранимым, то возникает дезинтеграция и как ее следствие - либо вытеснение личности из данной общности, либо ее изоляция.[12]

Рассматривая психологические механизмы организации волевых процессов у несовершеннолетних, следует подчеркнуть, что любой поведенческий акт имеет три уровня организации: 1) инстинктивные действия (генетически сформированные); 2) образование навыка, приобретенного в течение жизни обучением, с его автоматизацией; 3) собственно произвольное (волевое) поведение подростка, включающее осознанность.

Агрессия может быть следствием патологии поведенческих актов. Патология искажает (деформирует) любой из трех выделенных нами уровней, причем, как и в рамках других психопатологических процессов, выделяются три возможных варианта расстройств: а) болезненное усиление волевого процесса (резкое возрастание девиантной активности); б) болезненное ослабление волевых функций до утраты способности к целенаправленной, социально-значимой деятельности (например, у наркоманов); в) стойкое искажение (извращение) формирования всей волевой сферы и организации поведения (например, у лиц с шизоидной психопатией, с выраженными садистическими и мазохистскими тенденциями).

Психические аномалии создают значимые предпосылки, способствующие совершению насильственных преступлений, ведению антиобщественного образа жизни несовершеннолетних, детерминируют определенный круг, содержание и устойчивость асоциальных контактов, привязанностей. Изучение этих условий имеет существенное научно-практическое значение.[13]

Характерологические особенности несовершеннолетних насильственных преступников следует отнести к дифференциально-психологической категории, в которой выделяется (подчеркивается) своеобразие психического склада конкретного подростка. Характер в строго научном понимании данного термина

является лишь одним из компонентов личности, тесно связанным со способностями (интеллектом), темпераментом, самосознанием.

В XXI веке криминологи вынуждены констатировать низкую эффективность традиционных средств профилактики в изменившихся социальных и экономических условиях современной России. Требуется формирование действенных механизмов, сдерживающих и нейтрализующих стремительный рост криминальной активности, саморазрушающих поведенческих девиаций подростков. Необходимо определение принципиально новых подходов, стратегий в борьбе с насильственной преступностью несовершеннолетних. В тоже время криминологическая превенция насильственной преступности несовершеннолетних должна быть максимально нацелена на раннюю нейтрализацию (устранение) экономических, социальных, социально-психологических, идеологических, медико-биологических причин, условий оказывающих влияние на формирование, как подростковой преступности, так и криминальной активности в обществе. При проведении индивидуальной профилактики необходимо учитывать характерологические особенности каждого конкретного подростка, совершившего преступление, без учета которых невозможно осуществление целенаправленного психолого-педагогического воздействия.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Преступная жестокость: Монография. М.:ВНИИ МВД России, 1994.
2. Аристотель. Поэтика. М.:ГИХЛ, 1948.
3. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология. Д.: Сталкер, 1998.
4. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология: Учебное пособие / Под общ. ред. А.Н. Ерыгина. М.: ЦОКР МВД России, 2006.
5. Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследования преступлений несовершеннолетних. - Ростов н/Д.: Феникс, 2006. - С. 30-35;
6. Валуйков Н.В. Правовые проблемы предупреждения ювенальной преступности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 2002. С. 3-4, С. 8-10;
7. Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2009. - С. 4-10.
8. Копылова Г.К., Прозоров А.В. Психология в деятельности органов внутренних дел: Курс лекций. М.: ЦОКР МВД России, 2006.
9. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия: Учебник. М., 1995.
10. Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 1995.
11. Макаренко А.С. Сочинения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1946.
12. Овчинников Б.В., Павлов К.В., Владимирова И.М. Ваш психологический психотип. СПб., 1994.
13. Платонов К.К. К теории личности (Личность и труд). М.: «Мысль», 1965.
14. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: «БАХРАХ-М», 2000.
15. Руководство по оказанию комплексной помощи беспризорным и безнадзорным несовершеннолетним. - СПб.: «Врачи детям», 2008. - С. 5-10.
16. Социальная психология: Учебное пособие / Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение, 1987.
17. Щербаков А.И. Структурный феномен личности преступника в современной криминологии: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
18. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1993.

Ж.Р. Гарданова, А.А. Меньшикова, К.С. Шibaева
**ОТНОШЕНИЕ К БЕРЕМЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТИ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ У ЖЕНЩИН
С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ**

Целью исследования было изучение отношения к беременности и особенностей эмоционально-личностной сферы у женщин с онкологическими заболеваниями в период беременности, что позволит разработать рекомендации по психологической профилактике и коррекции данной категории пациенток. Анализ результатов позволил выявить взаимосвязь типов отношения к беременности с особенностями эмоционально-личностной сферы женщин.

Ключевые слова: беременность, онкологические заболевания, личность, эмоции, отношение к беременности, копинг-стратегии.

За последние годы распространенность онкологических заболеваний среди женщин репродуктивного возраста значительно возросла. В связи с этим высокую актуальность приобретает проблема влияния онкологического заболевания на репродуктивную функцию женщин. Новые методы лечения в онкологии и акушерстве-гинекологии позволяют не только увеличить продолжительность жизни таким больным, но и сохранить беременность во время лечения основного заболевания. Между тем, особенности эмоционально-личностной сферы женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности остаются малоизученными. Известно, что психологическое состояние беременных женщин оказывает существенное влияние на оптимальное функционирование диалекты «мать-дитя» [1]. Наличие витальной угрозы, сопутствующее лечение и неблагоприятный прогноз онкологического заболевания являются условиями хронического стресса [4,5,10]. В настоящее время широко рассматривается проблема влияния стресса на плод, так как беременные женщины очень восприимчивы к различным изменениям во время беременности [1,2,3,7,8,9,12,13,14]. Наличие хронической соматической патологии является наиболее сильным стрессогенным фактором, который негативно сказывается на психическом и соматическом статусе беременных женщин [7]. По данным А.И. Захарова, длительное или выраженное состояние эмоционального стресса матери отрицательно отражается на развитии плода, дополнительные психоэмоциональные нагрузки нарушают сформировавшуюся гестационную доминанту, которая обеспечивает нормальное течение беременности и родов и послеродового периода [6]. Существуют физиологический и психологический компоненты гестационной доминанты, которые определяются биологическими или психическими изменениями, происходящими в организме женщины, и направлены на вынашивание, рождение и выхаживание ребенка [11]. Изучение психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД) позволяет определить отношение женщины к своей беременности и будущему материнству, ее поведенческие стереотипы. Типы отношения к беременности нередко взаимосвязаны с особенностями эмоционально-личностной сферы беременных женщин, что позволяет своевременно выявить психоэмоциональные нарушения

и ориентировать врачей на оказание психотерапевтической и психологической помощи.

Цель работы: изучить взаимосвязь типов отношения к беременности и особенностей эмоционально-личностной сферы у женщин с онкологическими заболеваниями.

Материалы и методы. Исследование было проведено на базе ФГУ «Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. Академика В.И. Кулакова» и Родильного дома №26 г. Москвы. Основную группу составили 22 беременные женщины с онкологическими заболеваниями (у 10 пациенток диагностировался рак молочной железы, у 12 женщин отмечались гемобластозы) в возрасте от 19 до 35 ($26 \pm 4,5$) лет и длительностью заболевания от 16 недель до 5 лет. Сроки беременности составляли от 30 до 35 ($31 \pm 2,5$) недель. В контрольную группу вошли 22 условно здоровые беременные женщины. Группы сопоставимы по возрасту, срокам беременности. Все женщины принадлежат к среднему социально-экономическому слою населения. Особенности эмоционально-личностной сферы женщин и их отношение к беременности изучались с помощью методов психологической диагностики: шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, опросник Бека, методика Келлермана-Плутчика-Конте «Life Style Index», опросник «Способы копинга» Р.Лазаруса, тест «Тип отношения к беременности» И.В. Добрякова. В результате проведенного исследования были обнаружены статистически значимые различия между женщинами с онкологическими заболеваниями во время беременности и условно здоровыми беременными женщинами. Обработка данных проводилась с помощью программы Statistica 7.0. (критерий углового преобразования Фишера, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, непараметрический критерий Манна-Уитни).

Результаты. По сравнению с соматически здоровыми беременными женщинами, у пациенток с онкологическими заболеваниями отмечался высокий уровень депрессии ($p < 0,05$), преобладал высокий уровень ситуативной и личностной тревожности ($p < 0,01$; $p < 0,05$), что нередко было обусловлено неблагоприятным соматическим состоянием ввиду основного заболевания. Для беременных женщин с онкологическими заболеваниями были характерны такие психологические защиты, как отрицание ($63,6\%$; $p < 0,05$) и проекция ($54,5\%$; $p < 0,05$). Преобладание данных механизмов психологической защиты может указывать на недостаточное осознание информации, которая тревожит и может привести к конфликту, а также на стремление у беременных к поиску замещающего объекта на реальном или идеальном уровне. Для пациенток с онкологическими заболеваниями во время беременности характерно использование таких копинг-стратегий, как дистанцирование (68% ; $p < 0,05$) и бегство-избегание (59% ; $p < 0,05$), что отражает склонность к мысленным и поведенческим усилиям, направленным на избегание или бегство от решения проблем, а также показывает стремление к когнитивным усилиям по отделению от ситуации и уменьшению ее значимости. У пациенток с онкологическими заболеваниями преобладали тревожный ($68,2\%$; $p < 0,05$) и депрессивный ($63,6\%$; $p < 0,05$) типы ПКГД. Выявленные типы ПКГД характеризуются высоким уровнем тре-

воги у беременной и резко сниженным настроением, на фоне чего отмечаются неуверенность и сомнения в собственной способности выносить и родить ребенка, страхи перед родами. Эйфорический тип ПКГД преобладал у 27,27% женщин группы контроля, которые в анамнезе лечились от бесплодия. Данный тип ПКГД характерен для претенциозных женщин, требующих от окружающих повышенного внимания, выполнения любых прихотей. Пациентки формально относятся к выполнению рекомендаций врачей. У женщин с таким типом ПКГД чаще наблюдаются послеродовые аффективные расстройства. Анализ данных с помощью метода ранговой корреляции Спирмена выявил достоверно значимые связи между эйфорическим типом ПКГД и отрицанием ($r=0,47$; $p<0,05$). Также в группе контроля отмечались положительные корреляционные связи между показателями личностной тревожности и тревожным типом ПКГД ($r=0,36$; $p<0,05$), между выраженностью показателей депрессии и депрессивным типом ПКГД ($r=0,33$; $p<0,05$).

Выводы. Тип отношения к беременности взаимосвязан с особенностями эмоционально-личностной сферы у женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности. Неблагоприятные типы ПКГД свидетельствуют о наличии психоэмоциональных нарушений у женщин. Использование дезадаптивных копинг-стратегий дистанцирования и бегства-избегания приводит к накоплению и хронизации внутреннего напряжения, что способствует общему снижению толерантности к стрессу на фоне тяжелого соматического заболевания. Полученные данные показывают необходимость оказания психотерапевтической помощи беременным женщинам с онкологическими заболеваниями с целью коррекции особенностей эмоционально-личностной сферы, реализации успешной адаптации к беременности и материнству в виде достижения оптимального типа ПКГД, а также повышения реабилитационного потенциала данной категории пациенток. Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ №МД-4860.2009.7.

Список литературы:

1. Абрамченко В.В. Психосоматическое акушерство: Теория и практика. - Спб., СОТИС, 2001.
2. Абрамченко В.В., Мальгина Г.Б. Коваленко Н.П., Убайдатова Б.А. Стресс и беременность. // Сб. науч. трудов по материалам II-й Международной конференции под ред. И.В.Добрякова. - СПб., 2003.
3. Ветчанина Е.Г. Психические состояния беременных женщин в условиях острого и хронического стресса и особенности их психологической коррекции: Дисс.канд. психол. наук. - Томск, 2003.
4. Ворона О.А. Психологические последствия стресса у больных раком молочной железы: Дис. канд. психол. наук. - М., 2005.
5. Герасименко В.Н. Реабилитация онкологических больных. -М, 1988.
6. Захаров А.И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм. - Спб., Союз, 1998
7. Каплун И.Б. Психические состояния при нормальном и осложненном течении беременности: Автореф. канд. мед. наук. - Спб., 1995.
8. Кочнева М.А. Особенности и роль психологических реакций беременных женщин в развитии осложнений беременности и родов: Автореф. дисс. канд. мед. наук. - М., 1992.

9. Мальгина Г.Б., Ветчанина Е.Г. Психоэмоциональный стресс в период беременности и перинатальные проблемы// Материалы республиканской научно-практической конференции «Здоровый новорожденный: перинатальные проблемы и прогнозирование». - Екатеринбург, 2000.

10. Тхостов А.Ш., Лактионова А.И. Психологические аспекты восстановительного лечения больных, оперированных по поводу рака желудка // Вопросы онкологии. 1990. №2. С. 215-220.

11. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапии. - СПб.: Речь, 2003.

12. Newton R.W. Psychosocial stress in pregnancy and its relation to low birth weight//British medical J. 1984. V. 288. P. 1191–1194.

13. Nuckolls K.B., Cassel J., Kaplan B.G. Psychosocial Assets, Life crisis and the prognosis of pregnancy// Amer. J. Epidem. 1972. N5. P. 431–441.

14. McDonald R.L. The role of emotional factors in obstetric complications: a review// Psychosom. Med. 1968. N30. P. 222–237.

Ж.Р. Гарданова, К.С. Шibaева, А.А. Меньшикова
**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У МУЖЧИН
С НАРУШЕНИЕМ ФЕРТИЛЬНОСТИ**

Целью исследования было изучение психологического защитного комплекса у пациентов с нарушением фертильности в программе лечения методами вспомогательных репродуктивных технологий, выявление уровня тревожности и психологического стресса. Анализ результатов позволил выявить группу риска по развитию психоэмоциональных нарушений среди данного контингента пациентов и определить «мишени» психокоррекционных мероприятий.

Ключевые слова: бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии, механизмы психологической защиты, тревожность, психологический стресс.

Частота бесплодных браков в нашей стране колеблется от 8 до 17%, при этом доля мужских и женских причин снижения фертильности приблизительно равна [3]. В настоящее время проблему нарушения фертильности решают благодаря использованию методов вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Бесплодие и процедуры лечения нередко сопровождаются повышением психоэмоционального напряжения пациентов, ростом супружеских конфликтов и снижением качества жизни. В программе ВРТ пациенты с нарушением фертильности зачастую испытывают психологический дистресс. Связь между стрессом и нейробиологическими изменениями, приводящими к психическим расстройствам и соматическим нарушениям, давно отмечена в медицинской литературе [1]. Степень выраженности реакции на стресс одной и той же силы может быть различной и зависит от многих факторов: пол, возраст, структура личности, уровень социальной поддержки. В условиях стресса психологическая адаптация человека происходит посредством различных механизмов, одним из которых являются механизмы психологической защиты. Психологическая защита – это особая система стабилизации личности, направленная на огражде-

ние сознания от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, состоянием тревоги и дискомфорта [2]. Преобладание у человека определенного защитного механизма как средства искажения реальности может характеризовать личностные нарушения и расстройства и препятствовать эффективному процессу адаптации. Для мужчин и женщин стресс, вызванный бесплодием, является переломным этапом, который затрагивает экзистенциальные вопросы и ведет к существенным изменениям в их настоящей жизни и планах на будущее. Процесс диагностики и лечения бесплодия нередко еще больше может усиливать психологический стресс: частые визиты к врачу, болезненные или неприятные методы обследования, большие материальные затраты, ответственность за принимаемые в ходе лечения решения. В исследовании Zorn В. было отмечено, что стресс, возникающий в ходе лечения, оказывал влияние на мужскую фертильность и негативно отражался на результатах лечения бесплодия, препятствуя нормальному сперматогенезу [6]. Психологический стресс вначале лечения методами ВРТ способствовал ухудшению показателей качества спермы приблизительно у 10% мужчин [5]. Таким образом, проблема эффективной адаптации к психологическому стрессу, возникающему при столкновении с бесплодием, является особенно актуальной в настоящее время. Психологические трудности, с которыми сталкиваются пациенты во время лечения, оказывают негативное воздействие не только на их психоэмоциональное состояние, но и на результаты лечения методами ВРТ. *Цель исследования:* изучение психологического защитного комплекса у пациентов с нарушением фертильности и его взаимосвязи с показателями психоэмоционального напряжения.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на базе ФГУ «Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. Академика В.И. Кулакова». Было обследовано 56 мужчин с мужским фактором бесплодия участвующих в программе ВРТ. Средний возраст пациентов составил $35,7 \pm 6,1$ лет. Средняя продолжительность бесплодия в браке $4,6 \pm 4,2$ лет. Количество попыток лечения методами ВРТ составила от 1 до 7. Методы исследования: методика «Индекс жизненного стиля» Келлермана-Плутчика-Конте, шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, шкала психологического стресса PSM-25 (Lemyr, Tessier & Fillion, 1991).

Результаты. Согласно шкале психологического стресса к началу проведения очередного цикла лечения методами ВРТ соматические, эмоциональные и поведенческие признаки стрессового состояния были диагностированы у 20% испытуемых. Средние групповые показатели личностной и реактивной тревожности находились в пределах умеренных значений ($M=39,5/40,9$; M – среднее значение признака). Также было отмечено, что уровень тревожности имел тенденцию к повышению с увеличением возраста пациентов. Средние показатели по этим шкалам у мужчин после 40 лет составляли $45,1/46,3$, что соответствовало высокому уровню тревожности, и свидетельствовало о том, что пациенты данной возрастной категории были более подвержены влиянию стресса и переживали состояния тревоги большей интенсивности и значительно чаще. В структуре механизмов психологической защиты пациентов с мужским факто-

ром бесплодия, согласно методике «Индекс жизненного стиля», ведущее место занимала наименее адаптивная психологическая защита – «отрицание» ($M=78,2$), что свидетельствует о недостаточном осознании определенных, приносящих эмоциональный дискомфорт событий и фактов при их признании. Данный защитный механизм отрицательно коррелировал с уровнем личностной и реактивной тревожности ($p<0,05$; $r= -0,350$, $r= -0,363$). Выраженность защит «компенсация» ($M=57,4$) и «интеллектуализация» ($M=59,3$) возможно указывает на попытки пациентов избавиться от комплекса неполноценности и чрезмерно «умственным» способе преодоления фрустрирующей ситуации без переживаний. Использование психологических защит «компенсация» и «отрицание» положительно коррелировало с высокими показателями шкалы психологического стресса ($p<0,05$; $r= 0,465$, $r= 0,350$), что свидетельствовало о неэффективности их применения в борьбе со стрессом, вызванным бесплодием. Достаточно выраженными в репертуаре механизмов психологической защиты у пациентов с мужским фактором infertility являлись психологические защиты по типу реактивного образования ($M=55,1$) и вытеснения ($M=55,3$). Применение механизма «реактивное образование», вероятно, имело функцию фиксации положительного самоотношения путем выгодного сравнения себя с другими, что могло способствовать снижению реактивной тревожности пациентов. Напряженность психологической защиты «вытеснение» демонстрировала, что для пациентов было характерно вытеснение неприемлемых желаний, мыслей и чувств, вызывающих тревогу. С увеличением возраста пациентов повышалась выраженность психологической защиты «замещение» ($p<0,05$; $r=0,357$), при использовании которой эмоциональное напряжение, возникшее под влиянием фрустрирующей ситуации, обычно ослабевало, но не приводило к достижению поставленной цели. Возрастание количества попыток лечения в программах ВРТ, в свою очередь, было связано с напряженностью таких механизмов защиты как «проекция» и «регрессия» ($p<0,05$; $r= 0,310$, $r= 0,305$), при которых наблюдалось стремление купировать тревогу путем использования более простых и привычных поведенческих стереотипов, а также путем бессознательного переноса неприемлемых собственных чувств, желаний и стремлений на других. Отмеченная при этом положительная корреляционная связь с показателями психоэмоционального напряжения свидетельствовала о неэффективности использования подобных защитных механизмов.

Выводы. У пациентов с мужским фактором бесплодия преобладали механизмы психологической защиты по типу «отрицания», «интеллектуализации» и «компенсации». Повышенные показатели психологического стресса и тревожности были отмечены приблизительно у 20% пациентов. При этом было выявлено, что пациенты старшей возрастной группы, и мужчины, которые уже имели опыт неудачного лечения в программах ВРТ, составляли группу риска по развитию психоэмоциональных нарушений и, следовательно, требовали особого внимания при оказании психологической помощи. Выявленные особенности личностного реагирования могут рассматриваться в качестве «мишеней» психокоррекционного воздействия. Введение профилактических консультаций, посвященных психологическим трудностям бесплодных пар, психокоррекцион-

ных и психотерапевтических мероприятий в рамках реализации программы ВРТ, вероятно будет способствовать стабилизации психоэмоционального состояния пациентов и улучшению качества их жизни. Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ №МД-4860.2009.7.

Список литературы:

1. Воробьева О.В. Стресс и расстройства адаптации. – Медицинский вестник 2009; 25:494-495
2. Набиуллина Р. Р., Тухтарова И. В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция). – Казань, 2003. – 101с.
3. Сухих Г.Т. Мужское бесплодие. – М.: Эксмо, 2009. – 240с.
4. Boivin J., and Schmidt L., Infertility-related stress in men and women predicts treatment outcome 1 year later, *Fertility and Sterility* 2005; 83(6):1745-1752.
5. Boivin J., Shoog-Svanberg A., Distress level in men undergoing intracytoplasmic sperm injection versus in-vitro fertilization. *Human Reproduction* 1998; 13(5): 1403–1406.
6. Zorn B., Auger J., Velikonja V., Kolbezen M. and Meden-Vrtovec H.. Psychological factors in male partners of infertile couples: relationship with semen quality and early miscarriage. *International journal of andrology* 2007; 31: 557-564.

М.А. Гунашева, С.М. Шахшаева

**ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК ЖЕНЩИН С ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ
ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОГО АНАМНЕЗА**

Взаимовлияние психологических факторов, семейной ситуации и состояния здоровья женщин обуславливает актуальность разработки рекомендаций для врачей-гинекологов, кольпоскопистов по психологической подготовке и мотивации пациенток к обследованию. Результаты исследования позволяют говорить о подтверждении гипотезы о влиянии предварительных разъяснений врача на снижение уровня тревожности пациенток.

Ключевые слова: кольпоскопия, психологические факторы, скрининг, уровень тревожности.

Убеждать кого-либо в мощном воздействии психологических факторов на здоровье человека нет необходимости. Хорошо известны эффекты плацебо, самовнушения, психологической подготовки к тому или иному медицинскому вмешательству. Известный врач Н.В. Эльштейн еще в прошлом веке писал о том, «что изучение этических и психологических аспектов медицины не менее важно, чем предупреждение болезней, умение ставить диагноз и лечить больных» [5, с. 4].

Так же очевидно, что психологическое благополучие пациента зависит от его состояния здоровья, а особенности клинической ситуации имеют четкую корреляцию с особенностями психологических проблем, возникающих у пациента. Различные исследования в психосоматическом направлении, связанные с изучением внутренней картины болезни, социокультурных стереотипов по от-

ношению к больному той или иной нозологии, свидетельствуют о том, что любая болезнь, любой биологической природы, какой бы орган или систему органов она не поражала, ставит человека в психологически особые жизненные условия [3].

Особенно велико влияние психологических факторов на репродуктивное здоровье женщин. Это понятно, ведь гинекологические заболевания часто связаны с особенностями интимной жизни пациентки, с историей ее беременностей и родов, то есть зависят от социального и психологического благополучия ее семейной жизни. Например, инфекции, передающиеся половым путем, создают одну психологическую проблему, бесплодие – другую, опухоли и опухолевидные образования – третью.

В гинекологической и акушерской практике очень важен психологический подход к больным, глубокое использование психологии в работе с ними [4]. В гинекологической клинике перед врачом очень часто встает проблема совместно с лечением соматического заболевания оказать и психологическую помощь своим подопечным, так как «для больных более существенны не сами по себе гинекологические заболевания (их тяжесть, возможность инвалидизации и хронизации), а представление о том, как эти болезни отражаются на отношении к ним близких, родственников, сослуживцев и иного окружения» [2].

Несмотря на очевидную взаимосвязь психологических факторов и репродуктивного здоровья женщины, в этой сфере практически отсутствуют четкие рекомендации для акушеров-гинекологов, которыми они могли бы руководствоваться в своей практической деятельности. Навыки психологического воздействия на пациентов в зависимости от клинической ситуации могли бы помочь акушеру-гинекологу правильно построить беседу с пациентом и минимизировать ее психотравмирующее воздействие.

В нашем исследовании речь пойдет о пациентках кольпоскопического кабинета. Кольпоскопия – это метод исследования, основной целью которого является раннее выявление патологических процессов на шейке матки, могущих привести к развитию предрака и рака этого органа у женщин. Рак шейки матки стабильно занимает второе место по заболеваемости среди злокачественных новообразований у женщин. В последние годы в России регистрируется рост заболеваемости раком шейки матки среди молодых женщин. В то же время для рака шейки матки доказана стадийность процесса, причем от появления первых патологических изменений шейки до развития инвазивного рака проходит в среднем от трех до пятнадцати лет. Кроме того, разработаны и являются доступными методы скрининга – массового обследования женщин, позволяющие выявить и вылечить патологию на ранних стадиях, таким образом, предотвратить развитие злокачественного процесса. В идеале, при регулярном обследовании женского населения, заболеваемость этим видом патологии была бы сведена к единичным случаям [1].

В нашей стране, к сожалению, скрининг осуществляется оппортунистически, то есть по обращению в поликлинику, причем среди обратившихся преобладают пациенты, уже имеющие какие-либо жалобы. А если говорить о раке шейки матки, то жалобы появляются лишь на поздней стадии. В этих условиях

понятно большое значение разработки психологических приемов, позволяющих врачу усилить мотивацию женщины к регулярному обследованию и выполнению назначений врача. Применение таких приемов позволило бы привлечь к скринингу большее количество женщин и способствовало бы снижению заболеваемости раком шейки матки.

В связи с этим, целью нашего исследования является изучение психологического состояния пациенток кольпоскопического кабинета и разработка психологических приемов воздействия на них. Рабочие гипотезы исследования:

1. Кольпоскопическое обследование – может являться фактором повышения уровня тревожности у пациенток.

2. Степень негативного влияния кольпоскопического обследования зависит от личностных особенностей и семейной истории пациенток.

3. Предварительное разъяснение врачом значения, а также возможностей метода кольпоскопии снижает уровень тревожности у пациенток.

Данное исследование проводится нами на базе кольпоскопического кабинета Дагестанского республиканского диагностического центра. Рандомизация выборки достигается тем, что вводный инструктаж о значении кольпоскопии для пациенток проводится в случайном порядке. Для измерения уровня психологического напряжения используется опросник ситуативной тревожности Спилберга – Харина, а также Цветовой тест Люшера (сокращенный вариант). Для контроля семейной истории женщинам предлагается ответить на вопросы разработанной нами анкеты, включающей в себя как прямое оценивание значимых для них лиц и понятий, так и цветоассоциативную процедуру.

В пилотажном исследовании приняли участие 23 женщины, из них 12 предварительно были ознакомлены с особенностями и значением проведения кольпоскопического обследования, 11 были приняты в обычном порядке. Все женщины впервые проходили кольпоскопическое обследование. Проверка значимости различий между группами по уровню тревожности проведена с помощью критерия U Манна-Уитни [3].

Результаты пилотажного исследования ($U = 11, p < 0,05$) позволяют говорить о подтверждении на уровне статистической тенденции гипотезы о влиянии предварительных разъяснений врача на снижение уровня тревожности пациенток. Полученные данные доказывают необходимость разработки форм проведения психологического консультирования и информирования женщин, проходящих кольпоскопическое обследование.

Список литературы:

1. Роговская С.И. Практическая кольпоскопия [Текст] / С.И. Роговская. - М.: ГЭОТАР-МЕД, 2010. - 240 с.
2. Семенова О.П. Психологические проблемы гинекологической клиники // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». - М. 2000. Вып.11, с.311 - 312.
3. Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях: учебное пособие [Текст] / Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. - М.: SvRArgus, 1995. - 352 с.

4. Харди И. Врач, сестра, больной. Психология работы с больными. -Перевод с венгерского М. Алекса под ред. М.В. Коркина, В.М. Шкловского [Текст] / И. Харди. - Будапешт: Изд-во АН Венгрии. 1988г. - 338с.

5. Эльштейн Н.В. Диалог о медицине [Текст] / Н.В. Эльштейн. - Таллин: Валгус, 1986. - 256 с.

П.В. Копылова

ОСОБЕННОСТИ КОМПОНЕНТОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ЗАВИСИМОСТИ

В настоящее время всё большее внимание уделяется системному подходу к проблеме алкогольной зависимости. Наряду с необходимостью развития клинико-биологического представления об алкоголизме особое значение приобретает изучение психологических, в первую очередь, личностных факторов, играющих важную роль в причинах формирования алкогольной зависимости и выступающих в качестве основы для создания лечебно-реабилитационных программ.

Ключевые слова: зависимость, саморегуляция, ригидность, оценка, планирование, моделирование, самостоятельность.

Приступая к изучению личности человека, имеющего алкогольную зависимость, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой его поведения. Неотделимой от поведения выступает категория саморегуляции личности.[3]. Рассмотрение саморегуляции дает нам возможность выявить особенности поведения зависимой личности, и сделать предположения о механизмах формирования состояния зависимости.

Проблема саморегуляции личности рассматривается авторами в рамках субъектного подхода к исследованию психики человека (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.В. Петровский и др.), представлений о функциональной структуре системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека (О.А. Конопкин), а также концепции индивидуального стиля саморегуляции (В.И. Моросанова).[1],[2],[4].

Саморегуляцию мы понимаем, вслед за О.А. Конопкиным, как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых им целей [2].

В своем исследовании В.И. Моросанова находит доказательства того, что индивидуальная система саморегуляции, с одной стороны, интегрирует личностные переменные различного уровня, а с другой стороны, опосредствует влияние на деятельность этих же личностных переменных, которые в свою очередь выполняют разные функциональные роли в целостном процессе регуляции произвольной активности человека.[3]. Соотнесение данного утверждения с проблемой зависимости, дает нам право рассматривать процесс саморегуляции, как опосредующий взаимосвязь между личностными характеристиками и

особенностями поведения зависимой личности. Что в свою очередь подводит нас к идее рассмотрения компонентов саморегуляции, как механизмов функционирования зависимой личности.

Данная работа, представляет собой попытку, изучения особенностей саморегуляции зависимой личности, как опосредующего механизма ее функционирования.

Объектом исследования является саморегуляция людей с алкогольной, наркотической и игровой зависимостью.

Предметом исследования особенности компонентов саморегуляции у людей с алкогольной, наркотической и игровой зависимостью.

Цель исследования: выявить особенности компонентов саморегуляции у людей с алкогольной, наркотической и игровой формами зависимости.

Задачи исследования:

1. исследовать особенности компонентов саморегуляции у испытуемых с алкогольной зависимостью.
2. исследовать особенности компонентов саморегуляции у испытуемых с наркотической зависимостью.
3. исследовать особенности компонентов саморегуляции у испытуемых с игровой зависимостью.
4. исследовать особенности компонентов саморегуляции у здоровых испытуемых.
5. провести сравнительный анализ особенностей компонентов саморегуляции у обозначенных групп испытуемых – алкогольная зависимость, наркотическая, игровая и группы испытуемых, не страдающих не одной из рассматриваемых зависимостей.

В качестве измерительных инструментов были использованы:

1. «Опросник индивидуально - типологических особенностей» ИТО (Л.Н. Собчик, 2001) (в результатах данного исследования приводятся данные по шкалам: лабильность, ригидность);
2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой.

Исследование осуществлялось на базе Областного наркологического диспансера и психо-неврологического диспансера г. Курска. Общий объем выборки с алкогольной зависимостью составил 48 человек в возрасте от 27 до 56 лет, все испытуемые мужчины. Общий объем выборки испытуемых с наркотической зависимостью (опийная зависимость) составил 21 человек в возрасте от 24 до 40 лет. Общий объем выборки с игровой зависимостью составил 19 человек в возрасте от 23 до 46 лет. Все испытуемые мужчины, обращались в психо-неврологический диспансер г. Курска. В исследование, также принимали участие 28 мужчин без проявлений зависимого состояния (состояния зависимости были исключены по медицинским картам и по психологической оценке к склонности к зависимому поведению, а именно низкие значения по склонности к зависимости).

В качестве методов статистической обработки использован пакет STATISTICA 6.0, критерий U- критерий Манна-Уитни.

Центральная гипотеза: существуют определенные различия между ком-

понентами саморегуляции у групп испытуемых с алкогольной, наркотической, игровой зависимостью, а также группой здоровых испытуемых.

Статистический анализ полученных данных позволил выявить значимость различий с тенденция возрастания показателей ригидности («Опросник индивидуально - типологических особенностей» ИТО Л.Н. Собчик,) всех исследуемых с состоянием зависимости при сравнении со здоровыми (см. табл. 1).

Таблица 1 - Результаты значимости различий показателей ригидности при различных видах зависимости (U- критерий Манна-Уитни, p-level=0,05).

Р	1	2	1	3	1	4	3	4	2	3	2	4	1	3
U _з	86		80,5		26,5*		22,5*		49		33,5*		57	
U _к	64		51		64		34		34		42		42	

Условные обозначения: Р – ригидность; 1 – алкогольная зависимость; 2 – наркотическая зависимость; 3 – игровая зависимость; 4 – здоровые; * – значимость различий.

Ригидность, как свойство личности может являться одной из причин возникновения зависимости и одновременно с этим определять вектор поведения, а также выбор объекта зависимости. Отсутствие значимых различий между группами испытуемых с алкогольной, наркотической и игровой зависимостью, позволят предположить, что ригидность относится к общим характеристикам состояния зависимости.

Показатели оценивания результатов значимо выше у испытуемых без зависимости, чем у испытуемых с различными видами зависимости, также выявлены различия между алкогольной и наркотической зависимостью (см. табл. 2).

Таблица 2 - Результаты значимости различий показателей оценивания результатов при различных видах зависимости (U- критерий Манна-Уитни, p-level=0,05).

Op	1	2	1	3	1	4	3	4	2	3	2	4
U _з	56,5*		111		22,5*		21,5*		46,5		33*	
U _к	64		51		64		34		34		42	

Условные обозначения: Op - оценивание результатов; 1 – алкогольная зависимость; 2 – наркотическая зависимость; 3 – игровая зависимость; 4 – здоровые; * – значимость различий.

При состоянии зависимости отсутствует адекватность в оценке своих ошибок, что связано с низкой критичностью к своим действиям. Различия между алкогольной зависимостью и наркотической по данному критерию могут быть связаны с большим токсическим действием наркотика по сравнению с алкоголем, что снижает и фактически исключает критичность при наркотической зависимости.

Показатели моделирования при состоянии зависимости значимо ниже, чем у испытуемых с отсутствием зависимости (см. таблицу 3).

При отсутствии зависимости проявляется тенденция в способности выделять значимые условия достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в соответствии программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям. При

состоянии зависимости часто возникают трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, такие люди не всегда замечают изменение ситуации.

Таблица 3 - Результаты значимости различий показателей моделирования при различных видах зависимости (U- критерий Манна-Уитни, p-level=0,05).

М	1	2	1	3	1	4	3	4	2	3	2	5
U _о	147		110		37*		40		58,5		47	
U _к	64		54		64		34		34		42	

Условные обозначения: М - моделирование; 1 – алкогольная зависимость; 2 – наркотическая зависимость; 3 – игровая зависимость; 4 – здоровые; * – значимость различий.

Таблица 4 - Результаты значимости различий показателей самостоятельности при различных видах зависимости (U- критерий Манна-Уитни, p-level=0,05)

С	1	2	1	3	1	4	3	4	2	3	2	5
U _о	19*		76		53,3		51,5		18*		43,5	
U _к	64		51		64		34		34		42	

Условные обозначения: с - самостоятельность; 1 – алкогольная зависимость; 2 – наркотическая зависимость; 3 – игровая зависимость; 4 – здоровые; * – значимость различий.

Показатели самостоятельности при наркотической и игровой зависимости значимо выше, чем у испытуемых с алкогольной зависимостью, выявленную тенденцию можно объяснить особенностями объектов зависимости, которые зачастую являются нелегальными, и, следовательно, наносят отпечаток закрытости и автономности на поведение.

Таблица 5 - Результаты значимости различий показателей общего уровня саморегуляции при различных видах зависимости (U- критерий Манна-Уитни, p-level=0,05)

О	1	2	1	3	1	4	3	4	2	3	2	5
U _о	41,5*		68,5		49,5*		30,5*		19,5*		47,5	
U _к	64		51		64		34		34		42	

Условные обозначения: о – общий уровень саморегуляции; 1 – алкогольная зависимость; 2 – наркотическая зависимость; 3 – игровая зависимость; 4 – здоровые; * – значимость различий.

Анализ полученных данных по общему уровню саморегуляции указывает на значимое превышение данного показателя у испытуемых с отсутствием зависимости, чем у испытуемых с зависимостью. Показатели общего уровня саморегуляции при алкогольной зависимости значимо выше, чем при наркотической зависимости. Испытуемые с игровой зависимостью имеют общий уровень саморегуляции более высокий, чем при химической зависимости (см. табл. 5). Данные результаты указывают на то, что общий уровень саморегуляции в большей степени подвержен влиянию патологических свойств объекта зависимости.

Решая задачу исследования, мы выявили различия между компонентами саморегуляции зависимых испытуемых и здоровых испытуемых, а также между

группами испытуемых с алкогольной, наркотической и игровой зависимостью (показатели: ригидность, оценка, моделирование, самостоятельность, общий уровень саморегуляции). Таким образом, результатом исследования может выступать характеристика механизмов функционирования зависимой личности.

К общим механизмам состояния зависимости относятся: высокий уровень ригидности; низкий уровень развития как компонентов индивидуальной саморегуляции (оценивание результатов, моделирование, программирование), так и системы саморегуляции в целом.

Специфические механизмы наркотической зависимости: значимое снижение процессов моделирования; низкий уровень регуляторной гибкости.

Специфические механизмы алкогольной зависимости: низкий уровень самостоятельности.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. С.Л. Рубинштейн - ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000.
2. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1.
3. Менделевич В. Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства. - М.: 2001.
4. Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // П Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. психологический журнал. Том 23. - 2002, № 6.

О.В. Ляпустина

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОР РИСКА РАЗВИТИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье приведены результаты исследования, посвященные выявлению факторов риска наркотизации у подростков; сравниваются группы подростков, склонных и несклонных к аддиктивному поведению; выявлено, что подростки, употребляющие ПАВ, отличаются выраженностью определенных личностных характеристик.

Ключевые слова: аддиктивное поведение подростков, риск наркотизации подростков, акцентуации характера, индивидуально-психологические особенности подростков.

Формирование аддиктивного поведения подростков является в настоящее время общенациональной медицинской, социальной и психологической проблемой. Склонность к употреблению психоактивных веществ (ПАВ) – одна из самых характерных черт современной молодежной субкультуры.

Большинство исследований, посвященных выявлению факторов риска наркотизации, акцентируют внимание на психопатологических (Clark D.B. et al., 1999 [9]; Wolfe W.L., 2000[10]) и патопсихологических (Дербенев Д.П., 1997

[3]) факторах риска, относящихся к индивидуально-психологическому уровню.

Наиболее часто исследователи отмечают связь склонности к употреблению ПАВ и формирования зависимого поведения с психопатиями и акцентуациями характера (Ганнушкин П.Б.[2], 1933; Блейлер Э., 1993[1]; Личко А.Е., Битенский В.С., 1991[6]; Пятницкая И.Н., 1994[8]; Козлов А.А., Рохлина М.Л., 2001[5]; Менделевич В.Д., 2003[7]). Наиболее уязвимыми по отношению к злоупотреблению алкоголем и другими ПАВ, исследователи ((Дмитриева Т.Н., Сучков В.А., 1993[4]) считают подростков неустойчивого, эпилептоидно-неустойчивого, истероидно-неустойчивого типа.

В 2009-2010 годах было проведено исследование на базе профессионального училища № 56 г. Всеволожска, лицея №1 г. Всеволожска и ГУЗ подросткового туберкулезного санатория «Дружба» г. Пушкина, целью которого явилось выявление индивидуально-психологических особенностей у подростков, склонных и несклонных к аддиктивному поведению.

В качестве объекта исследования были определены подростки, обучающиеся в профессиональном училище №56 в возрасте 15-18 лет (40 человек), подростки, обучающиеся в лицее №1 г. Всеволожска в возрасте 14-16 лет (34 человека) и юноши, находившиеся на лечении в подростковом туберкулезном санатории «Дружба» в возрасте 14-18 лет (40 человек).

Предметом исследования явились индивидуально-психологические особенности подростков.

Использовались эмпирические и психодиагностические методы исследования: наблюдение, беседа, анкетирование, тестирование.

В качестве психодиагностических методик в исследовании применялись: 1) опросник «Аддиктивная склонность» для определения выраженности аддиктивного риска; 2) методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению; 3) МЛЮ «Адаптивность»; 4) опросник Х. Шмишека.

На основании анкетирования и опросника «Аддиктивная склонность» все подростки (114 человек) были распределены на 2 группы: первая – подростки с риском развития аддиктивного поведения (употреблявшие ПАВ) – 60 человек, вторая – подростки, не употреблявшие ПАВ, - 54 человека.

Юноши 1-й группы по итоговой шкале имели 14 и более баллов, что говорит об умеренных и выраженных признаках аддиктивной склонности, при анкетировании данные подростки подтверждали употребление ПАВ. Юноши 2-й группы по итоговой шкале имели до 15 баллов, это говорит о том, что у них аддиктивный риск не выражен или выражен умеренно. Данные подростки отрицали при анкетировании употребление ПАВ, хотя некоторые из них отмечали, что ранее имели опыт употребления ПАВ.

В таблице 1 представлены значения шкал опросника «Аддиктивная склонность» в группах.

Среднегрупповые значения всех шкал опросника «Аддиктивная склонность» при сравнении двух групп имеют достоверные различия ($p \leq 0,001$). Т.к., изначально шло разделение на две полярные группы – «склонных» и «несклонных» к аддиктивному поведению, соответственно по данной методике достоверные отличия были выявлены по всем показателям. Значения всех шкал наи-

более выражены в группе подростков с риском развития аддиктивного поведения.

Таблица 1. - Сравнительная характеристика среднегрупповых значений шкал опросника «Аддиктивная склонность» в обследованных группах

Шкалы	Группа подростков с риском развития аддиктивного поведения (n=60)	Группа подростков, не употреблявших ПАВ (n=54)
«Аддиктивная предрасположенность»	4,6±0,18	3,05±0,21***
«Аддиктивная склонность»	5,56±0,17	3,85±0,14***
«Аддиктивное поведение»	4,31±0,16	2,41±0,18***
«Аддиктивное расстройство»	2,66±0,19	1,37±0,13***
Итоговая шкала	17,13±0,44	10,46±0,43***

Примечание. *** - достоверность различий $p \leq 0,001$

Указанные в табл. 2 среднегрупповые значения шкал методики «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению», при сравнении обследованных групп имеют следующие достоверные различия. При ($p \leq 0,01$) выявлялись отличия между группами по шкале 6 - (волевого контроля эмоциональных реакций). По шкалам 2- (склонности к преодолению норм и правил), 3 - (склонности к аддиктивному поведению), 4 - (склонности самоповреждающему и саморазрушающему поведению), 5 - (склонности к агрессии и насилию), 7 - (склонности к делинквентному поведению) отмечаются статистически значимые ($p \leq 0,001$) различия между обследуемыми группами.

Таблица 2. - Сравнительная характеристика среднегрупповых значений шкал методики диагностики к отклоняющемуся поведению в обследованных группах

Шкалы	Группа подростков с риском развития аддиктивного поведения (n=60)	Группа подростков, не употреблявших ПАВ (n=54)
Шкала установки на социально-желательные ответы	2,53±0,19	2,35±0,24
Шкала склонности к преодолению норм и правил	8,86±0,43	5,83±0,27***
Шкала склонности к аддиктивному поведению	12,6±0,51	7,29±0,36***
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	11,41±0,42	8,83±0,36***
Шкала склонности к агрессии и насилию	13,42±0,57	10,48±0,46***
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	8,85±0,37	7,33±0,38**
Шкала склонности к делинквентному поведению	9,77±0,44	7,18±0,31***

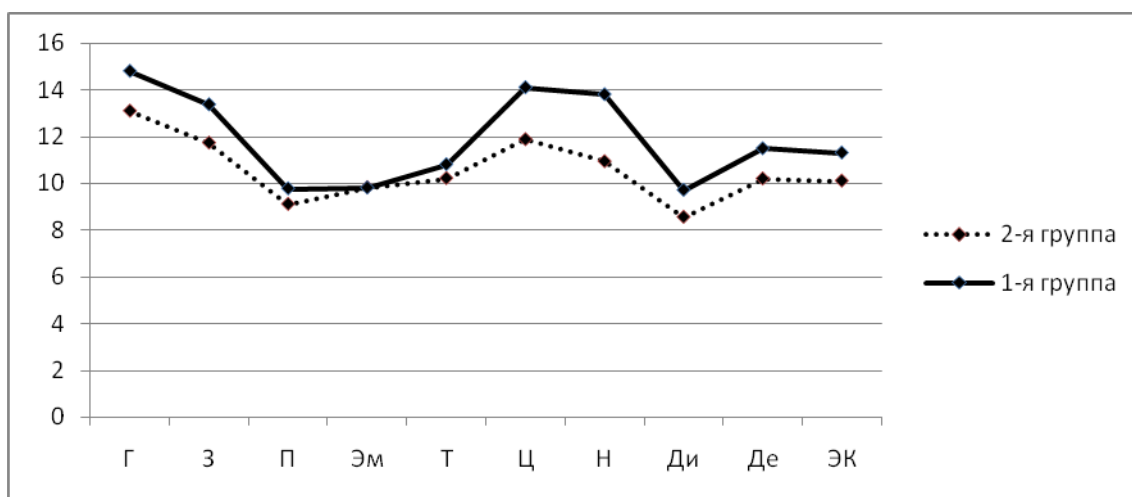
Примечание: ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$

Таким образом, подростки 1-й группы, употребляющие ПАВ, более склонны к преодолению норм и правил, к агрессии, насилию, к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, к делинквентному поведению, они имеют более низкий волевой контроль эмоциональных реакций, чем юноши 2-й группы, не употребляющие ПАВ. Можно говорить о том, что в 1-й группе наблюдается более высокая вероятность аддиктивного типа девиантного поведения.

По результатам опросника Шмишека у всех подростков 1-й группы (с риском развития аддиктивного поведения) было обнаружено наличие акцентуаций. У 48,3% (29 подростков) были выявлены тенденции к акценткациям характера и 51,7% (31 подросток) имели акцентуированные черты и типы характера. Во 2-й же группе юношей, не употреблявших ПАВ, у 12 человек (22,2%) не обнаружилось акцентуации характера, у 68,5% (37 человек) были выявлены тенденции к акцентуированным чертам и у 9,3% (5 человек) – акцентуированные черты и типы характера.

Изучение типов акцентуаций характера с помощью методики Х. Шмишека проиллюстрировано на рис. 1.

В 1-й группе подростков, склонных к аддиктивному поведению, по гипертимическому, застревающему, циклотимическому и неуравновешенному типам акцентуаций характера среднегрупповой балл превышал норму (больше 12 баллов), а в группе подростков, не употребляющих ПАВ, среднегрупповой балл превышал норму только по гипертимическому типу акцентуации характера.

Условные обозначения: 1) 1-я группа – группа подростков, склонных к аддиктивному поведению; 2-я группа – группа подростков, не употребляющих ПАВ; 2) Г - гипертимический; З - застревающий; ЭМ - эмотивный; П - педантический; Т - тревожный; Ц - циклотимический; ДЕ - демонстративный; Н - неуравновешенный; ДИ - дистимический; ЭК - экзальтированный.

Рисунок 1 – среднегрупповые графические профили акцентуаций характера (в баллах)

Однако, при сравнении акцентуаций у подростков 1-й и 2-й групп, статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$) были получены при анализе застревающего типа ($13,37 \pm 0,52$ и $11,74 \pm 0,44$ баллов, соответственно). Лица с цикло-

тимической акцентуаций в обеих группах имели следующие значения – $14,1 \pm 0,56$ и $11,89 \pm 0,46$ баллов при ($p \leq 0,001$). Среднегрупповой балл у подростков с неустойчивым типом в 1-й группе $13,8 \pm 0,65$, что выше чем во 2-й $10,94 \pm 0,46$ при ($p \leq 0,001$).

Подростки с риском развития аддиктивного поведения, имеющие застревающий тип акцентуации, используют ПАВ для облегчения адаптации в группе сверстников. Данные лица проявляют настороженность и недоверчивость по отношению к людям, чувствительны к обидам и огорчениям, уязвимы, подозрительны, отличаются мстительностью, не способны легко отходить от обид. Для них характерна заносчивость, конфликтность, склонность к аффектам.

Наличие неуравновешенной акцентуации в группе с риском развития аддиктивного поведения указывает, что подростки данной группы отличаются слабостью волевых процессов, отсутствием способности сопротивляться неблагоприятным условиям среды, эмоциональной неустойчивостью, повышенной внушаемостью. Указанные характерологические особенности создают почву для начала употребления ПАВ и дальнейшее формирование аддиктивного поведения.

Преобладание циклотимических черт характера в группе с риском развития аддиктивного поведения указывает, что юноши с данным типом плохо переносят ломку жизненного стереотипа и периодические смены настроения. Опыт ухода от трудностей и смягчения аффективных колебаний связан с употреблением ПАВ.

По результатам методики МЛЮ «Адаптивность» выявлены достоверно значимые отличия между 2-мя группами подростков по всем шкалам 2-го, 3-го и 4-го уровня. При ($p \leq 0,05$) выявлялись отличия между группами по шкале моральной нормативности (МН) ($11,28 \pm 0,49$ и $9,81 \pm 0,51$ соответственно). По шкалам поведенческой регуляции (ПР) ($39,49 \pm 1,89$ и $18,96 \pm 1,14$ соответственно), коммуникативного потенциала (КП) ($16 \pm 0,55$ и $12,44 \pm 0,55$ соответственно), личностного адаптационного потенциала (ЛАП) ($66,9 \pm 2,4$ и $41,48 \pm 1,78$ соответственно), дезадаптационных нарушений (ДАН) ($30,83 \pm 1,22$ и $18,65 \pm 0,94$ соответственно) отмечаются статистически значимые ($p \leq 0,001$) различия между обследуемыми группами.

Значения всех шкал наиболее выражены в группе подростков с риском развития аддиктивного поведения. 71,7% подростков 1-й группы (43 человека) имеют низкий уровень поведенческой регуляции, определенную склонность к нервно-психическим срывам, у 40% (24 человека) выявлены низкий уровень коммуникативных способностей, проявления агрессивности, повышенная конфликтность, 45% (27 человек) обладают низким уровнем социализации, у них отсутствует стремление соблюдать общепринятые нормы поведения. В целом у подавляющего большинства (96,6% - 58 человек) наблюдаются признаки явных акцентуаций характера и некоторые признаки психопатий, данные подростки обладают низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтны, могут допускать делинквентные поступки. У 48,5% юношей, склонных к аддиктивному поведению, выявлены признаки дезадаптационных нарушений.

В табл. 3 представлены среднегрупповые значения профиля личности подростков.

В 1-й группе подростков, склонных к аддиктивному поведению, выявлены более высокие средние значения по шкале HS (ипохондрия) ($58,98 \pm 1,09$ Т-баллов), чем во 2-й группе ($53,83 \pm 0,86$ Т-баллов) при $p \leq 0,001$, что свидетельствует об астеноневротическом типе реагирования. Употребление ПАВ помогает данным лицам быстрее адаптироваться к профессиональным условиям деятельности, новому коллективу, легче переносить смену обстановки.

Подростки 1-й группы показали достоверно более высокие средние значения по шкале D (депрессия, $p \leq 0,01$) ($67,81 \pm 1,11$ Т-баллов) по сравнению со 2-й группой ($63,64 \pm 1,07$). Их характеризует тенденция к сниженному фону настроения, тревога, ослабление волевого контроля, признаки излишней сензитивности. Употребление ПАВ придает данным лицам уверенности в своих силах, большую устойчивость к психическим и физическим нагрузкам.

Также у подростков, склонных к аддиктивному поведению, можно наблюдать более высокий средний балл по шкале НУ (истерия, $p \leq 0,001$) ($59,2 \pm 1,04$ Т-баллов), чем у подростков 2-й группы ($53,88 \pm 0,81$ Т-баллов).

Таблица 3. - Среднегрупповые значения профиля личности подростков (Т-баллы)

Шкалы профиля	Группа подростков с риском развития аддиктивного поведения (n=60)	Группа подростков, не употреблявших ПАВ (n=54)
L	$49,65 \pm 1,11$	$51,37 \pm 1,17$
F	$67,71 \pm 1,61$	$57,40 \pm 1,54^{***}$
K	$62,43 \pm 0,98$	$64,29 \pm 1,48$
HS	$58,98 \pm 1,09$	$53,83 \pm 0,86^{***}$
D	$67,81 \pm 1,11$	$63,64 \pm 1,07^{**}$
НУ	$59,2 \pm 1,04$	$53,88 \pm 0,81^{***}$
PD	$70,33 \pm 1,23$	$62,72 \pm 1,13^{***}$
MF	$59,03 \pm 0,84$	$57,83 \pm 0,8$
PA	$60,22 \pm 1,08$	$59,18 \pm 1,07$
PT	$68,93 \pm 0,71$	$59,05 \pm 0,8^{***}$
SC	$71,23 \pm 1,41$	$60,46 \pm 0,93^{***}$
MA	$66,75 \pm 1,35$	$61,52 \pm 1,19^{**}$
SI	$61 \pm 1,01$	$61,05 \pm 1,14$

Примечания:

1) 1-я группа подростков - с риском развития аддиктивного поведения; 2-я группа подростков – не употребляющие ПАВ.

2) Шкалы: L – ложь; F – надежности; K – коррекция; HS - ипохондрическая фиксация; D - склонность к депрессивным реакциям; НУ - склонность к истероидным реакциям; PD - психопатические отклонения; MF – мужественность / женственность; PA - склонность к паранойальным реакциям; PT - склонность к психоастеническим реакциям; SC - выраженность индивидуальности мышления; MA - показатель гипоманиакальности; SI - социальная интравертированность.

3) ** - достоверность различий ($p \leq 0,01$); *** - достоверность различий ($p \leq 0,001$)

Данный факт выявляет признаки истероидных черт характера, социальную и эмоциональную незрелость личности подростков 1-й группы. Имея вы-

раженное желание обратить на себя внимание окружающих, данные лица употребляют ПАВ.

В 1-й группе подростков выявлены более высокие средние значения по шкале РТ (психастения, $p \leq 0,001$) ($68,93 \pm 0,71$ Т-баллов), чем во 2-й группе подростков ($59,05 \pm 0,8$ Т-баллов), что характерно лицам, находящимся в состоянии адаптации к новым условиям (в группу подростков с риском развития аддиктивного поведения в основном вошли юноши, обучающиеся на 1-м курсе профессионального училища, и юноши, находящиеся на лечении в туберкулезном санатории).

Кроме того, в 1-й группе выявлены более высокие средние значения по шкале РД (психопатические отклонения) ($70,33 \pm 1,23$ Т-баллов), чем во 2-й ($62,72 \pm 1,13$ Т-баллов) при ($p \leq 0,001$). Это свидетельствует о преобладании в 1-й группе подростков, склонных к раскованному, спонтанному поведению. При этом повышение импульсивности ведет к пренебрежению законов и норм поведения, вспыльчивости и несдержанности в межперсональных отношениях со сверстниками. Высокий пик по данной шкале выявляет психопатические черты возбудимого типа.

Подростки, склонные к аддиктивному поведению, показали достоверно более высокие средние значения по шкале SC (индивидуальность мышления, $p \leq 0,01$) ($71,23 \pm 1,41$ Т-баллов) по сравнению с юношами, не употребляющими ПАВ ($60,46 \pm 0,93$). Лица с повышенной шкалой индивидуалистичности отличаются подчеркнутым нонконформизмом и противопоставлением окружению своих субъективных установок, взглядов и суждений, жесткостью и эгоцентризмом установок, что является свидетельством выраженной социальной дезадаптации с антисоциальной направленностью интересов и поведения, не критичностью в оценке своих действий.

Более высокие средние значения шкалы МА (гипомания, $p \leq 0,01$) в 1-й группе ($66,75 \pm 1,35$) по сравнению со значениями во 2-й группе ($61,52 \pm 1,19$), говорят о том, что подростки, склонные к аддиктивному поведению, характеризуются завышенной самооценкой, легкостью в принятии решений, отсутствием особой разборчивости в контактах, бесцеремонностью поведения, снисходительным отношением к своим промахам и недостаткам, постоянным стремлением к поиску «острых ощущений», в качестве которых выступают ПАВ.

Таким образом, можно сделать вывод, что существует определенный набор индивидуально-психологических особенностей, характеризующих подростков, склонных к аддиктивному поведению, и позволяющий выявить данных лиц. Такие индивидуально-психологические особенности, как: склонность к преодолению норм и правил, к агрессии, самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к делинквентному поведению, низкий волевой контроль эмоциональных реакций; наличие акцентуаций характера, а именно застревающего, циклотимического неустойчивого типов; низкая нервно-психическая устойчивость, низкий уровень коммуникативных способностей, повышенная конфликтность, низкий уровень социализации, признаки дезадаптационных нарушений; наличие ипохондрической фиксации, склонность к депрессивным, истероидным и психастеническим реакциям, психопатические от-

клонения, индивидуалистичность мышления и признаки гипоманиакальности являются факторами риска развития аддиктивного поведения.

Список литературы:

12. Блейлер Э. Руководство по психиатрии: Пер. с немец. с доп. по последнему 3-му нем. изд.- Берлин: Изд-во т-ва «ВРАЧ».1920.-переизд. / Э. Блейлер.-М.: «НПА», 1993. – 541с.
13. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика / П.Б. Ганнушкин. М.: Кооперативное изд-во «Север», 1933. – 143 с.
14. Дербенев Д.П. Состояние психического здоровья городских подростков с недельным поведением и делинквентов / Д.П. Дербенев // Ж. неврологии и психиатрии. - 1997. - Т. 97, №8. - С. 48 - 52.
15. Дмитриева Т.Н. Об алкоголизации подростков с патологическими формированиями личности неустойчивого типа / Т.Н. Дмитриева, В.А. Сучков // Социальная и клиническая психиатрия. - 1993. - Т.3., № 1. - С. 49 - 53.
16. Козлов А.А. Зависимость формирования наркоманической личности от предрасполагающих факторов / А.А. Козлов, М.Л. Рохлина // Ж. неврологии и психиатрии. - 2001. . - Т. 101, - № 5. - С. 16 – 20
17. Личко А. Е., Битенский В. С. Подростковая наркология: Руководство. – Л.: Медицина, 1991. – 304 с
18. Менделевич В.Д. Наркозависимость и коморбитные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты) / В.Д. Менделевич. - М.: «Медпресс-информ», 2003. – 327 с.
19. Пятницкая И.Н. Наркомании / И.Н. Пятницкая. - М., 1994. - 544 с.
20. Clark D.B. Early adolescent gateway drug use in sons of fathers with substance use disorders / D.B.Clark, L. Kirisci, H.B. Moss // Addict-Behav. - 1998. - Vol.23, №4. - P. 561 - 566.
21. Wolfe W.L. The effect of self-discrepancy and discrepancy salience on alcohol consumption / W.L. Wolfe, S.A. Maisto // Addict. Behav. – 2000. - Vol. 25, N 2. - P. 283 - 288.

Е.Л. Окулова

ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В данной статье представлены результаты изучения эмпатийных способностей подростков с девиантным поведением в сравнении с подростками без отклонений в поведении.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатийные способности, подростковый возраст, девиантное поведение.

Широкий интерес к изучению проблемы эмпатии, и в частности эмпатии подростков, неугасающий в течение многих десятилетий продиктован огромной важностью этого механизма в развитии личности и нравственных чувств человека, общении. Помощь в решении проблем общения, понимания друг друга является важнейшей задачей социального воспитания подростков. Одним из условий успешности общения человека с другими людьми является воспитанность его эмоциональной сферы, проявляющаяся в способности сопереживать другим людям: прежде всего, чувствовать их боль как свою, их радости и горе

как свои. Проявление этой способности в значительной мере связано с тем, каков круг людей, включаемых человеком в категорию «мы», каково окружение людей, значимых для него.

Развитие эмпатии особенно важно в период отрочества, когда у подростков интенсивно развиваются нравственные ценности, жизненные перспективы, новые взгляды на жизнь и на отношения между людьми. Подростковый возраст является критическим в становлении личности, не составляет исключения и феномен эмпатии как психологического личностного образования: достигнув явно выраженного уровня в подростковом периоде, она стимулирует социальное поведение в дальнейшей жизни. Особенности развития эмоциональной сферы подростков вызывают необходимость социально-педагогической деятельности, специально направленной на развитие нравственных чувств: сами подростки проявляют эмпатию избирательно, не всегда явно. В их потребностно-мотивационной и эмоциональной сферах мотивы самоутверждения и самореализации становятся главными, остальные же отходят на второй план (Т.В. Драгунова, Д.И. Фельдштейн). Как объект социальной работы подростки нуждаются в помощи - социальной адаптации, создании условий для социализации. Усвоение социального опыта, готовность к его обогащению формируется через включение подростков в реальные отношения между собой, в семье, со взрослыми, в микрогруппах и более крупных объединениях, в отношениях с государством. Одновременно подростки являются и субъектами социальной работы, что предполагает реализацию возможностей решения ребенком своих социальных проблем.

Но, каковы же проявления эмпатии у подростков с нарушенным поведением, а именно у девиантных подростков. Девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобрело в последние годы массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания социологов, социальных психологов, медиков, работников правоохранительных органов, педагогов.

Эмпатия это социально-психологическое свойство личности, представляющее совокупность социально-психологических способностей индивида, посредством которых данное свойство раскрывается как объекту, так и субъекту эмпатии, а так же как постижение эмоциональных состояний другого человека, понимание его чувств и переживаний, стремление к оказанию поддержки и действенной помощи другим людям [1]. Из этого определения понятно, почему именно по уровню эмпатийных способностей можно судить об особенностях личностной сферы и общения человека.

Подростковый возраст – стадия развития, которая характеризуется качественными изменениями, связанными с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь. В этот период индивид имеет повышенную возбудимость, импульсивность, главной его деятельностью становится общение со сверстниками. В подростковом периоде особенно велика потребность в дружеских отношениях, которые предполагают стремление к полному пониманию и принятию другого, определяя интимно-личностный характер общения со сверстниками, а позднее и со значимыми взрослыми. При этом эмпатия в большинстве исследований рассматривается как условие, необходимое для успешного осу-

ществления процесса межличностного взаимодействия.

Цель работы: изучение особенностей эмпатии у старших подростков с девиантным поведением.

Объект исследования: эмпатия в подростковом возрасте.

Предмет исследования: специфика эмпатии у старших подростков с девиантным поведением в сравнении со сверстниками, не имеющими отклонений в поведении.

Исследование эмпатии у подростков проводилось на базе МОУ СОШ №28 г. Кирова и воспитательной колонии г. Котельнича Кировской области. В данном исследовании была использована методика диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии И. М. Юсупова.

Опросник содержит 6 диагностических шкал эмпатии, выражающих отношение к родителям, животным, пожилым людям, детям, героям художественных произведений, знакомым и незнакомым людям. Данная методика позволяет определить уровень эмпатии испытуемого, в зависимости от количественного результата уровень может быть: «очень высоким», «высоким», «средним», «низким», «очень низким» [6]. По результатам проведенного исследования мы получили следующие данные:

1. Общий уровень эмпатии у подростков без тенденций к девиантному поведению – средний, составляет 50 баллов (среднее арифметическое). Это значит, что большинство исследуемым нами подростков без тенденций к девиантному поведению имеют следующие характеристики: окружающие люди не могут назвать лиц этой категории «толстокожим», но в то же время они не относятся к числу особо чувствительных лиц. В межличностных отношениях более склонны судить о других по их поступкам, чем доверять своим личным впечатлениям. Им не чужды эмоциональные проявления, но чаще они держат их под самоконтролем. В общении внимательны, стараются понять больше, чем сказано словами, но при излишнем излиянии чувств собеседника теряют терпение. Предпочитают деликатно не высказывать свою точку зрения, не будучи уверенным, что она будет принята. При чтении художественных произведений и просмотре фильмов чаще следят за действием, чем за переживаниями героев. Затрудняются прогнозировать развитие отношений между людьми, поэтому их поступки порой оказываются для них неожиданными. Они не отличаются раскованностью чувств, и это мешает их полноценному восприятию людей.

Таким образом:

- средний уровень эмпатии имеют 75% испытуемых;
- высокий уровень эмпатии – 12,5 % испытуемых;
- низкий уровень – 12,5% испытуемых;
- очень высокий и очень низкий уровень не показал никто из испытуемых.

Таким образом, у подростков без тенденций к девиантному поведению наименьший уровень проявления эмпатии (в рамках общего среднего уровня эмпатии) к героям художественных произведений, а наибольший – к родителям и незнакомым людям.

2. Общий уровень эмпатии у подростков с девиантным поведением – низкий, составляет 35 баллов (среднее арифметическое). Это значит, что большинство исследуемым нами подросткам с девиантным поведением имеют следующие характеристики: подростки испытывают затруднения в установлении контактов с людьми, неуютно чувствуют себя в шумной компании. Эмоциональные проявления в поступках окружающих подчас кажутся им непонятными и лишены смысла. Отдают предпочтение уединенным занятиям конкретным делом, а не работе с людьми. Являются сторонниками точных формулировок и рациональных решений. Вероятно, у них мало друзей, а тех, кто есть, они ценят больше за деловые качества и ясный ум, чем за чуткость и отзывчивость. Люди платят им тем же: случаются моменты, когда подростки чувствуют свою отчужденность; окружающие не слишком жалуют их своим вниманием. Но это исправимо, если они раскроют свой «панцирь» и станут пристальнее всматриваться в поведение своих близких и принимать их потребности как свои.

Общие особенности проявления эмпатии следующие:

- общий уровень эмпатии – низкий, но он выявлен у 62 % испытуемых (у подростков без тенденций к девиантному поведению – 12,5%)

- средний - 38% (у подростков без тенденций к девиантному поведению – 75%);

- высокий, очень высокий и очень низкий уровень не показал никто из испытуемых (у подростков без тенденций к девиантному поведению показатель высокого уровня эмпатии равен 12,5%).

Таким образом, мы видим, что уровень эмпатии подростков с девиантным поведением – *низкий*, а у подростков без тенденций к девиантному поведению – *средний*. Это говорит о значимых качественных различиях в поведении и особенностях взаимодействия данных двух групп испытуемых. Уровень эмпатии подростков без тенденций к девиантному поведению выше уровня эмпатии подростков с девиантным поведением.

Отличными же являются и результаты по 6 диагностическим шкалам.

Таким образом, у подростков с девиантным поведением наименьший уровень проявления эмпатии к детям, а наибольший – к желаемым людям и родителям. Существуют различия в объектах наименьшей и наибольшей направленности эмпатии у подростков без тенденций к девиантному поведению и подростков с девиантным поведением. Сопоставление выборок по проявлению эмпатии осуществлялось по критерию Фишера, который показал, что различия между выборкой подростков с девиантным поведением и выборкой подростков без нарушений поведения являются значительными.

Исследование показало, что у подростков без тенденций к девиантному поведению и у подростков с девиантным поведением разный уровень проявления эмпатии. У испытуемых без тенденций к девиантному поведению – средний уровень проявления эмпатийных способностей, а испытуемых с девиантным поведением – низкий уровень проявления эмпатийных способностей.

Таким образом, на основе полученных данных могут быть разработаны методы по развитию уровня эмпатии у подростков с девиантным поведением, с

целью снижения у них уровня агрессии и дезадаптации.

Список литературы:

1. Гаврилова Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Исторический обзор и современное состояние проблемы. [Текст] // Вопросы психологии. М.: Просвещение, 1975. №2. С. 147-156.
2. Гаврилова Т. П. Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста. [Текст] // Вопросы психологии. М.: Просвещение 1974. №2. С. 107-114.
3. Менджеричкая Ю.А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного общения // Практическая психология, 1999, №4.
4. Пашукова Т.И. О механизмах эмпатии и некоторых ее психических коррелятах // Вопросы психологии межличностного познания и общения. – Краснодар, 1983. – С. 76 – 92
5. Сивицкая Л. А. Социально-педагогические основы развития эмпатии подростков в детском общественном объединении. Дис. канд. пед. наук. М., 1998. 157 с.
6. Юсупов И. М. Психология эмпатии (Теоретические и прикладные аспекты): Дис. д-ра. психол. наук. [Текст]. С.-Петербург. Гос. Ун-т. СПб., 1995. 252 с.

М.Ю. Старцев

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С АСТЕНО-НЕВРОТИЧЕСКИМ ТИПОМ АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА

В статье приводятся результаты эмпирического исследования жизненных смыслов подростков с астено-невротическим типом акцентуации характера.

Ключевые слова: личность, астено-невротический тип акцентуации характера, жизненный смысл.

Общепринятым считается утверждение, что одним из самых сложных периодов в онтогенезе человека является подростковый возраст. Этот период обычно протекает трудно и для ребёнка, и для близких ему взрослых. С одной стороны, показательны негативные проявления подростка, дисгармоничность в строении личности, свертывание прежде установившейся системы интересов, протестующий характер поведения по отношению к взрослым. С другой стороны, подростковый возраст отличается и положительными факторами — возрастает самостоятельность ребенка, более многообразными и содержательными становятся его отношения с другими детьми и взрослыми, значительно расширяется и качественно изменяется сфера его деятельности, развивается ответственное отношение к себе, другим людям и т. д.

Большое число работ, как в отечественной, так и в зарубежной психологии было посвящено пубертатному периоду, который рассматривался со всех возможных сторон: биологической, физиологической, психической, психологической и социальной. Особое внимание учеными всегда уделялось изменениям личности подростка, ее трансформациям в этот период. Под влиянием различных факторов (биологических, социальных и прочих) происходят серьезные

преобразования в «Я-концепции», характере, мотивационной и ценностной сферах личности человека. Ярко окрашивается поведенческий компонент, что может быть связано с усилением у подростка определенных черт характера. Данное явление стал обозначать термин, введенный Карлом Леонгардом – «*акцентуированная личность*» [1]. В нашей стране получил распространение несколько другой термин – «*акцентуации характера*» - обозначенный А.Е. Личко, на основании того, что понятие «личность» более сложное, чем понятие «характер» и включает в себя интеллект, способности, склонности, мировоззрение и т.д., а также потому, что в описаниях К. Леонгарда речь идет именно о типах характера [2]. При относительно хорошей изученности вышеуказанных позиций, остается открытым вопрос об особенностях ценностной сферы подростков, имеющих тот или иной тип акцентуации характера.

Существенной проблемой при рассмотрении ценностно-смысловой сферы личности является то, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом. В современной философии и психологии понятие ценности определяется с позиций пяти различных точек зрения, которые принято считать проекциями ценности на определенную плоскость научного знания. Сюда входит определение ценности как атрибута какого-либо элемента предметного мира с одновременным непризнанием за ней статуса самостоятельной структуры. Вторая точка зрения раскрывает понимание ценности как сугубо индивидуальной реальности, значимой только для переживающего ее субъекта. Противоположная ей теория трактует ценность как исходно надындивидуальную реальность, имеющую субъективно-психологические корреляты. Существует еще одна точка зрения, объединяющая в себе два отмеченных подхода и рассматривающая ценность, как в надындивидуальной, так и в индивидуально-психологической ипостаси, что лучше всего может быть выражено через противопоставление «эталон – идеал».

Исходя из изложенных выше концепций, Д.А. Леонтьев выделяет три формы существования ценностей. Исходная и основная форма существует в виде общественных идеалов, то есть выработанных общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенных представлений о совершенстве в различных сферах общественной жизни. В этом своем выражении ценности относятся к категории «социальных представлений». Но социальные ценностные представления, при всей значимости, не могут быть познаны непосредственно. Более прямым и адекватным выражением ценностных идеалов служат их зафиксированные в культуре предметные воплощения, причем воплощением может выступать либо сам процесс деятельности – деяние, - либо объективированный продукт деятельности – произведение. Говоря о бытии ценностей в структуре личности индивидов, следует отметить логическое условие существования предметно воплощенных ценностей: предметное воплощение осуществляется только посредством целенаправленной деятельности людей, ориентированной на эти ценности. Мотивация этой деятельности исходит не из абстрактных социальных ценностей, а из личностных ценностей индивидов; «лишь приняв форму личностной ценности, ценностный идеал может найти путь к предмет-

ному воплощению»[4]. Определению ценностей индивидов с акцентуированным характером и посвящено данное исследование.

Объектом исследования данной работы являются подростки с астено-невротическим типом акцентуации характера. Предметом выступает ценностная сфера личности данных подростков. Методологическим обоснованием послужил обзорный материал исследований А.Е. Личко, К. Леонгарда, Д.А. Леонтьева, В. Франкла, С.В. Молчанова.

В качестве основного метода был применен констатирующий эксперимент с использованием следующих методик:

1. Патохарактерологический диагностический опросник А. Е. Личко (компьютерная версия)

2. Опросник смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (изначально разработанный Д. Крамбо и Л. Махоликом и адаптированный Леонтьевым). Эксперимент проводился на базе МОСШ №17 города Нижневартовска. В качестве испытуемых выступили ученики 8А класса, подростки 14-15 летнего возраста. Численность выборки составила 21 человек, из которых 14 девушек и 7 юношей соответственно.

Для определения типа акцентуации характера был использован Патохарактерологический диагностический опросник А.Е. Личко в компьютерной версии. Испытуемым предлагались утверждения, распределенные по нескольким блокам. На основе сделанных выборов программой создавался протокол обследования с указанием шкал типов акцентуаций, выявленных у данного испытуемого.

В результате астено-невротический тип акцентуации диагностирован у 47,6% от общего числа выборки, то есть у 10 человек (6 девушек и 4 юноши). С данной малой выборкой была проведена диагностика ценностной сферы при помощи опросника смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, который позволяет выявить четкость жизненных ориентаций и целей. В основе этого теста лежит идея противопоставления «пиковых переживаний», свидетельствующих о «полноте Бытия» и онтологической значимости жизни, и переживания «экзистенциального вакуума», свидетельствующего о бессмысленности существования. В тесте СЖО жизнь считается осмысленной при наличии целей, удовлетворении, получаемом при их достижении и уверенности в собственной способности ставить перед собой цели, выбирать задачи из наличных, и добиваться результатов. Важной является соотнесенность элементов со временем. Это предполагает ясное соотнесение целей – с будущим, эмоциональной насыщенности – с настоящим, удовлетворения – с достигнутым результатом, прошлым.

Полученные результаты позволяют выделить в структуре ценностной сферы подростков с астено-невротическим типом акцентуации характера такие категории жизненных смыслов, как экзистенциальные (51,4%), семейные (38,3%), самореализации (5,2%), альтруистические (3,8%) и коммуникативные (1,3%).

Связь между степенью выраженности астено-невротического типа акцентуации характера и категорий жизненных смыслов изучалась с помощью коэф-

фициента корреляции рангов Спирмена. Предполагалась статистически значимая связь преобладающих экзистенциальных и семейных категорий жизненных смыслов с характером ярко выраженного астено-невротического типа. Для определения данной связи сравнивалось рассчитанное значение рангового коэффициента Спирмена с его критическим значением.

Модуль рассчитанного коэффициента для связи экзистенциальных жизненных смыслов и баллов выраженности характера астено-невротического типа, составил 0,561, что меньше критического значения 0,658, при $p = 0,01$, но больше критического значения 0,497, при $p = 0,05$, т.е. в исследовании p_{xy} статистически значим с доверительной вероятностью 95%.

Модуль рассчитанного коэффициента для связи семейных жизненных смыслов и баллов выраженности характера астено-невротического типа, составил 0,573, что меньше критического значения 0,658, при $p = 0,01$, но больше критического значения 0,497, при $p = 0,05$, т.е. в исследовании p_{xy} статистически значим с доверительной вероятностью 95%. Таким образом, связь между степенью выраженности астено-невротического типа акцентуации характера и категорий жизненных смыслов можно признать статистически значимой.

Сравнительный анализ особенностей ценностной сферы подростков с астено-невротическим типом акцентуации характера и ценностей подросткового периода вообще обнаруживает как сходства, так и отличия. Наличие экзистенциальных переживаний у испытуемых указывает на общие черты, характерные для подросткового периода в целом. Однако, обнаруженные семейные ценности, потребность в «мягком и комфортном» психологическом климате позволяют предположить о некоторой существенной деформации ценностной сферы астено-невротических акцентуантов.

Список литературы

1. Леонгард К. Акцентуированные личности. - М., 1981. 215 с.
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. - Л.: Медицина, 1983. 341 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. 315 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. - М.: Смысл, 1999. 243 с.
5. Молчанов С.В. Особенности ценностных ориентаций личности в подростковом и юношеских возрастах // Психологическая наука и образование. 2005. №3. с. 16-25
6. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 624 с.
7. Мантрова И.Н. Методическое руководство по психофизиологической и психологической диагностике. - ООО «Нейрософт» (Россия, Иваново), 2007. 246 с.

В.В. Ткачев, Д.В. Костин
**СТРУКТУРА ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ЛИЦ
ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА, ПРОХОДЯЩИХ
ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА**

Статья посвящена анализу структуры психиатрической заболеваемости среди лиц призывного возраста, проходящих освидетельствование в условиях стационара.

Ключевые слова: психиатрическая заболеваемость, лица призывного возраста.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2020 году психические расстройства войдут в первую пятерку болезней, ведущих к потере гражданами трудоспособности. К настоящему времени в России, в силу многих причин, отмечается стойкая тенденция к ухудшению психического здоровья различных категорий населения страны, в том числе и среди лиц, призываемых на военную службу.

Согласно определения бывшего Министра здравоохранения РФ Т.Б. Дмитриевой (2005), под общественным психическим здоровьем понимается уровень психического здоровья популяции, определяющийся распространенностью в ней психических заболеваний, алкоголизма и наркомании, умственной отсталости, различных форм деструктивного (в том числе, суицидального и агрессивного) поведения; соотношением между долями лиц с отсутствием и наличием нарушений психического здоровья.

Призыву на военную службу граждан, достигших 18-летнего возраста, предшествует прохождение ими в военных комиссариатах военно-врачебных комиссий (ВВК) и психологического обследования. Цель этих мероприятий - выявить среди контингента, призываемого на военную службу, лиц с соматическими и психическими заболеваниями, препятствующими прохождению военной службы. В настоящем сообщении представлены материалы о состоянии психического здоровья граждан, направленных ВВК на стационарное обследования в психиатрические стационары с целью обследования и вынесения экспертного заключения о годности к военной службе.

Известно, что психические расстройства стабильно занимают ведущее место в структуре заболеваний, послуживших причиной освобождения юношей от призыва на действительную военную службу (в целом по стране – более 30%). Кроме того, среди причин увольнения из Вооруженных Сил по состоянию здоровья военнослужащих, проходящих службу по призыву, психические расстройства также занимают лидирующее место [2,3,4].

Анализ доступной литературы свидетельствует, что уровень психиатрической патологии среди призывного контингента резко возрос к концу 90-х годов прошлого века, что во многом было связано с социально-экономическими преобразованиями, происходившими в стране [1,5].

Так, период 1996-2000 гг. характеризовался резким увеличением общей психиатрической патологии среди лиц, призываемых на военную службу (с 37,06 до 96,53 промилле) (рис.1).

Это объясняется тем, что в тот период в нашей стране во всех социальных сферах произошли существенные перемены, а коренная ломка существовавшей социально-политической и экономической системы сопровождалась развитием социально-стрессовых реакций среди значительной массы населения страны [1,5].

В первую очередь рост психической патологии произошел за счет колоссального увеличения количества наркологических больных; весьма значительный рост заболеваемости отмечался по ст. 18⁴ (расстройства личности); и по ст. 17 (невротические, связанные со стрессом и соматические расстройства). Кроме того тот период обращал на себя внимание значительным увеличением заболеваемости по ст. 14 (органические психические расстройства), куда в основном относились последствия перенесенных черепно-мозговых травм и нейроинфекций.

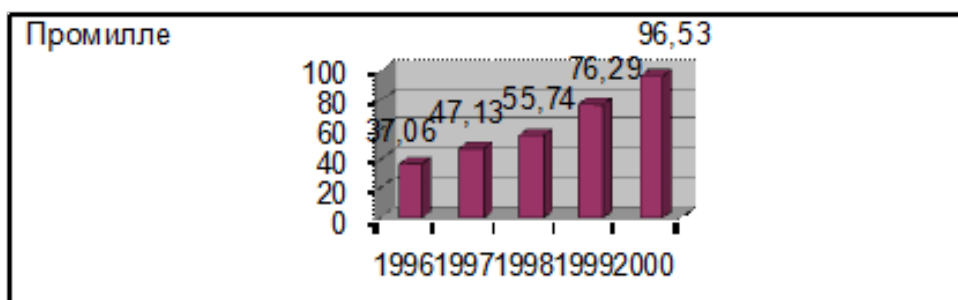

Рисунок 1. - Динамика общей психической заболеваемости лиц призывного возраста за период 1996 – 2000 гг.

За последние годы (2004-2008 гг.) отмечается стойкая тенденция, проявляющаяся снижением общей психиатрической заболеваемости среди лиц, призываемых на военную службу: с 54,09 до 39,34 промилле (рис.2).

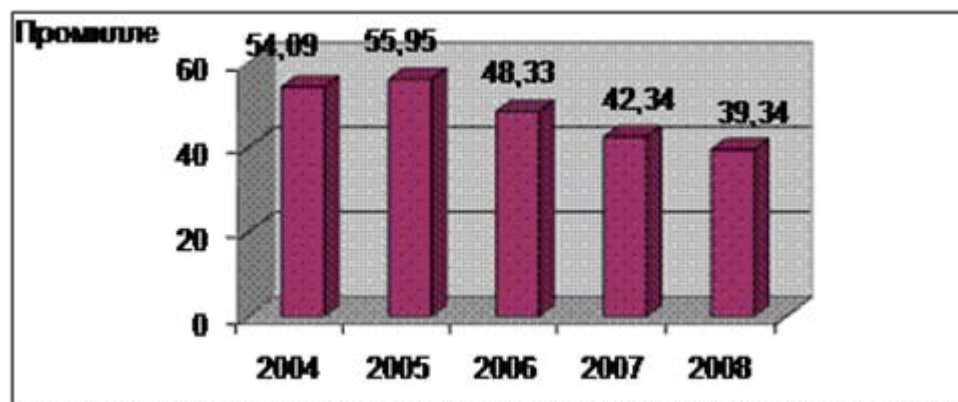

Рисунок 2. - Динамика общей психической заболеваемости лиц призывного возраста за период 2004 – 2008 гг.

Во многом это объясняется относительной экономической стабилизацией общества и снижением уровня социальных психогений, а также с формирова-

⁴ Статьи приводятся в соответствии с Положением о военно-врачебной экспертизе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. №390.

нием нового облика Вооруженных Сил. Тем не менее следует отметить, что несмотря на положительную динамику показателей психического здоровья лиц, призываемых на военную службу, определенная часть призывников направляется на стационарное обследование с целью установления их степени годности к военной службе.

К настоящему времени лидирующей психиатрической патологией, не позволяющей призывникам быть призванным на военную службу являются:

- заболеваемость по ст. 17 (невротические, связанные со стрессом и соматические расстройства, до 6,83 промилле в 2008 г.);
- заболеваемость по ст.18 (расстройства личности, до 9,83 промилле);

На третье место выходит заболеваемость по ст. 14 (органические психические расстройства).

Полученные в результате анализа материалов СПб ГУЗ «ПНД №4» данных, следует, что в период осеннего 2009 г. и весеннего 2010 г. призывов, среди юношей призывного возраста, прошедших психиатрическое освидетельствование и призванных негодными к военной службе по причине психических расстройств в структуре психической патологии лидируют:

- (F70-F72)-умственная отсталость (31,8%);
- (F 60.8) -инфантильное расстройство личности (27,1%);
- (F 60) -транзиторное расстройство личности (21,5%) и др. (таблица 1).

Таблица 1. - Структура психических расстройств среди лиц призывного возраста, проходящих стационарное обследование (%)

Статья	Заболевание, шифр по МКБ-10	%
20	Умственная отсталость (F 70-F72)	31,8
18	Инфантильное расстройство личности (F 60.8)	27,1
18	Транзиторное расстройство личности (F 60)	21,5
18	Другие расстройства личности (F 60)	9,1
14	Органическое непсихотическое расстройство (F 06.7-F 06.8)	3,8
19	Синдром зависимости от алкоголя (F 10.2)	2,4
19	Употребление каннабиноидов с вредными последствиями (F 12.1)	2,7
89	Заикание (F 80.0)	0,9
19	Шизофрения (F 20)	0,6
18	Расстройство сексуальной ориентации (F 66)	0,1

Социально-психологическое изучение лиц данного контингента показало, что большинство юношей проживали в многодетных (41,4%), неполных (24,6%) , малообеспеченных (59,7%) семьях. В подавляющем большинстве случаев (75,6%) наследственность обследуемых была психопатологически отягощена, в основном (76,0% случаев) по алкогольной зависимости близких родственников. На сегодняшний день, как правило, лишь каждый седьмой призывник, направленный на психиатрическое освидетельствование в ПНД из военного комиссариата, имеет достаточный или удовлетворительный уровень адаптационных возможностей личности. И, как следствие, может быть призванным в ряды Вооруженных Сил.

По мнению врачей-психиатров, длительное время занимающихся психиатрической экспертизой лиц призывного возраста, в последнее время отмечается две основные тенденции, ранее отсутствовавшие:

- если в прошлом было модно «косить под дурачка», то сегодня этой симуляций болезни почти нет, однако молодые люди не в состоянии объяснить даже смысл простых пословиц: «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда», «Куй железо пока горячо», «Не в свои сани не садись» и др., что связано с резким падением уровня общего интеллектуального развития и общеобразовательной подготовленности молодых людей;
- юноши, имеющие зависимость от ПАВ, в ходе обследования стремятся сокрыть наличие этого заболевания, с целью: «пойти в армию и там избавиться от этой пагубной привычки».

Сложившаяся ситуация предполагает совершенствование экспериментально-психологического обследования лиц призывного возраста, находящихся в психиатрических стационарах. При этом значительно повышается роль клинического психолога, который, на основании проведенных обследований представляет психиатрам материал, в обязательном порядке учитывающийся в ходе вынесения экспертного заключения о состоянии психического здоровья граждан и годности к военной службе.

Список литературы:

1. Александровский Ю.А. Пограничные психическое расстройства. Руководство для врачей.-М.: Медицина,2003.-400 с.
2. Аксаков И.А. Клинико-социальные аспекты состояния психического здоровья комиссованных военнослужащих срочной службы.: автореф. дисс. ... канд. мед. наук / И.А. Аксаков. – Москва, 2007. – 26 с.
3. Глушко Т.В. Формирование личностных расстройств у юношей допризывного и призывного возрастов (клинико-динамические и реабилитационные аспекты): автореф. дисс. ... канд. мед. наук / Т.В. Глушко. – Чита, 2009 г. – 36 с.
4. Волгин К.В. К вопросу о качестве жизни граждан, комиссованных со срочной службы по психическому заболеванию // Вестник РГМУ: материалы II Международной Пироговской науч. мед. конф., (2007 г.). – М., 2007. – № 2 (55). – С. 59.
5. Зиньковский А.К. Сравнительный анализ факторов риска психической дезадаптации у срочнотружущих лиц // 14 съезд психиатров России: материалы съезда, (15 – 18 нояб. 2005 г.). – М., 2005. – С. 297 – 298.

Е.А. Трошина

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ НОСА И ОКОЛОНОСОВЫХ ПАЗУХ

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных характеристик учащихся младших классов, страдающих хроническими заболеваниями носа и околоносовых пазух.

Ключевые слова: самооценка; дифференцированность самооценки; тревожность; агрессия косвенная; неприятие себя; социальный стресс; социальная адаптированность, хронический гайморит; хронический ринит; сезонное обострение.

Развитие ребёнка в условиях заболевания влияет на формирование его личности. Понятию «Я» у таких детей соответствует отрицательный образ, они сопровождают его отрицательным по смыслу комментарием, за ним скрывается неприятие себя, недовольство своей внешностью, низкая самооценка [2]. У детей отмечаются проблемы эмоционального характера, нарушения поведения в семье и школе [1].

С целью исследования своеобразия личностного развития младших школьников, страдающих хроническими заболеваниями нетуберкулёзного характера, на базе Муниципального учреждения здравоохранения Тихвинской центральной районной больницы (ЦРБ) было проведено исследование группы часто болеющих детей (ЧБД) 7-10 лет, имеющих хронические заболевания нетуберкулёзного характера: хронический бронхит, хронический ринит, хронический гайморит, бронхиальная астма.

Болезни органов дыхания занимают первое место в структуре заболеваемости как у детей, так и у взрослых и составляют у детей до 14 лет 68-72%, а до 4 лет-76-82%; протекают с сезонными обострениями. Несмотря на обширный арсенал лекарственных средств терапия их не всегда оказывается эффективной [3]. К наиболее распространённым заболеваниям полости носа относят ринит, гайморит. Все эти заболевания могут быть как острыми, так и хроническими.

Хронический гайморит - хроническое воспаление слизистой оболочки пазухи (полости) верхней челюсти. Причинами заболевания могут быть инфекционные процессы верхних дыхательных путей, грипп и т.д. Переохлаждение организма, снижение его защитных свойств при авитаминозе способствуют развитию гайморита. Хронический гайморит развивается при недостаточном и несвоевременном лечении острого воспаления пазухи верхней челюсти.

Хронический ринит - хроническое воспаление слизистой оболочки носа. Причинами заболевания могут быть инфекции верхних дыхательных путей, некоторые сосудистые заболевания, неблагоприятные условия окружающей среды и др. Способствуют развитию хронического ринита врожденные пороки носа, деформация носа после травмы, наследственная предрасположенность.

Актуальность исследования состоит в том, что данные болезни являются широко распространёнными заболеваниями системы дыхания и в последние годы отмечается тенденция к увеличению заболеваемости.

Цель исследования: изучить личностные особенности здоровых детей и детей, страдающих заболеваниями носа и околоносовых пазух.

Предполагалось, что формирование личностных особенностей (самооценки, тревожности, агрессивности, интересов и ценностей), межличностных отношений детей со сверстниками и взрослыми имеет свои особенности и воз-

можную специфическую динамику развития при различных хронических заболеваниях.

В процессе проведенных обследований использовались: методика Дембо-Рубинштейн, шкала явной тревожности в адаптации А. М. Прихожан, методика диагностики школьной тревожности (Филипса), методика «Какой я?», исследование отношения к прошлому, настоящему, будущему, методика Баса-Дарки, детский вариант теста Кетелла; регламентированная клиническая беседа, а также методы математической статистики для анализа полученных результатов.

Экспериментальную группу (n=23) составили девочки с диагнозом хронический гайморит, в качестве контрольной группы выступили здоровые девочки (n=57).

Сравнительный анализ личностных характеристик экспериментальной и контрольной группы младших школьников приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Оценка достоверности отличий здоровых детей (девочки) и детей с диагнозом хронический гайморит (девочки) по уровню выраженности некоторых личностных характеристик.

Психологический признак	Здоровые дети (девочки) n=57		Хронический гайморит (девочки) n=23		t-St	p
	M±m	σ	M±m	σ		
1. Явная тревожность.	5,947±0,268	2,022	7,13±0,334	1,604	2,76	p<0,01
Методика Кетелла.						
2. Интеллект.	7,579±0,283	2,138	5,261±0,538	2,58	3,813	p<0,001
3. Сила я-слабость я.	7,474±0,341	2,571	5,609±0,561	2,692	2,84	p<0,01
4. Возбудимость - флегматичность.	5,912±0,256	2,003	4,882±0,266	2,269	2,905	p<0,01
5. Доминантность - конформность.	5,702±0,307	2,314	4,609±0,43	2,061	2,07	p<0,05
6. Беспечность - озабоченность.	6,982±0,345	2,608	5,087±0,514	2,446	3,06	p<0,01
7. Тревожность - самоуверенность.	4±0,342	2,449	5,609±0,551	2,641	2,52	p<0,05
Методика Баса-Дарки.						
8. Физическая агрессия.	3,07±0,237	1,791	5,087±0,251	1,203	5,84	p<0,001
9. Подозрительность.	3,193±0,261	1,968	4,261±0,448	2,34	1,93	p≤0,1
Методика Филипса.						
10. Общая тревожность в школе.	9,554±0,823	6,214	13,87±1,28	6,137	2,84	p<0,01
11. Страх самовыражения.	5,912±0,373	2,818	6,826±0,386	1,85	1,7	p≤0,1
12. Страх несоответствия ожиданиям окружающих.	6,807±0,306	2,31	8,261±0,488	2,34	2,52	p<0,05
13. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу.	3,228±0,27	2,036	5±0,665	3,191	2,47	p<0,05
14. Проблемы и страхи в отношениях с учителями.	4,351±0,312	2,357	5,957±0,516	2,477	2,66	p<0,01

Как видно из приведенных данных между испытуемыми экспериментальной выборки и контрольной выборки выявлены различия на статистически значимом уровне и на уровне статистической тенденции.

Для здоровых девочек более выражены признаки: интеллект ($p < 0,001$); сила я-слабость я ($p < 0,01$); возбудимость-флегматичность ($p < 0,01$); доминантность-конфорность ($p < 0,05$); беспечность-озабоченность ($p < 0,01$). Это позволяет говорить о том, что здоровым девочкам свойственна быстрая сообразительность и обучаемость; уверенность в себе, оптимизм, общительность, импульсивность.

Для больных девочек более выражены признаки: явная тревожность ($p < 0,01$); тревожность-самоуверенность ($p < 0,01$); физическая агрессия ($p < 0,01$); общая тревожность в школе ($p < 0,01$); страх несоответствия ожиданиям окружающих ($p < 0,05$); низкая физиологическая сопротивляемость стрессу ($p < 0,05$); проблемы и страхи в отношениях с учителями ($p < 0,01$). Девочки склонны недооценивать себя, ранимы, недоверчивы и очень осторожны в общении как со сверстниками так и со взрослыми.

На уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$) выявлены различия по признакам: подозрительность и страх самовыражения. Данные психологические признаки более выражены у девочек с диагнозом хронический гайморит, что позволяет предположить, что недоверие и осторожность по отношению к людям значительно затрудняют раскрытие своих возможностей.

Экспериментальную группу² ($n=19$) составили девочки с диагнозом хронический ринит, в качестве контрольной группы выступили здоровые девочки ($n=57$).

Сравнительный анализ личностных характеристик экспериментальной и контрольной группы младших школьников приведен в таблице 2.

Как видно из приведённых данных на статистически значимом уровне были выявлены различия по следующим психологическим признакам.

Для здоровых девочек: самооценка ($p < 0,05$); интеллект ($p < 0,001$); сила я-слабость я ($p < 0,05$); беспечность-озабоченность ($p < 0,05$). Мы можем говорить в этом случае, что девочки более уверены в себе, сообразительны, общительны, оптимистичны.

Для девочек с диагнозом хронический ринит: отношение к прошлому, настоящему, будущему ($p < 0,05$); явная тревожность ($p < 0,01$); физическая агрессия (методика Баса-Дарки) ($p < 0,001$); косвенная агрессия ($p < 0,001$); общая тревожность в школе ($p < 0,05$); страх несоответствия ожиданиям окружающих ($p < 0,001$); низкая физиологическая сопротивляемость стрессу ($p < 0,001$); проблемы и страхи в отношениях с учителями ($p < 0,001$). Девочки характеризуются высокой тревожностью, особенно по отношению к настоящему и будущему; испытывают трудности в учебной деятельности: они хорошо учатся, но тяжело переживают ситуации проверки знаний; для них значима оценка других в учебной деятельности; несколько неуверенны в себе в общении с учителями.

На уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$) выявлены различия по следующим признакам: обида, проявляется более у здоровых девочек, когда кто-то, особенно больные сверстницы, достигают больших результатов.

Для больных девочек более выражены признаки: страх самовыражения; чувствительность-жесткость; страх ситуации проверки знаний; что позволяет предположить, что ранимость, чувствительность, особенно к оценкам другими своего поведения и достижений ещё более усиливают страх самораскрытия, демонстрации своих возможностей.

Таблица 2 – Оценка достоверности отличий здоровых детей (девочки) и детей с диагнозом хронический ринит (девочки) по уровню выраженности некоторых личностных характеристик

Психологический признак	Здоровые дети (девочки) n=57		Хронический ринит (девочки) n=19		t-St	p
	M±m	σ	M±m	σ		
Методика Дембо-Рубинштейн.						
1. Самооценка.	73,37±2,517	19,01	60,53±4,387	19,12	2,593	p<0,05
2. Отношение к прошлому, настоящему, будущему.	18,44±0,807	6,092	22,42±1,707	7,441	2,11	p<0,05
3. Явная тревожность.	5,947±0,268	2,022	7,368±0,392	1,707	3	p<0,01
Методика Кетелла.						
4. Интеллект.	7,579±0,283	2,138	5,474±0,537	2,342	3,466	p<0,001
5. Сила я-слабость я.	7,474±0,341	2,571	5,842±0,542	2,363	2,548	p<0,05
6. Беспечность-озабоченность.	6,982±0,345	2,608	5,421±0,604	2,631	2,245	p<0,05
7. Чувствительность-жесткость.	5,281±0,322	2,433	6,421±0,437	2,063	1,99	p≤0,1
Методика Баса-Дарки.						
8. Физическая агрессия.	3,07±0,237	1,791	5,579±0,361	1,575	5,8	p<0,001
9. Косвенная агрессия.	6,018±0,261	1,968	6,947±0,462	2,013	1,75	p<0,001
10. Обида.	4,105±0,229	1,729	2,895±0,382	1,663	2,72	p≤0,1
Методика Филипса.						
11. Общая тревожность в школе.	9,554±0,823	6,214	13,68±1,344	5,86	2,63	p<0,05
12. Страх самовыражения.	5,912±0,373	2,818	7,105±0,477	2,079	1,97	p≤0,1
13. Страх ситуации проверки знаний.	6,895±0,326	2,462	7,895±0,471	2,052	1,75	p≤0,1
14. Страх несоответствия ожиданиям окружающих.	6,807±0,306	2,31	9,053±0,554	2,415	3,55	p<0,001
15. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу.	3,228±0,27	2,036	6±0,582	2,539	4,32	p<0,001
16. Проблемы и страхи в отношениях с учителями.	4,351±0,312	2,357	6,648±0,578	2,518	3,55	p<0,001

Данные проведенных обследований и полученные результаты представляют интерес в особенностях психологического портрета младших школьников с хроническими заболеваниями носа и околоносовых пазух и могут быть использованы при проведении психокоррекционных мероприятий.

Список литературы:

1. Альбицкий В.Ю., Баранов А.А. Часто болеющие дети: клинико-социальные аспекты. Пути выздоровления.- Саратов, 2003.

2. Баркова Ю.А., Глоzman Ж.М. Групповая коррекция нарушения поведения детей разного возраста.//Психологическая наука и образование. 2002.,№3.
3. Безруких М.М., Ефимова С.П. Знаете ли вы своего ученика?-М.: Просвещение,1991.
4. Дереклеева Н.И. Двигательные игры, тренинги и уроки здоровья.1-5 класс.-М., ВА-КО,2004(Мастерская учителя).
5. Мосина Н.А. Особенности развития самосознания часто болеющего младшего школьника.- Красноярск, 2007.

Е.А. Трошина

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С БРОНХОЛЁГОЧНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных характеристик учащихся младших классов, страдающих бронхолегочными заболеваниями.

Ключевые слова: самооценка; тревожность; дифференцированность самооценки; агрессия вербальная; социальный стресс; социальная адаптированность, хронический бронхит; сезонное обострение.

С целью исследования своеобразия личностных характеристик младших школьников, с бронхолегочными заболеваниями, на базе Муниципального учреждения здравоохранения Тихвинской центральной районной больницы было проведено исследование группы часто болеющих детей 7-10 лет. По мнению терапевтов, данные заболевания представляет важную социально-медицинскую проблему в связи с широкой распространённостью, что определило *актуальность* исследования.

Хронический бронхит у детей был определён как хроническое распространённое воспалительное поражение бронхов, характеризующееся продуктивным кашлем, влажными хрипами в лёгких, наличием двух-трёх обострений заболевания в году на протяжении не менее двух лет[1].

Бронхиальная астма - аллергическое заболевание, при котором развивается приступ удушья с затрудненным выдохом из-за спазма мускулатуры бронхов. Аллергенами могут быть домашняя и библиотечная пыль, растения и их пыльца, шерсть животных, пух и перо птицы, лекарственные и химические вещества, продукты и т.д. Известно, что бронхиальная астма – хроническое заболевание, которое при отсутствии адекватного лечения неуклонно прогрессирует, нарастает по тяжести клинических и функциональных проявлений, приводит ребенка к ранней инвалидизации и может явиться причиной угрожаемых для жизни состояний.

Цель исследования: изучить личностные особенности здоровых детей и детей, с бронхолегочными заболеваниями.

В процессе проведенных обследований использовались: методика Дембо-Рубинштейн, шкала явной тревожности в адаптации А.М. Прихожан, методика диагностики школьной тревожности (Филипса), методика «Какой я?», исследо-

вание отношения к прошлому, настоящему, будущему, методика Баса-Дарки, детский вариант теста Кетелла; беседа, а также методы математической статистики для анализа полученных результатов.

Экспериментальную группу (n=14) составили мальчики с диагнозом бронхиальная астма, в качестве контрольной группы выступили здоровые мальчики (n=43).

Сравнительный анализ личностных характеристик экспериментальной и контрольной группы младших школьников приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Оценка достоверности отличий здоровых детей (мальчики) и детей с диагнозом бронхиальная астма (мальчики) по уровню выраженности некоторых личностных характеристик

Психологический признак.	Здоровые дети (мальчики)		Бронхиальная астма (мальчики)		t-St	p
	M±m(n=43)	σ	M±m(n=14)	σ		
Методика «Какой я?»						
1. Самооценка	6.814±0.425	2.788	5.286±0.65	2,431	1,968	p≤0,1
Методика «Дембо-Рубинштейн»						
2. Самооценка	67,28±3,182	20,87	60±2,61	9,767	1,769	p≤0,1
3. Дифференциация самооценки.	13,44±0,996	6,529	6,875±0,977	3,655	4,72	p<0,001
Методика Баса-Дарки						
4. Физическая агрессия	6,116±0,211	1,384	7,357±0,476	1,781	2,38	p<0,05
5. Негативизм	3,256±0,16	1,049	4±0,331	1,24	2,02	p<0,05
Методика Филиппа						
6. Переживание социального стресса	9,465±0,871	5,713	5,857±0,61	2,282	3,393	p<0,01
7. Фрустрация потребности в достижении успеха	7,136±0,635	4,163	5,357±0,52	1,946	2,2	p<0,05
8. Страх самовыражения	6,698±0,478	3,136	5,268±0,633	2,367	1,78	p≤0,1
9. Страх ситуации проверки знаний	4,302±0,353	2,273	6,857±0,804	3,009	2,92	p<0,01
10. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	2,07±0,275	1,805	3,714±0,699	2,614	2,19	p<0,05

Наибольшее количество достоверных отличий обнаруживается по методике исследования школьной тревожности Филиппа по шкалам: переживание социального стресса (p<0,01); фрустрация потребности в достижении успеха (p<0,05); страх ситуации проверки знаний (p<0,01); низкая физиологическая сопротивляемость стрессу (p<0,05)

По ряду других методик выявлены различия между здоровыми и больными детьми по психологическим характеристикам: самооценки (p<0,1); дифференциации отношения к себе (p<0,001); физической агрессии (p<0,05); негативизму (p<0,05)

Факторы: переживание социального стресса, фрустрация потребности в достижении успеха, дифференциация самооценки более выражены у здоровых

мальчиков. В данном случае мы вправе говорить о том, что для них достаточно значимо становление контактов, особенно со сверстниками. Сочетание данных факторов говорит о том, что дети ставят перед собой достаточно высокие цели, основываясь на представлении о своих способностях и при благоприятном эмоциональном фоне достаточно успешно могут достичь результатов.

Таблица 2 – Оценка достоверности отличий здоровых детей (мальчики) и детей с диагнозом хронический бронхит (мальчики) по уровню выраженности некоторых личностных характеристик

Психологический признак	Здоровые дети (мальчики) n=43		Хронический бронхит (мальчики) n=47		t-St	p
	M±m	σ	M±m	σ		
Методика «Какой я?»						
1. Самооценка	6,814±0,425	2,788	5,745±0,449	3,075	1,73	p<0,1
Методика Дембо-Рубинштейн						
2. Дифференциация самооценки.	13,44±0,996	6,529	9,723±0,903	6,129	2,766	p<0,001
3. Явная тревожность.	5,302±0,329	2,155	6,128±0,376	2,576	1,65	p<0,1
Методика Кетелла						
4. Сила я –слабость я.	6,256±0,352	2,31	5,362±0,378	2,591	1,73	p<0,1
5. Гипотемия-гипертемия	4,535±0,416	2,729	6±0,332	2,275	2,75	p<0,01
6. Контроль желаний - импульсивность	6,814±0,292	1,918	5,83±0,434	2,973	1,88	p<0,1
Методика Баса-Дарки						
7. Вербальная агрессия.	5,136±0,208	1,362	4,447±0,245	1,679	2,23	p<0,05
Методика Филиппса.						
8. Переживание социального стресса.	9,465±0,871	5,713	7,149±0,386	2,646	2,431	p<0,05
9. Страх ситуации проверки знаний.	4,302±0,353	2,273	7,511±0,406	2,781	6,01	p<0,001
10. Страх несоответствия ожиданиям окружающих.	6,814±0,353	2,312	10,15±0,561	3,845	5,03	p<0,001
11. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу.	2,07±0,275	1,805	4,66±0,392	2,698	5,41	p<0,001
12. Проблемы и страхи в отношениях с учителями.	3,791±0,318	2,088	6,426±0,282	1,931	6,2	p<0,001

Факторы: страх проверки знаний, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу более выражены у детей с бронхиальной астмой. Также мальчики с бронхиальной астмой более склонны к проявлению физической агрессии и негативизма. Можно предположить, что в стрессовых, конфликтных ситуациях, при воздействии отрицательных эмоций на психику дети более склонны реаги-

ровать неадекватно, болезненно. При общении со сверстниками возможны агрессивные вспышки, как способ защиты.

Различия на уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$) между испытуемыми по характеристикам самооценки и страху самовыражения показывает, что они более выражены у здоровых детей и это позволяет предположить, что в ситуациях, когда надо полнее раскрыть свои возможности дети чувствуют себя несколько неуверенно.

Между испытуемыми экспериментальной выборки (мальчики с диагнозом хронический бронхит) и контрольной выборки (здоровые мальчики) были выявлены различия на статистически значимом уровне и на уровне статистической тенденции. Данные представлены в таблице 2.

Полученные результаты раскрывают особенности психологического портрета младших школьников с диагнозом хронический бронхит и могут быть использованы при проведении психокоррекционных мероприятий.

Список литературы:

1. Смирнова М.О. Клинические и патогенические особенности различных форм хронического бронхита у детей. Автореферат дисс. канд.мед.наук. М.:2004.

С.А. Федотова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ С ДИСПЛАЗИЕЙ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТКАНИ

Статья посвящена исследованию психологических свойств людей с клиническим диагнозом «дисплазия соединительной ткани». Раскрываются некоторые психологические особенности, влияющие на социально-психологическую адаптацию больных, обосновывается актуальность исследований и необходимость коррекции отклонений. Описывается влияние степени заболевания на психологические характеристики.

Ключевые слова: нейротизм, тревожность, внутриличностный конфликт, психологическая защита, самоотношение, адаптация.

Проблема дисплазии соединительной ткани (ДСТ) в настоящее время широко обсуждается в научных, преимущественно медицинских, кругах. Для этого существует несколько предпосылок: 1. ДСТ - уникальная аномалия развития организма человека с неоднозначной клинической симптоматикой; 2. Понимание дисплазии как системной, генерализованной патологии соединительной ткани; 3. ДСТ - часто фоновое заболевание для множества других; 4. Чрезвычайно высокая распространенность пациентов с данной патологией (по разным данным от 15% до 30 % всего взрослого населения).

Под термином «дисплазия соединительной ткани» понимают аномалию тканевой структуры с уменьшением содержания коллагена. Нарушение развития соединительной ткани происходит чаще всего при наследовании измененных генов, но также может быть обусловлено воздействием внешних факторов:

неблагоприятной экологической обстановкой, нерациональным питанием и стрессами [1]. У человека с измененными генами соединительной ткани болезнь может поражать любой орган, поскольку соединительная ткань присутствует в каждом и составляет примерно 50% массы тела. Вне зависимости от локализации дефекта у людей с ДСТ наблюдаются похожие психологические проблемы. Это лабильность нервных процессов вообще и чувство тревоги и склонность к аффективным состояниям в частности. Человек с диагнозом «дисплазия соединительной ткани» имеет заниженные показатели по социальной смелости и общительности, завышенный страх самовыражения [1]. Эти люди составляют группу риска по психическим заболеваниям (при синдромальных формах ДСТ). Подобные особенности функционирования психики накладывают отпечаток на выбор профессии, создают проблемы в семейной жизни и в трудовой деятельности [3]. Важно, что этот генетический дефект наследуется в 50% случаев. Часто заболевание носит семейный характер, когда и психологической, и медицинской коррекции (здесь трудно говорить о лечении) подлежат все родственники обратившегося за помощью больного [3]. Однако психологические особенности людей с дисплазией в настоящий момент изучены недостаточно полно. Таким образом, целью нашей работы явилось изучение некоторых из них в зависимости от степени проявления ДСТ. Была выдвинута гипотеза о существовании взаимосвязи между дисплазией соединительной ткани и некоторыми психологическими особенностями людей, и чем выше степень ДСТ, тем более ярко эти свойства проявляются. В качестве исследуемых характеристик больных с ДСТ нами были взяты следующие: 1. уровень нейротизма; 2. уровень тревожности; 3. показатель напряженности внутреннего конфликта; 4. структура психологической защиты. 5. составляющие самооотношения.

В соответствии с гипотезой исследования осуществлялся подбор методик: для диагностики нейротизма (опросники Айзенка, опросник невротических потребностей по Хорни), тревожности (опросник Тейлор), уровня напряженности внутреннего конфликта (опросник Фанталовой), самооотношения (опросник Панталева-Столина), механизмов психологической защиты (опросник Плутчика-Конте). Полученные данные были обработаны с помощью методов математической статистики.

В исследовании приняли участие 70 человек, пациентов кабинета врача-генетика, из них подростков 20 человек, взрослых 50 человек, 35 взрослых имеют диагноз «дисплазия соединительной ткани», 15 человек не имеют такого диагноза. В выборке присутствовали люди со средним и высшим образованием, различных профессий, социального и семейного статуса. Возрастной диапазон выборки: подростки от 14 до 17 лет, взрослые от 21 до 47 лет.

Испытуемые были поделены на группы в соответствии с полом, возрастом, степенью дисплазии. В этих группах были подсчитаны средние значения показателей нейротизма, тревожности, уровня напряженности внутриличностного конфликта. Были получены результаты, свидетельствующие о том, что средний показатель нейротизма у людей разного возраста (подростки и взрослые) остается практически неизменным: приблизительно на уровне 150 баллов по опроснику Хорни и 13 по опроснику Айзенка. Таким образом, у людей с

ДСТ уровень нейротизма не снижается по сравнению с подростковым возрастом (что происходит у здоровых лиц). Средние значения по уровню беспокойства – тревоги во всех возрастных группах превышают нормальный уровень. Выраженность внутреннего конфликта по опроснику Фанталовой у людей с ДСТ превышает этот показатель у здоровых людей более, чем на одну σ : 49,4 по сравнению с 37,0. Всё это говорит об особенном протекании психических процессов у больных по сравнению со здоровыми людьми, вероятно, по причине иных физиологических характеристик.

Анализируя средние значения по параметру «степень ДСТ», можно с уверенностью утверждать, что величины всех факторов растут с увеличением степени ДСТ, то есть наблюдается прямая их зависимость от тяжести заболевания, что подтверждает связь заболевания и этих факторов.

На втором этапе нашей работы исследовались механизмы психологической защиты и самоотношение личности. Здесь были выявлены многообразные связи. Анализируя полученные данные, мы пришли к заключению о том, что в целом напряженность защиты при ДСТ выше, чем в норме, и при ДСТ существует меньше связей между механизмами защиты. Системообразующим вектором психологической защиты выступает «тревожность – адаптация», т.е. активизация защитных механизмов происходит при наличии тревоги. Таким образом, чем более выражено состояние тревоги, тем выше напряженность защиты. Об этом же свидетельствует уменьшение связей между механизмами [6]. По данным Л.Ю. Субботиной, наиболее сильные связи тревожность обнаруживает с *регрессией, компенсацией, замещением и проекцией*. Именно этот комплекс механизмов с компенсацией в качестве доминирующего обнаружен в группе людей с ДСТ. В группе здоровых людей связи компенсации представлены с другими механизмами – отрицанием и рационализацией, которые, в свою очередь, имеют с тревожностью отрицательную корреляцию. По нашим данным, у людей с ДСТ имеется повышенный уровень тревоги по сравнению со здоровыми людьми, что и объясняет наличие комплекса механизмов защиты, связанных с компенсацией, который наиболее эффективно обеспечивает снижение ситуативной тревоги личности [6]. В группе здоровых людей обнаружена высокая корреляция замещения и проекции; в группе людей с ДСТ такая связь незначительна. С точки зрения Н. Мак-Вильямс [2], это базовые механизмы, они лежат в основе многих личностных свойств. По природе они похожи, действуют с «двойной» силой и являются частью стратегии совладания по типу конфронтации неблагоприятным внешним обстоятельствам [6]. Эти два механизма наиболее активны в обычной ситуации и, по данным Л.Ю. Субботиной [6], остаются главными в стрессовой ситуации. Поскольку при ДСТ связи между замещением и проекцией практически нет, можно утверждать, что в случае дисплазии неблагоприятные внешние обстоятельства оказывают более сильное влияние на людей.

Вытеснение в группе людей с ДСТ значимо выше, а отрицание значимо ниже, чем у здоровых людей. Между группой с низким уровнем самоотношения при ДСТ и контрольной выборкой существует значимое различие по показателю отрицания. Наши исследования подтверждают высокий уровень напря-

женности внутриличностного конфликта или высокое рассогласование в мотивационной сфере, выражающееся в невозможности или большой сложности достижения ценностных объектов, что провоцирует использование механизма вытеснения людьми с ДСТ чаще, чем здоровыми. Разницу в показателе отрицания между людьми с ДСТ и здоровыми людьми обуславливает наличие в группе с ДСТ большого количества людей с низким уровнем самоотношения. Между группой с низким уровнем самоотношения при ДСТ и контрольной выборкой существует значимое различие по показателю отрицания. Согласно теории Р. Плутчика, механизм защиты *отрицание* контролирует эмоцию принятия, которое на определенном этапе развития «Я» означает самопринятие [5]. Таким образом, чем ниже уровень *отрицания*, тем ниже уровень самопринятия. Напротив, высокий уровень отрицания, т.е. игнорирование неприятной информации, позволяет сохранять хорошее самоотношение.

Общая структура корреляционных связей психологической защиты в группах с высоким и низким уровнем самоотношения при ДСТ имеет определенные особенности. Комплекс с регрессией устойчив, он сохраняется в обеих группах. В группе с низким уровнем самоотношения наблюдается более высокая напряженность защиты и между механизмами больше связей. На интегральный показатель самоотношения значимо влияют вытеснение, рационализация, гиперкомпенсация. У людей с ДСТ и при высоком и при низком уровне самоотношения вытеснение отрицательно влияет на общее самоотношение. В работе Л.Ю. Субботиной [6] обнаружена прямая связь вытеснения и позитивного «Я-Образа».

Показатели рационализации значимо выше в группе с высоким уровнем самоотношения при ДСТ по сравнению с группой с низким уровнем самоотношения при ДСТ. Значимые корреляции рационализации с самоотношением обнаружены при низком уровне самоотношения при ДСТ, т.е. такие люди более нуждаются в поддержании позитивного отношения к себе. Здоровые люди и люди с высокой самооценкой при ДСТ меньше используют рационализацию еще и потому, что у них больше развито отрицание, при котором информация не доходит до сознания и рационализировать нечего. Таким образом, у пациентов с ДСТ с заниженным уровнем самоотношения рационализация служит выраженным средством поддержания позитивных чувств к себе.

Показатели гиперкомпенсации при ДСТ в группе с низким уровнем самоотношения значимо выше по сравнению с группой с высоким уровнем самоотношения и показателями контрольной выборки. В группе с низким уровнем самоотношения гиперкомпенсация *положительно* влияет на самоотношение.

Со степенью ДСТ положительно коррелируют защитные механизмы замещение, гиперкомпенсация, отрицательно – отрицание и рационализация. В группе людей с низким уровнем самоотношения со степенью ДСТ определена положительная корреляция с вытеснением и замещением, отрицательная – с отрицанием. В группе людей с высоким уровнем самоотношения есть положительная корреляция с замещением и гиперкомпенсацией. Влияние ДСТ на человека при увеличении тяжести этого заболевания рассматривается в двух взаимосвязанных планах – физическом и психологическом. На физическом

уровне это влияние проявляется в увеличении как количества стигм – патологий развития внутренних органов и видимых дефектах внешности, так и общей физической слабости. На психологическом – росте тревоги, нейротизма, неуверенности в себе, повышенной чувствительности к агрессии среды. Таким образом, замещение оказывается тем механизмом, который наиболее прочно связан со всеми этими факторами. Чем выше степень ДСТ, тем труднее человеку вовремя и адекватно реагировать на ситуацию. Неотреагированные эмоции находят свой выход в другом месте и другой ситуации. Увеличение чувствительности и эмоциональности при утяжелении болезни провоцируют уменьшение отрицания и рационализации как механизмов, связанных, в соответствии с теорией Р. Плутчика, с проблемами принятия индивида социумом и установления и контроля границ контакта с ним [4].

Степень ДСТ отрицательно коррелирует с самоотношением и его когнитивными и аффективными составляющими (самоуважением, самопониманием, саморуководством, самоуверенностью, самопринятием): чем более выражено заболевание, тем хуже человек к себе относится. В этом факте проявляется рост количества стигм (дефектов внешности) при росте степени ДСТ, низкая физическая и психологическая выносливость, что влияет на оценку себя как больного, а значит, неполноценного человека. Таким образом, увеличение степени ДСТ отрицательно влияет на отношение к себе и через деформацию структуры психологической защиты на психологическую адаптацию больных.

Полученные экспериментальные данные имеют практический интерес. Они эмпирически доказывают влияние наследственного заболевания ДСТ на психологические особенности человека. Результаты, связанные с исследованием внутриличностного конфликта, механизмов психологической защиты и самоотношения при ДСТ, получены впервые. По результатам исследований сделаны следующие выводы:

1. Психологические свойства людей с ДСТ, согласно литературным данным, имеют общие для них особенности, поскольку развитие личности протекает в условиях наследственного заболевания.

2. Структура личности больных с ДСТ отличается от таковой у здоровых лиц. Люди с ДСТ имеют повышенные нейротизм и тревожность, высокую напряженность внутреннего конфликта. В то же время существуют различия в выраженности этих свойств в зависимости от степени ДСТ.

3. При ДСТ зафиксировано устойчивое различие системы психологической защиты по сравнению с нормальной выборкой по параметрам количества защитных механизмов и силе их выраженности. Также выявлена деформация системы в направлении ограничения связей между элементами. Все указанные параметры зависят от степени ДСТ.

4. ДСТ отрицательно влияет на самоотношение личности.

5. Для улучшения адаптации пациентов с ДСТ необходимо корректировать не только физические отклонения, но и психологические свойства, поскольку в данном случае соматический фактор оказывает заметное влияние на психику.

Список литературы:

1. Казначеева А.А., Мельник Ю.И. Психологические особенности детей с дисплазией соединительной ткани //Журн. прикл. психол. 1999, №4. С. 7-12.
2. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 2007.
3. Ролик Н.Л. Особенности клинической картины, вегетативного и эмоционально-личностного статуса у больных с СДСТ сердца. М., 1995.
4. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. М., 1996.
5. Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия./ Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2000.
6. Субботина Л.Ю. Психология защитного поведения. Ярославль, 2006.

В.Н. Хмелевская

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ, СКЛОННЫХ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

В статье рассматриваются особенности смысложизненных ориентаций старших школьников, установлены некоторые отличия в структуре смысложизненных ориентаций учащихся, склонных к аддиктивному поведению, в том числе гендерные отличия у юношей и девушек. Статья содержит обоснование полученных результатов и ряд выводов, которые могут стать основой разработки практических рекомендаций по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, смысл жизни, аддиктивное поведение, цели в жизни, Локус контроля – Я, Локус контроля - жизнь, процесс жизни, результативность жизни, игровая зависимость, Интернет-зависимость.

Система смысложизненных ориентаций, являясь психологической характеристикой зрелой личности, одним из центральных личностных образований, выражает содержательное отношение человека к социальной действительности и в этом качестве определяет мотивацию его поведения. Под влиянием мировоззрения возникает достаточно устойчивая иерархическая структура мотивационной сферы старшего школьника. Принципиальное отличие внутренней позиции старшего школьника - это обращенность в будущее, все настоящее выступает для них в свете этой основной направленности их личности. Выбор дальнейшего пути, профессиональное самоопределение являются для старших школьников главной жизненной задачей. Вопрос о смысле собственного существования относится к категории вечных. [6]

Актуальность изучения смысложизненных ориентаций молодежи обусловлена появлением целого ряда работ, посвященных разным аспектам этой проблемы. В социально-психологических и психолого-педагогических исследованиях изучается структура и динамика смысложизненных ориентаций личности в подростковом и юношеском возрасте, их роль в механизме социальной регуляции поведения, взаимосвязи смысложизненных ориентаций с индивиду-

ально-типическими и характерологическими особенностями личности, с профессиональной направленностью и так далее.

Так, рассматривая смысложизненные ориентации, выдающийся отечественный психолог А.Н. Леонтьев отмечал: «... - это ведущий мотив - цель повышается до истинно человеческого и не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом... такие жизненные мотивы способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл жизни». [3]

Проблема смысла жизни значима для юношеского возраста, когда сама реальная действительность ставит человека перед необходимостью выбора дальнейшего жизненного пути. Смысложизненные ориентации возникают не на пустом месте, а их «созревание» подготавливается всем ходом предыдущего личностного развития. Это период формирования личностного фундамента смысла жизни. Полноценное формирование личности решающим образом зависит от того, какие именно мотивы, цели, ценности по своему содержанию стали ведущими, доминирующими. Смысложизненная направленность личности, это такая направленность, в которой ведущее место занимают мотивы поиска смысла собственной жизни, мотивы построения собственной судьбы, мотивы, ориентирующие не только на ближайшую перспективу, но и на отдаленные этапы жизни, охватывающие все жизненное пространство личности.

Личностное самоопределение в юношеском возрасте включает в себя построение целостного замысла жизни, самопроектирование себя в будущем, способность к оформлению ценностных представлений в контексте национальной культуры, самостоятельность, ответственность. Особую важность в личностном развитии приобретают идентичность, т.е. тождественность самому себе, неизменность личности в различных ситуациях, и целостность - преемственность во времени. При оформлении собственных идеальных образов и эталонов в целом принимаются культурные нормы общества. Проявляются способности к философскому пониманию смысла жизни, амбивалентности мира, к созданию личностно оформленного образа целей. В целом отношение к будущему часто идеализировано, однако идейно-нравственные установки, как правило, уже соотносятся с личностно выполняемыми действиями и выработанными жизненными планами.

Смысложизненные ориентации старших школьников, склонных к аддиктивному поведению в литературе и периодических публикациях мало освещены, то есть эта проблема является неким «белым пятном» в психологии.

Известно, что аддиктивное поведение сопровождает процесс социализации и зрелости, который возрастает на протяжении подросткового периода и снижается после 18 лет; это один из типов отклоняющегося поведения с формированием стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций. [5] Уход от реальности всегда сопровождается сильными эмоциональными переживаниями. Эмоции являются составной частью зависимости. Причем, в первую очередь важна не мо-

дальность эмоции (положительная или отрицательная), а ее интенсивность. Чем сильнее эмоция, тем сильнее зависимость. [7]

Основными факторами аддиктивного поведения являются: социальные факторы; особенности субкультуры; отношения в семье; индивидуальные особенности конкретной личности.

Объектом исследования являются старшеклассники от 16 до 18 лет

Предмет исследования: аддиктивное поведение, в котором исследованы два вида зависимости: игровая и Интернет-зависимость.

Цель исследования: выявить особенности структуры смысложизненных ориентаций у старших школьников, склонных к игровой и Интернет-зависимости.

Гипотеза исследования: существуют различия в структуре смысложизненных ориентаций старших школьников, склонных к аддиктивному поведению и независимых от него.

Для достижения поставленной цели были определены *следующие задачи:*

1. Выявить состояние проблемы в современной психологии.
2. Определить доминирующие смысложизненные ориентации старшеклассников.
3. Выявить Интернет-зависимых старшеклассников, и склонных к игровой зависимости.
4. Провести сравнительный анализ полученных данных и выявить различия у испытуемых склонных к аддиктивному поведению от несклонных к аддикции.

Исследование проводилось на базе МОСШ №11, в котором приняли участие 23 ученика 11 класса.

Были использованы следующие методики исследования:

1. Тест Томаса А. Такера на выявление игровой зависимости.[1, с. 130]
2. Тест на Интернет-зависимость С.А. Кулакова.[2]
3. Тест смысложизненных ориентаций. Д.А.Леонтьев.[4]

По результатам проведенных методик было выявлено 11 (47%) человек с Интернет-зависимостью, на которых Интернет оказывает значительное влияние. Учащихся с игровой зависимостью не выявлено. У 47% Интернет-зависимых старшеклассников был проведен тест смысложизненных ориентаций, в результате чего было обнаружено, что у юношей на особо высоком уровне, по сравнению со среднестатистическими показателями, находится процесс жизни и Локус контроля - Я, а у девушек Локус контроля - жизнь. У 53% старшеклассников, не склонных к Интернет-зависимости было выявлено, что у юношей и девушек преобладают цели в жизни. Результаты исследования представлены на рис.1, рис. 2. и рис.3.

Другими словами, преобладающие смысложизненные ориентации юношей, склонных к Интернет-зависимости – это эмоциональная насыщенность жизни. То есть, испытуемые воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Эту эмоциональную разрядку юноши получают благодаря тому, что проводят время в Интернете, где они общаются с друзьями, играют в различные игры, посещают различ-

ного рода сайты. Также на достаточно высоком уровне у юношей находятся представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлении о ее смысле. Это может быть следствием того, что все свободное время они проводят в Интернете, где этой свободой выбора и обладают.

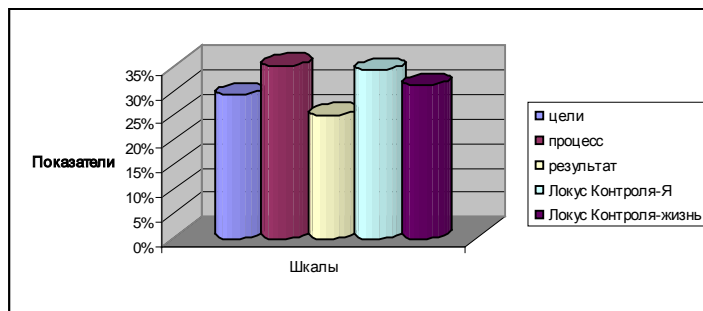

Рисунок 1. - Структура смысложизненных ориентаций юношей, склонных к Интернет-зависимости

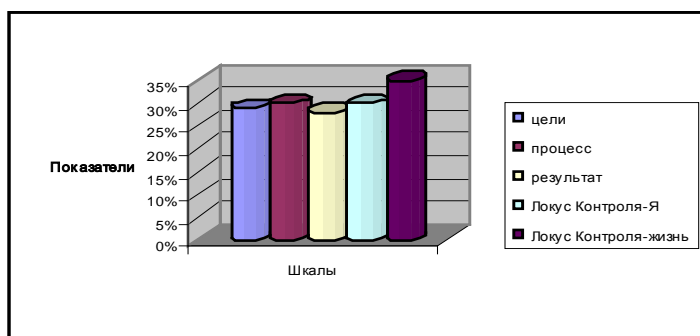

Рисунок 2. - Структура смысложизненных ориентаций девушек, склонных к Интернет-зависимости

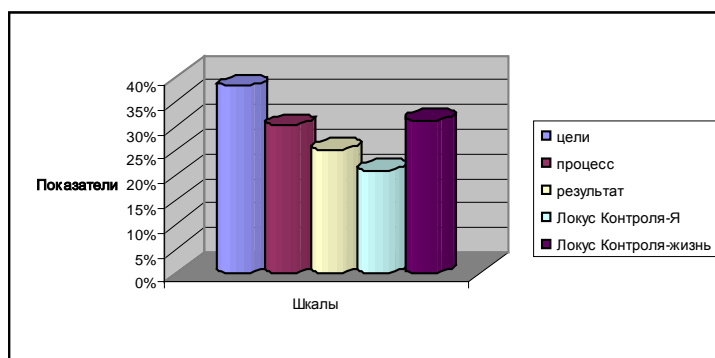

Рисунок 3. - Структура смысложизненных ориентаций старшеклассников, не склонных к Интернет-зависимости

У девушек, склонных к Интернет-зависимости смысложизненными ориентациями являются сама жизнь и управляемость жизни. Это говорит о том, что испытуемым дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Это результат того что все свободное время они проводят в Интернете, где контролируют ситуацию и принимают решения в вирту-

альном пространстве.

У юношей и девушек не склонных к Интернет-зависимости преобладают цели в жизни. То есть они придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, они достаточно целеустремленные и стараются подкрепить личной ответственностью реализацию намеченных планов. (Рис.3)

Таким образом, смысложизненные ориентации старших школьников, склонных к аддиктивному поведению отличаются тем, что у юношей и девушек приоритетными являются эмоциональная насыщенность жизни и свобода выбора, являющееся приоритетной, но иллюзорной. Наряду со своими сверстниками, у которых преобладают цели в жизни и их достижение, Интернет-зависимые старшеклассники хотят больше получать эмоций, не задумываясь о будущем, жить сегодняшним днем, делая его максимально насыщенным любыми эмоциями (не важно положительными или отрицательными).

В связи с полученными данными в качестве общих условий предупреждения аддиктивного поведения: можно предложить следующие:

- Прогнозирование аддиктивного поведения на основании комплексного изучения личности старшеклассника;
- Организация процесса социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения на основе взаимодействия школы, старшеклассника, семьи, группы.
- Внесение изменений в жизнедеятельность аддиктивного старшеклассника путем включения его в социально-полезные виды деятельности.

Список литературы:

1. Егоров А. Ю. Нехимические зависимости. – СПб.: Речь. 2007. - 190 с.
2. Кулаков С.А. Тест на «компьютерную» Интернет-зависимость. 2004.
3. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Педагогика. 1971. - 189 с.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл. 2000. - 17 с.
5. Перешеина Н.В. Девиантный школьник / Н.В. Перешеина, М.Н. Заостровцева. - М.: Сфера. 2006. – 215 с.
6. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: учеб. пособие для вузов/ Х. Ремшмидт. - М.: Просвещение. 1994. – 318 с.
7. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков: учеб. пособие для вузов/ Л.Б.Шнейдер. - М.: Трикста. 2005. – 341 с.

А.В. Чернышева

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЖЕНЩИН С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ С ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ

Представленная работа посвящена теоретическому анализу особенностей социальной идентичности у женщин, страдающих алкогольной зависимостью. Основной функцией социальной идентичности является способность к адаптации, субъектность подразумевает активность и проявляется в отношении к самому себе.

Ключевые слова: женский алкоголизм, социальная идентичность, субъектность, доверие, толерантность, диссоциация.

В современном российском обществе наряду с общим ростом алкоголизации населения и увеличением заболеваемости алкоголизмом отмечается отчетливая тенденция к росту удельного веса женского алкоголизма по отношению к мужскому [6]. Проблема женского алкоголизма представляется недостаточно изученной, так как длительное время преимущественно исследовались медико-биологические аспекты проблемы, нежели психологические. При женском алкоголизме чаще выявляется феномен «стигматизации» - наложение «клейма», «стигмы» на лиц, злоупотребляющих алкоголем, существенно влияющего на клинику заболевания [11]. Из-за негативного общественного мнения в отношении пьющих женщин у последних появляются чувства вины и стыда, низкая самооценка, скрытое употребление алкоголя, склонность к одиночному пьянству и, как следствие, поздняя обращаемость за помощью в лечебные наркологические учреждения.

У женщин заболевание имеет скрытое течение, оно развивается постепенно, незаметно нарастают отдельные признаки и симптомы, которые некоторое время не привлекают внимание окружающих. Возникает отчетливая психологическая (психическая) зависимость от алкоголя. С прогрессированием зависимости скрытая симптоматика становится явной, заметной для окружающих. Как правило, этому предшествуют серьезные события в жизни женщины, такие как смерть мужа и близких, одиночество, развод, материальные и моральные потери, после которых алкоголизация заметно интенсифицируется, отчетливее проявляются ее последствия, быстрее происходит дезадаптация [8]. Физически некомфортное состояние (абстиненции) является одним из главных факторов обращения за помощью в лечебные учреждения наркологического профиля.

Рассматривая алкоголизм в качестве заболевания многие авторы отмечают наследственную предрасположенность, наличие не одной, а множества вызывающих заболевание причин. Так, С.В. Дворяк считал, что «алкоголизм – это не только сам алкоголь, но и реакция на него данного организма, которая всегда индивидуальна. Алкоголик, даже если он воздерживается достаточно долгое время, остается алкоголиком, что выражается в его синдроме алкогольной зависимости и приведет к немедленному срыву, как только он расслабится снова». Термин «алкоголизм» имеет два основных смысла: это и болезнь индивида, связанная с его личными особенностями, и социальная патология, связанная с развитием общества в целом [5].

В формировании «алкогольной личности» основное значение имеют следующие факторы [7]:

- а) преморбидные изменения;
- б) неспособность человека адаптироваться к требованиям общества и неумение использовать приемлемые формы и способы снятия напряжения;
- в) отрицательные факторы социальной среды.

Основными характеристиками больных алкоголизмом являются: слабый уровень развития внутреннего самоконтроля, чувствительность к любой внут-

ренней и внешней стимуляции, низкие адаптационные способности, перемены настроения в течение дня без видимых причин, неадекватная самооценка, завышенный уровень притязаний, неумение перестроить свою деятельность в соответствии с изменившимися обстоятельствами, согласовать притязания с возможностями [12].

По мнению Эриксона, важной функцией идентичности выступает адаптация (способ связи личности и макросоциума). Субъекту для успешной ориентировки в социальной реальности, особенно в ситуации ее изменения, необходимо постоянно сопоставлять качества, которыми он обладает с требованиями новой группы [3].

Адаптация происходит тогда, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, служит раскрытию и развитию ее индивидуальности [8]. Посредством рефлексии общественного мнения у женщин, страдающих алкогольной зависимостью, адаптационные возможности снижаются, они не находят своего социального места в жизни, не могут обрести стабильность в нестабильном мире, теряют самоуважение и самопринятие, стремятся к постоянному самообвинению и самобичеванию. Нарушается гармоничная равновесная система, включающая как доверие к себе, так и доверие к миру. Когда человек доверяет себе и окружающим, он способен открыто общаться с окружающими, строить свои отношения с миром, ценить и уважать себя и других, принимать решения с учетом мнения окружающих. При неудовлетворении потребности доверия к миру система перестраивается посредством увеличения доверия к себе, выражающимся в отгороженности, уходом в собственный мир [10]. Отношения окружающих воспринимаются как негативные, враждебные, агрессивные, возникает подозрительность, настороженность, мнительность к высказываниям со стороны окружающих.

Социальная идентичность как целостное образование выполняет ряд жизненно важных функций [4]:

- а) адаптационная — приспособление к новым социальным условиям;
- б) ориентировочная - поиск своего места в социальном пространстве;
- в) структурная - придание определенности, упорядоченности Я;
- г) целевая - целеполагание, построение модели поведения;
- д) экстенциальная - осмысление своей сущности, прогнозирование.

Наличие идентичности предполагает устойчивость, стабильность самовосприятия индивида и его уверенность в том, что другие воспринимают его таким, какой он есть [1]. Социальная идентичность определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям и вытекает из восприятия себя как члена определенных социальных групп [2]. Способность человека быть активным деятелем своей жизни определяет его субъектность [9]. Под субъектностью мы понимаем отношение человека к себе как к деятелю. Это оказывается существенной характеристикой при изучении социальной идентичности женщин, страдающих алкогольной зависимостью, так как болезнь составляет основу всей жизни. В субъектности содержится источник активности человека - доверие к себе [8]. Скрипкина Т.П. предполагает, что доверие к

себе есть экзистенциальный феномен субъектности, который реально существует в субъективном мире человеческой личности.

Недоверие к миру, выступающее в качестве кризиса идентичности, с одной стороны, может подтолкнуть к поиску косвенных путей удовлетворения потребности в общении и безопасности посредством ухода в алкогольную зависимость, а с другой - провоцирует выбор в качестве единственного способа самоутверждения индивида и масс людей настойчивое стремление «стать ничем», самоубийственную логику «чем хуже - тем лучше» [13].

Кризис идентичности, по Э. Эриксону, сопровождается массовой неудовлетворенностью людей, сопровождаемой чувством тревоги, страха, изоляции, опустошенности, утратой способности к эмоциональному общению с другими людьми.

Таким образом, в своей работе мы предполагаем, что к особенностям социальной идентичности женщин, больных алкоголизмом, относятся:

1. Недоверие к миру и к самому себе, выражающееся в дезадаптации; появляются трудности социальных контактов, чувство тревоги, страха, изоляции, опустошенности, неспособность приспособиться к окружающим условиям, постоянное ожидание отрицательного исхода любой деятельности, пессимистическая оценка своих возможностей, привычная пассивно-выжидательная позиция.

2. Интолерантность по отношению к мнениям окружающих, нетерпимость к чужим взглядам, непризнание права на существование иного. Обнаруживается взаимная связь толерантности и доверия. При отсутствии доверия к окружающим человек не может быть толерантным к мнениям других и в тоже время толерантность создает условие развития доверия к миру и к самому себе.

3. Посредством рефлексии общественного мнения создаются предпосылки формирования негативной социальной идентичности, выражающейся в потере целостности Я-образа, обособлении, нетерпимости к другим, сопротивлении общественным требованиям, страхом негативной оценки и одновременном негативном ожидании от других, непринятии себя, неспособности к поступкам, приносящим личности самоуважение, переживании бессмысленности себя и своей жизни.

4. Дезинтегрированность, разбалансированность системы. Обнаруживаются неустойчивость, снижение уровней самоуважения и принятия себя, неопределенность и неупорядоченность собственного Я, выражающиеся в появлении чувства вины и стыда, потери ценностных смыслов, постоянном стремлении к самообвинению.

5. Повышении уровня диссоциации, показывающего наличие психической симптоматики и выражающегося в разладе с самим собой и социальным окружением, психологическом дискомфорте, разорванности переживаний, ощущений и чувств.

Список литературы:

1. Александрова Н.Х. Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. докт. психол. наук. Москва – София, 2000.

2. Антонова Н.В. Идентичность педагога и особенности его общения// Автореферат дисс. канд. психол. наук. М., 1996.
3. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности// Автореферат на соиск. уч. ст. докт. психол. наук. Ярославль, 2003.
4. Иванова Н.Л., Конева Е.В. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности: Монография. Ярославль, 2003.
5. Короленко Ц.П. Личность и алкоголизм/ Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. – Новосибирск, Наука, 1998.
6. Курьянова Н.Н. Медико-социальные аспекты женского алкоголизма/ Н.Н. Курьянова, А.Г. Сердюков; Астрах. гос. мед. акад. – Астрахань: АГМА, 2002.
7. Немчин Т. А., Цицарев С. В. Личность и алкоголизм.-Л. Издательство Ленинградского университета: 1989.-192с.
8. Петраш Е.А. Социально-психологическая адаптация личности в структуре профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации// Автореферат на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Курск, 2009.
9. Петровский В.А. Феномен субъектности в психологии личности// Автореферат дис. докт. психол. наук. М., 1993.
10. Скрипкина Т. П. Доверие как социально-психологическое явление// Автореф. на соиск. уч. степ. докт. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 1998.
11. Шайдукова Л.К. Женский и супружеский алкоголизм. Актуальные проблемы наркологии. Казань: изд. дом «Мир без границ», 2006.
12. Шорина Н. М. Психологический портрет больных хроническим алкоголизмом/ Социальные, правовые, медицинские аспекты психиатрии наркологии и психотерапии. - Владивосток: 1997.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Я.П. Чернушевич

ОСОБЕННОСТИ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ОЩУЩЕНИЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛЮДЕЙ С ГАСТРОЭНТЕРОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В данной работе представлены первые результаты исследования направленного на соотношение личностных черт и психологического благополучия в связи с наличием гастроэнтерологическими заболеваниями.

Ключевые слова: психосоматика, психологическое благополучие, личностные свойства, гастроэнтерологические заболевания, личностный рост, самоопределение, цель в жизни, невротичность, депрессивность.

Современное состояние развития научного знания, как в психологии, так и в медицине, характеризуется все большим вниманием к связи соматических заболеваний и психологических особенностей. Психосоматические расстройства являются причиной заболеваний до 70 % больных, которые обращаются к врачам в связи с нарушениями со стороны органов пищеварения.[1] Все чаще причины соматических заболеваний стали связывать с психологическими особенностями больных людей. Проблема психосоматических отклонений стала актуально звучать не только в медицинской практике, но представляет большой

интерес со стороны психологической науки. При этом исследованием психологических особенностей гастроэнтерологических пациентов занимаются на сегодня крайне недостаточно. Проблема выяснения психосоматических состояний на сегодняшний день сводится к исследованию тревожности и депрессии, данная же работа призвана ответить на вопросы, касающиеся личностных особенностей в целом и важнейших характеристик психологического благополучия в зависимости от наличия гастроэнтерологических нарушений.

Целью исследования является изучение личностных свойств и психологического благополучия в зависимости от наличия у людей гастроэнтерологических заболеваний.

Исходя из проблемы и цели исследования, были выдвинуты следующие гипотезы:

Гипотезы исследования:

1) Количество и характер взаимосвязей личностных свойств и параметров психологического благополучия специфичны в связи с наличием у испытуемых гастроэнтерологических заболеваний.

2) Степень выраженности личностных свойств и параметров психологического благополучия различна в зависимости от наличия у испытуемых гастроэнтерологических заболеваний.

Организация работы: в исследовании принимали участие 62 человека. Первая группа (31 человек) – люди с гастроэнтерологическими заболеваниями (экспериментальная выборка), вторая группа (31 человек) – здоровые люди (контрольная выборка).

Использовались Опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф и Фрайбургский личностный опросник FPI (модифицированная форма В), при помощи которых оценивались параметры психологического благополучия и свойства личности. Обработка данных велась в программе Statistika 6.0.

На основании данных эмпирического исследования получены следующие основные результаты:

Участники исследования в зависимости от наличия гастроэнтерологических заболеваний имеют разные структуры взаимосвязей свойств личности с параметрами психологического благополучия. Так люди с наличием гастроэнтерологических заболеваний при выстраивании положительных отношений с другими склонны ориентироваться на обретение прежде всего ощущения собственного достоинства, связанного с отсутствием невротичности и депрессивности. При этом группа здоровых людей для выстраивания подобного рода отношений склонна придавать большее значение открытости новым социальным контактам. Цель в жизни и личностное самоопределение для группы здоровых людей строятся на устойчивости и уравновешенности эмоциональных состояний, а также способности к управлению окружением. Для лиц с заболеваниями ЖКТ основными необходимыми потребностями для личностного роста и самоопределения в жизни являются избавление от невротичности, депрессивности и застенчивости. Таким образом можно предположить, что здоровые люди четко осознают необходимость личностного роста, более уверены в себе, стабильны и обладают собственным видением на формирование психологического благопо-

лучия. Люди с гастроэнтерологическими заболеваниями, напротив, для обретения личностных целей и возможности ощутить психологическое благополучие нуждаются в гораздо больших внутренних затратах. Данное различие может быть связано с отсутствием у группы здоровых людей необходимости тревожиться за состояние своего физического здоровья и акцентировать внимание на личностных достижениях. Лица с заболеваниями ЖКТ при этом находятся в затруднительном положении нужды заботиться о своем соматическом благополучии и только затем имеют возможность реализовывать себя как личности.

По итогам сравнения средних значений степени выраженности личностных свойств и параметров психологического благополучия были получены данные, свидетельствующие о том, что люди без нарушений здоровья ЖКТ более агрессивны, импульсивны и уверены в себе и своем поведении, они обладают большей степенью самоконтроля и более готовы к личностному росту и развитию. В отличие от них люди с заболеваниями гастроэнтерологической этиологии более невротичны и застенчивы, что характеризует их как менее уверенных в себе, закрытых от социума, склонных к тревоге и психосоматическим отклонениям. Вероятно, люди с наличием гастроэнтерологических заболеваний чувствуют себя недостаточно полноценно на фоне абсолютно здоровых окружающих, что доставляет им массу переживаний, делает их застенчивыми и тревожными. При этом здоровые люди, считая себя совершенными позволяют себе быть жесткими и импульсивными, однако при этом более готовы к суровым требованиям жизнедеятельности.

Таким образом результаты исследования позволяют сделать вывод в пользу подтверждения выдвинутых гипотез:

- Количество и характер взаимосвязей личностных свойств и параметров психологического благополучия специфичны в связи с наличием у испытуемых гастроэнтерологических заболеваний.

- Степень выраженности личностных свойств и параметров психологического благополучия различна в зависимости от наличия у испытуемых гастроэнтерологических заболеваний.

Представленные результаты являются частью исследования, где наряду с личностными свойствами и параметрами психологического благополучия людей с гастроэнтерологическими заболеваниями будут изучены особенности стратегий поведения в стрессовых ситуациях, а также наиболее часто используемые ими механизмы психологических защит.

Список литературы:

1) Палий И.Г., Резниченко И.Г., Севак Н.М. Психосоматические расстройства в гастроэнтерологической практике: особенности клинического течения и медикаментозной терапии//Медицина сегодня №6, 2007

Информация об авторах

- Абдулаев Шамиль Магомедович**
Абдулаева Дарья Сергеевна
 студент 4 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: lcf_and_anf@mail.ru
 студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: Dasha-dodi@list.ru
- Абрамова Мария Владимировна**
Авдиенко Анастасия Геннадьевна
 аспирант Научного Центра Психического Здоровья РАМН г. Москва, Россия. e-mail: abra-kadabra@psk-net.ru
 студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: agavd692010@rambler.ru
- Авдиенко Геннадий Юрьевич**
 кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии развития и образования АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: gen_avdienko@mail.ru
- Акимова Елена Юрьевна**
 кандидат психологических наук, докторант Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия. e-mail: EA-vysoka@yandex.ru
- Александрова Елена Николаевна**
 аспирант кафедры педагогики Новгородского Государственного Университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия. e-mail: enalex-29@mail.ru
- Алехина Светлана Владимировна**
 аспирантка ГОУ ВПО «Курский государственный медицинский университет федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию», г. Курск, Россия. e-mail: s.v.alekhina@mail.ru
- Алпатьева Юлия Николаевна**
 преподаватель кафедры управления персоналом Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия. e-mail: yulya_alpatyeva@mail.ru
- Анискевич Екатерина Ивановна**
Антипина Марина Сергеевна
Ахмеджанова Екатерина Олеговна
 студентка 5 курса БГПУ им. Максима Танка г. Минск, Беларусь. e-mail: aei1989@mail.ru
 студентка 3 курса ЧОУВПО «Восточно-Европейский институт психоанализа», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: nlomonosova@yandex.ru
 студентка 5 курса факультета психологии Челябинского государственного педагогического университета г. Челябинск, Россия. e-mail: daria.89@mail.ru
- Ашуралиева Ума Шамильевна**
 студентка 4 курса, отделения биологии и психологии, биолого-химического факультета Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Россия e-mail: gunasheva@yandex.ru
- Базаров Валерий Александрович**
Бакин Анатолий Анатольевич
 студент 3 курса ЧОУВПО «Восточно-Европейский институт психоанализа» г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: nlomonosova@yandex.ru
 кандидат медицинских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры №3 Северо-Западного института повышения квалификации сотрудников ФСКН России. e-mail: shizis@inbox.ru
- Бережкова Елена Игоревна**
 кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии, АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: berezhkova@pochta.ru
- Березина Ольга Викторовна**
 старший преподаватель кафедры педагогики и методики НОУ ВПО «Новый гуманитарный институт», Московская область, Россия. e-mail: berezina_olga@inbox.ru
- Благинин Андрей Александрович**
 доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: blaginin@sertolovo.ru
- Богатырь Ольга Александровна**
Бойко Евгения Анатольевна
 студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия e-mail: olgabogatir@bk.ru
 кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: evbojko@mail.ru

- Бойченко Янина Сергеевна** ассистент кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия. e-mail: boichenko2009@mail.ru
- Бондарчук Анастасия Максимовна.** студентка 4 курса факультета педагогики и психологии Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск, Россия. e-mail: tfrkhipova@mail.ru
- Бысюк Анна Сергеевна** аспирант НОУ ВПО Тверской институт экологии и права, г. Тверь, Россия. e-mail: annatver@yandex.ru
- Валеева Миляуша Вакилевна** студентка 5 курса Казанского Приволжского Федерального университета, г. Казань, Россия. e-mail: milausha-valeeva@rambler.ru
- Виниченко Мария Александровна** кандидат психологический наук, доцент, доцент кафедры психологии Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия. e-mail: vinichenko@bsu.edu.ru
- Виноградова Ольга Сергеевна** кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского Университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vinolia@mail.ru
- Войтко Ольга Константиновна** аспирант кафедры общей и дифференциальной психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь. e-mail: Voitko25@mail.ru
- Волкова Татьяна Витальевна** аспирант Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия. e-mail: taty-voronchikhina@yandex.ru
- Володина Ольга Александровна** студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: volodina_olga_55@mail.ru
- Гарданова Жанна Робертовна** врач-психотерапевт ФГУ «Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. Академика В.И. Кулакова», г. Москва, Россия. e-mail: menalex2008@rambler.ru
- Глаголева Мария Александровна** студентка 4 курса ГОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия. e-mail: masha_glagoleva@mail.ru
- Гоглев Сергей Николаевич** Бакалавр психологии; магистрант 2 курса Уральского Государственного Университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург, Россия. e-mail: s.n.g@mail.ru
- Головешкина Наталья Викторовна** кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии; АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: gid250677@mail.ru
- Губин Владимир Алексеевич** заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: mrgoobin@yandex.ru
- Гунашева Мадина Абдурагимовна** старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Дагестанского государственного педагогического университета г. Махачкала, Россия. e-mail: gunasheva@yandex.ru
- Добромильский Виктор Викторович** студент 5 курса Института Психологии Пермского Государственного Педагогического Университета, г. Пермь, Россия. e-mail: victor.psi.fak@mail.ru
- Ефимова Полина Валерьевна** студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: polin-12@mail.ru
- Жемчужникова Анна Владимировна** ассистент кафедры практической психологии ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» г. Вологда, Россия. e-mail: annakapsa@mail.ru
- Захарова Людмила Евгеньевна** аспирант АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия. e-mail: Ludmilazah@mail.ru
- Золотарева Алена Анатольевна.** соискатель факультета психологии Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. г. Москва, Россия. e-mail: zoloalena@yandex.ru
- Золотова Мария Александровна** Студентка 4 курса Института Педагогики и Психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, Россия. e-mail: goldenmary@mail.ru
- Иванов Николай Владимирович** судья Премьер-лиги России, аспирант кафедры психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: refereee_ivanov_n@mail.ru

- Ивашко
Светлана Геннадьевна** магистр психологии, старший преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета физической культуры, г. Минск, Беларусь. e-mail: SvetlanaIv05_@mail.ru
- Кадацких
Ирэна Юрьевна** кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин АНОО ВПО «Воронежский экономико-правовой институт», г. Старый Оскол, Россия. e-mail: irena-kadackih@yandex.ru
- Каменева
Екатерина Геннадьевна** студентка 5 курса факультета клинической психологии Курского государственного медицинского университета, г. Курск, Россия. e-mail: mylovefrance@mail.ru
- Капитанец
Дарья Александровна** студентка 5 курса факультета психологии Челябинского государственного педагогического университета г. Челябинск, Россия. e-mail: daria.89@mail.ru
- Капитоненко Наталья Владимировна** кандидат психологических наук, заведующая учебно-производственной лабораторией Социально-педагогического колледжа Московского городского психолого-педагогического университета, г. Москва, Россия. e-mail: KapitonenkoNatalia@mail.ru
- Каськова
Диана Сергеевна** ассистент кафедры психологии и педагогики Курского государственного медицинского университета, г. Курск, Россия. e-mail: predator-www@rambler.ru
- Киселева
Елена Юрьевна** ассистент кафедры социологии, политологии, психологии и педагогики Омского государственного аграрного университета, г. Омск, Россия. e-mail: lenakis1@mail.ru
- Клопова
Ольга Владимировна** аспирант кафедры общей и прикладной психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: KlopovaOV@mail.ru
- Ковалева
Юлия Викторовна** соискатель кафедры общей психологии Смоленского государственного университета г. Смоленск, Россия. e-mail: st-konfetka@mail.ru
- Копылова
Полина Викторовна** студентка 5 курса Курского Государственного Медицинского Университета, г. Курск, Россия. e-mail: polina_122@mail.ru
- Кормильцева
Мария Владимировна** кандидат психологических наук, старший преподаватель ФГАОУ «Российский государственный профессионально-педагогический университет» г. Екатеринбург, Россия. e-mail: mashaperv@rambler.ru
- Корнилова
Виктория Владимировна** аспирантка Славянского государственного педагогического университета, г. Донецк, Украина.
- Королева
Анна Александровна** ассистент кафедры общей психологии и психологии развития ГОУВПО «Тверской государственный университет» г.Тверь anna_koroleva82@list.ru
- Костин
Дмитрий Владимирович** научный сотрудник Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: cherma2009@yandex.ru
- Кошкарров
Вадим Сергеевич** Соискатель Уральского института Государственной противопожарной службы МЧС России г. Екатеринбург, Россия. e-mail: kochkarov.77@mail.ru
- Крюкова
Елена Александровна** студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»,г. Санкт-Петербург, Россия: e-mail: 8kea8@mail.ru
- Кудрина
Алёна Вячеславовна** аспирант Московского государственного психолого-педагогического университета г. Москва, e-mail: alyonakudrina@gmail.com
- Кудрицкая
Екатерина Анатольевна** магистрант 2 курса факультета психологии Костанайского Государственного Педагогического Института, г .Костанай, Казахстан. e-mail: kudritskiss@gmail.com
- Кудряшова
Галина Николаевна** кандидат психологических наук, доцент кафедры судебной экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД, г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: shizis@inbox.ru.
- Кузнецова
Дарья Анатольевна** аспирантка Вологодского государственного педагогического университета г. Вологда, Россия. e-mail: d_dobrova@mail.ru
- Кузнецова
Наталья Юрьевна** студентка 3 курса ГОУВПО «Тверской государственный университет» . г. Тверь, Россия. e-mail: Natusik_1012@mail.ru
- Куницын
Николай Викторович** кандидат медицинских наук АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: i-kunitsyna@yandex.ru

Куницына Ирина Анатольевна	кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: i-kunitsyna@yandex.ru
Лесик Анастасия Викторовна	аспирант кафедры психологии профессионального развития Института психологии Федерального Государственного Автономного Образовательного Учреждения Высшего Профессионального Образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург, Россия. e-mail: lesichkaav@rambler.ru
Липская Татьяна Алексеевна	старший преподаватель кафедры возрастной и педагогической психологии Оренбургского государственного педагогического университета г. Оренбург, Россия. e-mail: tatyanalipskaya@yandex.ru
Логинова Людмила Валентиновна	начальник следственного отдела УВД по Калининскому району г. Санкт-Петербурга; Россия. e-mail: luskalo@mail.ru
Лосева Галина Сергеевна	студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия
Лукина Виктория Вячеславовна	выпускница 2010 года АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия
Лукьянов Роман Владимирович	аспирант кафедры общей и прикладной психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: lukjanoff@mail.ru
Лутченко Ирина Аркадьевна	магистрант 1 курса Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартковск, Россия. e-mail: ttarkhipova@mail.ru
Любова Виктория Сергеевна	студентка 4 курса Белгородского государственного университета г. Белгород, Россия. e-mail: vik2sia@yahoo.com
Ляпустина Оксана Владимировна	аспирант АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: paninaoks@mail.ru
Мамченко Юлия Геннадьевна	выпускница 2010 года АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия
Марищук Людмила Владимировна	доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Российского государственного социального университета, г. Минск, Беларусь. e-mail: Svetanalv05_@mail.ru
Мартынова Марина Сергеевна	студентка 4 курса ГОУ ВПО «Пензенский Государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского», г. Пенза, Россия. e-mail: martynova_ms@mail.ru
Мацакова Наталья Владимировна	старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского государственного университета им. И. Канта, г. Калининград, Россия. e-mail: nataly_albertina@mail.ru
Меньшикова Александра Алексеевна	аспирант кафедры психотерапии ГОУ ВПО Российский государственный медицинский университет Росздрава, г. Москва, Россия. e-mail: menalex2008@rambler.ru
Михайлова Ксения Владимировна	ассистент кафедры общей и специальной психологии Вятского Государственного Гуманитарного Университета г. Киров, Россия. e-mail: ore1139@yandex.ru
Морозова Таисия Игоревна	студентка 5 курса Института психологии Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь, Россия. e-mail: freeflying2007@mail.ru
Мурафа Светлана Валентиновна	аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, Московская область, г. Орехово-Зуево, Россия. e-mail: murafa.svetlana@gmail.com
Недурева Татьяна Валерьевна	Кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Курского государственного медицинского университета, г. Курск, Россия. e-mail: nedurtv@yandex.ru
Новиков Антон Сергеевич	ассистент кафедры психологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия. e-mail: Anton.Novikov@novsu.ru
Норина Мария Юрьевна	аспирант кафедры психотерапии Российского государственного медицинского университета им. Н. И. Пирогова, г. Москва, Россия. e-mail: NorMa2007@yandex.ru

- Окулова
Екатерина Леонидовна
Орап
Марина Олеговна**
студентка 5 курса Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров, Россия. e-mail: EkaterinaDom@yandex.ru
преподаватель кафедры психологии Тернопольского национального педагогического университета имени Владимира Гнатюка, г.Тернополь Украина. e-mail: orap2003@ukr.net
- Осинина
Татьяна Николаевна**
аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Московского государственного областного гуманитарного института, Московская область, г. Орехово-Зуево, Россия. e-mail: tatyanaosinina@yandex.ru
- Павочка
Елена Анатольевна
Пантина
Арина Андреевна**
студентка 3 курса Белорусского педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь. e-mail: elena-pavochka@mail.ru
аспирант кафедры консультационной психологии Ярославского Государственного Университета им. П.Г.Демидова г. Ярославль, Россия. e-mail: baggarchi@mail.ru
- Петрова
Елена Александровна
Петросяни
Виолетта Рубеновна**
аспирант МПГУ, г. Москва, Россия. e-mail: petrova.e.a@mail.ru
старший преподаватель, аспирант кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: Mvipe80@mail.ru
- Петрук
Сергей Александрович**
Курсант 4-го курса гуманитарного факультета Военно – морского института радиозлектроники имени А.С.Попова (Филиал) Федерального Государственного Военного Образовательного Учреждения Высшего Профессионального Образования Военного Учебно-Научного Центра Военно-Морского Флота «ВОЕННО-МОРСКАЯ АКАДЕМИЯ им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г.Кузнецова», Санкт-Петербург, Россия.
- Погодина
Екатерина Ивановна**
курсант 5 курса факультета подготовки психологов Санкт-Петербургского Университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: katyushka.pogodina@yandex.ru
- Полянская
Екатерина Борисовна
Прокофьева
Виктория Альбертовна**
студентка 5 курса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. e-mail: elena_greece@pochta.ru
кандидат психологических наук, доцент АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: nastenka66@mail.ru
- Реутова
Наталья Владимировна**
аспирант Курского государственного медицинского университета Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию г. Курск, Россия. e-mail: reutova-nv@mail.ru
- Рогалёва
Наталья Леонтьевна
Роговая
Екатерина Емельяновна**
студентка 4 курса Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь, Россия. e-mail: Rogaljovanatascha@yandex.ru
студент 7 курса факультета Управления и Предпринимательства Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет» г. Белгород, Россия. e-mail: ekrogovaya@yandex.ru
- Романко
Оксана Анатольевна**
клинический психолог, судебный эксперт-психолог, кандидат психологических наук, доцент Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г.Нижневартковск, Россия. e-mail: romankooa@yandex.ru
- Романова
Евгения Ильинична**
студентка 5 курса, факультета клинической психологии Курского Государственного Медицинского Университета, г.Курск, Россия.
e-mail: ew.romanowa@yandex.ru
- Рыбель
Алла Михайловна
Сапоровская
Мария Вячеславовна**
выпускница 2010 года АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия
кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры социальной психологии Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова, г. Кострома, Россия. e-mail: saporov35@mail.ru
- Сиверцева
Анна Ивановна**
студентка 5 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: anetka-88@mail.ru
- Сидорова
Александра Александровна**
ассистент кафедры общей и прикладной психологии, АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: alexandrasid@rambler.ru
- Синельников
Сергей Николаевич**
адъюнкт кафедры авиационной и космической медицины Военно-Медицинской Академии им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: anetka-88@mail.ru

- Смирнов
Денис Олегович** кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь, Россия. e-mail: Rogaljovanatascha@yandex.ru
- Смирнова
Анна Руслановна** студентка 4 курса факультета психологии и педагогики Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск, Россия. e-mail: Rus.Anya@inbox.ru
- Соколова
Екатерина Вениаминовна** студентка 5 курса КГУ им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, Россия. e-mail: sansara88@inbox.ru
- Сольнин
Никита Эдуардович** ассистент кафедры педагогической психологии Ярославского Государственного Педагогического Университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия. e-mail: SoNik7-39@yandex.ru
- Старинская
Наталья Владимировна** аспирант Славянского государственного педагогического университета, Украина. e-mail: starinskayan.v@mail.ru
- Старцев
Михаил Юрьевич** студент 4 курса Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартовск, Россия.
- Тарасова
Полина Валентиновна** студентка 5 курса Пермского Государственного Педагогического Университета г.Пермь, Россия. e-mail: polina-t@mail.ru
- Тимирова
Ирина Алексеевна** студентка 5 курса Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь, Россия. e-mail: timirova_irina@mail.ru
- Ткачев
Виктор Валерьевич** клинический психолог СПб ГУЗ «Психоневрологический диспансер №4», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: cherma2009@yandex.ru
- Ткаченко
Надежда Степановна** кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного университета г. Белгород, Россия. e-mail: tk_nadin@rambler.ru
- Трошина
Евгения Александровна.** ассистент кафедры истории и социальных наук Бокситогорского института (филиал) АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: tammilla71@mail.ru
- Тухтиева
Наргиз Хамраевна** младший научный сотрудник НИЦ им. Б.Г. Ананьева; соискатель кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: tukhtieva_n@mail.ru
- Федотова
Светлана Алексеевна** аспирант Ярославского Государственного Университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия. e-mail: Sv.Fedotova@rambler.ru
- Филатов
Александр Анатольевич** заместитель командира учебной роты по воспитательной работе. 148 учебный отряд ВМФ, г. Выборг, Россия. e-mail: Filatov15@mail.ru
- Филлипов
Артем Рудольфович** заместитель начальника управления внутренних дел, начальник следственного управления по Калининскому району г. Санкт-Петербурга, майор милиции, г. Санкт-Петербург, Россия.
- Фомина
Татьяна Геннадьевна** научный сотрудник Учреждения Российской академии образования «Психологический институт г. Москва, Россия. e-mail: tanafoмина@mail.ru
- Харитоновна
Александра Сергеевна** аспирант Института педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования г. Казань, Россия. e-mail: a.s.haritonova@mail.ru
- Хлебосолова
Анастасия Николаевна** студентка 5 курса Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия. e-mail: vikki-shvets@mail.ru
- Хмелевская
Виолетта Николаевна** студентка 4 курса факультета педагогики и психологии Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск, Россия. e-mail: tfrkhipova@mail.ru
- Чернушевич
Яна Петровна** студентка 5 курса Пермского Государственного Педагогического Университета, г. Пермь, Россия. e-mail: Janchik2388@gmail.com
- Чернышева
Алла Витальевна** аспирант Курского государственного медицинского университета, г. Курск, Россия. e-mail: alla4@bk.ru
- Чумичёва
Дарья Сергеевна** студентка 4 курса АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия
- Шадрина
Ирина Борисовна** магистрант 2 курса Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил, Россия.
- Шакирова
Марина Рафаеловна** студентка КГУ им. Некрасова, г. Кострома, Россия. e-mail: shakirova-marina@mail.ru

**Шарафутдинова
Римма Фагимовна**

студентка 4 курса факультета психологии и педагогики Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск, Россия.
e-mail: Temptation6676@List.ru

**Шахшаева
Светлана Микдадовна**

врач-кольпоскопист Дагестанского Республиканского диагностического центра, г. Махачкала, Россия. e-mail: gunasheva@yandex.ru

**Швец
Виктория Александровна**

студентка 5 курса Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия. e-mail: vikki-shvets@mail.ru

**Шебанец
Елена Юрьевна**

ассистент ГОУ ВПО «Адыгейский государственный университет» г. Майкоп, Россия. e-mail: alena15@rambler.ru

**Шешукова
Наталья Николаевна**

кандидат психологических наук, старший преподаватель Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров, Россия.
e-mail: sheshukova07@rambler.ru

**Шибаета
Ксения Сергеевна**

аспирант ГОУ ВПО «Российский Государственный Медицинский Университет Росздрава», ФГУ «Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. В.И. Кулакова» г. Москва, Россия.
e-mail: ks.shibaeva@mail.ru

**Шитова
Нина Владимировна**

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и физической культуры СОФ НИУ БелГУ.
e-mail: ninel-shitova@yandex.ru

**Шнурова
Ольга Дмитриевна**

выпускница 2010 года АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия

**Шутова
Яна Дмитриевна**

студентка 3 курса ВятГГУ г. Киров, Россия. e-mail: shutova_ya@mail.ru

**Юхновец
Татьяна Ивановна**

студентка 5 курса БГПУ им. Максима Танка г. Минск, Беларусь.
e-mail: yukhnavets@mail.ru

**Яхудина
Елена Николаевна**

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: el_pyankova@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

В первом томе сборника материалов V Международной научно-практической конференции «Психология XXI века» (2009г.) была допущена опечатка на странице 208.

Вместо «И.А. Куницина, О.Н. Соколова Профессиональная мотивация учащихся медицинского училища», следует читать «И.А. Куницына, О.Н. Соколова Профессиональная мотивация учащихся медицинского училища».

**НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕ-
НИ А.С. ПУШКИНА
В 2011 ГОДУ**

II Межвузовская студенческая конференция
«ПСИХОЛОГИЯ: МИР ВОЗМОЖНОСТЕЙ»
17 февраля 2011 года

Межвузовская научно-практическая конференция молодых ученых
**«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»**
25-26 ноября 2011 года

Всероссийская научно-практическая конференция:
**«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ»**
12-14 мая 2011 года

VII Международная научно-практическая конференция молодых ученых
«ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА»
8-9 декабря 2011 года

Ознакомиться с более подробной информацией по предстоящим научным мероприятиям можно на сайте факультета психологии: www.psy-lgu.spb.ru

**ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени
А.С. Пушкина**

Организует и проводит следующие курсы повышения квалификации:

**КОНФЛИКТОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ**

Ведущие:

Головешкина Н.В. – кандидат психологических наук, доцент

Чернова Г.Р. – кандидат философских наук, доцент

Головешкин И.Д. – преподаватель кафедры психологии развития и образования

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

Ведущие:

Куницына И.А. – кандидат психологических наук, доцент

Гайворонская И.Б. – кандидат психологических наук

**ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИЕЙ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Ведущий:

Прокофьева В.А. – кандидат психологических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ И ИХ РОДИТЕЛЯМИ

Ведущий:

Бар Н.С. – кандидат психологических наук, доцент

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Ведущий:

Яхудина Е.Н. – кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГИЯ КАРЬЕРЫ

Ведущий:

Бойко Е.А. – кандидат психологических наук

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ И УСПЕШНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Ведущий:

Бойко Е.А. – кандидат психологических наук

С более подробной информацией по курсам можно ознакомиться на электронном приложении к сборнику (CD-диске), на сайте факультета психологии www.psy-lgu.spb.ru, а также по телефону: 8(812)

ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА

сборник материалов VI международной научно-практической
конференции молодых ученых

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10
